Проф. В. Арнольди.

ПО ОСТРОВАМЪ МАЛАЙСКАГО АРХИПЕЛАГА.

221 3/87

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„НАУЧНОЕ СЛОВО".
МОСКВА—1911.

Проф. В. Арнольди.

Д21 3/87.

ПО ОСТРОВАМЪ МАЛАЙСКАГО АРХИПЕЛАГА.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ НАТУРАЛИСТА.

20199.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

МОСКВА.
Издательство „НАУЧНОЕ СЛОВО".
1911.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва.—1911.

ВВЕДЕНІЕ.

Между юго-восточной оконечностью Азіи и материкомъ Австраліи расположена единственная въ своемъ родѣ страна—Малайскій архипелагъ,—страна человѣкоподобныхъ обезьянъ, оранга и гиббона, и райскихъ птицъ, какъ назвалъ ее одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея изслѣдователей—Альфредъ Р. Уоллесъ.

Въ составъ этого архипелага входитъ рядъ Зондскихъ острововъ, огромныхъ осколковъ континента, напоминающихъ по своей природѣ юго-восточную Азію. Съ ними граничатъ Молукскіе острова, или Пряные, упирающіеся въ далекую и таинственную Новую Гвинею, одну изъ наименѣе изслѣдованныхъ областей земного шара. Цѣпь Малыхъ Зондскихъ острововъ и группа острова Тимора связываютъ главные острова съ Австралійскимъ континентомъ.

Покрытые роскошными лѣсами, дающими убѣжище безчисленнымъ звѣрямъ и птицамъ, острова Малайскаго архипелага населены разнообразными племенами людей: то культурными расами съ длинной и славной исторіей, то полудикими или совершенно дикими, вчерашними, а можетъ быть, еще и нынѣшними людоѣдами. Нѣтъ другого мѣста на земномъ шарѣ, которое въ такой степени привлекало бы къ себѣ вниманіе натуралиста и этнографа, какъ эта область Инсулинда, лежащая по обѣ стороны экватора, земли которой омываются водами тропической части Индійскаго и Тихаго океановъ.

Разсматривая карту Малайскаго архипелага, можно замѣтить, какъ тѣсно жмутся другъ около друга различные его острова, примыкая одинъ къ другому, составляя одно цѣлое. Но, несмотря на эту близость, три различныхъ міра встрѣчаются на нихъ. Непроходимыя джунгли Суматры и Борнео оглашаются ревомъ тигровъ и пантеръ, по лѣсамъ бродятъ слоны и носороги, орангъ-утаны и гиббоны строятъ свои жилища на высокихъ вѣтвяхъ лѣсныхъ деревьевъ. На Целебесѣ уже нѣтъ крупныхъ четвероногихъ и человѣкоподобныхъ обезьянъ, а въ лѣсахъ рядомъ лежащихъ Молукскихъ острововъ невинное животное кускусъ замѣняетъ хищниковъ. Большихъ Зонд-

скихъ острововъ и воздухъ оглашается крикомъ безчисленныхъ какаду и другихъ попугаевъ.

Людскія племена, населяющія эти области, также рѣзко отличаются другъ отъ друга. На западѣ, на Зондскихъ островахъ, живетъ малайское племя, полудикое въ центрѣ Борнео и Суматры, но выработавшее самобытную культуру на островѣ Явѣ. На востокѣ, на островахъ Кей, Ару, Новой Гвинеѣ, живутъ папуасскія племена, лишь въ самое послѣднее время пріобщающіяся къ культурѣ, сохранившія мѣстами свои обычаи и привычки въ полной неприкосновенности.

Изъ этихъ бѣглыхъ строкъ, затрогивающихъ лишь немногія характерныя особенности Малайскаго архипелага, ясно, какой интересъ долженъ возбуждать онъ въ натуралистѣ, завѣтной мечтой котораго является желаніе увидѣть этотъ дивный край, познакомиться съ его природой и людьми.

Но, забывъ всѣ другія красоты тропическаго міра, естествоиспытатель, попавшій на Малайскій архипелагъ, спѣшитъ скорѣе въ маленькій городокъ Бейтензоргъ на островѣ Явѣ, расположенный въ 50 километрахъ отъ Батавіи, главнаго города Нидерландской Индіи. Тамъ, въ Бейтензоргѣ, въ Ботаническомъ саду, единственномъ въ мірѣ по богатству своихъ коллекцій, въ уютной лабораторіи, среди музеевъ и библіотекъ, среди идеальной научной обстановки, онъ перестаетъ быть простымъ созерцателемъ-туристомъ или въ лучшемъ случаѣ собирателемъ коллекцій, а становится изслѣдователемъ тропической природы, вооруженнымъ всѣми методами научной работы. Работа въ саду и его лабораторіяхъ завершается путешествіемъ по Инсулинду, послѣ котораго, возвратившись на родину, въ свою обыденную обстановку, натуралистъ съ трудомъ свыкается съ мыслью, что онъ все лично самъ видѣлъ и пережилъ: какъ будто грезился ему какой-то грандіозный, чудный сонъ, отъ впечатлѣній котораго онъ не можетъ отдѣлаться долгое время. Ему хочется познакомить и другихъ со своими впечатлѣніями и наблюденіями, и это желаніе заставляетъ его опубликовывать свои очерки.

Пусть читатель не смотритъ на нихъ, какъ на ученое сочиненіе, откуда онъ можетъ получить подробное знакомство съ природой Малайскаго архипелага,—они далеки отъ этого: они передаютъ личныя впечатлѣнія, которыя иногда преломляются черезъ призму научныхъ данныхъ, въ освѣщеніи которыхъ становятся интересными и понятными наблюденія, сдѣланныя авторомъ этихъ очерковъ.

Но есть еще одно условіе, которое побуждаетъ автора выпустить въ свѣтъ свои воспоминанія. Успѣхи цивилизаціи быстро двигаются впередъ по всѣмъ уголкамъ Инсулинда. Вчерашніе людоѣды и ди-

кари черезъ какія-нибудь 10 лѣтъ уже переходятъ въ полукультурное состояніе, а за 25 лѣтъ физіономія страны и бытъ ея обитателей, которыхъ коснулась культура, настолько измѣняются, что лишь изъ описаній путешественниковъ да въ обрядахъ и обычаяхъ можно представить себѣ то первобытное состояніе, въ которомъ находились дикія страны. И скоро лишь дикія дебри Новой Гвинеи будутъ давать возможность этнографу изучать первобытный образъ жизни людей, все же остальное населеніе Малайскаго архипелага уже теряетъ свою самобытность, прилаживаясь къ европейско-китайской культурѣ.

Глава I.

Отъ Харькова до Бейтензорга.

Въ концѣ ноября 1908 г. выѣхала изъ Харькова группа путешественниковъ, состоявшая изъ двухъ натуралистовъ и одного любителя, чтобы направиться на островъ Яву, въ лабораторіи Бейтензоргскаго сада, а оттуда, объѣхавъ Азію, черезъ Японію и Сибирь вернуться въ Россію.

Быстро промелькнули передъ путешественниками покрытыя снѣгомъ равнины южной и западной Россіи и однообразныя картины сѣверной Пруссіи.

Намучившись бѣготней по магазинамъ Берлина, гдѣ необходимо было сдѣлать всѣ нужныя для путешествія покупки, мы черезъ Мюнхенъ направились въ Геную, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ Сѣверо-Германскаго Ллойда.

Подъ звуки трескучаго нѣмецкаго марша отчалилъ отъ генуэзской пристани «Lützow», на которомъ намъ предстояло совершить большой переходъ черезъ Индійскій океанъ до Сингапура. Наканунѣ былъ сильный вѣтеръ, чуть не буря, и пассажиры парохода не ожидали отъ перваго дня путешествія до Неаполя ничего хорошаго. Однако за ночь вѣтеръ успокоился, пошелъ мелкій дождь, и тревожныя предзнаменованія оказались, къ счастью, неисполнившимися.

Несмотря на сѣрую погоду, видъ на Геную былъ очень интересенъ. Расположенный амфитеатромъ, городъ до сихъ поръ сохраняетъ свое прежнее величіе, и старые дворцы его не вполнѣ еще погребены подъ современными наносами изъ многоэтажныхъ домовъ идеальнаго американскаго типа—«небесныхъ щетокъ». И невольно, глядя на Геную, на старыя зданія, возвышающіяся надъ ней, вспоминаешь то время, когда она владычествовала надъ морями, когда ея рейдъ былъ покрытъ не современными чудовищами, закрывающими своею копотью синеву неба, а легкими, стройными кораблями. Мнѣ пришлось переѣхать въ Геную изъ Берлина. Это еще болѣе рѣзко подчеркнуло разницу между тѣмъ давнимъ прошлымъ и современнымъ міромъ. Тщетно ищетъ въ Берлинѣ глазъ путешествен-

ника, на чемъ онъ могъ бы остановиться съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ. Всюду—современная сверхъ-культура, которая не имѣетъ ни возраста, ни физіономіи,—одно изобрѣтеніе смѣняетъ другое, удобство и деньги управляютъ стплемъ, а художественное чувство въ лучшемъ случаѣ лишь старается вернуться къ тому давнему прошлому, которое глядитъ на насъ на улицахъ старыхъ итальянскихъ городовъ.

Чѣмъ дальше пароходъ отходилъ отъ берега, тѣмъ шире становился просторъ, и скоро зданія и виллы, городишки и мѣстечки слились въ одну общую зеленую ленту, гдѣ, какъ капли росы, мелькали постройки или бѣлыя церкви ближайшихъ мѣстечекъ. Съ сѣвера открылись покрытыя вѣчными снѣгами Савойскіе Альпы, на востокъ потянулась цѣпь Апеннинскихъ горъ, съ бѣлыми отъ недавно выпавшаго снѣга вершинами. Сквозь розоватыя облака начало просвѣчивать солнце, освѣщая дальній берегъ и медленно волнующееся, еще сѣро-свинцовое море... Но рожокъ стюарта возвѣщаетъ о дѣлѣ первѣйшей важности на пароходѣ—о наступленіи второго завтрака, или ленча, и все общество стремится внизъ, чтобы тамъ принять участіе въ поглощеніи безконечнаго числа блюдъ, составляющихъ одно изъ отличій и приманокъ для туристовъ на океанскихъ пароходахъ.

На «Лютцовѣ» ѣдетъ разнообразное общество. По большей части это туристы, нѣмцы, американцы и англичане, ѣдущіе провести зиму на Цейлонѣ или въ Индіи, съ краснымъ Бедекеромъ, призматическимъ биноклемъ и другими знаками отличія современнаго туриста. Есть также и нѣсколько семейныхъ лицъ, направляющихся, очевидно, къ мѣсту службы съ дѣтьми и туземными китайскими нянъками.

Присматриваясь къ составу остальной пароходной публики, можно найти цѣлый рядъ разныхъ типовъ. Безстрастныя желтоватыя лица китайцевъ, съ длинными косами и наполовину обритой головой, составляютъ контрастъ съ черными неграми или маврами, бѣлые воротнички и бѣлки глазъ которыхъ, а также ослѣпительно бѣлые зубы придаютъ имъ видъ постоянно смѣющійся.

Есть и кое-кто въ тюрбанахъ и широкихъ плащахъ, но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ разнообразіемъ народностей, которое ожидало насъ впереди—за Портъ-Саидомъ и Суэцомъ.

Утро второго дня было ясно. Вдали въ туманѣ вырисовывались неясныя очертанія итальянскаго берега, а ближе все опредѣленнѣе выступали контуры и профили лежащихъ близъ Неаполя острововъ Прочиды и Искіи. Пароходъ круто завернулъ на востокъ и сталъ входить въ Неаполитанскій заливъ. Постепенно во всю ширь открывался передъ нами чудный видъ на Неаполь; на западѣ лежалъ

островъ Искія, къ югу поднимались горы острова Капри, а прямо передъ нами амфитеатромъ поднимался Неаполь со своими зданіями и садами и своимъ вѣчнымъ стражемъ Везувіемъ, вершина котораго была закутана густыми облаками. Медленно подходитъ пароходъ къ пристани, и тутъ же съ мѣста разыгрываются сцены, знакомыя всякому, кто бывалъ въ Италіи. На туриста, какъ на раненую дичь, которая не можетъ никуда скрыться, набрасываются всевозможные гиды, предлагая и то, что есть, и то, чего нѣтъ, и осаждаютъ туриста до тѣхъ поръ, пока онъ не спасется на поджидающій его экипажъ или своимъ хладнокровіемъ не разочаруетъ пылкаго итальянца.

Пароходъ стоитъ въ Неаполѣ недолго, и не знаешь, куда пойти, что посмотрѣть.

Едва ли найдется для путешественника другое мѣсто Европы, болѣе интересное, чѣмъ Неаполь. Везувій съ его кратеромъ, потоками лавы, вся область проявленій вулканической дѣятельности производитъ на натуралиста неизгладимое впечатлѣніе, завлекая его своимъ величіемъ и побуждая стучаться въ тайники природы, чтобы разгадать, что въ нихъ скрыто. Мысль каждаго невольно переносится къ тому далекому прошлому, когда вершина Везувія имѣла совершенно иную форму, когда еще «monte Vesuvio» и «monte Somma» не отдѣлялись другъ отъ друга, а у подножія его процвѣтали города счастливой Кампаніи—Геркуланумъ, Помпея и другіе. Теперь эти города снова ожили; раскопки открываютъ жизнь римлянъ за 20 вѣковъ до нашего времени, ихъ бытъ, ихъ обстановку, и все это такъ неудержимо влечетъ къ себѣ, что каждый невольно превращается тамъ въ мимолетнаго историка.

Въ самомъ Неаполѣ туриста привлекаютъ два чуда города: одно—музей съ его великолѣпными собраніями древностей, добытыхъ частью изъ Помпеи и Геркуланума, частью же собранныхъ изъ другихъ мѣстностей Италіи; другое чудо—Неаполитанскій акваріумъ или Stazione zoologica, идеальное научное учрежденіе, ставшее интернаціональнымъ и воздвигнутое трудами и энергіей недавно скончавшагося д-ра Дорна.

Не мало натуралистовъ пережили въ этомъ учрежденіи лучшіе часы своей жизни, когда, освободившись отъ всякихъ повседневныхъ заботъ, они могли всѣмъ своимъ существомъ отдаваться научнымъ изысканіямъ въ обстановкѣ, въ высшей степени къ тому подходящей...

Но и для туриста этотъ акваріумъ является источникомъ огромнаго наслажденія. Въ нижнемъ этажѣ въ большихъ акваріумахъ, освѣщаемыхъ сверху, куда постоянно притекаетъ подъ напоромъ

свѣжая морская вода, собраны чудеса моря: кораллы, актиніи, разнообразнѣйшія рыбы, раки, среди которыхъ огромные омары обращаютъ на себя вниманіе своими клешнями, скаты, осьминоги и, наконецъ, полупрозрачныя сифонофоры, замѣтныя по чудному переливу всѣми цвѣтами, пробѣгающему по ихъ стекловидному тѣлу. И все это подводное царство живетъ, движется въ условіяхъ его домашней обстановки, давая понять и незнакомымъ съ естествознаніемъ людямъ, какое богатство формъ, красокъ, какое разнообразіе заключаютъ въ себѣ морскія воды.

Съ чувствомъ извѣстнаго удовлетворенія вспоминаешь и наши біологическія станціи Севастопольскую и далекую Мурманскую, если и не такія богатыя, какъ Неаполитанская, то все же крайне интересныя и поучительныя.

Воспользовавшись короткимъ временемъ, чтобы посѣтить аквaріумъ и музей, и побродивъ по городу, мы вернулись на пароходъ, около котораго скоро раздались звуки серенады, продолжавшейся до глубокой ночи. Подъ ея звуки пароходъ отчалилъ отъ берега, чтобы взять курсъ въ Тирренское море.

Погода измѣнилась на слѣдующее утро: подулъ холодный вѣтеръ, стало облачно, а пароходъ тѣмъ временемъ приближался къ вулканическимъ островамъ Стромболи, Вулькано и другимъ изъ группы Липарскихъ или Эолійскихъ, которые всѣ вулканическаго происхожденія. Какъ сахарная голова, поднимается Стромболи изъ моря, а при его подножіи располагается городокъ того же имени съ бѣлыми домами и церковью, съ виноградниками и полями, карабкающимися по склону вулкана. Долго ли ему придется существовать или мы будемъ свидѣтелями такой же катастрофы, которая уничтожила Помпею и другіе города?

Но вотъ уже показались очертанія Сициліи, Тринакріи древнихъ, пароходъ вступаетъ въ узкій, въ видѣ рѣки, Мессинскій проливъ. На итальянскомъ берегу видно мѣстечко Скилла. Здѣсь когда-то божественный многострадальный Одиссей, потерявъ часть своихъ спутниковъ, пожранныхъ жадной Скиллой, лишился корабля, а самъ былъ отнесенъ къ другому чудовищу—Харибдѣ, откуда спасся лишь благодаря особому заступничеству Аѳины-Паллады. Но, кажется, нашему «Лютцову» не грозятъ опасности Одиссея: времена измѣнились забылся и многострадальный Одиссей; быть можетъ, кромѣ меня, кто-нибудь и вспомнилъ о немъ, но по разговорамъ за завтракомъ, когда мы проходили по Мессинскому проливу, было замѣтно, что интересы присутствующихъ были болѣе въ сферѣ кулинарнаго искусства. Вдали появляются зданія и сады Мессины. Видны церкви и пристань, вдаль уходитъ тонкая полоса желѣзнодорожнаго пути,

замѣтная по паровозному дыму, на пристани кипитъ дѣятельная жизнь.

Рядомъ съ Мессиной тѣснятся мелкія мѣстечки и селенія, а на итальянской сторонѣ—богатый Реджіо, привѣтливо встрѣчающій мимо проходящій пароходъ бѣлизной своихъ домиковъ и зеленью садовъ.

Мирная картина не предвѣщала ничего грознаго: ничто не предсказывало, что недѣлю спустя другой очередной пароходъ Сѣверо-Германскаго Ллойда не сможетъ пройти черезъ Мессинскій проливъ, что Мессина и Реджіо вмѣстѣ со своими окрестными деревеньками превратятся въ груду развалинъ отъ ужаснаго землетрясенія, память о которомъ такъ свѣжа еще у всѣхъ.

Проливъ расширяется, мы выходимъ въ открытое Іонійское море, не видно уже береговъ. Слѣдующая остановка насъ ожидаетъ въ странѣ пирамидъ, въ Египтѣ.

Вотъ уже двое сутокъ не видно ничего, кромѣ моря и неба. Мы проѣхали Іонійское море и спускаемся на юго-востокъ къ Портъ-Саиду.

Вчера былъ непріятный день. Дулъ сильный вѣтеръ, большія волны, какъ горы, поднимались съ моря; на ихъ гребняхъ выступали меньшія волны, и вся масса росла, чтобы съ шумомъ разсыпаться, оставивъ послѣ себя лишь клоки морской пѣны. Какое большое сходство имѣютъ волны съ горными хребтами! Такъ и хочется думать, что начало хребтамъ дали такія же волны колышущейся земной поверхности—литосферы.

Многіе изъ пассажировъ отсутствовали за вечернимъ столомъ.

Воспользуюсь тѣмъ, что видно только море и небо, и скажу нѣсколько словъ о порядкѣ дня на пароходѣ.

Ровно въ половинѣ восьмого раздаются звуки валторны, наигрывающей какую-то мелодію, всегда одну и ту же и мало гармоничную. Это означаетъ, что пора вставать. Черезъ полчаса снова звукъ трубы, по которому отворяются двери въ столовую, и пассажира ожидаетъ услужливый стюартъ, предлагающій ему цѣлый списокъ разныхъ блюдъ, напечатанный на изящной карточкѣ.

Получивъ желаемое, напившись кофе или чаю и закусивъ все это плодами, вы отправляетесь на декъ и видите тамъ уже распростертыя на длинныхъ креслахъ тѣла скучающей публики, закрывающей свои лица разными романами и попросту дремлющей подъ равномѣрные всплески волнъ.

До сегодня однако ничто не напоминало юга, и дамы очень охотно кутались въ свои мѣховыя шубы, да и мы не безъ удовольствія надѣвали драповыя пальто.

Въ 11 часовъ, безъ всякой трубы, стюарты обносятъ публику

чашками бульона и бутербродами, а въ $12^1/_2$ час. снова предупрежденіе, и въ 1 ч. дня завтракъ по звуку трубы. Этотъ ленчъ заключаетъ въ себѣ уже цѣлую симфонію кушаній и, кажется, способенъ удовлетворить самый изысканный вкусъ. Послѣ него идутъ въ курительную комнату, затѣмъ слѣдуетъ то же лежанье, что и утромъ, до 4-хъ часовъ дня, когда подаютъ чай съ печеньемъ. Наконецъ, въ $6^1/_2$ часовъ опять труба, и въ 7 часовъ подъ звуки смѣлой, но плохой музыки пассажиры поглощаютъ обѣдъ изъ 7—8 блюдъ.

Послѣ обѣда, къ которому дамы приходятъ въ свѣтлыхъ или бѣлыхъ платьяхъ, а кавалеры въ смокингахъ, общество идетъ въ курительную комнату, чтобы тамъ перекинуться съ полчаса разговорами и разойтись по каютамъ.

Удобное, комфортабельное, но мало интересное времяпровожденіе.

Впрочемъ, говорятъ, что отъ скуки только поправляются, ну, а здѣсь, кромѣ скуки, есть и воздухъ, и море, и питаніе.

Море привлекаетъ все вниманіе. Кажется, нельзя устать наблюдать его немолчный шумъ, его волны, то сердитыя и огромныя, то нѣжныя и мелкія, какъ бы ласкающія пароходъ. Небо покрыто тучами, море свинцовое, черное, зловѣщее; проясняется небо, свѣтитъ солнце, и чудной синевой, лазурью окрашены морскія волны.

Сегодня вѣтеръ утихъ, наступила великолѣпная южная ночь, и на пароходѣ устроился балъ. Убрали палубу флагами и лампочками, заигралъ оркестръ музыки, и пары закружились въ вальсѣ. Надъ этими фонарями природа зажгла свои факелы, которые ярко засверкали на темномъ небосклонѣ.

Видъ звѣзднаго неба измѣнился: «Малая Медвѣдица» склонилась къ половинѣ горизонта, «Большая» купается въ волнахъ океана, «Оріонъ» и «Большой Песъ» съ «Сиріусомъ» высоко взлетѣли на небо, а подъ ними выплываютъ новыя, незнакомыя созвѣздія южнаго неба.

Скоро будутъ видны «Корабль Арго» и «Южный Крестъ».

Вполнѣ понимаешь, переживая вчерашній и сегодняшній день, почему греки называли однимъ словомъ—хеймонъ—бурю и зиму. Дѣйствительно вчера была буря, была и зима. Въ каютахъ мы охотно кутались въ теплыя одѣяла и тщательно закрывали окна, а сегодня окна открыты, электрическій вентиляторъ энергично работаетъ, а воздуха не хватаетъ и жарко. А вѣдь всего только перемѣнился вѣтеръ!

Скоро будемъ праздновать Рождество. И теперь уже мысль часто стремится назадъ, домой, а при видѣ разукрашенной елки думы еще энергичнѣе потянутся къ нашимъ снѣгамъ и морозамъ.

22-го декабря на разсвѣтѣ появились туманныя очертанія африканскаго берега и, какъ предвѣстники уже близкой земли, стали видны всюду корабли, плывшіе въ разныя стороны, распустивъ свои паруса, точно большія бѣлыя птицы.

Быстро свѣтаетъ въ тѣхъ широтахъ, скоро берегъ сталъ совсѣмъ ясенъ, и въ бинокль уже можно было отличить группы домовъ.

Портъ-Саидъ—городъ, выросшій у входа въ Суэцкій каналъ.

Огромныя землечерпательныя машины первыя встрѣчаютъ гостей у входа въ каналъ, и вскорѣ пароходъ идетъ уже невидимымъ русломъ канала, защищеннымъ длиннѣйшимъ моломъ отъ занесенія его нильскимъ иломъ.

Величественная статуя строителя канала Фердинанда Лессепса указываетъ пароходамъ, приходящимъ со всѣхъ частей свѣта, на тотъ путь, который еще со временъ древнихъ фараоновъ самъ собой намѣчался для международныхъ сношеній.

Портъ-Саидъ производитъ въ высшей степени непріятное впечатлѣніе. Видишь совершенно современный городъ, состоящій изъ многоэтажныхъ гостиницъ, кафе, массы магазиновъ; на всѣхъ улицахъ кишитъ жадная толпа арабовъ, говорящихъ на всѣхъ языкахъ и безошибочно, по первому взгляду, опредѣляющихъ національность путешественника.

То же, что въ Неаполѣ, только все это еще сильнѣе и рѣзче выражено.

Когда попадаешь въ Портъ-Саидъ, то впервые ясно ощущаешь, что находишься въ путешествіи и притомъ далекомъ; несмотря на европейскій типъ построекъ, характерна толпа лодочниковъ, извозчиковъ и другихъ лицъ, одѣтыхъ въ самыя разнообразныя одежды. Оливково-бронзовые египтяне, арабы съ семитическими профилями, черныя физіономіи негровъ съ толстыми губами и курчавыми головами, европейцы со всѣхъ странъ свѣта—все слилось здѣсь, на этомъ маленькомъ клочкѣ земли, выросшемъ по мановенію волшебнаго жезла изъ пустыни.

Не успѣлъ пароходъ остановиться, какъ уже былъ атакованъ разноплеменной толпой: торговцы предлагаютъ страусовыя перья, египетскія шали, фокусники показываютъ необычайно ловкіе фокусы. Подъѣхавшая на лодкѣ семья итальянцевъ поетъ серенаду за серенадой, а какіе-то темно-бронзовые молодцы уже ныряютъ въ водѣ, требуя, чтобы имъ бросили монету въ воду. И на первомъ планѣ всюду раздается: «бакшишъ, бакшишъ». Пріѣзжаютъ элегантныя шлюпки съ гребцами, одѣтыми въ красныя фуфайки, съ интернаціональнымъ кормчимъ, на фуражкѣ котораго красуется краснорѣчивая надпись «The Cook-Co».

Это агентъ фирмы Кука, который можетъ васъ обвезти вокругъ свѣта, никогда ни на іоту не отступивъ отъ англійскаго режима.

Вообще англичане задаютъ всюду тонъ. Мы ѣдемъ на нѣмецкомъ пароходѣ, который по единодушнымъ отзывамъ превосходитъ англійскіе какъ своими удобствами, такъ и сравнительной дешевизной. Но гордые нѣмцы, которые не боятся никого, кромѣ Бога, какъ говорилъ Бисмаркъ, очень легко энглизируются.

Вся прислуга говоритъ по-англійски за столомъ, на палубѣ англійская рѣчь, меню издается на англійскомъ языкѣ, наконецъ, въ воскресенье достопочтенный м-ръ Робинзонъ служитъ на англійскомъ языкѣ и говоритъ англійскую проповѣдь!

Такимъ образомъ шиллинги и доллары являются полными хозяевами на нѣмецкомъ кораблѣ, который изъ-за нихъ забываетъ даже свое достоинство и національность!

Нагрузили уголь. Это сопровождается необычайнымъ шумомъ и крикомъ; десятки полуголыхъ, черныхъ отъ природы и отъ угольной пыли существъ съ небольшими корзинками бѣгаютъ съ баржи на пароходъ и обратно, одинаково работая руками и своимъ горломъ. Наконецъ, мы отплываемъ; нашъ оркестръ опять трубитъ на своихъ мѣдныхъ трубахъ и выстукиваетъ на толстомъ барабанѣ какой-то необычайно рѣзкій маршъ; внизу итальянцы стараются заглушить его звуками серенады, а фокусники уже на лодкѣ продолжаютъ выкидывать свои фокусы. Мы ѣдемъ Суэцкимъ каналомъ. Хотя мы и въ Африкѣ, но о жарѣ не можетъ быть и рѣчи. Рѣзкій вѣтеръ, 10° С.—вотъ что показываетъ термометръ; мы кутаемся снова въ пальто, а кто имѣетъ—надѣваетъ и свои шубы.

Тихо движется пароходъ мимо дворца компаніи канала, мимо цѣлаго лѣса мачтъ и судовъ и медленно начинаетъ свое путешествіе по каналу. Несмотря на холодъ, не хочется итти внизъ, стремишься какъ можно лучше запечатлѣть въ памяти эти картины, гдѣ всходила заря исторической жизни человѣка, гдѣ природа показываетъ одну изъ наиболѣе величественныхъ и мрачныхъ своихъ картинъ—пустыню. На западѣ лежитъ высыхающее озеро Мериме или Менсале, на востокѣ—песчаная пустыня.

Каналъ въ 160 километровъ длиною открытъ къ настоящему движенію въ ноябрѣ 1869 года. Но онъ имѣетъ свою очень древнюю исторію. Меньше чѣмъ на полпути между Портъ-Саидомъ и Суэцомъ лежитъ городъ Измаилія на берегу Типсахъ или Крокодилова озера. Отсюда идетъ каналъ прѣсной воды къ Нилу, а отъ Крокодилова озера каналъ продолжается далѣе и черезъ Большое Горькое озеро доходитъ до Суэца.

Вотъ эта часть канала и можетъ разсказать многое изъ исторіи своего существованія.

Египетскіе фараоны прорыли уже каналъ отъ рукава Нила, отъ Бубафиса до Крокодилова озера и оттуда по современному пути до Краснаго моря. Уже при Рамзесѣ II, за 14 вѣковъ до Р. Хр. упоминается объ этомъ каналѣ; но время и аравійскіе пески засыпали его ложе. Много было попытокъ прорыть его, но это удалось только персидскому царю Дарію, памятники котораго разсѣяны по каналу.

Затѣмъ каналъ былъ снова запущенъ, и, несмотря на планы венеціанцевъ и попытки другихъ возстановить это сооруженіе, оно оставалось закрытымъ, пока инженерный талантъ Лессепса не открылъ его для всѣхъ племенъ и народовъ. Горькія озера, черезъ которыя проходитъ каналъ, упоминаются въ Библіи, когда евреи пришли къ озеру Мара и не могли пить его воду.

Чѣмъ дальше идетъ пароходъ, тѣмъ величественнѣе картины раскрываются передъ наблюдателемъ, изучающимъ видъ съ верхней палубы парохода. Песчаная пустыня съ кустиками жалкой растительности, разбросанными на большомъ разстояніи одинъ отъ другого, бугристая, переходящая на горизонтѣ въ высокіе холмы, тянется на востокѣ. Мѣстами лишь виднѣются озера, ровныя, какъ блюдца, въ которыхъ важно плаваютъ розовые пеликаны; а на западѣ та же пустыня, аравійская египетская пустыня, съ такими же холмами, закрывающими горизонтъ.

Но эта пустыня оживлена; вдоль канала проложена желѣзная дорога, устроена пристань. Встрѣчаются колодцы съ прѣсной водой, всюду видны оазисы. Рядъ невысокихъ, но характерныхъ финиковыхъ пальмъ, домикъ съ плоской крышей и какіе-то ярко-зеленые всходы—такова картина оазиса въ это время года. Особенно красивы отдаленные оазисы, стройной линіей тянущіеся мѣстами по берегамъ Горькаго озера. По его глади медленно плывутъ барки, характерныя нильскія барки, не измѣнившія своего типа со временъ фараоновъ. Ихъ отличительной чертой является длинный и узкій парусъ, совсѣмъ какъ крыло птицы. Мачта особенно высока, изъ-за паруса почти не видно самой лодки.

Густой туманъ спустился надъ нами, и мы должны были стоять всю ночь, несмотря на свѣтъ электрическаго прожектора, поставленнаго на носу, и ревъ сирены. Утромъ, выѣхавъ въ Большое Горькое озеро, мы заблудились и снова попали туда, откуда начали путь по озеру. Только къ 10 час. утра туманъ разсѣялся, стало теплѣть, и мы могли продожать путь. Прибыли въ Суэцъ въ 7 час. вечера, употребивъ на проходъ по каналу 27 час. Теперь мы уже въ Красномъ морѣ. Погода чудная, ослѣпительно яркое солнце, ласкающій

вѣтеръ,—всего 22° С. Мы находимся въ самой жаркой части земного шара, но жары нѣтъ. Завтра Рождество.

Въ рождественскій сочельникъ нашъ пароходъ вступилъ въ воды Краснаго моря при обстоятельствахъ, какъ говорили, совершенно исключительныхъ. Былъ сильнѣйшій туманъ, котораго обыкновенно не бываетъ въ этой мѣстности, и температура не поднималась выше 16° С., что опять-таки довольно необычно для Краснаго моря.

Но вскорѣ туманъ разсѣялся, и декабрьское солнце, высоко взобравшись на небо, стало посылать на насъ цѣлые потоки горячихъ, сверкающихъ лучей. Море было спокойно и не мѣшало готовиться къ предстоящему празднику. Стюарты приготовляли елки, привезенныя, конечно, откуда-нибудь изъ сѣверной Германіи, а англо-американское общество немедленно организовало гимнастическій праздникъ, принять участіе въ которомъ были приглашены всѣ каютные пассажиры. Немедленно появились отпечатанныя на пароходной печатающей машинѣ программы праздника.

Былъ назначенъ взносъ въ 1 шиллингъ для одной и въ 5 шиллинговъ для всѣхъ игръ, на эти деньги были устроены преміи; самыя игры, надо отдать въ этомъ англичанамъ полную справедливость, составлены были мастерски. Онѣ требовали не только упражненія мускуловъ тѣла, но и упражненія воли. Тотъ выигрываетъ, кто умѣетъ владѣть собой, умѣетъ во́-время остановиться, разсчитать вѣрно свой ударъ.

Особенный смѣхъ возбудилъ бѣгъ за яблокомъ. На столѣ было поставлено два таза съ водой, въ которыхъ плавало по яблоку. Нужно было съ опредѣленнаго мѣста разбѣжаться, ухватить зубами мокрое, выскальзывающее яблоко и съ нимъ въ зубахъ вернуться на прежнее мѣсто.

Другая игра — бѣгъ съ картофелемъ—заключалась въ томъ, что на палубѣ на равномъ разстояніи другъ отъ друга устанавливались картофелины и на извѣстномъ разстояніи отъ нихъ двѣ корзины. Нужно было добѣжать до картофелинъ, поднять ихъ, добѣжать до корзины и бросить туда картофелину. Если картофелина не попадала въ корзину, то по окончаніи состязанія ее необходимо было поднять и бросить въ корзину. Кто скорѣе справлялся съ этимъ дѣломъ, тотъ и былъ побѣдителемъ... Тутъ, какъ и при бѣгѣ за яблокомъ, необходимо было сохранять хладнокровіе, иначе яблоко выскальзывало изъ губъ, а картофелины перелетали черезъ корзину. Рядъ другихъ игръ былъ составленъ въ томъ же духѣ, при чемъ возбуждалась дѣятельность разнообразныхъ мышцъ тѣла. Игры затянулись и продолжались 25 и даже 26 декабря.

Между тѣмъ наступило время обѣда. Въ столовой засвѣтили елку,

къ обычнымъ девяти блюдамъ прибавили еще два, въ томъ числѣ плюмъ-пуддингъ для англичанъ, и, глядя на милое деревцо съ красными яблоками, бусами и горящими свѣчками, мы сидѣли за столомъ нѣсколько больше обыкновеннаго, а вечеромъ нѣмецкое и англійское общество собралось вмѣстѣ въ столовую, чтобы пропѣть нѣсколько хоровыхъ пѣсенъ.

На первый день Рождества продолжались игры, которыя закончились только утромъ на второй, а вечеромъ были устроены живыя картины, вмѣстѣ съ концертомъ любителей.

Картины сошли очень недурно. Онѣ, подобно играмъ, были опять устроены англичанами, и нужно было удивляться, что, назначенныя въ 9 ч. вечера, онѣ начались какъ разъ въ это время, хотя въ $6^1/_2$ ч. вечера, когда мы шли переодѣваться къ обѣду, палуба сохраняла свой обычный видъ.

Да, можно позавидовать дисциплинѣ и координаціи во всѣхъ дѣйствіяхъ у этихъ господъ всего свѣта. Они легко превратили нѣмецкій пароходъ въ англійскій и даже не захотѣли напечатать программу картинъ на двухъ языкахъ!

Эти дни стало однако душно; термометръ показывалъ въ тѣни, правда, немного, всего 27° С., но насыщенный водными парами воздухъ, жгучіе лучи солнца, блескъ моря—все это дѣйствуетъ утомляющимъ образомъ на нервы и побуждаетъ ихъ къ болѣе или менѣе продолжительному покою.

Въ седьмомъ часу уже темно, а въ 7—8 полный мракъ. Яркія звѣзды, часто совсѣмъ неизвѣстныя, свѣтятъ на совершенно темномъ небѣ, а море въ свою очередь не отстаетъ отъ неба,—оно само свѣтится. Въ каждой его каплѣ вспыхиваютъ и потухаютъ нѣжныя серебристыя звѣздочки, то поодиночкѣ, то группами и большими пятнами. Этотъ фосфорическій свѣтъ происходитъ отъ свѣченія многихъ простѣйшихъ животныхъ и растеній, населяющихъ морскія волны. Они особенно многочисленны около самаго парохода, и волна, разсѣкаемая имъ, вся искрится безчисленными огоньками. Эти огоньки больше всего похожи на свѣтъ нашего свѣтляка, или Иванова червячка, а еще больше на тѣхъ свѣтляковъ, которые свѣтятся во время полета, то зажигая, то гася свой фонарь.

27-го декабря мы прошли въ виду Перима черезъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ и близимся къ Адену. Еще день—и мы уже въ океанѣ.

Пароходъ останавливается далеко отъ Адена въ открытомъ рейдѣ въ виду островка, занятаго британскими укрѣпленіями. Со всѣхъ концовъ пароходъ окружаютъ лодки съ различными существами, которыя отличаются другъ отъ друга какъ по цвѣту кожи, такъ и по количеству одежды. Почти черные сомалійцы съ курчавыми голо-

вами, прикрытые чѣмъ-то въ родѣ юбки, кричатъ раздирающими душу голосами и берутъ пароходъ на абордажъ. Тщетно мечется на трапѣ субъектъ въ бѣлой курткѣ, бѣлыхъ штанахъ и въ фескѣ съ поясомъ, на которомъ краснорѣчивая надпись «police». Въ его рукахъ небольшая бамбуковая палочка, которую онъ то и дѣло пускаетъ въ ходъ, но не можетъ сдержать нитиска черныхъ варваровъ, которые въ концѣ-концовъ заполняютъ пароходъ и бѣгаютъ по нему, предлагая свои товары: рога антилопъ, пилу-рыбу, страусовыя перья и т. д. Рѣшительно, несмотря на протесты полиціи, пробиваются типичные южные евреи въ бѣлыхъ балахонахъ и открываютъ настоящую торговлю на палубѣ. Вокругъ же парохода идетъ горячее морское сраженіе. Волны подкидываютъ лодки пріѣзжихъ сомалійцевъ и арабовъ; они хватаются баграми за трапъ, пароходная прислуга и полиція откидываютъ всѣхъ; одна лодка ударяетъ въ другую, летятъ щепки отъ бортовъ, и все это сопровождается оглушительнымъ крикомъ.

Прождавъ около получаса на трапѣ и давъ нѣсколько успокоиться толпѣ лодочниковъ, мы наняли за три шиллинга лодку, чтобы объѣхать пароходъ и половить различныхъ микроорганизмовъ, наполняющихъ морскія волны и обусловливающихъ свѣченіе моря по вечерамъ.

Лодочники, когда получили желаемыхъ пассажировъ, оказались очень сговорчивыми и понятливыми молодцами. Крайне странно было видѣть бѣлокурые, почти мочальнаго цвѣта, волосы, сидящіе на черной головѣ. Эти волосы при корнѣ тоже черные. Такого цвѣта волосъ сомалійцы достигаютъ искусственно, обезцвѣчивая свои черные кудри.

Сомалійцы — стройные, но очень худощавые, на мой взглядъ, слабо сложенные люди, очень ловкіе, вполнѣ сроднившіеся съ моремъ. Съ обезьяньей ловкостью взлѣзаютъ они на пароходъ по брошенной веревкѣ. Однако толпа чернокожихъ рѣзко отличается отъ толпы болѣе культурныхъ народовъ. Ихъ движенія, ихъ азартъ, нѣкоторая безтолковость, назойливость и вмѣстѣ съ тѣмъ боязливость передъ всякимъ бѣлымъ человѣкомъ сразу указываютъ на ту сравнительно низкую степень культуры, на которой они стоятъ.

Объѣхавъ по большимъ волнамъ вокругъ корабля, я на пароходѣ разсмотрѣлъ очень богатую добычу, состоявшую почти сплошь изъ мельчайшихъ водорослей,—діатомовыхъ, какъ ихъ называютъ ботаники; къ нимъ были примѣшаны другіе микроскопическіе организмы и отдѣльные рачки.

Загудѣлъ свистокъ; чернокожіе были энергично прогнаны съ

парохода, и мы вскорѣ покинули Аденъ, направляясь въ воды Индійскаго океана.

Мѣстность около Адена и многочисленные острова крайне живописны. Острые иглообразные пики и скалы, покрывающіе острова, очень напоминаютъ тирольскіе доломиты, а дальній берегъ Аравіи желтѣетъ своими сыпучими песками, издали совершенно лишенными растительности.

Вчера вечеромъ видѣли стада дельфиновъ, которые, выстроившись въ рядъ, кувыркались за пароходомъ.

Это первыя животныя, которыхъ пришлось видѣть въ тепломъ морѣ, если не считать чаекъ и тѣхъ птицъ, которыя зимуютъ въ озерахъ около Суэцкаго канала. Мнѣ кажется, что Ледовитый океанъ, гдѣ я былъ три года назадъ, былъ гораздо болѣе оживленъ; тамъ мы видѣли кита, тюленей и безчисленное количество птицъ по скалистымъ берегамъ океана.

На седьмой день послѣ отплытія изъ Адена пароходъ пристаетъ къ гавани Коломбо на Цейлонѣ.

Миновавъ утромъ на другой день по выходѣ изъ Адена островъ Сокотору, мы четверо сутокъ плыли въ открытомъ морѣ.

Недалеко отъ Сокоторы утромъ мы увидѣли на горизонтѣ рядъ дымковъ, которые быстро приближались къ намъ, и скоро въ туманной дали стали вырисовываться силуэты цѣлыхъ 16-ти боевыхъ судовъ, крейсеровъ и броненосцевъ. Это была американская эскадра, сдѣлавшая кругосвѣтное плаваніе и возвращавшаяся домой изъ австралійскихъ и индійскихъ водъ. Она прошла довольно далеко, и мы не могли хорошо разсмотрѣть этихъ морскихъ чудовищъ, но броненосцы издали казались цѣлыми городами, съ лѣсомъ мачтъ, башнями. Они окрашены въ сѣрый цвѣтъ и ихъ неуклюжія тѣла проигрываютъ отъ сосѣдства со стройными ярко-бѣлыми крейсерами.

Уже находившіеся на бортѣ парохода американцы принесли свои флаги, но эскадра прошла далеко и скоро снова исчезла. Это было послѣднее внѣшнее событіе, которое развлекло вниманіе пассажировъ; дальше они были предоставлены сами себѣ и хорошо использовали свое время.

Приближался новый годъ, вечеръ св. Сильвестра, и вся англонѣмецкая публика стала дѣятельно готовиться къ костюмированному балу, который былъ назначенъ на 31 декабря.

Послѣ обѣда состоялся балъ, а въ 12 часовъ ночи подъ звуки марша пары стали обходить пароходъ, стуча въ запертыя каюты, желая всѣмъ счастливаго новаго года. Это дѣлали и пассажиры третьяго класса, имѣя оркестръ изъ гармоникъ, бубна и барабана.

20199.

Между 12 и 1 час. ночи слышались звуки то одного, то другого марша, пѣніе, возгласы, смѣхъ.

Цвѣтъ моря измѣнился,—онъ сдѣлался синимъ, какъ индиго. Такого цвѣта мнѣ не приходилось видѣть ни въ Черномъ, ни въ Средиземномъ морякъ.

Отъ чего это происходитъ, трудно сказать, но небо зимой является скорѣе свѣтлымъ. Подъ нами глубина около 4000 метровъ—не связанъ ли цвѣтъ съ нею?

Изъ волнъ моря выскакиваютъ испуганныя движеніемъ парохода летучія рыбки,—небольшія черныя созданія, необычайно поспѣшно и прямо летящія низко надъ волнами, отъ одного гребня до другого, но на довольно большое разстояніе.

Въ воздухѣ очень влажно и душно; хотя температура не поднимается выше 27—28° С. въ тѣни, но насыщенный водными парами воздухъ тяжелъ, все тѣло мокро отъ постояннаго испаренія, а ночь не даетъ освѣженія, такъ какъ температура мало измѣняется.

На пятый день показались туманныя очертанія земли,—это одинъ изъ Малединвскихъ острововъ, на которыхъ устроенъ маякъ. Малединвскіе острова населены вѣтвью средиземноморской расы, возникшей отъ смѣшенія сингалезцевъ Индіи и арабовъ. Эти отважные мореплаватели исповѣдуютъ исламъ и ведутъ торговлю кокосовыми орѣхами, черепахами, рыбою и другими морскими продуктами съ Цейлономъ и Индіей. Отъ этихъ острововъ мы направляемся прямо къ югу.

Поздно вечеромъ 2-го января показались огни Коломбо. Были видны многочисленные огни фонарей, тянувшихся вдоль набережной; пароходы, стоявшіе на якоряхъ на рейдѣ,—обычная картина каждаго порта.

Большинство пассажировъ остались въ Коломбо и уѣхали на поданныхъ шлюпкахъ и катерахъ.

Началась нагрузка угля, и пассажиры поспѣшили скрыться въ каюты, чтобы избѣжать угольной пыли.

Тутъ же мы узнали объ ужасной катастрофѣ, поразившей Мессину и Реджіо, цвѣтущіе города, мимо которыхъ мы плыли двѣ недѣли тому назадъ, любуясь съ парохода ихъ живописнымъ видомъ. Всего нѣсколько секундъ потребовалось на уничтоженіе городовъ и цвѣтущихъ областей, носившихъ слѣды культуры не одного тысячелѣтія. Ява, куда я направлялся, принадлежитъ также къ области наиболѣе напряженной вулканической дѣятельности, и еще недавно, въ началѣ 80-хъ годовъ, ужасное изверженіе вулкана Кракатоа на одномъ изъ острововъ, прилежащихъ къ Явѣ, совершенно измѣнило рельефъ морского дна и очертанія суши.

Когда путешественникъ впервые попадаетъ съ парохода въ тропическую природу и, не тратя времени на обозрѣніе европейской части города, углубляется въ туземные кварталы, а оттуда выходитъ за городъ и такимъ образомъ сразу встрѣчается лицомъ къ лицу съ невѣдомой для него чудной обстановкой, то впечатлѣніе, получаемое отъ этой картины, можно назвать только сказочнымъ. Никакія описанія путешественниковъ, никакія фотографіи, даже теоретическое знаніе тѣхъ растеній, которыя тамъ встрѣчаются, ничто не можетъ заранѣе подготовить человѣка къ хладнокровному созерцанію окружающей его природы. Необычайно яркій, отражающійся отъ блестящихъ кожистыхъ листьевъ деревьевъ свѣтъ разлитъ повсюду, глаза устаютъ отъ этого блеска. Хотя солнце еще только что встаетъ, но оно быстро взбирается на самую вершину небосклона, проливая оттуда потоки жгучихъ, ослѣпительныхъ лучей. Необычайная свѣжесть и благоуханіе ранняго утра, ярко-красная латеритовая почва и, наконецъ, знакомые незнакомцы—различныя пальмы и другія деревья,—все это настолько неожиданно, настолько ново, что, дѣйствуя на всѣ воспринимающіе органы человѣка, подавляетъ сначала своимъ необыкновеннымъ разнообразіемъ.

Но къ этому нужно присоединить еще и то народонаселеніе, видъ котораго совсѣмъ необыченъ для путешественника. Бронзовые индусы, болѣе темные сингалезцы и тамилы въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ—одѣтые, полуодѣтые и почти совсѣмъ неодѣтые—сидятъ около своихъ хижинъ и занимаются обычной работой. Маленькіе горбатые бычки зебу везутъ огромный возъ съ сѣномъ и другими продуктами. Возъ настолько великъ, а животныя такъ малы, что хочется спросить: кто же везетъ его? Тѣ же бычки рысцой везутъ кабріолетъ, въ которомъ сидитъ темнокожая семья въ бѣлыхъ платкахъ по случаю праздника, съ полуголымъ кучеромъ впереди.

Окружая со всѣхъ сторонъ и предлагая свои услуги, неутомимо преслѣдуютъ иностранца многочисленные рикши, приглашая сѣсть въ свои легкія колясочки, въ которыхъ везутъ васъ, не отставая отъ лошадей. Съ тяжелымъ дрожаніемъ проносится автомобиль, отравляя воздухъ своимъ бензиновымъ дыханіемъ.

Чѣмъ дальше идете вы по дорогѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе незастроенныхъ пространствъ открывается передъ вами. Среди всѣхъ деревьевъ, которыя видитъ неопытный глазъ путешественника, кокосовыя пальмы занимаютъ первое мѣсто; ихъ больше другихъ, онѣ образуютъ палисадники и сады, цѣлыя рощицы. Ихъ тонкіе гладкіе, въ большинствѣ случаевъ выгнутые стволы съ огромными перистыми листьями, съ висящими между ними длинными кистями круп-

ныхъ плодовъ, кокосовыхъ орѣховъ, которые ботаникъ называетъ костянками, являются самыми характерными представителями островной флоры.

Особенно эффектны эти пальмы, когда онѣ растутъ на берегу моря. Темно-синее небо, синее подвижное море и кокосовыя пальмы, изящныя, стройныя, какъ будто слушающія, наклонясь надъ водой, неумолкаемый говоръ волнъ,—эта картина глубоко запечатлѣвается въ памяти путешественника и будетъ вставать въ его воображеніи во всей своей манящей прелести долго спустя послѣ того, какъ онъ покинетъ тропическія страны.

И другія пальмы мало уступаютъ кокосовой по красотѣ и стройности своихъ стволовъ, но ихъ сравнительно мало, онѣ попадаются въ чудныхъ садикахъ передъ виллами англичанъ, разбросанными въ этой части города, и не даютъ какого-либо общаго впечатлѣнія. Оригинально и хлѣбное дерево—джекъ, какъ его всюду называютъ—съ плодами въ дѣтскую голову, выходящими непосредственно изъ ствола или толстыхъ вѣтвей. Бананы съ изорванной въ клочки листвой занимаютъ скромное мѣсто среди другихъ болѣе крупныхъ представителей тропической флоры. Дерево равенала, близкое къ банану, какъ гигантскій вѣеръ, охраняетъ входы въ сады, расположенные передъ виллами. Маленькія пестрыя бѣлки перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку, разноцвѣтныя птички и крупныя бабочки летаютъ черезъ лужайки, а на многочисленныхъ телефонныхъ и телеграфныхъ проводахъ сидятъ безчисленныя галки, которыя кричатъ такъ же, какъ ихъ европейскіе собратья.

Послѣ двухчасового блужданія по туземному кварталу и рощицамъ, прилежащимъ къ городу, я и спутники мои достаточно устали, усѣлись въ колясочки рикшъ и покатили по гладкимъ краснымъ дорогамъ къ пароходу. Но люди остаются всюду людьми: до парохода можно было доѣхать не больше, какъ минутъ черезъ 20—25, а наши центавры помчались въ противоположную сторону и неутомимо катали насъ цѣлый часъ, чтобы получить за это рупію, около 60—65 коп. на наши деньги.

На пароходѣ ожидало насъ обычное зрѣлище—демонстрація нравовъ и обычаевъ туземцевъ, выросшихъ на природѣ и слившихся съ ней, въ смѣси съ цивилизаціей. Сингалезцы и тамилы—одни на лодкахъ въ видѣ узкихъ и длиннѣйшихъ ящиковъ, съ противовѣсомъ въ видѣ бревна, другіе—на примитивныхъ лодкахъ, сбитыхъ изъ нѣсколькихъ брусьевъ, съ разрѣзанными бамбуковыми стволами вмѣсто веселъ—кидаются какъ лягушки въ воду за брошенной монетой и догоняютъ ее, пока она еще не успѣетъ опуститься на дно, а въ промежутокъ между ныряньемъ поютъ «тарарабумбію», которую хо-

рошо усвоили и черные сомалійцы въ Аденѣ и другіе черные мальчики въ Портъ-Саидѣ.

Пароходъ загудѣлъ, снова оркестръ музыки, какъ всегда при отъѣздѣ, и 3 января въ 12 час. дня мы отплыли отъ Цейлона.

Четыре дня плаванія отъ Цейлона по открытому морю, и вдали начинаютъ выступать изъ тумана неясныя очертанія берега Суматры и многочисленныхъ острововъ, которые окружаютъ этотъ огромный островъ. Пароходъ идетъ близко отъ берега, и въ бинокль можно даже отличить отдѣльныя растенія. Берега очень гористы, и горы снизу доверху покрыты густымъ лѣсомъ.

Эти сѣверные берега Суматры населены еще дикими малайскими племенами, не имѣютъ ни гаваней, ни европейскихъ поселеній, ни маяковъ. Долго движется пароходъ вдоль Суматры, наконецъ берегъ уходитъ къ юго-востоку, а пароходъ вступаетъ въ Малаккскій проливъ, направляясь къ англійскому городу Пенангу. Еще 2 дня, и мы въ Сингапурѣ, а оттуда недалеко предѣлъ странствованія—изумрудный островъ Ява.

Наше плаваніе было необычайно удачно. Лишь небольшая качка отъ Неаполя до Мессины, а затѣмъ спокойное море, иногда волновавшееся отъ сильнаго вѣтра, иногда же слегка колебавшееся,—только пароходъ, разсѣкая воду, развивалъ длинную волну.

Присматриваясь къ тону жизни на пароходѣ, задаваемому англичанами, нельзя не признать очень многихъ удобствъ, создаваемыхъ имъ, хотя нѣкоторые англійскіе обычаи кажутся для насъ не вполнѣ корректными. Нельзя ничего возразить противъ обычая обѣдать въ чистыхъ свѣжихъ костюмахъ. Днемъ кончается работа, вечеръ для отдыха, для веселья. Вечеръ—дневной праздникъ.

Но утромъ до 8 часовъ англичане позволяютъ себѣ появляться на палубѣ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, даже безъ халатовъ, въ туфляхъ на босу ногу. Англичанинъ не стѣсняется и въ 12 час. дня итти по лѣстницѣ, ведущей въ столовую, очень оживленно бесѣдуя, важно направляясь въ ванную комнату въ одномъ халатѣ. Въ 1 часу дня, по рожку стюарта, дамы, которыя были на палубѣ безъ шляпъ, направляются въ свои каюты, надѣваютъ свои огромныя шляпы и завтракаютъ въ нихъ. Къ чему это дѣлается, трудно понять, тѣмъ болѣе что послѣ завтрака шляпы снова снимаются и дамы предаются на палубѣ отдохновенію уже безъ этихъ уборовъ. Вечеромъ все общество наряжено, а послѣ обѣда и кофе многіе ложатся отдыхать на своихъ стульяхъ на палубѣ, при чемъ мужчины нисколько не стѣсняются поднимать свои ноги чуть ли не выше головы, разговаривая съ сидящими возлѣ нихъ дамами.

Всякая страна имѣетъ свои обычаи!

Въ 6 часовъ утра на первый день нашего Рождества мы пришли въ Пенангъ. Пароходъ бросилъ якорь въ довольно мелкомъ рейдѣ, не подходя къ берегу, и тотчасъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ оригинальными лодками туземцевъ: малайцевъ, сіамцевъ, бирманцевъ и др.

Городъ дѣлится на двѣ половины: одна, гдѣ живутъ европейцы и разнообразные туземцы, отличается своей привѣтливостью, массой растительности; другая, китайская часть, совершенно лишена деревьевъ. Она состоитъ изъ ряда домовъ то лучшей, то болѣе простой архитектуры, гдѣ помѣщаются различныя лавки, мастерскія, украшенныя длинными китайскими вывѣсками и большими бумажными фонарями. Вдоль тротуаровъ текутъ потоки грязной воды, и вмѣсто аромата тропической природы путешественникъ ощущаетъ зловоніе, исходящее изъ этихъ открытыхъ клоакъ.

Но электрическій трамвай, недавно устроенный въ Пенангѣ, скоро вывозитъ путника изъ китайской части, и онъ снова попадаетъ въ чудную обстановку тропической природы. Линія трамвая направляется къ цѣли поѣздки—китайскому храму, мимо виллъ европейцевъ и богатыхъ китайцевъ, пересѣкаетъ небольшія рощицы кокосовыхъ и другихъ пальмъ и останавливается у подножія холма, на склонѣ котораго расположено это святилище. По хорошей дорогѣ мы идемъ вверхъ и приходимъ къ первой церкви или первому алтарю храма, а затѣмъ, поднимаясь все выше и выше, мы переходимъ изъ одного святилища въ другое; всюду въ центральномъ мѣстѣ возвышается статуя Будды изъ бронзы или позолоченнаго дерева, съ его широкимъ лицомъ, сложенными на животѣ руками и безстрастнымъ выраженіемъ полузакрытыхъ глазъ.

Архитектура храма, стиль различныхъ деревянныхъ украшеній, мебели, утвари—все это носитъ незнакомый для насъ, но совершенно выдержанный характеръ, указывая на культуру, которая прошла дальній путь своего развитія и исходила изъ иныхъ идеаловъ, чѣмъ греко-европейская; она пользовалась совсѣмъ иными сочетаніями формъ и окрасокъ, заимствуя ихъ изъ наблюденій надъ безконечно разнообразной природой.

Впереди наше шествіе открываетъ одѣтый въ бѣлое, совершенно бритый бонза съ широкимъ лицомъ, похожимъ на изображеніе Будды. Его лицо не лишено симпатичности, его манеры изысканно вѣжливы и полны достоинства. Онъ пытается давать какія-то объясненія на смѣси китайскаго и англійскаго языковъ, ихъ подхватываетъ услужливый малайскій гидъ, усвоившій уже европейскую культуру и свойства гида лѣзть туда, куда даже и не зовутъ. Мы поднимаемся то по каменнымъ, то по деревяннымъ лѣстницамъ и при-

ходимъ въ наиболѣе высоко расположенное зданіе, гдѣ сохраняютъ подъ стекломъ изваянія ревнителей этого храма, уже умершихъ китайцевъ, которые сидятъ въ застывшей, полной спокойствія позѣ, съ полувопросительной, полуиронической улыбкой на губахъ. Еще одинъ заворотъ, и мы на небольшомъ балкончикѣ, откуда открывается видъ на море, на гору, покрытую пальмовыми лѣсами, на городъ, расположившійся у моря. Все это залито потоками свѣта полуденнаго солнца, представляя величественное зрѣлище.

Панорама Цейлона съ его виллами начинаетъ постепенно стушевываться въ памяти, уступая мѣсто этой еще болѣе прекрасной, гдѣ вмѣшательство человѣка не такъ замѣтно, гдѣ природа болѣе свободна въ своемъ размахѣ. Храмъ, съ его оригинально выгнутыми крышами, пестрѣющими отъ черепицъ и драконовъ на конькахъ,— все это еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе.

Выпивъ по чашкѣ чуднаго напитка—желтаго чая, мы оставляемъ на память бонзѣ нѣсколько вещественныхъ знаковъ нашихъ дружескихъ отношеній—нѣсколько мѣстныхъ серебряныхъ долларовъ—и спѣшимъ на трамваѣ въ ботаническій садъ. Слѣзаемъ съ трамвая и беремъ нѣсколькихъ китайскихъ рикшей, красивыхъ, отлитыхъ изъ темной бронзы молодыхъ малыхъ, закрытыхъ остроконечной шляпой, сплетенной изъ тростника. Быстрой рысью спѣшимъ мы по тѣнистымъ аллеямъ въ садъ, такъ какъ уже мало времени до отхода парохода.

Ботаническій садъ, первый изъ тропическихъ садовъ, которые намъ пришлось видѣть, открываетъ цѣлую бездну матеріала для наблюденія.

Всюду встрѣчаются тѣ растенія, которыхъ тщетно ищетъ натуралистъ по оранжереямъ въ Европѣ.

Но намъ нѣтъ времени для подробнаго осмотра, мы бѣгаемъ отъ дерева къ дереву, замѣчая то, что извѣстно, и пробѣгая съ завистливымъ взглядомъ мимо неизвѣстнаго, и опять спѣшимъ на рикшей и къ пароходу.

Въ 3 часа дня нашъ пароходъ снялся съ якоря и пошелъ на югъ по Малаккскому заливу въ Сингапуръ.

Зеленоватыя воды мелкаго, достигающаго глубины всего нѣсколькихъ метровъ, Малаккскаго пролива сильно отличаются по цвѣту отъ темно-синихъ прозрачныхъ водъ Индійскаго океана.

Солнце заходило, когда вдали показался Сингапуръ, и пароходъ скоро остановился у набережной въ порту. Къ сожалѣнію, высадиться намъ не пришлось, такъ какъ «Лютцовъ» опоздалъ, и мы увидѣли Сингапуръ только на обратномъ пути. Голландскій пароходъ, долженствовавшій доставить насъ отъ Сингапура въ Батавію, давно уже поджидалъ

прихода «Лютцова», и вскорѣ мы уже находились на борту небольшого «Camphujis», который въ 10 час. вечера направился на югъ. Пароходъ «Camphujis», названный, какъ и всѣ пароходы «Paketvaart Maatchapij»—голландскаго пароходнаго общества, по имени одного изъ старыхъ генералъ-губернаторовъ Нидерландской Индіи, гораздо меньше «Лютцова». Его публику можно раздѣлить на 3 класса: патриціевъ—пассажировъ I класса, которымъ предоставленъ весь пароходъ и спеціально отведена большая часть его дека съ уютно разставленными скамейками и плетеными креслами; плебеевъ—пассажировъ II класса, загнанныхъ въ неопрятныя и тѣсныя носовыя помѣщенія, для прогулки же имъ отведено маленькое пространство около трубы парохода, и, наконецъ, рабовъ—темнокожихъ пассажировъ, валяющихся на носовой части палубы. По незнанію, безпечности и изъ желанія съэкономить съ очень высокихъ цѣнъ билета мы очутились на положеніи плебеевъ и должны были печься около трубы и ждать остатковъ обѣда I класса, которые получали холодными около 9 час. вечера.

Впрочемъ, голландцы этими порядками не обезпокоены: во второмъ классѣ «порядочные люди» не ѣздятъ, тамъ путешествуютъ солдаты, унтеръ-офицеры голландской службы и средняго достатка китайцы.

Утромъ мы пересѣкли экваторъ и вступили въ южное полушаріе, а на слѣдующій день пароходъ подходилъ къ Батавіи, проходя мимо такъ называемой «тысячи острововъ»,—крошечныхъ кусочковъ земли, усѣивающихъ море между Суматрой и Явой. Всѣ острова—коралловаго происхожденія, и издали видны атоллы съ лагунами воды.

Вдали стала вырисовываться въ туманѣ Ява, съ ея высокими горами и двумя вулканами, занимающими весь задній планъ картины. На западѣ отъ Батавіи высится Салакъ, потухшій вулканъ, со своей зубчатой вершиной, а на востокѣ поднимается дѣйствующій вулканъ Геде, одна изъ наиболѣе высокихъ Яванскихъ горъ, съ моря чрезвычайно похожая на Везувій съ его конусомъ и Монте Соммой, отдѣленной отъ конуса долиной.

Пароходъ остановился у пристани Батавіи. Въ Батавіи приходилось впослѣдствіи бывать неоднократно, поэтому я опишу эту столицу Нидерландской Индіи нѣсколько подробнѣе.

Пароходъ подходитъ къ молу новой гавани Tandjong-Priok, расположенной недалеко отъ самаго города и соединенной желѣзною дорогой съ Батавіей. Широкій, но не глубокій рейдъ, низкіе берега, искусственныя сооруженія—все это скрадываетъ впечатлѣніе тропической природы. Поѣздъ идетъ между Пріокомъ и Батавіей, вдоль канала и рѣки, среди низменныхъ джунглей, поросшихъ низкорос-

лой пальмой Nipa, огромные перистые листья которой отходятъ отъ мало приподнимающагося надъ землей ствола. Въ этихъ джунгляхъ, заплетенныхъ ліанами, заросшихъ огромной массой эйхорній и другихъ растеній, столь цѣнимыхъ любителями аквaріумовъ, встрѣчаются въ изобиліи огромные яванскіе крокодилы; они и крупныя ядовитыя змѣи дѣлаютъ джунгли опасными для посѣщенія, но наибольшую опасность, конечно, представляютъ тучи комаровъ, носящихъ въ себѣ возбудителей заразы свирѣпой тропической лихорадки, одного изъ главныхъ бичей для развитія культуры вдоль морскихъ береговъ жаркихъ странъ.

Небольшое пространство между Батавіей и Пріокомъ поѣзда пробѣгаютъ минутъ въ 20 и останавливаются у вокзала Батавіи въ нижней дѣловой части этого города.

Въ этой низкой и болотистой части города находятся по преимуществу торговыя конторы, банки и другія подобныя учрежденія, открытыя лишь въ утренніе и дневные часы, когда опасность получить лихорадку невелика, а вечеромъ кварталъ этотъ пустуетъ, остаются въ немъ одни туземцы и китайцы, привыкшіе ко всѣмъ невзгодамъ мѣстнаго климата.

Къ дѣловой части примыкаетъ большой китайскій кварталъ—кварталъ ремесленниковъ и торговцевъ, а уже за нимъ на возвышеніи раскинулся европейскій городъ, вѣрнѣе—предмѣстье, Weltevreden, съ прекрасными домами, виллами, большими магазинами, парками, присутственными мѣстами, неизмѣннымъ въ каждомъ городѣ Koningsplein'омъ (королевская площадь), гдѣ помѣщается парадный дворецъ генералъ-губернатора, музей и другія зданія.

Электрическій и паровой трамваи пересѣкаютъ Батавію въ двухъ направленіяхъ, а по улицамъ непрестанно слышно щелканье длинныхъ бичей и позвякиванье мелкихъ бубенчиковъ яванскихъ извозчиковъ—«садо» (dos à dos), какъ ихъ называютъ. Эти «садо»—самый простой и частый способъ передвиженія по безконечнымъ улицамъ Батавіи. Двухколесный экипажъ подъ крышей, запряженный бойкой маленькой лошадкой, рысью или вскачь развозитъ европейцевъ, китайцевъ или туристовъ по разнымъ улицамъ Батавіи.

Вдоль низкихъ улицъ прорыты каналы, гдѣ медленно движутся баржи, нагруженныя тяжестями, и цѣлый день полощетъ бѣлье и купается малайское населеніе. Домики въ Батавіи и Вельтевреденѣ по большей части одноэтажны; они снабжены палисадниками и цвѣтниками и производятъ впечатлѣніе уютности и комфорта.

Изъ Батавіи на слѣдующее утро по пріѣздѣ я отправился въ Бейтензоргъ—цѣль моего странствованія. Дорога изъ Батавіи до

Бейтензорга идетъ сначала около ближайшихъ предмѣстій къ Вельтевредену, затѣмъ мимо малайскихъ деревень, среди небольшихъ рощъ плодовыхъ деревьевъ и между безконечными рисовыми полями.

Рисовыя поля расположены по склонамъ пологихъ холмовъ, разбиты на неправильной формы участки, которые представляютъ собой небольшіе прудики, то затопляемые водой изъ сосѣдняго канала, то отдающіе свою воду протекающей гдѣ-нибудь невдалекѣ рѣчкѣ. Красно-бурая почва и яркая зелень молодого риса, озера, покрытыя круглыми листьями лотоса съ розовыми цвѣтами, мѣстами темныя пятна рощъ и плантацій, высокія кровли малайскихъ хижинъ, крытыхъ пальмовыми листьями, а на далекомъ горизонтѣ массивъ западно-яванскихъ вулкановъ Салака и Геде—вотъ тѣ картины, которыя впервые развернулись передъ нашими глазами.

Поѣздъ пыхтитъ, взбираясь на довольно значительную высоту въ 235 метровъ надъ уровнемъ моря, проходя рядъ различныхъ станцій, пересѣкая шумныя бурливыя рѣчки съ коричневой водой. На станціяхъ толпится много народа—все малайцы, между которыми лишь отдѣльными пятнами мелькаютъ европейцы въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ и бѣлыхъ шляпахъ. Гдѣ поѣздъ имѣетъ болѣе продолжительную остановку, тамъ идетъ торговля всевозможными, по большей части незнакомыми намъ, плодами. Туземцы охотно пьютъ бокалы какой-то мутной жидкости, гдѣ плаваютъ шарики, похожіе на лягушечью икру. Я не рѣшился попробовать этого напитка, но купилъ за мѣдную монету въ $2^1/_2$ цента нѣсколько рамбутановъ,—плодовъ, близкихъ къ нашему конскому каштану. Ихъ полупрозрачное мясо вокругъ большой и горькой косточки скрыто въ мягкую оболочку краснаго цвѣта, которая легко лопается, если сжать ее между пальцами. Мясо рамбутана, если онъ не совсѣмъ зрѣлъ, имѣетъ кисловатый, довольно пріятный вкусъ. Другой плодъ, саподилла (Achras sapota), похожій на большую сливу, необычайно соченъ и приторно сладокъ, но отличается терпкимъ камфарнымъ привкусомъ.

Совершенно незамѣтно промелькнули $1^1/_2$ часа въ наблюденіи окрестностей, населенія и различныхъ сценокъ, и вотъ поѣздъ подходитъ къ платформѣ бейтензоргскаго вокзала.

Мгновенно я былъ окруженъ прислугой отеля «Belle-Vue» въ бѣлыхъ курткахъ съ красными полосами и былъ увлеченъ въ омнибусъ, который повезъ меня по улицамъ Бейтензорга къ гостиницѣ, лежащей въ 5 минутахъ ходьбы отъ знаменитаго Ботаническаго сада.

Итакъ, первая часть путешествія окончилась. Въ раздумьи останавливается натуралистъ передъ началомъ своей работы въ тропической природѣ. Времени для работы такъ мало, человѣческія силы

слабы, а природа—она безконечна; она даетъ отвѣтъ каждому, кто ее умѣетъ спросить. И передъ натуралистомъ встаетъ большой основной вопросъ: сумѣетъ ли онъ спросить природу?

Глава II.

Бейтензоргъ.

Первые моменты моего пребыванія въ гостиницѣ «Belle-Vue» были весьма комичны.

Я сразу попалъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго не зналъ, какъ выйти. Въ отелѣ нѣтъ европейской прислуги, и почтенный мандуръ—яванскій оберъ-кельнеръ—очень вѣжливо пытался объясниться со мной на прекрасномъ малайскомъ языкѣ, изъ котораго я не могъ понять ни одного слова, несмотря на изученіе малайскаго языка по книжкѣ Seidel'я, кстати сказать, весьма неудачной. Она знакомитъ съ литературнымъ языкомъ, который не имѣетъ никакого примѣненія въ жизни, и даетъ очень мало словъ и выраженій на «береговомъ» малайскомъ языкѣ, общемъ для всего малайско-папуасскаго міра.

Наконецъ, вышла хозяйка, съ которой я, къ большому моему удовольствію, договорился по-французски и снялъ для себя и моихъ товарищей по комнатѣ за 100 гульденовъ въ мѣсяцъ съ полнымъ пансіономъ.

Большую часть каждой комнаты занимала кровать съ пологомъ, остальное пространство отдано подъ столъ, гардеробъ, умывальникъ. Комнаты выходили на террасу съ излюбленной голландской мебелью—качалкой и покойнымъ кресломъ съ выдвижными боками, на которомъ такъ удобно полулежать.

Удивительный видъ открывается съ этого балкона! Не даромъ гостиница носитъ свое имя «Hôtel Belle-Vue»...

Она стоитъ на высокомъ берегу рѣки Tjidani, катящей свои быстрыя мутныя волны съ вулкана Салака. Высокія, стройныя пальмы покрываютъ берега этой рѣчки; сквозь ихъ чащу видны домики малайцевъ, населяющихъ противоположный берегъ.

Коричневыя волны Тьпдани оживлены массой цѣлые дни полощущихся въ ней коричневыхъ дѣтей и взрослыхъ: одни купаются, другіе—прачки—стираютъ бѣлье (которое моется, между прочимъ, всегда въ холодной водѣ)... и голоса людей сливаются съ шумомъ рѣки.

Среди пальмъ привычный глазъ различаетъ рядъ другихъ растеній: оригинальныя хлѣбныя деревья съ разсѣченными и цѣльными

листьями, апельсины, раскидистыя шоколадныя деревья, высокіе дурьяны, курчавые мангустаны, дающіе знаменитые тропическіе плоды, и рядъ другихъ. Всѣ эти деревья постоянно окружаютъ хижины малайцевъ и доставляютъ существенное подспорье въ его неприхотливомъ обиходѣ.

Въ другую сторону видны среди зелени красныя крыши съ бѣлыми гребнями арабскаго квартала Бейтензорга, затѣмъ идетъ цѣлое море деревьевъ, скрывающихъ рисовыя поля, а весь горизонтъ на юго-западѣ занятъ мощной фигурой Салака. Подобно Везувію для Неаполя, Салакъ для Бейтензорга опредѣляетъ собой весь ландшафтъ мѣстности.

Рано утромъ, когда зажигается на небѣ короткая или, лучше сказать, мимолетная утренняя заря, на чистомъ горизонтѣ выступаетъ профиль вулкана: его пять зубцовъ отчетливо вырисовываются на свѣтлѣющемъ небѣ, и восходящее солнце бросаетъ первый пучокъ своихъ лучей на вершину Салака, когда вся остальная его масса еще темнѣетъ, какъ грозовая туча. Быстро поднимается солнце, тѣнь сбѣгаетъ съ Салака, и онъ встаетъ на ясномъ небосклонѣ во всемъ своемъ величіи.

Но недолго приходится любоваться мощными очертаніями вулкана. Небольшія бѣлыя облачка легкой дымкой заволакиваютъ его вершину, спускаются по его склонамъ. Горячее тропическое солнце гонитъ вверхъ испаренія влажной земли: черной тучей покрываютъ они окрестность, и завѣса снова скрываетъ Салакъ. Раздаются удары грома, молніи прорѣзываютъ свинцовыя тучи, нагоняя ужасъ на всю природу,—разражается тропическая гроза. Сильный ливень падаетъ изъ нависшихъ тучъ, закрывая живымъ сѣрымъ занавѣсомъ всю окрестность. Но дождь скоро проходитъ. Заходящее солнце уже пробиваетъ своими лучами тучи и освѣщаетъ омывшійся вулканъ, который снова заполняетъ горизонтъ своей огромной фигурой.

Въ лунную же ясную ночь темный силуэтъ Салака спокойно возвышается надъ всею мѣстностью, точно сторожитъ погруженную въ сонъ природу.

Занявъ комнату и налюбовавшись видомъ Салака, я по телефону узналъ пріемный часъ директора департамента земледѣлія Нидерландской Индіи профессора Трейба, чтобы получить мѣсто въ лабораторіи Бейтензоргскаго сада. Въ тотъ же вечеръ я познакомился съ этимъ знаменитымъ ученымъ и организаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любезнымъ и утонченно воспитаннымъ человѣкомъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ весь ученый міръ оплакивалъ безвременную кончину проф. Трейба, а тѣ, кому довелось лично знать его и работать въ созданныхъ имъ учрежденіяхъ, оплакиваютъ

Видъ на Салакъ съ балкона гостиницы „Belle-Vue".

въ немъ истиннаго друга всѣхъ натуралистовъ, безъ поддержки котораго поѣздки на Малайскій архипелагъ не могли бы дать и половины тѣхъ результатовъ, которые онѣ дали.

Получивъ разрѣшеніе работать въ лабораторіи Ботаническаго сада, я закончилъ первый день своего пребыванія въ Бейтензоргѣ приведеніемъ въ порядокъ своего новаго жилища.

На завтра въ $6^1/_4$ час. утра былъ назначенъ визитъ къ проф. Трейбу для осмотра Ботаническаго сада и учрежденій департамента земледѣлія.

Попавъ на Яву, натуралистъ на время забываетъ, откуда онъ пріѣхалъ, кто онъ такой, и какъ бы превращается въ яванца. Его интересы цѣликомъ на Явѣ, его языкомъ становится малайскій, который онъ съ жаромъ изучаетъ по вечерамъ, стараясь овладѣть необходимымъ запасомъ словъ. Его городомъ становится Бейтензоргъ, его Меккой—знаменитый Ботаническій садъ. Уже послѣ, когда на палубѣ отходящаго парохода онъ бросаетъ послѣдній взглядъ на скрывающійся вдали изумрудный островъ Яву, онъ какъ бы просыпается отъ долгаго сна и продолжаетъ свою жизнь, какъ бы остановившуюся съ того момента, когда онъ впервые сошелъ на набережной Тандіонгъ-Пріокъ.

Бейтензоргъ—Богоръ по-малайски, Санъ-Суси, или городъ безъ заботъ (buiten по-голландски—безъ, мимо)—лежитъ, какъ уже было описано, въ 50 километрахъ отъ Батавіи, на высотѣ 235 метровъ отъ уровня моря. Среди другихъ странъ тропической природы Богоръ занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ по роскоши своей растительности, что непосредственно связано съ исключительными климатическими условіями, царящими у склоновъ вулкановъ Геде и Салака, и рѣками Тьидани и Тьиливонгомъ, орошающими окрестности Богора.

Въ то время какъ на восточной Явѣ, даже на западной—въ Батавіи, болѣе или менѣе рѣзко смѣняются два времени года—дождливое и сухое, въ Бейтензоргѣ, благодаря особенностямъ его положенія на склонѣ горъ, весь годъ продолжается одна и та же погода, которая разнообразится только болѣе или менѣе дождливыми и сухими днями.

Но этого мало: въ Бейтензоргѣ температура въ теченіе года почти не измѣняется, отличаясь удивительнымъ постоянствомъ. Средняя наивысшая температура въ Бейтензоргѣ достигаетъ всего 30,1°; средняя температура года 25° С.; средняя температура самаго холоднаго мѣсяца февраля 24,5° С.; средняя температура самаго теплаго мѣсяца сентября 25,5°.

Распредѣленіе температуры по часамъ дня идетъ съ необыкновенной правильностью.

Между 6—7 часами утра—самая низкая температура: 21—23° C., или 16—18° R.

Затѣмъ температура постепенно поднимается, достигая 29—31° C. къ 1—2 дня. Въ это время небо уже покрывается темными тучами, разражается гроза съ ливнемъ и температура падаетъ до 23—25°.

И такъ продолжается дни, недѣли, мѣсяцы. Изрѣдка бываетъ, что дождь льетъ цѣлый день или даже два дня сряду, случаются одинъ день или два совсѣмъ безъ дождя. Тогда природа изнываетъ отъ засухи: листья на деревьяхъ вянутъ, мостовыя покрываются толстымъ слоемъ пыли, а болѣе долгая засуха, продолжающаяся недѣли двѣ, является уже бѣдствіемъ и грозитъ полнымъ неурожаемъ.

Въ наиболѣе дождливый мѣсяцъ—январь—выпадаетъ 473 mm. осадковъ, въ наиболѣе сухой—августъ—257 mm., всего же въ годъ до 4500 mm. Если сравнить Москву или Харьковъ, гдѣ выпадаетъ всего около 600 mm. дождя, то получается вполнѣ опредѣленная разница.

Бейтензоргъ принадлежитъ къ наиболѣе дождливымъ мѣстностямъ земного шара. Боже мой, подумаетъ читатель, какъ же можно жить въ такомъ болотѣ! Пусть однако онъ не боится ѣхать въ Бейтензоргъ. Часто и сильно идетъ дождь въ Богорѣ, но воды быстро стекаютъ съ улицъ, впитываются почвой, и черезъ полчаса, много черезъ часъ послѣ дождя по улицамъ уже можно ходить, а на слѣдующее утро пыль покрываетъ шоссе и мостовую.

Но благодаря именно этому ровному климату, этой массѣ осадковъ, въ Бейтензоргѣ и его окрестностяхъ можетъ развиваться исключительно роскошная растительность, одна изъ самыхъ буйныхъ среди богатой тропической природы.

Городокъ Бейтензоргъ—резиденція генералъ-губернатора Нидерландской Индіи. Его прекрасный дворецъ расположенъ въ Ботаническомъ саду, въ центрѣ города. Тутъ же неподалеку помѣщается и его управленіе, рядъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, большинство которыхъ однако расположены въ Батавіи, и департаментъ земледѣлія съ его знаменитыми учрежденіями.

Отъ вокзала ведетъ небольшая улица, выходящая на главную дорогу Явы—Djalan-besaar, пересѣкающую всю западную Яву и начинающуюся въ Батавіи. Ее построилъ еще въ началѣ XIX вѣка губернаторъ Дендельсъ, и до сихъ поръ она является одной изъ главныхъ артерій для внутренняго сообщенія на Явѣ.

Недалеко отъ вокзала начинается другая улица—Pledang, большая часть которой идетъ по высокому берегу Tjidani. Pledang выходитъ на Djalan-besaar. Между этими главными улицами, въ довольно многочисленныхъ поперечныхъ улицахъ и переулкахъ живутъ европейцы, имѣющіе по большей части собственные просторные дома.

За Tjidani съ одной стороны и за Ботаническимъ садомъ съ другой—поселенія малайцевъ, скрытыя среди массы фруктовыхъ деревьевъ и пальмъ. Противъ главнаго входа въ садъ, на западъ отъ Djalan-besaar живутъ китайцы; наконецъ, за рѣкой Tjidani, около малайскаго поселка расположенъ арабскій кварталъ: онъ хорошо виденъ съ моего балкона.

Каждый кварталъ, населенный, какъ мы видѣли, особымъ племенемъ, носитъ и свой особый характеръ, рѣзко отличающій его отъ другихъ. Изящные коттеджи европейцевъ среди палисадниковъ и цвѣтниковъ указываютъ на то, что европейцы играютъ здѣсь главную роль, что они являются господами этого цвѣтущаго уголка земного шара.

Спрятанные среди зелени домики малайцевъ, еле замѣтные изъ-за деревьевъ, указываютъ на близость ихъ обитателей къ природѣ, на полное сліяніе ихъ съ природой.

Арабскій кварталъ похожъ на малайскій, но дома въ немъ болѣе солидны, зелени меньше.

Рѣзко отличается отъ нихъ китайскій кварталъ. Грязный, нестерпимый отъ рыбнаго запаха, идущаго отъ многочисленныхъ лавокъ съ рыбой, лишенный всякой растительности, этотъ кварталъ производитъ крайне непріятное впечатлѣніе своею неопрятностью и скученностью построекъ. Впрочемъ, богатые китайцы скоро принимаютъ европейскія привычки, и ихъ дома и виллы ничѣмъ не уступаютъ по внѣшности домамъ ихъ бѣлыхъ собратій.

Центръ Бейтензорга—базары, которыхъ нѣсколько въ городѣ. Тамъ съ ранняго утра собирается все населеніе города и его окрестностей, тамъ можно ознакомиться съ различными продуктами страны и важнѣйшими предметами обихода туземцевъ.

Неоднократно ходили мы на базаръ, а разъ сдѣлали даже научную экскурсію за плодами подъ руководствомъ ученаго малайца изъ Ботаническаго сада.

Малайцы, живущіе въ Бейтензоргѣ, или служатъ въ качествѣ прислуги, или имѣютъ свои нивы и поля, или занимаются ремеслами; китайцы—сплошь купцы и ремесленники, арабы также, но, кромѣ того, они играютъ роль банкировъ, занимаясь денежными операціями. Въ теченіе всего пребыванія въ Богорѣ мнѣ и моимъ товарищамъ приходилось сталкиваться съ китайцами и малайцами, съ арабами же мало.

Я познакомился только съ однимъ интеллигентнымъ и богатымъ семействомъ арабовъ на островѣ Банда, поэтому могу сказать объ этомъ племени немного. О малайцахъ же и китайцахъ у меня получилось болѣе опредѣленное представленіе.

Малайцы очень симпатичный народъ и должны быть отнесены къ богато-одареннымъ расамъ, которыхъ ожидаетъ лучшая будущность сравнительно съ настоящимъ ихъ подчиненнымъ положеніемъ. Малайцы на Явѣ имѣютъ свою старую культуру и исторію, свои преданія. На почвѣ этой культуры развилась деспотическая власть раджей, которые использовали въ своихъ интересахъ некультурную массу миролюбиваго и склоннаго къ повиновенію населенія. Но о политическомъ будущемъ малайцевъ еще рано говорить: политическое настоящее показываетъ постепенное подчиненіе голландской власти одного за другимъ самостоятельныхъ султанствъ и общую нивеллировку всего туземнаго населенія Инсулинда.

Я остановлюсь сейчасъ на нѣсколькихъ типахъ изъ простонародья, чтобы ближе познакомить читателя съ малайскими племенами. Вскорѣ по пріѣздѣ на Яву я съ моими товарищами по путешествію наняли себѣ туземнаго слугу—Нонгъ-Нонга, сына Па-Идана, знаменитаго собирателя растеній при Ботаническомъ садѣ. Нонгъ-Нонгъ олицетворялъ собой отрицательныя стороны малайской расы. Лѣнивый, большой болтунъ, онъ былъ совершенно неспособенъ къ какой-нибудь правильной работѣ и если работалъ нерѣдко съ жаромъ, то его увлеченія хватало на самое короткое время. Большинство малайскихъ слугъ принадлежитъ къ такому же типу. Слуга профессора Р. Яа былъ болѣе толковымъ и умнымъ, но болѣе жуликоватымъ и также крайне лѣнивымъ человѣкомъ. Глядя на нихъ, можно было бы думать, что вся малайская раса является столь же малоспособной къ прогрессивному развитію. Но это было бы ошибочно. Въ слуги идутъ наиболѣе бѣдные изъ населенія,—у нашего Нонгъ-Нонга, напримѣръ, не было ни буйволовъ, ни другой скотины; у него не было даже поля—ничего, кромѣ маленькой хижины. Онъ не былъ хозяиномъ-земледѣльцемъ, а всякая работа слуги не поднимаетъ самосознанія.

Совершенно иной типъ представляетъ его отецъ — знаменитый Па-Иданъ. Не одинъ натуралистъ съ благодарностью вспоминаетъ этого удивительнаго туземца, для котораго не было сокровеннаго въ яванскомъ лѣсу. Съ малыхъ лѣтъ Па-Иданъ выросъ при садѣ и теперь, уже въ очень преклонномъ возрастѣ, онъ занимаетъ должность собирателя растеній изъ лѣса. Надо сказать, что малайцы страстно любятъ природу, не только любятъ, но знаютъ ее. Тысячи средствъ народной медицины заимствованы ими изъ лѣса и поля, они знаютъ и даютъ названія безчисленнымъ деревьямъ и травамъ ихъ роскошной родины, они наблюдательны, какъ могутъ быть наблюдательны только люди, жизнь которыхъ составляетъ одно цѣлое съ природой

Такой наблюдательностью, изощренною его службой при Ботаническомъ садѣ, обладалъ старый Па-Иданъ. Стоило европейскому ученому своимъ ломанымъ, неудобопонятнымъ малайскимъ языкомъ объяснить внимательно слушающему Па-Идану свои желанія, слѣдовалъ короткій отвѣтъ: «bai» (хорошо), и черезъ нѣкоторое время Па-Иданъ тащилъ различныя растенія, разбираясь даже въ различныхъ стадіяхъ развитія, которыя онъ на своемъ образномъ языкѣ называлъ «anak-bua»—дѣти плода или сѣмени. Лишь человѣкъ, одаренный большими способностями, мало того—талантливостью, могъ достичь того, что зналъ Па-Иданъ, а онъ былъ простымъ чернорабочимъ и за свои способности имѣлъ только 12 гульденовъ въ мѣсяцъ и право получать «на чай» послѣ каждой своей экскурсіи. Па-Иданъ былъ «виртуозомъ» своего дѣла, но онъ не былъ единственнымъ среди своихъ товарищей по спеціальности. Въ горномъ саду Tjibodas служилъ другой малаецъ, Сапіинъ, который прекрасно зналъ лѣсную флору, показывая посѣтителямъ дѣвственнаго лѣса крошечные, едва видимые невооруженнымъ глазомъ мхи или проростки плауновъ. Въ Бейтензоргскомъ саду служили еще два малайца: механикъ Сариманъ и помощникъ садовника Джеири.

Это были уже вполнѣ интеллигентные люди, возвышавшіеся до творчества.

Много можно было бы найти примѣровъ, указывающихъ на одаренность малайскаго племени и подтверждающихъ общую мысль о возможности для него лучшаго будущаго. Уже теперь почти всѣ второстепенныя должности мелкихъ чиновниковъ, фельдшеровъ и т. п. замѣняются малайцами, а когда имъ будетъ дана возможность получать болѣе широкое образованіе и развитіе, они скоро сумѣютъ обходиться безъ помощи европейскихъ учителей.

Китайцы также произвели на насъ прекрасное впечатлѣніе. Это честный, работящій народъ, слову котораго можно вѣрить. Сколько разъ приходилось намъ обращаться къ китайцамъ, и всегда мы встрѣчали честное отношеніе къ принятымъ на себя обязательствамъ. Скажу больше, я охотнѣе посѣщалъ китайскія «toko» (лавки), чѣмъ европейскіе магазины, гдѣ за тѣ же самые предметы или продукты взималась повышенная плата исключительно за удовольствіе купить въ европейскомъ магазинѣ.

Для натуралиста Бейтензоргъ и его населеніе служатъ однако лишь оправой или рамой всей картины его жизни на Явѣ; центромъ его вниманія являются департаментъ земледѣлія и его учрежденія. Эти учрежденія имѣютъ почтенную, почти столѣтнюю, исторію, но развивались они неравномѣрно. Время отъ времени энергичная со-

зидательная работа пріостанавливалась, замѣнялась періодомъ застоя, пока снова не пробуждалась къ творчеству.

Два періода и связанныя съ ними два имени необходимо упомянуть въ этой исторіи: одно относится къ началу возникновенія сада, другое принадлежитъ настоящему.

Основанный въ 1817 году садъ слабо развивался до 30-хъ годовъ, когда мѣсто садовника, котораго лучше назвать инспекторомъ сада (Hortulanus), занялъ T. Teijsmann, прежде служившій садовникомъ при одномъ имѣніи въ Голландіи. Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ продолжалась его кипучая дѣятельность. За это время Ботаническій садъ изъ парка при дворцѣ генералъ-губернатора превратился въ самостоятельное научное учрежденіе. Teijsmann'омъ былъ засаженъ Ботаническій садъ, устроены его отдѣленія на склонѣ вулкана Геде; имъ были сдѣланы безчисленныя поѣздки по Явѣ и другимъ островамъ архипелага для сбора полезныхъ и интересныхъ растеній; имъ была введена культура хиннаго дерева (Cinchona Calisaya), ванили и цѣлаго ряда другихъ растеній, дающихъ въ настоящее время огромные доходы государству и частнымъ лицамъ. За этотъ періодъ времени Ботаническій садъ пережилъ много трудныхъ моментовъ. Возникала даже мысль о его уничтоженіи, но энергія заинтересованныхъ лицъ, и прежде всего Teijsmann'а, спасала садъ и расширяла его дѣятельность.

Въ 1880 году мѣсто директора сада занялъ молодой ботаникъ, доцентъ лейденскаго университета Мельхіоръ Трейбъ. Во главѣ сада сталъ первоклассный ученый изслѣдователь и не менѣе одаренный организаторъ. Тридцать лѣтъ стоялъ Трейбъ во главѣ Ботаническаго сада: Hortus Botanicus Bogoriensis превратился въ s'Lands Plantentuin, т.-е. въ болѣе широкую организацію, чѣмъ прежній Ботаническій садъ, а въ 1904 году уже былъ организованъ департаментъ земледѣлія Нидерландской Индіи, въ составъ котораго вошелъ и садъ. Этотъ департаментъ объединилъ въ себѣ работу многочисленныхъ научныхъ и научно-прикладныхъ учрежденій и завѣдываніе культурами Нидерландской Индіи. Возникнувъ путемъ медленнымъ, синтетическимъ, строя свои заключенія на основаніи строгихъ научныхъ данныхъ, Бейтензоргскій департаментъ земледѣлія могъ бы служить образцомъ для всякаго другого подобнаго учрежденія.

Когда я утромъ, на другой день по пріѣздѣ въ Бейтензоргъ, посѣтилъ профессора Трейба, онъ повелъ меня по всѣмъ учрежденіямъ департамента земледѣлія, составляющимъ цѣлый городъ.

Я познакомлю съ ними вкратцѣ читателя, чтобы онъ могъ представить себѣ, какъ глубоко научно обставлено дѣло изученія природы и продуктовъ земледѣлія, или, лучше сказать, народнаго хозяй-

ства на Явѣ, въ тропической странѣ, лежащей такъ далеко отъ научныхъ центровъ Европы.

Направляющимъ учрежденіемъ является бюро департамента земледѣлія, помѣщающееся недалеко отъ главнаго входа въ садъ, противъ центральной станціи и базара. Оно занимаетъ небольшой скромный домикъ, къ которому сзади примыкаютъ архивъ и большое помѣщеніе, гдѣ работаетъ подъ присмотромъ европейскихъ шефовъ многочисленный персоналъ мелкихъ малайскихъ служащихъ.

Садъ, находящійся въ завѣдываніи Hortulanus'a Вигмана, составляетъ центральное самое старое учрежденіе этого департамента. Съ садомъ тѣсно связанъ ботаническій музей, содержащій огромный гербарій и коллекціи плодовъ, стволовъ и разныхъ другихъ частей растеній. Тамъ между прочими сокровищами видѣлъ я цвѣтокъ знаменитой Rafflesia Arnoldi, еще не вполнѣ распустившійся, похожій на громадную воронку съ отвороченными краями, около аршина въ поперечникѣ. Библіотека съ журналами и книгами на всѣхъ языкахъ находится по сосѣдству съ ботаническимъ музеемъ. Это одна изъ лучшихъ ботаническихъ библіотекъ, которыя только существуютъ.

Возлѣ библіотеки выстроенъ новый помѣстительный музей прикладной ботаники, гдѣ собраны различные продукты растительнаго происхожденія и показано постепенное ихъ возникновеніе изъ сырого матеріала. Тутъ можно видѣть и систематически собранныя разныя полезныя растенія, напр., дающія прядильный матеріалъ; разныя смолы; растенія, идущія на плетеніе и постройки; сорта чая, кофе и какао; пряности и безконечный рядъ другихъ растеній, идущихъ на потребности человѣка. Недалеко отъ бюро размѣщены другія учрежденія департамента: лабораторія для иностранныхъ ученыхъ, лабораторіи—фармакологическая, растительно-патологическая и физіологическая; лабораторіи—испытанія волокнистыхъ веществъ, спеціальныя для чая, кофе, табака, риса, почвенно-бактеріологическая, зоологическій музей, лабораторія химическая, художественно-фотографическое ателье, наконецъ типографія, гдѣ печатаются многочисленныя изданія департамента, какъ чисто научныя, какъ «Annales du Jardin botanique Buitenzorg», такъ и извѣстія департамента, посвященныя научно-прикладнымъ вопросамъ.

Прибавимъ сюда еще опытную станцію подъ Бейтензоргомъ, горный садъ въ Tjibodas и двѣ школы, гдѣ учатся какъ садоводству, такъ и агрономіи.

Во главѣ каждаго учрежденія стоитъ завѣдывающій-спеціалистъ и штатъ служащихъ, при чемъ всѣ работы, не требующія научныхъ спеціальныхъ знаній, съ большимъ успѣхомъ выполняются способнымъ малайскимъ персоналомъ.

Я обращаю вниманіе читателя на спеціальныя лабораторіи, посвященныя чаю, табаку, кофе, рису—главнымъ продуктамъ массовой культуры на Явѣ. Работа ведется въ этихъ институтахъ двумя путями: ботаники на основаніи современныхъ методовъ изслѣдованія изучаютъ расы, улучшаютъ ихъ путемъ отбора и скрещиванія, химики ведутъ параллельно изученіе ихъ химическихъ свойствъ, соединяющихся съ сортами и расами этихъ растеній. Расходы, идущіе на изученіе этихъ растеній, вполнѣ окупаются, и сознается это не только правительствомъ, но и частными предпринимателями, и на пути домой, когда я на пароходѣ «Rumphius» ѣхалъ изъ Батавіи въ Сингапуръ, я получилъ приглашеніе отъ комитета табачныхъ плантаторовъ перейти къ нимъ на службу, при чемъ они соблазняли меня отпускомъ огромной суммы денегъ (чуть ли не 40.000 гульденовъ) на лабораторію для изученія табака.

Департаментъ земледѣлія Нидерландской Индіи—это гармоничное сочетаніе науки и практики: наука идетъ впереди, къ ея мнѣнію прислушиваются практики, поступая по указанію науки, сочетая теоретическія заключенія съ возможностью практическаго выполненія.

Лишь Ботаническій садъ съ музеемъ получилъ въ наслѣдіе отъ своихъ предшественниковъ проф. Трейбъ, а все остальное было дѣломъ его рукъ, его энергіи. Департаментъ земледѣлія и выполненная имъ культурная миссія навсегда останутся лучшимъ памятникомъ этому выдающемуся человѣку. Приведенное описаніе утомило читателя; еще болѣе усталъ я, когда подъ руководствомъ проф. Трейба обходилъ всѣ эти институты, знакомясь съ ними и ихъ шефами.

Я устроился въ лабораторіи для иностранцевъ — большомъ залѣ съ прекрасной вентиляціей, гдѣ можно было работать, несмотря на горячіе потоки солнечныхъ лучей. Для иностранцевъ выстроена, какъ я сказалъ, особая лабораторія, и администрація департамента принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы пріѣзжіе ученые могли достаточно полно ознакомиться съ тропической природой и не терпѣли неудобствъ при сборѣ матеріала. Я буду неоднократно имѣть случай описывать, какъ широко голландское гостепріимство, которое мнѣ пришлось испытать много разъ при моихъ экскурсіяхъ.

Ученые со всей Европы, изъ Америки и Японіи работали въ Бейтензоргѣ. Ихъ изслѣдованія значительно расширили наши свѣдѣнія о жизни тропической природы, и со времени возникновенія этой лабораторіи представители тропическаго міра не изучаются только въ видѣ труповъ, извлеченныхъ изъ коллекцій или гербаріевъ, а изслѣдуются какъ живые организмы, въ связи съ условіями ихъ обитанія. Подобное изученіе тропической флоры и фауны, кромѣ

частнаго интереса, связаннаго съ тѣми или иными формами, имѣетъ общее значеніе.

Геологія показываетъ намъ, что было время, и сравнительно еще не такъ давно, когда равномѣрный тропическій климатъ былъ распространенъ по всему земному шару, когда въ окрестностяхъ Парижа росли пальмовые лѣса, хлѣбное дерево, фикусы и другія тропическія растенія покрывали среднюю Европу, а на далекомъ Шпицбергенѣ и въ Гренландіи, гдѣ нѣтъ ни одного дерева, кромѣ ползучихъ березокъ и ивъ, были распространены высокорослые лѣса вѣчнозеленыхъ растеній. Измѣненіе климата Европы, времена года и ихъ смѣна появились на земномъ шарѣ сравнительно недавно (съ третичнаго періода), и къ нимъ приспособилась та растительность, которая смѣнила собой сначала тропическую, затѣмъ подтропическую флору.

Растительный и животный міръ тропиковъ показываетъ какъ бы первичные жизненные типы, и, изучая ихъ, мы можемъ понять и близкую намъ нашу природную обстановку.

Наиболѣе выдающіеся ученые біологи записали свои имена въ книгу посѣтителей Бейтензорга. Но о нихъ я не буду говорить, укажу лишь на тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые побывали на Явѣ. Первымъ былъ москвичъ д-ръ Дубровинъ, посѣтившій Ботаническій садъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ; затѣмъ идутъ профессоръ Коротневъ — кіевскій зоологъ, профессоръ Красновъ — харьковскій географъ, Каменскій — одесскій ботаникъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ академія наукъ учредила Бейтензоргскую стипендію, и съ тѣхъ поръ каждые два года посылается на Яву то ботаникъ, то зоологъ. Первымъ среди этихъ лицъ былъ кіевскій ботаникъ проф. Навашинъ, затѣмъ два зоолога—Педашенко и Давидовъ, послѣ нихъ московскій проф. Голенкинъ, затѣмъ зоологъ Ивановъ, а въ 1909 г.—пишущій эти строки со своими спутниками братьями Стрѣлиными и одесскій проф. Р.

Лѣтомъ прошлаго года компанія молодыхъ русскихъ ученыхъ изъ Петербурга совершила кратковременную поѣздку на товарищескихъ началахъ и, пробывъ около мѣсяца на Явѣ, проѣхавъ черезъ Японію, Индостанъ, вернулась въ Россію. Поѣздка была произведена на небольшія средства, и молодые ученые не только извлекли изъ нея массу удовольствія и пользы для себя, но и успѣли сдѣлать интересную научную работу.

Академія наукъ ассигнуетъ 2000 руб., но этихъ средствъ едва хватаетъ, если дѣлать экскурсіи въ далекія отъ центра области.

Пять мѣсяцевъ провелъ я въ Бейтензоргской лабораторіи для иностранцевъ, въ исключительной по удобству для занятій обстановкѣ.

Туда приходилъ ко мнѣ старый Па-Иданъ, и мы вели съ нимъ долгіе переговоры относительно нужнаго мнѣ научнаго матеріала, при чемъ нерѣдко мой собесѣдникъ долженъ былъ долгое время ожидать конца моей фразы, пока я не находилъ подходящаго слова въ лексиконѣ; но Па-Иданъ понималъ съ полуслова и возвращался со своей экскурсіи нагруженный цѣлой массой рѣдкихъ и интереснѣйшихъ вещей. Въ лабораторію приходили многочисленные ребятишки, продавая бѣлому человѣку—«orang blanda»—все, что только они находили: доставлялись различныя насѣкомыя—бабочки, жуки; приносились гнѣзда термитовъ, удивительные яванскіе грибы съ сѣтчатымъ шлейфомъ—диктіофоры,—словомъ, не сходя съ мѣста, тамъ можно было набрать цѣлый музей. Крупные грибы, большія ярко окрашенныя насѣкомыя продавались довольно дорого,—цѣны доходили до 20, 30 и даже до 50 центовъ за штуку, но мелочь, часто еще болѣе интересная, чѣмъ крупныя животныя, сходила за нѣсколько центовъ. Мы попали въ удачное время, когда не было конкуренціи, такъ какъ, кромѣ проф. Р., меня и моихъ товарищей, всего одинъ неполный мѣсяцъ провелъ въ Бейтензоргѣ берлинскій ученый Магнусъ; когда же онъ уѣхалъ, мы остались хозяевами лабораторіи. Служитель Мугни ловко управлялся съ разными работами, а нашъ Нонгъ-Нонгъ старался настолько долго убирать наши комнаты, что приходилъ незадолго до того времени, когда ожидалъ услышать желанное «djalan makan»—ступай обѣдать. Это «makan» продолжалось съ 12 час. до 3 или 4 час. дня.

Ботаническій садъ.

Возможно ли описать Ботаническій садъ въ Бейтензоргѣ въ краткомъ общедоступномъ очеркѣ? Конечно, такая задача врядъ ли кому подъ силу. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ ежедневно ходилъ я по его аллеямъ и полянамъ, и чѣмъ болѣе я всматривался, тѣмъ больше видѣлъ новыхъ формъ и тѣмъ яснѣе становилось мнѣ, что нужны цѣлые годы жизни, чтобы дѣйствительно ознакомиться съ тѣми безконечными сокровищами, которыми наполненъ этотъ садъ. Тропическая растительность, такая разнообразная и сложная, сгруппирована здѣсь на небольшомъ клочкѣ земли. Тѣ тысячи видовъ деревьевъ, которыя растутъ въ яванскихъ лѣсахъ, увеличены пришельцами изъ другихъ областей, но извѣстный систематическій порядокъ позволяетъ разобраться въ этомъ громадномъ количествѣ формъ.

Я передамъ тѣ впечатлѣнія, опишу тѣ наиболѣе бросающіяся въ глаза растенія, которыя обращаютъ вниманіе натуралиста, когда онъ съ планомъ въ рукахъ медленно прогуливается по аллеямъ сада, стараясь запечатлѣть въ своемъ мозгу тотъ или иной образъ.

Цвѣтущій аморфофаллусъ.

Ліана энтада—Entada scandens.

Аллея въ Ботаническомъ саду въ Бейтензоргѣ.

Недалеко отъ бюро департамента, противъ того мѣста, гдѣ Djalanbesaar сворачиваетъ около базара, расположены главныя ворота сада. Вы входите въ одну изъ главныхъ достопримѣчательностей—канаріевую аллею изъ деревьевъ Canarium commune, посаженную Тейсманномъ около 80 лѣтъ тому назадъ. Высокія, стройныя деревья съ большой развѣсистой кроной тѣсно примыкаютъ своими вѣтками другъ къ другу, образуя почти сомкнутую сѣнь, задерживающую въ жаркій полдень жгучій потокъ солнечныхъ лучей.

Тутъ же при входѣ бросается въ глаза какая-то гигантская веревка, тянущаяся по землѣ, перекидывающаяся съ дерева на дерево и скрывающаяся среди вѣтвей далеко отстоящихъ отъ воротъ деревьевъ. Это одна изъ ліанъ Ботаническаго сада (Entada scandens), корень которой уходитъ въ землю возлѣ садоваго забора, а облиственныя вѣтви покоятся гдѣ-то далеко на вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ. Она то спускается съ верхнихъ вѣтокъ внизъ, образуя узлы и петли, то снова подымается кверху. Это растеніе принадлежитъ къ семейству мотыльковыхъ, къ которому ботаники также относятъ наши горохъ и бобы, и является самой крупной яванской ліаной. Рисунокъ, помѣщенный на таблицѣ, передаетъ только одинъ ея кусокъ, остальная часть не могла умѣститься на фотографической пластинкѣ.

Глядя на высокіе стволы канаріевыхъ деревьевъ, мы видимъ лишь одну сплошную зеленую стѣну. Со всѣхъ сторонъ обросли ихъ различныя растенія, которыя ботаники называютъ эпифитами (поселяющіяся на другихъ растеніяхъ). Одни изъ этихъ эпифитовъ являются нашими старыми знакомыми, другіе же приходится видѣть здѣсь въ первый разъ. Вотъ бросается въ глаза своими оригинальными разсѣченными листьями нашъ обыкновенный филодендронъ, который ботаники называютъ Monstera deliciosa. Его часто культивируютъ въ комнатахъ и въ большихъ оранжереяхъ, онъ даже приноситъ ароматные и сладкіе плоды. Здѣсь это—огромное растеніе, взбирающееся при помощи своихъ безчисленныхъ корней, заключающихъ въ свои объятія стволъ канаріеваго дерева. Это растеніе не мѣстной флоры, оно вывезено изъ тропической Америки, гдѣ встрѣчается въ густыхъ и сырыхъ лѣсахъ. Рядомъ съ нимъ обитаютъ и другіе представители аронниковыхъ или ароидей, относящіеся къ роду Pothos; одни съ листьями, по зелени которыхъ разбросаны золотистыя пятна, называются Pothos aurea; на другомъ деревѣ нашелъ себѣ пріютъ огромный кустъ орхидеи Grammatophyllum speciosum, одно изъ чудесъ Ботаническаго сада. Во время цвѣтенія это растеніе выкидываетъ до 50 цвѣтущихъ кистей, усаженныхъ безчисленнымъ множествомъ цвѣтковъ, образуя около 4000 цвѣтковъ

бураго цвѣта съ пятнами на лепесткахъ. Какъ же можетъ оно держаться на деревѣ? Откуда достаетъ себѣ пищу? Оно пускаетъ рядъ корней, идущихъ въ разныя стороны. Между ними накопляется перегной, куда растеніе пускаетъ новые корни, а его зеленые листья вырабатываютъ нужныя для растенія вещества. Нѣсколько дальше стволы канаріевыхъ деревьевъ завиты тунбергіей съ крупными фіолетовыми цвѣтками, а возлѣ нихъ по вѣтвямъ и стволамъ деревьевъ-подпорокъ карабкаются своеобразныя фрейсинетіи (Freycinetia),—растенія, родственныя панданусамъ, съ оригинальными крупными цвѣтками. Ихъ мясистые розовые околоцвѣтники являются постоянно обгрызенными. Летучая собака, калонгъ, охотно лакомится этими сочными лепестками. Перелетая отъ цвѣтка къ цвѣтку и поѣдая свой ранній ужинъ, летучая собака переноситъ пыльцу съ однихъ цвѣтковъ на пестики другихъ, опыляя такимъ образомъ цвѣтки. Услуга за услугу!

Нѣсколько шаговъ дальше, и снова вниманіе ботаника привлекается невиданнымъ растеніемъ—ліаной: она обвиваетъ стволы двухъ сосѣднихъ канаріевыхъ деревьевъ, образуя раскидистыя вѣтви съ широкими листьями. Трудно повѣрить, что это растеніе, называемое Gnetum, близко къ нашей Кузьмичевой травѣ и хвойнымъ растеніямъ, хотя ничѣмъ не напоминаетъ тѣ иглы, которыя покрываютъ вѣтви нашихъ сосенъ и елей.

Отсюда идетъ боковая дорога, которая приводитъ къ большому пруду, на берегу котораго построенъ дворецъ генералъ-губернатора, изящное бѣлое зданіе съ стройной колоннадой. Въ пруду, вмѣсто нашихъ бѣлыхъ лилій и желтыхъ кувшинокъ, викторія регія раскинула свои листья. Это амазонское растеніе нашло на Явѣ вторую родину—оно прекрасно растетъ въ Бейтензоргѣ. Его листья, какъ огромныя сковороды съ приподнятыми краями, плаваютъ на поверхности воды, показывая сѣть мощныхъ жилокъ; между листьями видны большіе розовые цвѣты, по формѣ и строенію совершенно схожіе съ нашими водяными лиліями.

Оригинальное дерево свѣшиваетъ свои вѣтви надъ тихой водой пруда. Это Kigelia pinnata, изъ Нубіи; его удачно называютъ колбаснымъ деревомъ, такъ какъ огромные плоды его вытянутой формы спускаются на длинныхъ плодоножкахъ, словно колбасы съ потолка колбасной лавки.

Посрединѣ пруда виденъ островъ, необычайно живописно вырисовывающійся на фонѣ зелени красными черешками листьевъ пальмы-пинанги — Cyrtostachys Rendah. Къ красному тону этой пальмы присоединяются пестрыя акалифы, кротоны и кодіеумы, которыхъ часто держатъ въ оранжереяхъ изъ-за ихъ пестрой листвы.

По берегу пруда растетъ цѣлый рядъ рамбутановъ; ихъ красные, усѣянные мягкими колючками плоды являются одними изъ наиболѣе оригинальныхъ и вкусныхъ тропическихъ плодовъ.

Но свернемъ съ главной аллеи въ другую сторону налѣво, и мы придемъ въ другую аллею, рѣзко контрастирующую съ тѣнистой канаріевой аллеей. Одна канаріевая аллея—цѣлый ботаническій садъ: столько разнообразныхъ растеній живетъ на ея стволахъ и вѣткахъ. Эта новая аллея состоитъ изъ прямыхъ дивной красоты пальмъ—ореодокса (Oreodoxa regia). Сѣрые правильные колоннообразные стволы ихъ заканчиваются гигантской кроной перистыхъ листьевъ. Гладкая кора этихъ пальмъ не допускаетъ другія растенія взбираться на нихъ, и только глазъ ботаника останавливается на тѣхъ крошечныхъ растеніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ мховъ, лишайниковъ, которыя и на этой гладкой корѣ нашли возможность пріютиться, плотно укрѣпившись между легкими ея шероховатостями.

Эта пальмовая аллея выходитъ на Djalan-besaar, противъ музея и гербарія. По обѣ стороны ея разбиты широкія поляны, одна изъ которыхъ засажена группами чудныхъ араукарій, пришельцевъ изъ Австраліи или Южной Америки, и цикасами, приземистые, неуклюжіе стволы которыхъ одѣты, какъ панцыремъ, чешуйками, слѣдами опавшихъ листьевъ. Вмѣстѣ съ ними стройныя пальмы дополняютъ изящество этой группы растеній. Другая сторона—царство бамбуковъ. Сколько ихъ тутъ, какое разнообразіе—отъ тоненькихъ, напоминающихъ нашъ тростникъ, до огромныхъ, толщиной больше чѣмъ въ руку.

Большая группа бамбуковъ скрываетъ кладбище, гдѣ похоронены нѣкоторые члены семьи генералъ-губернаторовъ и два ботаника, скончавшіеся въ Бейтензоргѣ. Бамбуки посажены очень густо, лучъ солнца едва проникаетъ черезъ ихъ чащу, и постоянная сырость живетъ на этомъ кладбищѣ, дорожки котораго покрыты тонкимъ зеленымъ налетомъ разныхъ водорослей и мховъ.

На фотографіи видны размѣры огромнаго бамбука Dendrocalamus (дендрокаламусъ), который привезенъ съ острова Цейлона, гдѣ онъ образуетъ непроходимыя заросли.

Трудно оцѣнить все значеніе бамбука для тропическаго жителя. Онъ ему даетъ все, начиная съ дома, кончая предметами домашняго обихода, одеждою, даже пищу. Хижины малайцевъ стоятъ на тонкихъ бамбуковыхъ ножкахъ, основаніе пола, потолка и стѣнъ построено изъ бамбука, вода пробѣгаетъ отъ колодца на поле по бамбуковой трубѣ, малаецъ и китаецъ защищаютъ свою голову отъ дождя и солнца бамбуковой шляпой, они спятъ на бамбуковыхъ цыновкахъ, несутъ на продажу овощи въ бамбуковыхъ корзинахъ,

подаютъ на завтракъ или обѣдъ молодые стебли бамбука, и я далеко еще не перечислилъ того, что дѣлаетъ малаецъ изъ бамбука, одѣвая, укрывая себя и услаждая себя въ вечерніе часы звуками особыхъ инструментовъ, сдѣланныхъ цѣликомъ изъ пустыхъ бамбуковыхъ колѣнъ.

Въ бамбукѣ соединяется легкость съ удивительной прочностью. Ботаникъ, разсматривая стебель бамбука подъ микроскопомъ, хорошо понимаетъ, почему бамбукъ можетъ быть такъ проченъ, несмотря на то, что его стебель или стволъ построенъ такъ же, какъ соломина нашихъ злаковъ. Къ окружности стебля отнесены у бамбука самыя крѣпкія и устойчивыя волокна, такъ называемая механическая ткань. Она сообщаетъ бамбуку крѣпость желѣза, являясь одновременно гибкой, какъ лучшая стальная пружина. Въ срединѣ же, гдѣ давленіе на стебель слабо, тамъ экономная природа не развила ткани, не затрачивая матеріала попусту тамъ, гдѣ безъ него можно обойтись.

Выйдя за предѣлы бамбуковаго кладбища, вы попадаете на широкую поляну—розовый садъ, гдѣ находятся многочисленныя клумбы розъ и другихъ цвѣтущихъ растеній, а въ срединѣ на небольшомъ холмикѣ стоитъ красный обелискъ—памятникъ Тейсманну, неусыпной энергіи котораго садъ былъ такъ много обязанъ. Розы однако не чувствуютъ себя вполнѣ хорошо въ этомъ жаркомъ и влажномъ климатѣ; ихъ цвѣты гораздо меньше, ихъ ароматъ слабѣе. Съ одной стороны розовый садъ окаймляетъ аллея изъ тонкихъ и стройныхъ пальмъ латаній, которыя обросли со всѣхъ сторонъ разными ползучими растеніями, среди которыхъ особенно интересны ипомеи, цвѣтущія темно-лиловыми колокольчиками, цвѣты которыхъ опадаютъ вскорѣ послѣ своего распусканія и не приносятъ плодовъ. Причиной этого безплодія служитъ пчела, которая прокусываетъ основаніе цвѣтка, повреждаетъ цвѣтокъ, выпивая его нектаръ, и улетаетъ, не опыливъ цвѣтка пыльцою.

Изъ розоваго сада можно итти двумя дорогами—одной, которая идетъ, держась ближе окружности сада, и другой, ведущей прямо къ дому директора и лабораторіи. Обѣ представляютъ одинаковый интересъ, но растительность, которую встрѣчаетъ на этомъ пути посѣтитель сада, весьма различна. Идя вдоль быстраго журчащаго ручья Tjibalok прямо черезъ садъ, вступаешь въ густую тѣнь, гдѣ подъ прикрытіемъ высокихъ деревьевъ расположены различныя травянистыя растенія тропиковъ. Высокіе костусы, эллетаріи и другіе представители имбирныхъ граничатъ съ марантовыми, среди которыхъ особенно интересна Maranthа indica, дающая важный питательный матеріалъ—арроурутъ, изъ котораго у насъ въ Европѣ дѣ-

лаютъ нѣжныя чайныя печенья, а за этими семействами начинаются безконечные ряды арониковыхъ, съ которыми отчасти мы ознакомились, гуляя по канаріевой аллеѣ. Здѣсь собрано ихъ очень большое количество, и нѣкоторые изъ нихъ являются наиболѣе парадоксальными и чудесными представителями растительнаго міра.

Вы идете по этому кварталу, разсматривая собранныя здѣсь растенія, и вдругъ начинаете ощущать тяжелый запахъ разлагающагося трупа. Съ недоумѣніемъ оглядываясь кругомъ, идете вы дальше на этотъ запахъ, но вмѣсто трупа животнаго вы натыкаетесь на какой-то странный предметъ, растущій изъ земли, который вы не признаете сразу за растеніе. Онъ состоитъ изъ толстой темно-фіолетовой булавы, одѣтой покрываломъ такого же цвѣта; внутри его при основаніи булавы находятся многочисленные мелкіе цвѣтки—это аморфофаллусъ, ароидея, въ полномъ цвѣту, которая привлекаетъ своимъ запахомъ мухъ, питающихся разлагающимися веществами и необходимыхъ растенію для опыленія его цвѣтковъ. Цвѣтокъ аморфофаллуса изображенъ на таблицѣ. Рядомъ съ аморфофаллусомъ изъ земли торчитъ еще большая булава, одѣтая такимъ же покрываломъ, но достигающая величины больше аршина; это драконціумъ, американское ароидное, подъ тѣнью одного листа котораго укрывается человѣкъ.

Выходя изъ этого сырого участка сада, мы не можемъ пройти мимо одного оригинальнѣйшаго растенія, которое ютится на стволахъ и вѣткахъ другихъ деревьевъ. Это растеніе, которое ботаники зовутъ дишидія, имѣетъ листья двоякаго рода. Одни изъ нихъ, почти округлой формы, довольно мясисты, какъ у многихъ эпифитовъ, служатъ для обычнаго питанія растенія, другіе же имѣютъ странную форму мѣшковъ, отходящихъ пучками отъ нѣкоторыхъ мѣстъ стебля. Если вскрыть такой мѣшокъ, то въ немъ найдемъ воду и цѣлый пучокъ корней самого растенія. Дишидія, какъ только что сказано, живетъ на деревьяхъ. Она получаетъ нужную для себя воду только отъ дождя, но дождевой воды, быстро стекающей съ растенія, было бы недостаточно для поддержанія жизни растенія, и растеніе превратило свои листья въ настоящіе водные резервуары, гдѣ оно сохраняетъ воду и куда оно пускаетъ свои корни, не боясь и нѣкоторой засухи.

Выйдя изъ отдѣленія ароидныхъ и другихъ тѣневыхъ растеній, мы выходимъ на веселую полянку къ изящному дому директора сада, около котораго есть ходъ и въ лабораторію для иностранцевъ.

Если же изъ розоваго сада итти другой дорогой, то по пальмовой аллеѣ мы попадаемъ въ кварталъ ротанговъ и близкихъ имъ десмонкусовъ, демоноропсовъ и другихъ страшилищъ растительнаго

міра. Эти пальмы-ліаны образуютъ такое густое сплетеніе, черезъ которое едва ли можетъ пробраться и житель яванскихъ лѣсовъ, сѣрый гиббонъ. Длинные и тонкіе стволы ротанговъ, какъ громадныя змѣи, лежатъ на землѣ, образуя огромные изгибы и петли, приподнимаясь кверху и взбираясь на самыя верхушки деревьевъ, что передаетъ приложенная фотографія этого уголка сада. Сверху свѣшиваются сотни удочекъ, которыя медленно покачиваются въ воздухѣ и своими крючками впиваются въ шляпу, платье и тѣло забредшаго въ ихъ чащу путника. Захочетъ онъ выдернуть свою руку, новые крючки вонзаются въ него, и ему приходится терпѣливо оставаться на мѣстѣ, обрубая острымъ яванскимъ ножомъ-голокомъ всѣ окружающія удочки. Черешки листьевъ вооружены еще сильнѣе. Оттуда торчатъ цѣлые кинжалы, которые могутъ больно и опасно ранить смѣльчака, который захотѣлъ бы пробраться сквозь чащу ротанговъ. Но съ кѣмъ же борются эти пальмы-ліаны? Для чего имъ нужно такое вооруженіе? Онѣ стремятся лишь обладать свѣтомъ, котораго бываетъ мало въ густомъ тропическомъ лѣсу. Ихъ толстые стебли не могутъ обвиваться вокругъ другихъ стволовъ, и ротанги пользуются крючьями и шипами своихъ листьевъ, при посредствѣ которыхъ они взбираются на вѣтви другихъ деревьевъ. Впиваясь этими органами въ окружающіе ихъ стволы деревьевъ, ротанги взбираются все выше и выше, стремясь къ свѣту, источнику жизни растеній.

Но листъ недолговѣченъ. Онъ отмираетъ, и ротангъ лишается своей подпорки; тяжесть ствола обрываетъ нерѣдко листья, и стволъ падаетъ, образуя огромныя петли, лежащія на землѣ. Благодаря такому способу роста, ротанги необыкновенно длинны, они являются чуть ли не длиннѣйшими растеніями, достигая до нѣсколькихъ сотенъ футовъ въ длину. Заросли ротанговъ очень распространены по Малайскому архипелагу, а въ американскихъ лѣсахъ встрѣчаются ихъ братья десмонкусы и демоноропсы, вооруженные еще болѣе ужасными орудіями, цѣлыми гарпунами, которыми заканчиваются ихъ длиннѣйшіе листья, какъ это видно на рисункѣ.

Гибкіе и прочные стебли ротанговъ имѣютъ очень большое примѣненіе, замѣняя собой бамбукъ во многихъ случаяхъ. Извѣстная садовая мебель выдѣлывается изъ тонкихъ стволовъ этихъ ползучихъ пальмъ.

Если блуждать вечеромъ по аллеѣ около ротанговъ, то постоянно приходится видѣть то тамъ, то здѣсь блѣдный фосфорическій свѣтъ. Его издаютъ особые грибы, похожіе на наши опенки; свѣтится и ножка и шляпка гриба, а въ воздухѣ также постоянно мелькаютъ свѣтящіяся точки—это ночныя насѣкомыя, крылатки, свѣтляки, которые придаютъ столько таинственности ночной обстановкѣ.

Ротанги.

Гамеланъ—яванскій оркестръ.

Листья ротанговъ съ крючками.

Листья ротанговъ съ крючками.

Листья ротанговъ съ крючками

Мы обошли только одну часть сада; еще большая часть его осталась неосмотрѣнной, и мы идемъ туда, проходя мимо дома садовника и яванскихъ «оранжерей». Эти оранжереи, наполненныя прекрасными цвѣтущими растеніями, имѣютъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ у насъ. Онѣ построены изъ легкой ажурной рѣшетки, заплетенной съ боковъ и сверху густой сѣткой вьющихся растеній. Не давать тепло, а сохранять отъ солнечнаго зноя должны эти оранжереи, и въ нихъ культивируются нѣжныя тонколистныя растенія глухихъ ущелій и дебрей тропическаго лѣса, гдѣ царствуютъ полумракъ и непреходящая сырость.

Если свернуть съ канаріевой аллеи на первую дорогу направо, то передъ нами откроется прежде всего кварталъ мотыльковыхъ или бобовыхъ растеній. Мы хорошо знаемъ ихъ у себя по всѣмъ извѣстнымъ овощамъ и луговымъ растеніямъ, у насъ растутъ также и деревья—акаціи, но здѣсь собрано ихъ необыкновенное количество. Прежде всего бросается въ глаза крупное раскидистое дерево—амхерстія (Amherstia nobilis), родомъ изъ Бирмы. Ея длинныя спускающіяся соцвѣтія изъ красныхъ, покрытыхъ желтыми пятнами цвѣтовъ массами покрываютъ вѣтви дерева, сообщая ему какой-то особенно нарядный, праздничный видъ. Но не менѣе интересны и листья этого дерева. Какъ большія тряпки нѣжно розовато-зеленоватаго цвѣта, спускаются они отвѣсно съ молодыхъ вѣтвей. Лишь достигнувъ окончательной величины, вѣтви съ молодыми листьями приподнимаются и принимаютъ имъ свойственное положеніе. Въ теченіе всего этого времени листья остаются нѣжными и мягкими, легко сгибающимися и совершенно неломкими. Подобное явленіе распространено среди деревьевъ тропическаго лѣса, и посѣтитель Бейтензоргскаго сада постоянно встрѣчаетъ на своемъ пути подобныя поникшія вѣтви. Ихъ зеленая окраска появляется сравнительно поздно, когда листья достигли почти окончательной величины. Развитіе листьевъ у деревьевъ, живущихъ въ климатѣ Бейтензорга, не сопряжено съ какимъ-либо опредѣленнымъ временемъ года. Всегда существуютъ благопріятныя условія и безпрерывно идетъ развитіе листвы. Но какъ это ни странно, и здѣсь существуютъ такія деревья, которыя сбрасываютъ свою листву періодично. Отъ чего это зависитъ, трудно сказать, такъ какъ одни и тѣ же деревья сбрасываютъ листву разновременно.

Въ Бейтензоргскомъ саду растутъ нѣсколько экземпляровъ Palaquium macrophyllum; одни изъ нихъ покрыты листьями, въ то время какъ другіе стоятъ совершенно безлистными.

Но пойдемъ далѣе по кварталу бобовыхъ. Рядомъ съ амхерстіей растутъ прелестные экземпляры броуней (Brownea), цвѣтки которыхъ

соединены въ нѣжно-розовые букеты, изъ которыхъ выдаются ярко-желтыя тычинки. Длинная аллея, слегка понижаясь, ведетъ къ большому дереву, очень похожему на огромную развѣсистую липу; но это не липа, а дерево изъ семейства истодовыхъ, Polygalaceae, представители которыхъ—маленькія травки съ фіолетовыми цвѣтками—часто встрѣчаются у насъ по влажнымъ лугамъ. Мы сдѣлаемъ однако нѣсколько шаговъ въ сторону и подойдемъ къ кварталу драценъ, алоэ и юккъ, американскихъ гостей въ саду. Ихъ странныя формы, толстые мясистые листья совершенно не гармонируютъ съ общимъ тономъ растительности, указывая на совершенно иныя климатическія условія, среди которыхъ они возникли.

Продолжая свою прогулку къ большому Xantoxyllum, упомянутому развѣсистому дереву, мы проходимъ мимо самыхъ разнообразныхъ лимонныхъ деревьевъ и около этого раскидистаго великолѣпнаго дерева встрѣчаемъ большую группу древовидныхъ папоротниковъ. Здѣсь начинается одно изъ наиболѣе интересныхъ отдѣленій Ботаническаго сада—кварталъ высшихъ споровыхъ растеній, напротивъ котораго разбитъ кварталъ саговниковъ и пандануссовъ. Стройные стволы папоротниковъ и ихъ огромные перистосложные листья рѣзко отличаются по своему облику отъ сильно вѣтвистыхъ деревьевъ сада. Они напоминаютъ отчасти пальмы, но ихъ огромные и нѣжные листья сообщаютъ имъ какой-то особенный колоритъ, говорящій натуралисту о томъ далекомъ прошломъ земли, когда только папоротники и родственныя имъ споровыя растенія одни покрывали ея поверхность. Теперь мы видимъ лишь послѣднихъ потомковъ прежнихъ властителей земли. Первую группу составляютъ древовидныя ціатеи (Cyathea), за которыми слѣдуютъ удивительные ангіоптерисы. Ихъ толстый и низкій стволъ несетъ рядъ громаднѣйшихъ листьевъ, достигающихъ длины нѣсколькихъ саженъ. Особенно интересны молодые листья, которые какъ жезлы первосвященниковъ выдвигаются изъ ствола съ своей закрученной улиткообразно верхушкой. Рядомъ съ этими папоротниками растутъ другіе — эпифиты. Причудливые платицеріи съ своими разнородными листьями спускаются съ вѣтокъ канаріевыхъ деревьевъ, защищающихъ своею тѣнью папоротники отъ лучей солнца. Язычникъ или ужовникъ (Ophioglossum pendulum), какъ большая зеленая змѣя, свѣшивается съ дерева, а подъ деревьями пріютилась цѣлая семья мелкихъ папоротниковъ и плауновъ. Рядомъ съ ними многочисленныя бромеліевыя, къ которымъ относится ананасъ, растутъ какъ между деревьями, такъ и на деревьяхъ, изумляя наблюдателя своими ярко окрашенными верхними листьями, затѣняющими околоцвѣтникъ. Черезъ аллею—кварталъ саговниковъ. Ихъ приземистые

неуклюжіе стволы заканчиваются большими перистыми кожистыми листьями, которые такъ же свернуты улиткообразно, какъ листья папоротника, и напоминаютъ ихъ своимъ общимъ видомъ.

Съ одного изъ саговниковъ я снялъ шишку величиной съ хорошій самоваръ и вѣсомъ въ 22 фунта.

Саговники—вымирающая группа растеній. Въ прежнія геологическія эпохи они были широко распространены по земному шару, теперь же встрѣчаются въ очень немногихъ мѣстахъ земли. Изученіе ископаемыхъ растеній показало, что существовали такія растенія, которыя занимали промежуточное положеніе между саговниками или цикадовыми, какъ ихъ иначе называютъ, и папоротниками. Поэтому эта группа ископаемыхъ растеній называется цикадо-папоротниками. Наши саговники—прямые потомки этой группы. Они служатъ блестящимъ подтвержденіемъ теоріи эволюціи, согласно которой органическій міръ развивался преемственно, однѣ растительныя формы происходили отъ другихъ. И саговники въ глубинѣ исторіи своего развитія до сихъ поръ еще показываютъ такія черты строенія, какія свойственны ихъ предкамъ — папоротникамъ. Обладая пыльцевыми трубками, они все же въ видѣ оплодотворяющаго элемента имѣютъ подвижныхъ сперматозоидовъ, какъ и папоротники.

Отъ той поляны, гдѣ расположены цикасы, открываются прекрасные виды и интересныя группы растеній: направо—панданусы, оригинальные береговые обитатели тропическаго моря, налѣво—кварталъ пальмъ, съ представленіемъ о которыхъ тѣсно соединяется представленіе о тропическихъ странахъ; прямо передъ наблюдателемъ открывается великолѣпный видъ на нижнюю часть сада, гдѣ въ прудахъ сосредоточена богатая водяная флора; далѣе видны обрывистые берега Тьиливонга, за которымъ расположена новая часть сада, засаженная только недавно, а изъ-за верхушекъ деревьевъ въ ясное утро возвышается громада вулкана Геде, откуда бѣжитъ кроткій въ сухую погоду и грозный во время дождей въ горахъ Тьиливонгъ.

Прежде чѣмъ итти въ пальмовый кварталъ, познакомимся съ панданусами. Трудно представить себѣ что-либо болѣе оригинальное, чѣмъ эти деревья. Они стоятъ точно на подпоркахъ, такъ какъ отъ ихъ ствола вырастаютъ многочисленные корни, которые углубляются въ землю. Ихъ листья узкіе и длинные, обыкновенно снабженные острыми шипами по краямъ, сидятъ винтообразно на концѣ вѣтвей дерева. Необычайно интересенъ Pandanus labyrinthicus съ южной Суматры, который представляетъ собой совершенно безалаберно вѣтвящееся дерево, стволъ и вѣтви котораго дѣлаютъ различные изгибы, образуя почти петли, а съ ихъ нижней поверхности отхо-

дятъ многочисленные вѣтвящіеся корни, поддерживающіе это странное растеніе. Ознакомившись съ пандануса̀ми, пойдемъ въ отдѣлъ пальмъ, но на пути необходимо зайти въ кварталъ орхидей, гдѣ ихъ безчисленные виды растутъ отчасти на землѣ, но большей же части на особыхъ дощечкахъ, прикрѣпленныхъ къ стволамъ спеціально насаженной для этого цѣлой рощи изъ Plumiera acutifolia. Ботанику не хватитъ мѣсяцевъ, чтобы хорошенько разобраться во всей массѣ собраннаго тутъ матеріала, гдѣ преобладаютъ растенія съ мелкими и невзрачными цвѣтками, хотя то здѣсь, то тамъ встрѣчаются роскошные представители этого своеобразнаго семейства растеній.

Гораздо болѣе впечатлѣнія оставляетъ находящійся по сосѣдству пальмовый кварталъ, гдѣ собраны многочисленныя пальмы, нѣкоторыя изъ которыхъ достигли уже полнаго развитія и мощности. При началѣ пальмоваго квартала выстроенъ небольшой павильонъ, откуда открывается широкій видъ на пальмовыя насажденія. Передъ бесѣдкой растетъ группа яванскихъ пальмъ—каріоты и пинанги. Каріота—чудное дерево. Ея громадные сложные листья, какъ гигантскіе вѣера, свѣшиваются съ вершины ствола, а между ними спускаются огромные гроздья плодовъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Пинанги—лѣсныя пальмы; онѣ далеко забираются въ горы и встрѣчаются тамъ среди густой чащи лѣса. Нѣсколько дальше растетъ группа финиковыхъ пальмъ, но не тѣхъ, которыя даютъ съѣдобные плоды. Эти пальмы отличаются своими торчащими перистыми листьями, тонкіе листочки которыхъ колютъ какъ кинжалы. Стройныя борассусы примыкаютъ къ группѣ финиковъ и пинангъ, а за ними идутъ группы ликуаль и стройныя изогнутыя кокосовыя пальмы. Удивительное дерево эта кокосовая пальма. Она встрѣчается всюду по берегамъ тропическихъ морей, и нельзя себѣ представить ни одного жилища на островахъ, около котораго не росла бы рощица кокосовыхъ пальмъ. Но родина ея не извѣстна въ точности. Ее предполагаютъ по берегамъ Мексиканскаго залива, въ Центральной Америкѣ. Прежде думали, что большіе плоды ея, такъ называемые кокосовые орѣхи, легко распространяются морскими теченіями, однако точныя наблюденія показали, что эти плоды необычайно нѣжны и, полежавъ въ водѣ даже короткое время, теряютъ свою всхожесть. Своимъ распространеніемъ она обязана исключительно дѣятельности человѣка, но эта культурная дѣятельность уже ведется много вѣковъ, во время которыхъ пальма распространилась по всѣмъ угламъ тропическаго пояса земного шара.

Тутъ же растутъ и другія пальмы, крайне важныя въ обиходѣ тропическаго жителя. Arenga saccharifera—сахарная пальма, родиной съ Зондскихъ острововъ—даетъ излюбленный пальмовый сахаръ и

пальмовое вино, удовлетворяя вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ другихъ потребностей яванца; африканская финиковая пальма, Phoenix dactylifera, извѣстна всякому по ея значенію для оазисовъ Африки и Аравіи; масличная пальма, Elaeis guinensis, съ береговъ Гвинеи въ Африкѣ доставляетъ пальмовое масло, выжимаемое изъ ея плодовъ. Роскошная аталея (Atalea), извѣстная по поэтичному разсказу Гаршина, является одной изъ наиболѣе красивыхъ мѣстныхъ пальмъ; ея колоссальные листья, отваливаясь, оставляютъ послѣ себя массу рыхлыхъ волоконъ, тонкихъ, но крѣпкихъ какъ желѣзная проволока; среди нихъ развивается рядъ занесенныхъ туда эпифитовъ; тутъ живетъ цѣлая колонія мховъ, папоротниковъ, мелкихъ орхидей; рядъ животныхъ гнѣздится на пальмѣ, которая представляетъ собой цѣлый міръ.

Рядомъ съ аталеями растетъ удивительная пальма лонтаръ, или пальмира,—чудное дерево съ огромными вѣерными листьями. Эта пальма распространена по всей Индіи, являясь однимъ изъ полезнѣйшихъ растеній тропиковъ.

Въ этой группѣ растетъ также и Corypha umbraculifera, гебангъ,—одно изъ красивѣйшихъ растеній, какія только существуютъ. Гебангъ—чисто яванская пальма; онъ встрѣчается мѣстами по южному берегу Явы въ такомъ количествѣ, что опредѣляетъ физіономію ландшафта. Высокій его стволъ несетъ огромные вѣерообразные листья, шириной до 8 футовъ; ихъ черешки такой же длины крѣпко охватываютъ стволъ своими основаніями. Между сороковымъ и пятидесятымъ годомъ своей жизни гебангъ выкидываетъ огромнѣйшій султанъ, несущій безчисленное количество мелкихъ цвѣтковъ. По мѣрѣ созрѣванія мелкихъ плодовъ начинаютъ вянуть и опускаться роскошные листья, а когда плоды созрѣютъ, пальма умираетъ, принося цвѣты и плоды лишь одинъ разъ въ своей жизни. Богатый матеріалъ для поэтической фантазіи! Изъ сердцевины пальмы малаецъ добываетъ плохое саго, молодые листья употребляются въ вареномъ видѣ какъ овощъ, полузрѣлые плоды съѣдобны, листьями туземецъ покрываетъ крыши своихъ хижинъ.

Пальмовый кварталъ расположенъ по склону холма, и у его подошвы, и далѣе по берегу Тьиливонга растутъ многочисленныя пальмы; изъ нихъ остановимся только на низкой безстебельной нипѣ (Nipa fruticans), которая одна изъ первыхъ уже встрѣчалась намъ, образуя заросли по болотамъ около батавійской гавани Тандіонгъ-Пріока. Ея громадные листья выходятъ изъ низкаго, едва приподнимающагося надъ землей пенька, какъ изъ корзины.

Похожа на нее пальма Phytelephas, только съ болѣе высокимъ стволомъ. Эта пальма знаменита своими сѣменами, роговой бѣлокъ которыхъ настолько крѣпокъ, что идетъ въ токарное дѣло какъ сло-

новая кость. Безстебельная залакка (Zalacca) даетъ яванцамъ одно изъ любимыхъ лакомствъ, которое продавали всюду на восточной Явѣ, когда мы проѣзжали тамъ въ маѣ мѣсяцѣ.

Наконецъ, на берегу рѣки, въ особой загородкѣ, стоитъ пальма Lodoicea Sechellarum, родина которой—небольшая группа Сешельскихъ острововъ, лежащихъ на сѣв.-востокѣ отъ Мадагаскара. Ея громадные, какъ бы двойные, орѣхи достигаютъ колоссальной величины и вѣсятъ много фунтовъ, являясь чуть ли не самыми крупными изъ всѣхъ плодовъ.

Въ сосѣдствѣ съ лодоицеей растутъ саговыя пальмы—Metroxylon, дающія настоящее саго, которое служитъ пищей для большинства дикихъ и полудикихъ племенъ восточной части Малайскаго архипелага.

Продолжая нашу прогулку по саду, мы слѣдуемъ лѣвымъ берегомъ Тьиливонга, не переходя по мосту на его правый берегъ, въ новую, недавно пріобрѣтенную и вновь разбитую часть сада.

Въ сухое время дня, утромъ или въ полдень, Тьиливонгъ тихо струится по своему каменистому ложу; въ бочагахъ рѣчки малайки стираютъ бѣлье и купаются, дѣтишки играютъ камешками. Однако берега Тьиливонга въ предѣлахъ сада превращены въ крѣпкія набережныя, вымощенныя большими валунами. На мой вопросъ, зачѣмъ такая роскошь, я получилъ отвѣтъ, что еще недавно Тьиливонгъ уничтожилъ большой кусокъ сада, размывъ берега и попортивъ сильно насажденія. И дѣйствительно, если посмотрѣть на рѣчку послѣ проливныхъ дождей, выпадающихъ на склонахъ Геде, то ея видъ совершенно измѣняется. Вмѣсто тихо журчащаго ручья вы видите бурный и грозный потокъ, стремительно несущійся въ своихъ берегахъ, уничтожая всѣ преграды на пути. Большіе камни, лежащіе на его днѣ, подскакиваютъ и ударяются другъ о друга, какъ легкіе мячики. Становится вполнѣ понятнымъ, почему администрація сада заплатила въ годъ моего пріѣзда 14 тысячъ гульденовъ для того, чтобы сдерживать дикую силу этого ручья.

Послѣ пальмоваго квартала идетъ небольшое насажденіе кактусовъ, но этимъ американскимъ сухолюбамъ плохо живется во влажномъ климатѣ Бейтензорга, поэтому собраніе кактусовъ не велико, хотя нѣкоторые Cereus и достигаютъ значительной величины.

За поляной съ кактусами расположенъ одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ сада—тутъ собраны крапивоцвѣтныя растенія, мощныя по своимъ размѣрамъ и важныя въ промышленномъ отношеніи деревья; только очень немногія травы да вязы встрѣчаются въ нашемъ климатѣ, остальная часть крапивоцвѣтныхъ принадлежитъ тропическимъ и субтропическимъ областямъ.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ разнообразными фикусами, извѣстными любителямъ по тѣмъ растеніямъ, которыя имѣются чуть

ли не въ каждомъ домѣ. Но фикусы въ Бейтензоргѣ—огромныя деревья. Они поражаютъ наблюдателя своими плодами, имѣющими видъ винной ягоды, принадлежащей также къ фикусамъ. Плоды выходятъ какъ бы изъ самаго ствола, въ видѣ группъ или букетовъ, украшая его на разной высотѣ. Другіе фикусы полны плодами, обильно покрывающими ихъ вѣтви и стволы, опять-таки развиваясь на главныхъ толстыхъ вѣтвяхъ. Фикусы принадлежатъ къ такъ называемымъ стеблецвѣтнымъ растеніямъ. На стебляхъ и стволахъ помѣщаются небольшіе, еле замѣтные глазки, которые и приносятъ цвѣты и плоды. Когда плоды умираютъ и отваливаются, глазки остаются незамѣтными на стволѣ дерева.

Нѣкоторые фикусы поражаютъ своими корнями. Какъ огромныя доски отходятъ эти плоскіе корни отъ дерева и достигаютъ такой величины, что человѣкъ, стоящій между ними, совершенно заслоняется этими образованіями.

Среди кропивоцвѣтныхъ стоитъ стройное дерево съ оригинальными соцвѣтіями въ видѣ блюдечка на подставкѣ. Это—знаменитый упасъ, или анчаръ, дерево смерти, Antiaris toxicaria. Кому не извѣстно стихотвореніе Пушкина «Анчаръ»:

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь, уже тлетворный.

И не одна только фантазія поэта надѣляла анчаръ такими грозными качествами. Путешественники согласно описывали ядовитыя свойства анчара. Знаменитый Румфіусъ, ученый натуралистъ XVIII вѣка, предостерегаетъ всѣхъ подходить къ этому ужасному дереву, не обвязавши себѣ головы, рукъ и ногъ платками,—такъ страшно дѣйствуютъ испаренія, исходящія отъ этого дерева. Если же не предпринять указанныхъ предосторожностей, то жестокій ознобъ поражаетъ смѣльчака, и онъ падаетъ безъ сознанія подъ деревомъ.

Только одинъ василискъ, эта безобразная ящерица, можетъ жить подъ деревомъ смерти.

Другой путешественникъ идетъ еще дальше въ своихъ фантазіяхъ. Онъ описываетъ мѣстность на Явѣ, гдѣ растетъ только одинъ экземпляръ анчара, и на пятнадцать миль кругомъ его лежитъ пустыня—настоящая долина смерти!

Однако современная наука безъ труда срываетъ покровъ ужаса съ этого страшнаго дерева. Химикъ и ботаникъ показали, что анчаръ не только не ужасенъ, даже совершенно безвреденъ и только тогда дѣйствуетъ ядовито его млечный сокъ, когда онъ непосред-

ственно попадаетъ въ кровь. Въ саду подъ другимъ анчаромъ устроена скамейка, гдѣ отдыхаютъ натуралисты безъ всякаго вреда для себя, не замѣчая даже, подъ какимъ деревомъ они сидятъ.

Подлѣ дерева смерти, какъ контрастъ, посажены деревья жизни—хлѣбныя деревья, относящіяся къ роду Arthocarpus.

Одинъ изъ видовъ съ гладкими листьями (нангка туземцевъ), такъ же какъ и фикусы, приноситъ плоды на особыхъ вѣточкахъ, выходящихъ изъ ствола дерева. Плоды достигаютъ иногда очень большихъ размѣровъ, съ нашу хорошую дыню, и настолько тяжелы, что туземцы подвѣшиваютъ подъ нихъ особыя корзиночки, опасаясь, какъ бы плодъ не оторвался подъ вліяніемъ собственной тяжести. Другой видъ съ изрѣзанными листьями, который туземцы называютъ тимбуль, сукунъ, клува, вмѣстѣ съ нангка, широко распространенъ по всему Малайскому архипелагу и далѣе на востокъ и заботливо культивируется островитянами, доставляя имъ питательный продуктъ своими крупными плодами.

Отъ этого квартала съ кропивоцвѣтными уже недалекъ и конецъ огромнаго сада. Тутъ встрѣчаются прекрасные экземпляры желѣзнаго дерева—казуарины, одного изъ простѣйшихъ цвѣтковыхъ растеній по исторіи его развитія. За ними тянется насажденіе молочайниковъ, представляющихъ огромное разнообразіе подъ тропиками. Этотъ отдѣлъ сада замыкается эффектной группой молочайниковъ изъ рода Codieum, отличающихся необыкновенно пестрой окраской своей листвы. Темно-зеленые, желтые, красные, фіолетовые цвѣта гармонично разбросаны на листвѣ, представляя собой какъ бы задній планъ той грандіозной декораціи, которую образуютъ другія деревья сада.

Возвращаясь по другимъ аллеямъ сада, мы вновь вступаемъ въ пальмовый кварталъ, откуда идемъ уже мимо квартала орхидей и попадаемъ на поляну, гдѣ посажены роскошные представители тропическихъ и подтропическихъ хвойныхъ деревьевъ; здѣсь араукаріи чудной красоты растутъ рядомъ съ даммарой, которая встрѣчается какъ на островахъ Борнео и другихъ, такъ и въ Австраліи и Новой Зеландіи. Араукаріи извѣстны всякому, такъ какъ ихъ часто держатъ дома любители растеній; даммары же представляютъ собой колоссальныя хвойныя деревья, съ широкими и кожистыми листьями, мало похожими на хвои нашихъ сосенъ. Ихъ древесина очень высоко цѣнится въ техникѣ и идетъ на постройку судовъ, а обильно выдѣляющаяся смола находитъ также разнообразное примѣненіе. Къ хвойнымъ или близкимъ къ нимъ хвойниковымъ ботаники относятъ красивое курчавое дерево—Gnetum, близкій родственникъ того Gnetum, о которомъ мы говорили уже, когда описывали канаріевую

аллею. Этотъ Gnetum однако уже не ліана. Его зеленые плоды приносятся въ большомъ количествѣ на базары и употребляются въ пищу въ видѣ особыхъ лепешекъ, подаваемыхъ къ рису въ числѣ другихъ приправъ.

Отъ хвойныхъ уже близка канаріевая аллея; мы приходимъ туда мимо большого искусственнаго бассейна, заросшаго водяными лиліями и лотосами, около котораго растетъ огромный фикусъ, нашъ обычный комнатный фикусъ, но достигающій здѣсь необыкновенной мощи. Съ его вѣтвей свѣшиваются корни, какъ пучки тонкихъ веревокъ. Достигнувъ до земли, эти корни быстро утолщаются и укрѣпляютъ дерево, служа прочной подпорой его толстымъ вѣтвямъ, раскидывающимся на далекое пространство въ разныя стороны. Отъ этого бассейна поднимаемся на канаріевую аллею, чтобы вернуться домой.

Даже бѣглый обзоръ сада указываетъ на необычайное разнообразіе растеній, которыя тамъ растутъ.

И если сравнить общій видъ этого тропическаго сада съ нашими европейскими садами, то броситься въ глаза прежде всего одна очень существенная разница. Въ то время какъ въ нашихъ садахъ преобладаютъ травянистыя растенія и деревья представлены лишь небольшимъ числомъ видовъ, всего нѣсколькими десятками для средней Европы, Ботаническій садъ въ Бейтензоргѣ наполненъ деревьями, которыя составляютъ общій фонъ сада. Травянистыя растенія или тѣснятся на рѣдкихъ освѣщенныхъ полянахъ, или же стремятся къ свѣту, поселяясь на вѣтвяхъ и стволахъ деревьевъ. Въ лѣсахъ Явы встрѣчается болѣе 1500 видовъ деревянистыхъ растеній,—какая огромная разница между нашей и тропической флорой!

Если мы захотѣли бы продолжать свое знакомство съ другими частями сада, то нужно было бы отправиться черезъ кварталъ пандануcовъ, тамъ пройти мимо небольшого прудика, около котораго насажены мангровыя растенія, о которыхъ я разскажу ниже, когда буду описывать свое путешествіе на востокъ архипелага.

Около служительскихъ жилищъ черезъ висячій мостъ вы переходите Тьиливонгъ и попадаете въ новый участокъ сада, гдѣ культивируются многочисленныя травянистыя и кустарныя растенія, а также разбитъ новый большой участокъ, отданный подъ ліаны, а за этими чисто научными кварталами идетъ большая площадь, отведенная подъ культуру техническихъ растеній—какао, кофе, чая, индиго, кока, сахарнаго тростника и другихъ важныхъ въ практическомъ отношеніи растеній. Для этой цѣли существуютъ у сада спеціальныя культурныя отдѣленія подъ Бейтензоргомъ, о которыхъ будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Во главѣ управленія Ботаническимъ садомъ до послѣдняго времени

стоялъ директоръ департамента земледѣлія, покойный Трейбъ. Непосредственно же садомъ завѣдуетъ съ титуломъ Hortulanus почтенный г. Вигманъ, который больше 40 лѣтъ служитъ при садѣ, пройдя разныя ступени до высшей должности Hortulanus'a. Его помощникомъ является его сынъ, а весь остальной садовый персоналъ составляютъ малайцы, незамѣнимые для сада, прекрасно понимающіе уходъ за растеніями и знающіе растенія изъ непосредственнаго общенія съ природой. Крайне невзыскательные въ пищѣ, какъ магометане не пьющіе спиртныхъ напитковъ, они представляютъ собой благодарную почву для завѣдующаго, хотя обладаютъ однимъ общимъ порокомъ—восточной лѣнью.

Рабочій день въ Бейтензоргѣ начинается съ восходомъ солнца, съ 6 часовъ; онъ оканчивается для садовыхъ рабочихъ въ 1 ч. дня, и за этотъ 7-часовой трудъ они получаютъ не больше 8—10 гульденовъ въ мѣсяцъ, и только такія знаменитости, какъ Па-Иданъ, имѣютъ цѣлыхъ 12 гульденовъ, да старшій надъ ними, помощникъ г. Вигмана Jehiri, очень интеллигентный человѣкъ, знающій не только туземныя, но и латинскія названія растеній, получаетъ даже 60 гульденовъ. «Колоссальное жалованье», говорили мнѣ европейцы. «Сколько же вы сами имѣете за подобный трудъ?» спросилъ я. «О, у насъ нѣтъ вознагражденія меньше 200 гульденовъ».

Оцѣнка европейскаго и малайскаго труда, какъ видно, не вполнѣ одинакова.

Глава III.

Жизнь въ Бейтензоргѣ.

Жизнь натуралиста въ Бейтензоргѣ можно раздѣлить на двѣ половины: первая—нормальное обычное времяпровожденіе, когда онъ работаетъ въ гостепріимной лабораторіи для иностранцевъ; вторая—полная неожиданныхъ впечатлѣній,—когда онъ дѣлаетъ свои экскурсіи, поѣздки, даже цѣлыя путешествія.

Рано утромъ, около шести часовъ, пронзительный свистокъ перваго пробѣгающаго поѣзда будитъ спящихъ обывателей «Hôtel Belle-Vue», указывая имъ начало новаго дня.

Еще почти совершенно темно; Салакъ едва выступаетъ въ утреннемъ полумракѣ неяснымъ очертаніями своего массива. Малайскіе служители разносятъ подносы съ чаемъ и кофе и будятъ тѣхъ, кто еще не одолѣлъ утренней дремоты.

Скоро однако картина измѣняется: быстро пролетаютъ утреннія сумерки, Салакъ рѣзко выступаетъ на чистомъ, ясномъ небѣ, и про-

зрачный воздухъ не скрываетъ глубокихъ очертаній его профиля. Тьндани наполняется купающимися.

Другой поѣздъ со свистомъ и грохотомъ проносится подъ террасой отеля, и мы, наскоро проглотивъ чашку чая и закусывая на ходу бананомъ, спѣшимъ въ Ботаническій садъ, чтобы не пропустить той исключительной мягкости и свѣжести, того истиннаго «благорастворенія воздуховъ», которое наступаетъ въ ранніе утренніе часы въ Бейтензоргѣ. Это время—до восьми или до половины девятаго—отдается на изученіе сада, собираніе нужнаго матеріала для занятій въ лабораторіи.

Солнце еще не печетъ; воздухъ свѣжъ и прозраченъ; вся природа, омытая вчерашнимъ дождемъ, капли котораго еще не успѣли исчезнуть съ листьевъ, улыбается какъ въ первый день творенія.

Но такое состояніе продолжается короткое время. Когда къ девяти утра мы возвращаемся къ утреннему завтраку въ отель, уже становится жарко. Подкрѣпившись довольно обильнымъ завтракомъ, состоящимъ изъ чая или кофе съ хлѣбомъ и масломъ (rotti sama mantegga), яицъ (telor), ветчины, мяса (sapi), мы идемъ снова въ лабораторію, гдѣ микроскопируемъ и разбираемъ собранный утромъ матеріалъ.

Къ часу дня становится нестерпимо жарко и душно. Термометръ показываетъ уже 29—31° С.; густыя облака заволакиваютъ небо. Пора домой, и мы спѣшимъ въ гостиницу, чтобы освѣжиться купаньемъ и поспѣть ко второму завтраку, который бываетъ въ 1 ч. дня. Этотъ завтракъ состоитъ изъ туземнаго кушанья—риса (nassi), подаваемаго въ мискахъ. Рисъ этотъ варится на пару и представляетъ собой очень вкусное блюдо, которое приправляется цѣлой массой разнообразнѣйшихъ закусокъ, характерныхъ для этого рисоваго блюда. Среди закусокъ существенное мѣсто занимаетъ острый соусъ—кэрри, какіе-то катышки изъ мяса, курица во всѣхъ видахъ: жареная, печеная, сушеная, вареная (ajam goreng, ajam terое), различныя рыбки (ikan), какія-то лепешки—то изъ муки, то изъ хвойника (Gnetum) и цѣлая плеяда овощей, происхожденіе которыхъ остается по большей части мало выясненнымъ. За рисомъ слѣдуетъ бифштексъ, и завтракъ заканчивается фруктами, среди которыхъ бананы играютъ первую роль и подаются постоянно; другіе же плоды перемѣняются.

Послѣ завтрака слѣдуетъ обычный отдыхъ, которому мы предавались рѣдко; обыкновенно мы бѣжали въ лабораторію, такъ какъ все небо къ этому времени бывало покрыто густыми тучами и лилъ сильный дождь, сопровождавшійся грозой. Хорошо, если мы успѣвали переждать дождь уже въ лабораторіи, но нерѣдко онъ шелъ съ такой силой, что было невозможно добраться и до нея.

Между часомъ и 3 или 4-мя весь Бейтензоргъ погруженъ въ мирный сонъ. Въ это время идетъ дождь, шумитъ гроза, а когда къ

4 часамъ просыпаются и пьютъ свой чай европейцы, гроза уже утихаетъ; можно опять итти въ лабораторію, чтобы поработать тамъ до 6 часовъ, пока быстро набѣгающія сумерки не заставятъ выйти изъ комнаты и отправиться въ паркъ, чтобы побродить по его аллеямъ и послушать трескъ цикадъ и особые звуки, издаваемые древесными лягушками и другими животными, пробуждающимися съ наступленіемъ сумерекъ.

Въ воздухѣ то и дѣло мелькаютъ летучія собаки, колонги, питающіяся лепестками фрейсинетій; свѣтящіеся жуки пролетаютъ по воздуху, какъ искорки отъ костра.

На террасѣ отеля уже зажгли газъ, на свѣтъ котораго слетаются тучи насѣкомыхъ, обжигающихъ себѣ крылья и покрывающихъ столы цѣлымъ слоемъ своихъ труповъ. Въ погонѣ за насѣкомыми явилась цѣлая армія мелкихъ ящерицъ, издающихъ характерный свистящій звукъ. Онѣ, какъ распятыя, растягиваются на стѣнахъ и слѣдятъ за бабочками и другими насѣкомыми. Быстрымъ движеніемъ бросается ящерица впередъ и пожираетъ ловко схваченную добычу. По полу шлепаетъ тяжелая кавалерія—десятки жабъ, которыя толпятся около освѣщенныхъ стѣнъ и тамъ успѣшно занимаются своей охотой.

Часто раздается рѣзкій, отрывистый крикъ: «гекко, гекко», издаваемый крупной яванской ящерицей, геккономъ, ловко прячущейся среди выступовъ и другихъ прикрытій террасы.

Въ 8—9 часовъ подаютъ поздній обѣдъ, послѣ котораго все общество или сидитъ на террасѣ, или скоро расходится по своимъ комнатамъ, заканчивая свой рано начавшійся день.

Такъ проходитъ день за днемъ. Но, несмотря на весь интересъ научнаго изслѣдованія новой природы, нельзя не присматриваться къ жизни и культурѣ того народа, среди котораго европейцы составляютъ лишь небольшую горсточку.

Вѣдь малайцевъ живетъ на Явѣ до 30 милліоновъ. Они создали высокую самобытную культуру; ихъ жизнь слагалась по инымъ образцамъ, чѣмъ жизнь европейцевъ, поэтому знакомство съ этой восточной культурой представляетъ не меньшій интересъ, чѣмъ изученіе той природы, среди которой выросла яванская культура. Конечно, европейская культура быстро вытѣсняетъ яванскіе обычаи, и жизнь переходитъ на общій шаблонъ, но въ развитіи народовъ существуютъ условія, которыя надолго удерживаютъ отголоски старыхъ нравовъ. Народный театръ, празднества, различные обряды сохраняютъ черты древней культуры и отражаютъ намъ древній бытъ народа. Они представляютъ большой интересъ для знакомства съ исторіей народа и даютъ богатый матеріалъ для ея изученія.

Какъ разъ во время нашего пріѣзда на Яву населеніе Бейтензорга, какъ малайское, такъ и китайское, праздновало свои годовые

праздники, и въ началѣ февраля, когда китайцы справляютъ свой новый годъ, по улицамъ Бейтензорга проходила китайская процессія, столь характерная для этого оригинальнаго народа.

Вскорѣ послѣ пріѣзда до нашего слуха стали по вечерамъ доноситься какіе-то мелодичные звуки, шедшіе изъ малайскаго квартала, а на улицахъ Богора появились труппы странствующихъ актеровъ и танцовщицы, исполняющія свои танцы подъ аккомпанементъ особаго оркестра. Очевидно, иные звуки, встрѣчавшіеся въ природѣ, отличные отъ европейскихъ, зародили въ душѣ яванца мелодіи, которыя онъ воспроизводитъ на своихъ инструментахъ. Яванскій оркестръ полонъ особыхъ мелодичныхъ неясныхъ звуковъ, избѣгающихъ какихъ бы то ни было рѣзкихъ тоновъ. Въ его составъ входитъ цѣлый рядъ инструментовъ; конечно, наиболѣе полные оркестры—гамеланги—можно видѣть только при дворѣ раджей или султановъ, или, наконецъ, въ музеѣ, въ Батавіи. По улицамъ городовъ бродятъ сокращенные оркестры, но и тѣ даютъ понятіе объ яванской музыкѣ. Гамеланъ состоитъ изъ полыхъ металлическихъ котловъ, подвѣшенныхъ въ рядъ на особой оправѣ. По нимъ ударяютъ палкой, обвернутой мягкой матеріей, и они издаютъ своеобразный гармоническій звукъ; подобный же звукъ производятъ и гонги разной величины и тона, подвѣшенные свободно на перекладинѣ. Инструментъ—родъ ксилофона—звучитъ подъ ударами мягкихъ молоточковъ согласно первымъ двумъ; небольшой продолговатый барабанъ, по которому бьютъ рукой, составляетъ необходимую часть яванскаго оркестра; но звуки его столь же мягки и пріятны, какъ и звуки металлическихъ инструментовъ. Къ нимъ присоединяется особая скрипка—ребабъ, двухструнный инструментъ, издающій тонкіе, высокіе звуки, и иногда, у бродячихъ музыкантовъ, еще флейта. Большіе гамеланги имѣютъ цѣлый рядъ другихъ инструментовъ. Въ западной Явѣ народнымъ инструментомъ является анклонгъ—рядъ бамбуковыхъ трубокъ разнаго поперечника и длины, свободно подвѣшенныхъ на рамѣ: качаясь на ней, онѣ производятъ своеобразные звуки. Глядя на этотъ инструментъ, въ которомъ ничего нѣтъ, кромѣ бамбука, невольно удивляешься талантливости народа, сумѣвшаго создать такое оригинальное сочетаніе трубокъ, размѣстить ихъ сообразно тонамъ и изъ простыхъ звуковъ, происходящихъ отъ удара одной трубки о другую, произвести гармоничную мелодію. Анклонгъ не принимаетъ участія въ гамелангѣ,—на немъ играютъ обыкновенно отдѣльно.

У яванцевъ нѣтъ нотъ, и мелодіи передаются по слуху отъ поколѣнія къ поколѣнію, являясь истинно народнымъ достояніемъ. Воспитываются особые спеціалисты на отдѣльныхъ инструментахъ, которые сохраняютъ въ народѣ эту оригинальную музыку.

До глубокой ночи раздаются въ Богорѣ звуки гамеланга; по улицамъ ходитъ толпа народа, жадно слѣдящая за исполненіемъ танцевъ танцовщицами, за представленіемъ кукольнаго театра или сценокъ изъ народной жизни.

Яванскіе танцы носятъ чисто восточный характеръ. Въ нихъ принимаютъ участіе очень молодыя дѣвушки, лѣтъ 12—16, которыя проходятъ долгую школу обученія. Онѣ выступаютъ въ старой яванской одеждѣ, богато украшенной. Конечно, отъ уличныхъ танцовщицъ нельзя требовать ни роскоши, ни особеннаго изящества костюма; важно только, что и онѣ стараются выдержать одинъ общій стиль.

Среди большой толпы зрителей расчищается площадка, около которой разсаживается на корточкахъ оркестръ, и скоро мягкіе звуки металлическихъ инструментовъ и тонкій голосъ скрипки оглашаютъ вечерній воздухъ. На средину выступаетъ молодая миловидная танцовщица, одѣтая въ длинное платье, открытое наверху и украшенное разными бусами, пряжками и т. п. Ея танецъ сильно отличается отъ танцевъ въ нашемъ европейскомъ смыслѣ. Это скорѣе пластическія позы, которыя принимаетъ танцовщица, работая одинаково и равномѣрно всѣмъ корпусомъ, руками и ногами. Иногда свои тѣлодвиженія артистка сопровождаетъ пѣніемъ на необыкновенно высокихъ нотахъ; пѣніе это внезапно начинается, такъ же внезапно и обрывается.

Слѣдя за движеніями танцовщицы, сначала думаешь, что они происходятъ безъ всякаго опредѣленнаго порядка; но не надо большой наблюдательности, чтобы замѣтить, что они подчиняются опредѣленному ритму, что они изображаютъ какія-то, намъ недоступныя, душевныя движенія, что весь танецъ составляетъ гармоническое цѣлое.

Интересно бываетъ глядѣть на исполнительницу танцевъ, но еще интереснѣе, пожалуй, наблюдать за толпой. Танцы происходятъ по вечерамъ, ихъ мѣсто освѣщается переносными факелами, которые носятъ мальчики вслѣдъ за исполнителями. На землѣ сидятъ музыканты; кругомъ стоитъ внимательная, понимающая и переживающая танецъ толпа. Въ ней царитъ полный порядокъ, несмотря на то, что никто за нимъ не наблюдаетъ: онъ лежитъ въ характерѣ и въ свойствѣ самой толпы и въ ея интересѣ къ танцамъ.

Но еще больше интереса у малайцевъ возбуждаетъ ихъ народный театръ. При дворахъ султановъ и раджей этотъ театръ доведенъ до большого совершенства и обставленъ съ не меньшей роскошью, чѣмъ въ Западной Европѣ; мнѣ однако пришлось видѣть только уличныя представленія, происходившія также при свѣтѣ факеловъ подъ открытымъ небомъ.

На Явѣ процвѣтаютъ два рода представленій: *вайангъ*, гдѣ роли исполняются разодѣтыми куклами-маріонетками, и *топенгъ*, гдѣ дѣйствующими лицами являются люди. Въ *топенгѣ* участвуютъ мужчины и женщины; онъ ведется часто въ видѣ пантомимы, при чемъ замаскированные актеры исполняютъ движеніями то, что объясняетъ публикѣ сидящій за барабаномъ режиссеръ представленія—далангъ. Для изображенія разныхъ характеровъ актеры надѣваютъ маски. Это крайне интересный обычай. Мы знаемъ, что на родинѣ нашего театра, въ древней Греціи, актеры выступали также въ маскахъ, и яванская культура, возникшая и развившаяся, конечно, совершенно самостоятельно, безъ греческаго вліянія, прибѣгаетъ къ тѣмъ же художественнымъ пріемамъ. Но маски греческія и яванскія носятъ различный характеръ. Въ то время какъ греческія изображали людскія лица, придавая имъ лишь различное выраженіе, маски яванскія носятъ нерѣдко характеръ чудовищъ. Содержаніе представленія берется обыкновенно изъ старой яванской исторіи, и тотъ топенгъ, который наблюдалъ я около гостиницы «Belle-Vue», изобиловалъ разнообразными сценами, до убійства включительно, но содержаніе его осталось мнѣ, къ сожалѣнію, мало понятнымъ.

Не меньшею любовью яванцевъ пользуется вайангъ, театръ маріонетокъ. Этотъ театръ воскрешаетъ передъ яванцами ихъ старую миѳологію и славную исторію могучихъ государствъ, которыя когда-то находились на Явѣ, сосредоточивая въ себѣ центръ яванской культуры. Текстъ тѣхъ представленій, которыя даетъ вайангъ, лишь отчасти сохраненъ въ рукописяхъ, большая же часть его передается изустно и заботливо охраняется въ народѣ. Изучая содержаніе пьесъ, можно прочесть въ нихъ старую религію яванцевъ, которая была распространена на Явѣ до пришествія туда арабовъ, принесшихъ съ собою исламъ, вытѣснившій почти повсюду прежнее богопочитаніе—браминскую и буддійскую религію. Старые костюмы, вышедшіе въ настоящее время изъ употребленія, воскресаютъ вновь на куклахъ вайанга, забытые цари и вожди народа оживаютъ въ народной памяти благодаря представленіямъ этого театра. И не подлежитъ сомнѣнію, что научное изслѣдованіе вайанга прольетъ много свѣта въ пониманіе вѣрованій и обычаевъ яванцевъ, а когда для малайскаго племени на Явѣ настанетъ время пробужденія и независимаго существованія, куклы вайанга сыграютъ не малую роль въ укрѣпленіи національнаго единства у яванцевъ.

Около мѣсяца звучалъ гамеланъ и ходили танцовщицы и актеры по улицамъ Богора, и конецъ праздниковъ малайцевъ совпалъ съ китайскими праздниками, которые рѣзко отличались по всей обстановкѣ и по духу отъ малайскихъ.

Насколько много мягкости и благозвучія въ малайской музыкѣ, настолько же рѣзка, шумлива китайская. Она невыносима для европейскихъ ушей, такъ какъ однимъ изъ главныхъ инструментовъ въ китайскомъ оркестрѣ является барабанъ, къ которому присоединяются литавры, бубны, гонги, пронзительно кричащія флейты, и вся эта масса инструментовъ преслѣдуетъ только одну цѣль—произвести побольше шуму, что имъ вполнѣ удается.

Своего кульминаціоннаго пункта китайскія празднества достигаютъ въ послѣдній день, когда по городу проходитъ большая процессія и сжигается грандіозный фейерверкъ. Уже за нѣсколько дней до этого шествія неосвѣдомленный житель Бейтензорга чувствовалъ бы себя крайне непріятно, такъ какъ получалось впечатлѣніе, что городъ обложенъ непріятелемъ и идетъ его безпрерывное бомбардированіе. Но раздававшіеся выстрѣлы носили иной характеръ. Это китайцы жгли днемъ и вечеромъ безчисленные фейерверки передъ своими жилищами, бросали петарды, шутихи и т. п. пиротехническія забавы. Свѣта отъ нихъ было мало, зато шума и треска сколько угодно.

Днемъ жизнь шла обычнымъ порядкомъ, но вечеромъ въ китайскомъ кварталѣ царило большое оживленіе. Все готовилось къ встрѣчѣ новаго года; въ храмахъ приносились жертвы и читались усердно молитвы, въ домахъ шла приборка.

Въ одномъ изъ закоулковъ китайскаго квартала заготовлялись чудовища для процессіи. Громадные драконы, черепахи и прочіе звѣри вытаскивались изъ сараевъ, подчищались, чинились, чтобы принять участіе въ шествіи.

Наконецъ насталъ давно ожидаемый вечеръ. Весь Бейтензоргъ столпился на главной улицѣ Djalan-bezaar, противъ сада, чтобы встрѣтить китайскую процессію. Собрались также и окрестные деревенскіе жители. Въ одно мгновеніе были разставлены здѣсь и тамъ маленькіе столики, гдѣ устроены походные ресторанчики, освѣщенные керосиновыми лампами. И что за странность! Въ полутьмѣ, среди массы народа и цѣлаго легіона шмыгающихъ какъ мыши дѣтей все оставалось въ полномъ порядкѣ. Всякій, кто покупалъ, платилъ деньги; никто не дѣлалъ попытки ни украсть чего-нибудь съ лотка или столика, ни потушить лампы, и вовсе не изъ-за страха передъ нѣсколькими городовыми, которые, въ синихъ форменныхъ брюкахъ и курткахъ съ желтыми обшивками, босикомъ и съ малайскими платками на головахъ, важно расхаживали въ толпѣ, вооруженные короткой палкой. И я скажу еще болѣе: когда пришла въ движеніе вся эта масса народа при появленіи процессіи, и тогда порядокъ не былъ нарушенъ и дѣти не были задавлены, какъ это могло бы быть.

Удивительное впечатлѣніе произвела на меня толпа темноцвѣтныхъ людей. Не нужно ли искать хотя бы нѣкотораго объясненія этому порядку въ исламѣ, запрещающемъ употребленіе спиртныхъ напитковъ? Люди, не отравленные алкоголемъ, происходящіе отъ такихъ же здоровыхъ родителей, и сами могутъ удержаться отъ всякихъ дикихъ выходокъ и удерживаютъ своимъ примѣромъ другихъ.

Но вотъ вдали послышались звуки музыки, которая все приближалась къ ожидавшей толпѣ зрителей. Музыка носила крайне странный характеръ—рядомъ съ мелодичнымъ и звучнымъ малайскимъ оркестромъ шли китайскіе музыканты, производившіе страшный шумъ своими инструментами, а возлѣ нихъ маршировали малайцы, игравшіе на обычныхъ европейскихъ духовыхъ инструментахъ. Каждый оркестръ игралъ свое, совершенно не заботясь о мотивахъ своего сосѣда. Получалась какая-то особенная дикая музыка, но она вполнѣ соотвѣтствовала характеру всего шествія.

Вотъ плавно идутъ малайскіе кули и держатъ на своихъ плечахъ бамбуковыя палки. На нихъ гордо возвышается драконъ; голова его высоко поднимается надъ толпой, пасть открыта и раздвоенный языкъ высовывается оттуда; глаза все время вращаются, длиннѣйшая шея колеблется, а крылатая спина украшена небольшимъ тропомъ, гдѣ сидитъ малайскій ребенокъ 5—6 лѣтъ, одѣтый въ китайскій костюмъ. За дракономъ важно шествуетъ чудовищная черепаха; на ея спинѣ сидитъ маленькая дѣвочка, возлѣ которой на столѣ корзина съ бананами. Какая-то огромная птица ухватилась своимъ клювомъ за бананъ, а на спинѣ этой птицы важно возсѣдаетъ ребенокъ. Какова должна быть прочность всей этой фигуры! Птица вся въ воздухѣ, кромѣ клюва, которымъ она держится за плодъ, и этотъ клювъ служитъ единственной опорой для массивной птицы, тяжесть которой значительно увеличена сидящимъ на ея спинѣ ребенкомъ. За черепахой слѣдуетъ конь, за конемъ—рядъ другихъ животныхъ, снова музыканты, снова движущіяся чудовища. Шествіе заканчивается небольшимъ изображеніемъ храма. Его несутъ уже не малайцы, а китайцы; этотъ храмъ все время качается въ обѣ стороны, и на мой вопросъ, что это означаетъ, я получилъ отвѣтъ, что шествіе установлено въ память избавленія отъ какого-то ужаснаго наводненія (быть можетъ, миѳъ о потопѣ также не чуждъ и китайцамъ). Качаніе храма изображаетъ волны, колеблющія корабль.

Безконечная процессія направилась къ дворцу генералъ-губернатора и по улицамъ Бейтензорга.

Въ толпѣ шли разговоры о томъ, что съ каждымъ годомъ размѣры процессіи сокращаются, молодые китайцы уже поговариваютъ о прекращеніи ея.

— Да что говорить объ этой процессіи, когда китайская молодежь обрѣзала уже косы и превратилась въ настоящихъ европейцевъ,—замѣтилъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ китайцевъ, стоявшій возлѣ меня на улицѣ.

Долго ходили драконы и другіе звѣри по улицамъ Бейтензорга, пока не успокоились въ тѣхъ же сараяхъ, откуда вышли наканунѣ.

Наступила послѣдняя часть празднества.

Раздались оглушительные выстрѣлы, и сквозь клубы густого чернаго дыма стали взвиваться на воздухъ ракеты, римскія свѣчи и другія принадлежности китайскаго фейерверка. Чуть ли не до полуночи продолжалась такая пальба, а подъ звуки ея около балконовъ китайскихъ купцовъ раздавались мелодичные гамеланги, танцовали танцовщицы, и то здѣсь, то тамъ открывалъ свои дѣйствія топенгъ.

Наконецъ все утихло; очистившееся за вечеръ небо зажгло свои звѣзды — эту чудную, всюду одинаково прекрасную иллюминацію, которая ярко свѣтилась на темномъ тропическомъ небѣ.

Праздники кончились, повседневная жизнь вошла въ свою колею. Мы продолжали работать въ лабораторіи сада, но уже составляли планы ближайшихъ экскурсій и болѣе далекихъ путешествій.

Наше обычное вечернее времяпровожденіе было нарушено приглашеніемъ на свадьбу къ сыну нашего прачки — хитраго стараго малайца. Однажды онъ пришелъ къ намъ на балконъ и, усиленно кланяясь и улыбаясь, сталъ что-то говорить намъ. Общими усиліями, при помощи словаря, удалось намъ понять, что онъ приглашаетъ насъ завтра на свадьбу сына. Малайцы, особенно простой народъ, любятъ зазывать на всякія торжества европейцевъ, такъ какъ послѣдніе оставляютъ любезнымъ хозяевамъ что-либо на память о своемъ посѣщеніи. Обыкновенно европеецъ даетъ «saturingit» — голландскій талеръ, $2^1/_2$ гульдена, т.-е. 2 рубля на наши деньги, а это для рабочаго человѣка сумма не малая: за 2 рингита въ мѣсяцъ нашъ прачка стиралъ на насъ все бѣлье.

На слѣдующій день, уже послѣ 7 часовъ вечера, пробирались мы по узкимъ темнымъ уличкамъ Богора къ берегу рѣчки Тьиливонга, гдѣ жилъ нашъ прачка. Мы долго блуждали бы въ полутьмѣ, если бы отдаленные звуки музыки не указывали намъ направленія. Мы разсудили, что музыка должна быть тамъ, гдѣ свадьба, и не ошиблись въ расчетѣ. Скоро мы подошли къ жилищу, гдѣ происходило торжество, и были введены въ домъ привѣтливымъ хозяиномъ.

Такъ какъ улички этой части города очень узки, а сосѣди близко знаютъ другъ друга, то остроумные малайцы превратили улицу въ столовую, а веранды домовъ vis-à-vis—въ гостиныя. На столахъ стояли разнообразныя блюда какъ малайской, такъ европейской кухни и

нѣсколько бутылокъ съ виномъ и пивомъ. Я недоумѣвалъ, зачѣмъ здѣсь вино, и думалъ, что оно было взято у китайца-торговца для декораціи, такъ какъ малайцы—магометане и вина не пьютъ, а европейцевъ было мало, да къ тому же имъ насъ и не угощали, а потчевали нѣмецкой водой Appollinaris, чрезвычайно распространенной подъ тропиками. Бутылки съ виномъ оставались все время запечатанными.

Хозяинъ и его сынъ были одѣты одинаково: въ новыхъ саронгахъ—кускахъ пестрой матеріи, которая опоясываетъ туловище отъ таліи почти до щиколотка. Верхняя часть туловища была закрыта чистой накрахмаленной рубашкой, поверхъ которой надѣтъ европейскаго покроя пиджакъ. Женихъ былъ обутъ даже въ чулки и открытыя туфли, другіе были по большей части, какъ и всегда, босикомъ. Мы помѣстились на верандѣ хозяйскаго дома на удобной мебели, около столика съ угощеніями, а сзади насъ, въ домѣ, расположилась невѣста или, лучше сказать, молодая и ея родные или знакомые. Молодая была очень миловидное 16-лѣтнее существо, одѣтое не безъ нѣкотораго вкуса и изящества. На ней былъ такой же саронгъ, какъ на мужчинахъ, кисейная рубашка и довольно длинная кофточка, открытая на шеѣ и застегнутая на груди крупной ажурной серебряной брошью. На шеѣ и рукахъ было надѣто много ожерелій, браслетовъ и колецъ, черные волосы гладко зачесаны назадъ. Она и другія женщины сидѣли на корточкахъ на циновкахъ, покрывавшихъ всю комнату. На низенькомъ столикѣ былъ приготовленъ чай и сласти, но дамы предпочитали имъ жеваніе бетеля. Передъ ними стоялъ сундучокъ, гдѣ находились принадлежности этого угощенія, т.-е. листья бетеля, разбитые орѣхи арековой пальмы, табакъ, известь. Онѣ брали листъ бетеля, клали туда разныхъ приправъ и, скатавъ порядочный комокъ, отправляли его въ ротъ. Для выплевыванія красной слюны стояли особые тазики.

На дворѣ противоложнаго дома размѣстились музыканты,—тотъ же гамеланъ, который передъ тѣмъ ходилъ по улицамъ Бейтензорга. Оркестръ наигрывалъ свои мелодичныя вещицы, и скоро среди присутствовавшихъ появилась танцовщица, прекрасно одѣтая, съ цвѣтами въ волосахъ и двумя шарфами черезъ плечо—розовымъ и голубымъ. Подъ звуки музыки танцовщица подошла къ старшему изъ насъ, почтенному профессору Р., и бросила ему на колѣни голубой шарфъ. Это обозначало приглашеніе танцовать. Но проф. Р. не растерялся,—онъ перебросилъ шарфъ жениху, который позвалъ насъ внизъ, на дворикъ сосѣдняго дома, гдѣ и происходилъ интересный танецъ двоихъ. По окончаніи этого танца, который по характеру своихъ пластическихъ движеній мало отличался отъ обычныхъ тан-

цевъ, встрѣчавшихся раньше на улицѣ, танцовщица подошла къ тому, кому она бросила шарфъ, и, упавъ передъ нимъ на одно колѣно, протянула металлическую тарелку, куда и была положена монета.

Снова заиграла музыка, немного отдохнувшая танцовщица пустилась танцовать съ другимъ мужчиной, потомъ — опять колѣнопреклоненіе передъ другимъ изъ насъ, и такъ продолжалось, пока каждый изъ насъ не внесъ своей лепты. Кажется, танцовщица была бы не прочь продѣлать весь кругъ еще разъ, но мы встали и начали прощаться съ хозяиномъ, которому совали на память по рингиту въ руку.

Во все время танцевъ и непринужденнаго разговора среди мужчинъ невѣста и ея гости не выходили изъ комнаты и не принимали участія въ общемъ весельи.

Постепенно мы вошли въ жизнь Бейтензорга, сдѣлались своими людьми въ Ботаническомъ саду, заведя знакомство не только съ европейскимъ служебнымъ персоналомъ сада, но и съ малайскимъ элементомъ.

Помощникъ садовника, малаецъ Jehiri, носящій высокій титулъ «mantri», что значитъ и министръ и помощникъ, былъ особенно цѣненъ, такъ какъ съ прекраснымъ знаніемъ разнообразнѣйшихъ растеній на малайскомъ языкѣ онъ соединялъ знаніе ихъ по-латыни и этимъ безконечно облегчалъ намъ знакомство съ флорой.

Въ одно свободное у Jehiri воскресное утро мы сдѣлали спеціальную экскурсію на базаръ, чтобы ознакомиться тамъ съ продуктами яванской деревни и тѣмъ самымъ облегчить себѣ дальнѣйшія экскурсіи за городомъ.

Съ ранняго утра начинаютъ приходить яванцы и китайцы изъ сосѣднихъ деревень — кампонговъ — съ корзинами, наполненными разными продуктами ихъ садовъ и полей. Выложенные горками на плетеныхъ изъ бамбука крышкахъ отъ большихъ корзинъ плоды и овощи выглядываютъ очень аппетитно и пробуждаютъ желаніе отвѣдать ихъ неизвѣстный вкусъ. Огромные плоды хлѣбнаго дерева— нангка туземцевъ—превышаютъ своими размѣрами всѣ другіе плоды. Они принадлежатъ къ грубымъ продуктамъ и не употребляются въ обиходѣ европейца. Ботаники называютъ ихъ соплодіемъ, такъ какъ эти плоды развиваются изъ огромнаго количества мелкихъ цвѣтковъ, сидящихъ на общемъ ложѣ. Я уже описывалъ нангка, когда это дерево встрѣтилось намъ въ Ботаническомъ саду. Вкусъ его довольно пріятенъ, а его ароматъ больше всего напоминаетъ запахъ ананаса.

Большія груды ананасовъ, какъ холмики, лежатъ въ разныхъ мѣстахъ рынка. Ананасъ—не мѣстное, а американское растеніе, но онъ очень сильно распространенъ на Явѣ, являясь однимъ изъ любимыхъ плодовъ. Большинство ананасовъ однако были настолько кислы, что мы охотно добавляли къ нимъ сахаръ, хотя бывали и рѣдкія исключенія, когда эти прекрасные плоды не требовали никакихъ приправъ.

Шишковатый дурьянъ выдѣляется своимъ видомъ среди другихъ своихъ сосѣдей. Дурьянъ—дорогой плодъ: онъ стоитъ 15, а иногда и 20 центовъ штука, т.-е. около 12—16 коп.; но нужно принять въ расчетъ, что поденная плата туземца нерѣдко не превышаетъ 10 центовъ, чтобы оцѣнить дороговизну дурьяна. Ни объ одномъ тропическомъ плодѣ такъ много не писалось, какъ о дурьянѣ. Одни находятъ достойнымъ совершить цѣлое путешествіе подъ тропики, чтобы познакомиться съ необычайнымъ вкусомъ этого плода; другіе, и такихъ большинство, не допускаютъ, чтобы дурьянъ употреблялся въ пищу въ ихъ домѣ. Когда я спросилъ mantri Jehiri, какой плодъ ему нравится больше всего, онъ безъ колебанія указалъ мнѣ на дурьянъ. Дурьянъ—Durio Zibethinus — принадлежитъ къ семейству мальвовыхъ, куда относятся наши штокъ-розы и просвирники. Его плодъ—величиной съ дѣтскую голову и усаженъ многочисленными колючками; внутри него, въ рыхлой бѣлоснѣжной мякоти, которая и употребляется въ пищу, помѣщаются твердыя несъѣдобныя сѣмена.

Я пробовалъ дурьянъ; его запахъ дѣйствительно непріятенъ непривычному европейцу, напоминая чеснокъ, испортившійся сыръ и тому под. малопривлекательныя по запаху вещи, но консистенція мякоти прямо поразительна и не поддается описанію. Мои товарищи отнеслись къ дурьяну строже, чѣмъ я, и, разъ попробовавши, не повторяли своей смѣлой попытки.

Насколько дурьянъ возбуждаетъ общее разногласіе, настолько всѣ сходятся на мангустанѣ, mangis туземцевъ; его красные плоды, похожіе по внѣшнему виду на гранаты, составляютъ одно изъ лакомствъ тропиковъ. Если разрѣзать по экватору красный плодъ мангустана, то откроется внутренняя часть — родъ корзинки, гдѣ заключено 6—10 долекъ, какъ бы сдѣланныхъ изъ снѣга. Маленькія дольки обыкновенно не содержатъ сѣмянъ, которыя находятся въ большихъ. Мангустанъ имѣетъ нѣжный, прохлаждающій, слегка кисловатый вкусъ. Его называютъ по-латыни Garcinia mangostana и относятъ къ тропическому семейству Guttiferae. Похожи по вкусу на мангустанъ также рамбутанъ съ пулассаномъ—плоды Nephelium lappaceum и N. mutabile, близкіе къ нашему конскому каштану. Ихъ нѣжная мякоть, заключенная въ красныя шиповатыя оболочки, вкусна

и ароматна, особенно когда плоды эти вполнѣ зрѣлы. На мой вкусъ они занимаютъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ среди другихъ тропическихъ фруктовъ. Въ нашей гостинницѣ ихъ подавали очень часто, и мы потребляли ихъ въ большомъ количествѣ.

Нерѣдко намъ давали также мелкіе плоды, похожіе на наше китайское яблоко. Нужно раздавить упругую оболочку и тогда отвѣдать мякоть, которая сильно отдаетъ камфорой. Зрѣлые плоды эти безподобны; но чуть-чуть они сыры,—непріятный привкусъ и кислота лишаютъ ихъ почти всего вкуса. Это такъ называемые дуку-кокозанъ—Lansium domesticum—изъ сем. Meliaceae.

Крупные саву-манила, плоды Achras Sapota изъ сем. Sapotaceae, похожи на наши крупныя сливы. Они отличаются поразительной сочностью и сладостью; ихъ тѣло пронизано многочисленными млечными трубками, содержащими обильный сокъ.

Замѣняя наши дыни, лежатъ на базарѣ плоды дыннаго дерева Carica Papaya, американскаго происхожденія, изъ семейства Caricaceae. Его крупные плоды нерѣдко подаются къ столу, но вкусъ ихъ довольно непріятный, хотя къ нему скоро привыкаешь и онъ начинаетъ нравиться.

Въ млечномъ сокѣ этого растенія, который пронизываетъ плоды и особенно молодые листья, найдено особое вещество,—ферментъ, переводящій бѣлки въ пептоны. Этому ферменту приписывали одно время большое значеніе, какъ цѣлебному средству для лицъ, страдающихъ плохимъ пищевареніемъ, но практика не подтвердила теоретическихъ ожиданій.

Изъ безчисленныхъ другихъ плодовъ остановлюсь еще только на двухъ: на такъ называемомъ «адвокатѣ», Persea gratissima, изъ семейства Lauraceae, похожемъ на недозрѣвшую зеленую грушу. За тонкой кожицей лежитъ слой мякоти вокругъ крупной косточки. Мякоть сама по себѣ почти безвкусна и лишена аромата, но если ее протереть черезъ сито, смѣшать съ сахаромъ и прибавить ложечку рома, арака, портвейна или кофе, то получается ни съ чѣмъ несравнимое по вкусу блюдо. Въ чемъ тутъ вкусъ, я сказать не могу; но разъ мы попробовали «адвоката», мы всегда старались добыть себѣ этотъ удивительный плодъ. Если протертую кашицу разбавить сильно водой, то получается очень пріятный освѣжающій напитокъ. Persea однако не часто продается на базарѣ и культивируется въ Бейтензоргѣ мало.

Главное мѣсто какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи занимаетъ бананъ, pisang туземцевъ, который въ огромномъ количествѣ привозится на базаръ, служа однимъ изъ главныхъ питательныхъ продуктовъ для малайцевъ. Число сортовъ банана

очень велико, оно считается многими сотнями, и вкусъ, употребленіе и величина ихъ крайне разнообразны. Одни изъ банановъ—съ добрый огурецъ, мучнисты и непріятны на вкусъ, другіе—pisang radja—не превышаютъ корнишона и имѣютъ нѣжный сладкій вкусъ и удивительный ароматъ, дѣлающіе этотъ плодъ однимъ изъ лучшихъ произведеній природы. Кромѣ этихъ, наиболѣе распространенныхъ плодовъ, цѣлый рядъ другихъ видѣли мы на базарѣ, и неутомимый mantri Jehiri показывалъ и объяснялъ ихъ. Накупивши большое количество плодовъ для коллекцій, мы поблагодарили нашего проводника и вернулись въ лабораторію.

Глава IV.

Окрестности Бейтензорга, горный садъ и лѣсъ въ Tjibodas.

Несмотря на весь тотъ интересъ, который представляетъ собой Ботаническій садъ, нельзя было долго усидѣть въ городѣ.

Окрестности Богора, особенно же вулканы Салакъ и Геде, неудержимо манятъ къ себѣ натуралиста, и мы, немного осмотрѣвшись, уже черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ предприняли первую экскурсію въ ущелье Tіапусъ, лежащее на склонахъ Салака. Оно видно уже съ балкона нашей гостиницы, какъ глубокая черная щель на склонѣ вулкана.

Еще не далеко то время, когда при описаніи животнаго міра Явы въ первую очередь указывался огромный яванскій носорогъ, который особенно часто встрѣчался по лѣсамъ, покрывающимъ два западно-яванскихъ вулкана — Салакъ и Геде. Теперь однако, подъ натискомъ все измѣняющей культуры, этотъ царь яванскаго лѣса, вмѣстѣ со своимъ собратомъ — королевскимъ тигромъ, ушелъ въ дикія неприступныя дебри самой западной части Явы—въ лѣса Бантама, и туристъ можетъ спокойно карабкаться по склонамъ обоихъ вулкановъ, не опасаясь встрѣтить ни свирѣпаго «matjan»—тигра, ни огромнаго «badak'a»—носорога.

Рано утромъ, когда еще было темно, подъѣхали къ подъѣзду нашей гостиницы два кахаръ-балона, запряженные каждый парой маленькихъ малайскихъ лошадей.

Кахаръ-балонъ—высокая колесница на одной оси и двухъ колесахъ. Онъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ скамеекъ: передней, гдѣ сидитъ кучеръ и обыкновенно помѣщается сопровождающій экскурсію слуга, и задней — отведенной для пассажировъ. Въ экипажъ приходится влѣзать черезъ переднее сидѣнье и сидѣть тамъ согнувшись подъ крышей, защищающей сѣдока отъ лучей солнца.

Па-Иданъ былъ нашимъ чичероне. Онъ былъ одѣтъ въ короткіе штаны, широкій поясъ и темный пиджакъ европейскаго покроя. На головѣ, поверхъ обычнаго платка, красовалась гигантская шляпа, сплетенная изъ бамбука и покрытая какимъ-то лакомъ. Эта шляпа играетъ двоякую роль, или роль зонтика en tout cas: она защищаетъ закрытаго ею человѣка отъ солнца или скрываетъ его отъ дождя, какъ шляпка гриба закрываетъ его пенекъ. За поясомъ Па-Идана былъ заткнутъ широкій длинный ножъ—голокъ. Съ этимъ оружіемъ не разстается туземецъ, и, глядя на то, какъ яванецъ обращается съ ножомъ, хочется думать, что природа одарила этихъ полукультурныхъ людей особымъ органомъ, котораго нѣтъ у образованныхъ европейцевъ. Я наблюдалъ то же самое явленіе у горцевъ Кавказа, которые ловко управляются со своими огромными кинжалами, одинаково производя ими какъ самую грубую, такъ и самую тонкую работу.

Закусивши на скорую руку, мы выѣхали по направленію къ Тіапусъ и, обогнувъ гостиницу, переѣхавъ по мосту черезъ Тьидани, по арабскому кварталу, скоро выѣхали изъ Богора.

Дорога шла между рисовыми полями, которыя можно было разсмотрѣть подробно. Вся Ява и большинство другихъ острововъ Малайскаго архипелага живетъ рисомъ. Рисъ былъ ввезенъ на Яву въ незапамятныя времена, здѣсь развилась оригинальная его культура, и отсюда рисъ вывозится въ самыя разнообразныя страны, даже въ Китай и Японію, такъ какъ Ява производитъ одни изъ лучшихъ его сортовъ. Если смотрѣть на рисовыя поля съ нѣкотораго возвышенія, то они производятъ впечатлѣніе шахматной доски съ неправильными квадратами. Рисовыя поля расположены террасами, одно надъ другимъ. Каждый квадратикъ или каждое поле представляетъ собою прудикъ, ограниченный высокими, но очень узкими дамбами, по которымъ едва можетъ пробираться одинъ человѣкъ. Каждый прудикъ имѣетъ одинъ спускъ для впусканія воды изъ вышележащаго поля, другой—для отведенія воды на нижележащее поле. Со склоновъ горъ стекаютъ, благодаря постояннымъ ливнямъ, огромные потоки дождя, несущіе массу перегноя и почвенныхъ остатковъ, смываемыхъ ими съ горныхъ склоновъ. Эти драгоцѣнныя для земледѣльца воды не пропадаютъ даромъ. Яванецъ умѣло распредѣляетъ воду по рисовымъ полямъ, спуская избытокъ ея въ рѣчку, которая бѣжитъ по дну долины, среди полей. Водооросительныя работы поставлены здѣсь очень высоко, и спеціальные инженеры-европейцы и природные инженеры-яванцы умѣютъ достать необходимое для себя количество воды и провести ее на поля даже очень издалека. Неуклюжими плугами, въ которые впряжены два огромныхъ и страшныхъ для европейца яванскихъ буйвола—кербау, вспахиваетъ яванецъ сырую

Уличная танцовщица.

Малайскія и китайскія дѣти.

Рисовыя поля.

Чайная плантація.

почву своего поля—сава, разбивая мотыками большіе комья почвы. Въ это время на образцовомъ участкѣ уже посѣяны цѣлые колосья риса, которые даютъ густые изумрудные всходы. Яванскія женщины берутъ изъ этого питомника массу растеній и начинаютъ аккуратно разсаживать ихъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Послѣ посадки риса поля заливаются водой, и зрителю кажется, что онъ стоитъ среди безчисленнаго количества прудовъ въ странѣ рыбоводства, а не земледѣлія. Но проходитъ нѣкоторое время, и изъ-подъ воды вылѣзаютъ сначала желтоватые, а затѣмъ быстро зеленѣющіе стебли риса. Скоро воды уже не бываетъ видно, и чудныя изумрудныя поля раскидываются передъ наблюдателемъ. Мало-по-малу зеленая окраска полей начинаетъ измѣняться на желтую, затѣмъ золотыя нивы зрѣющаго риса закрываютъ склоны горъ. Тогда начинается рисовая жатва.

Все населеніе кампонговъ въ праздничныхъ платьяхъ собирается на жатву. Небольшими острыми ножами срѣзаютъ по одному колосу риса и небольшую часть его соломы; эти колосья вяжутъ въ пучки, которые соединяютъ въ снопики и на бамбуковыхъ палкахъ относятъ ихъ на дорогу, гдѣ складываютъ на воза и на тѣхъ же буйволахъ отвозятъ на мельницы или же уносятъ домой и прячутъ въ особые амбарчики, которые построены возлѣ каждой хижины. Не одни люди, а рядъ пернатыхъ, среди которыхъ особой красотой отличаются пестрыя птички рисовки, спѣшатъ собрать жатву съ рисоваго урожая. Потому яванцы строятъ на поляхъ особые шалашики, куда помѣщаютъ караульныхъ и откуда проводятъ веревки, на которыя навязываютъ всякое тряпье. Приводя въ движеніе эти веревки, отпугиваютъ пернатыхъ хищниковъ.

Цѣлый рядъ интересныхъ типовъ, иллюстрирующихъ мѣстную жизнь, попадался намъ на дорогѣ. Вотъ идетъ, сгибаясь подъ тяжестью своей ноши, старый китаецъ. Онъ несетъ на плечѣ длинное бамбуковое коромысло, къ которому прикрѣплены двѣ корзины, сплошь наполненныя аппетитными ананасами. За нимъ торопливой походкой идетъ малаецъ, несущій два огромныхъ снопа сѣна, плавно покачивающіеся на бамбуковомъ коромыслѣ; снова цѣлый рядъ носильщиковъ съ ананасами, продавцы дровъ съ вязанками ихъ на головѣ. Малайки несутъ толстые клубни кассавы или маніота, изъ которыхъ выдѣлываютъ вкусное тапіоко.

Подъ большимъ хлѣбнымъ деревомъ китаецъ открылъ свой походный ресторанчикъ. Онъ состоитъ изъ двухъ большихъ столовъ или шкафовъ съ помѣщеніями внутри нихъ. На одномъ укрѣплена жаровня, гдѣ на угольяхъ кипитъ вода и варятся какія-то приправы. Китаецъ листомъ какого-то дерева успѣшно раздуваетъ огонь подъ

жаровней. Средину другого стола занимаетъ большой сосудъ съ рисомъ, вокругъ котораго въ чашечкахъ размѣстились приправы, необходимыя къ прѣсному вареному рису. Ложечкой китаецъ кладетъ на листья, сорванные по дорогѣ и замѣняющіе тарелки, комки вареного риса, а въ чашечки наливаетъ изъ разныхъ мѣстъ какихъ-то жидкостей и кусочковъ. Проходящій народъ получаетъ изъ такого ресторанчика свой неприхотливый завтракъ и продолжаетъ свой путь дальше.

Рисовыя поля скрылись изъ нашихъ глазъ, и мы пріѣхали въ какой-то лѣсъ, который однако оказался обычной малайской деревней, хижины которой окружены разнообразными деревьями. Около домовъ виднѣлись небольшія плантаціи маніота, клубни котораго въ корзинѣ малаекъ мы встрѣтили на дорогѣ. Изъ экипажа узнали мы стройныя кокосовыя пальмы, мангустаны, толстыя хлѣбныя деревья и другихъ спутниковъ малайскаго жилища. Дорога шла въ гору, и скоро намъ пришлось остановиться возлѣ одной чайной плантаціи, которая была разбита на склонѣ Салака, на мѣстѣ погибшей отъ паразитическаго грибка плантаціи кофе.

Чайная культура все больше и больше завоевываетъ себѣ мѣсто на Явѣ; рубятся вѣковые лѣса, и на ихъ мѣстѣ на громадныя пространства раскидываются плантаціи невысокаго, курчаваго чайнаго дерева съ его блестящими кожистыми листьями. На Явѣ культивируютъ два вида чая: китайскій (Thea sinensis), отличающійся меньшимъ ростомъ, и цейлонскій (Thea assamica)—болѣе крупное деревцо. Сѣмена этихъ деревьевъ сѣютъ на грядки и тщательно прикрываютъ листьями молодые всходы, пока они не достигнутъ извѣстной величины. Затѣмъ ихъ разсаживаютъ отдѣльно, и черезъ 2—3 года послѣ посѣва сѣмянъ уже можно собирать урожай съ чайныхъ кустовъ. Для этой цѣли на плантаціяхъ собирается большое количество малайскихъ подростковъ, которые съ корзинами на боку общипываютъ листья съ побѣговъ чайнаго дерева. Съ китайскаго чая можно собирать урожай каждые 40 дней, цейлонскій даетъ еще большіе урожаи, и съ него собираютъ листья обыкновенно еще чаще, черезъ каждые 8—10 дней. При началѣ западнаго муссона производятъ сильную обрѣзку чайнаго куста, который пускаетъ новые побѣги, приносящіе обильно листья. Съ плантаціи собранные листья приносятъ на чайную фабрику, гдѣ прежде всего заставляютъ ихъ подвянуть въ большихъ плоскихъ корзинахъ, а затѣмъ скручиваютъ или руками или же особыми машинами. Послѣ этого подвергаютъ чайные листья процессу броженія, при чемъ собираютъ ихъ въ небольшія кучки. При этомъ броженіи чай вырабатываетъ ему свойственный ароматъ. Листья принимаютъ черно-бурый цвѣтъ и подвергаются затѣмъ сушкѣ въ

особыхъ нагрѣвателяхъ, гдѣ проходитъ струя сухого воздуха. Получается черный чай, который упаковывается въ ящики, выложенные станіолемъ, и отправляется въ продажу.

Когда мы, оставивъ лошадей у фабрики, подъ предводительствомъ Па-Идана шли черезъ чайную плантацію, сборъ чая былъ въ разгарѣ, и много молодежи и женщинъ обрывали листья съ зеленыхъ деревцовъ. Но намъ некогда было останавливаться на плантаціи, и мы быстро двигались впередъ, въ гору, при чемъ наша компанія еще увеличилась однимъ новымъ лицомъ—кули, носильщикомъ, который съ двумя корзинами на коромыслѣ замыкалъ наше шествіе. Пройдя чайную плантацію, мы вступили въ настоящую джунглю, гдѣ среди густыхъ зарослей намъ помогалъ продраться только ножъ Па-Идана, которымъ онъ направо и налѣво рубилъ встрѣчныя вѣтви. Оказалось, что мы идемъ по недавно покинутой кофейной плантаціи. Всего нѣсколько лѣтъ—и трудно уже узнать, что этотъ клочокъ земли былъ когда-то воздѣланъ: до такой степени густо заросъ онъ со всѣхъ сторонъ.

Культура кофе давно уже введена на Явѣ, около конца XVII вѣка, и въ настоящее время на Явѣ произрастаетъ цѣлый рядъ разновидностей, происходящихъ отъ двухъ основныхъ видовъ: аравійскаго кофе (Coffea arabica) и либерійскаго (C. liberica). Первый видъ кофе является основнымъ сортомъ, второй введенъ сравнительно недавно. Самыя большія насажденія кофе—на востокѣ Явы, гдѣ получаются лучшіе его урожаи. У кофе существуетъ одинъ страшный врагъ—микроскопическій грибокъ, который живетъ на листьяхъ, убиваетъ живыя ихъ клѣтки и тѣмъ самымъ лишаетъ растеніе самаго главнаго органа питанія—листа. Сильно пораженныя деревья отмираютъ, и плантація постепенно уничтожается. Благодаря этой болѣзни, были почти совершенно уничтожены кофейныя насажденія на Цейлонѣ, откуда болѣзнь перешла и на Яву. Въ настоящее время главная масса кофейныхъ деревьевъ воздѣлывается туземцами, которые должны доставить извѣстное количество кофейныхъ зеренъ правительственному агенту. Въ опредѣленное время происходитъ аукціонъ доставленнаго кофе, которое затѣмъ поступаетъ въ торговлю.

Много приходится работать департаменту земледѣлія и его учрежденіямъ для того, чтобы вывести плодовитую стойкую породу кофейнаго деревца, которая была бы менѣе чувствительна къ пораженію грибкомъ. Спеціальная лабораторія и отдѣленія культурнаго сада существуютъ въ Бейтензоргѣ для изученія кофе.

Кофейныя плантаціи представляютъ очень веселый видъ. Высокія деревья, обыкновенно Albizia moluccana, которая отличается необыкновенно сильнымъ ростомъ, затѣняютъ плантацію темно-зеленыхъ

кудрявыхъ, съ блестящими листьями кофейныхъ деревьевъ. Цѣлый рядъ птицъ и мелкихъ млекопитающихъ являются постоянными спутниками кофейнаго деревца. Уже на четвертый годъ оно начинаетъ приносить плоды и даетъ урожай въ теченіе цѣлаго года, такъ какъ его цвѣтки и плоды развиваются на вѣтвяхъ деревца постепенно. Цвѣты кофе, принадлежащаго къ семейству мареновыхъ (Rubiaceae), бѣлаго цвѣта и очень изящны; изъ нихъ развиваются ягодные плоды, окрашенные сначала въ зеленый цвѣтъ, который постепенно переходитъ въ красный. Рабочіе обрываютъ спѣлые плоды, и собранный матеріалъ относится въ корзинкахъ или отвозится на возахъ въ экономію или домой, если сборъ идетъ съ маленькихъ туземныхъ плантацій. Тамъ плоды складываютъ въ небольшія кучки, которыя оставляютъ лежать нѣсколько дней, пока не лопнутъ оболочки плода. Тогда или непосредственно сушатъ плоды, обдирая присохшее къ сѣменамъ мясо, или же кладутъ ихъ въ большіе чаны, наполненные водой, гдѣ ихъ потомъ тщательно промываютъ, освобождая отъ остатковъ мякоти. Затѣмъ сѣмена сушатся на солнцѣ или въ особыхъ помѣщеніяхъ. Кофе окончательно очищается, сортируется и поступаетъ въ продажу.

Сравнительно меньше, чѣмъ кофе, культивируется на Явѣ шоколадное дерево (Theobroma Cacao, изъ семейства Sterculiaceae). Это оригинальное дерево съ широкими блестящими листьями цвѣтетъ мелкими бѣлыми цвѣточками, выходящими изъ спящихъ почекъ ствола и вѣтвей. Изъ этихъ мелкихъ цвѣточковъ развиваются характерные плоды, величиной съ небольшую дыню, въ мякоти которыхъ расположены рядами крупныя сѣмена.

Шоколадное дерево родомъ изъ Америки; на Явѣ оно культивируется по преимуществу около Бейтензорга по склонамъ Салака, а также въ окрестностяхъ Самаранга, приморскаго города, лежащаго на берегу Яванскаго моря.

Какао выноситъ сравнительно сухой климатъ, но не любитъ яркаго свѣта, поэтому на плантаціяхъ шоколадныя деревья разсаживаются между высокими, но рѣдколистными альбиціями. За деревомъ какао требуется большой уходъ, такъ какъ на него нападаютъ разные враги—паразитическіе грибки, насѣкомыя, разнообразные звѣри.

Сборъ плодовъ возлагается на женщинъ и подростковъ, которые ударомъ разбиваютъ плоды и вынимаютъ изъ нихъ сѣмена. Въ факторіи подобныя сѣмена складываютъ въ кучи и подвергаютъ ихъ броженію, послѣ котораго сѣмена бурѣютъ. Затѣмъ ихъ отмываютъ, высушиваютъ, упаковываютъ въ мѣшки и отправляютъ на фабрики въ Европу. При урожаѣ плантаціи какао даютъ очень хорошій доходъ. Въ 1904 году съ Явы было вывезено около милліона кило какао.

Кофейный кустъ.

Дынное дерево.

Шоколадное дерево.

Но тамъ, гдѣ мы шли, вмѣсто плантацій была едва проходимая джунгля. Цѣлый рядъ деревянистыхъ и травянистыхъ растеній образовали стѣну по бокамъ тропинки и преграждали намъ путь. Раскидистый крупный кустарникъ свѣшивалъ со своихъ вѣтвей цѣлыя гирлянды блѣдно-лиловыхъ ягодъ съ перламутровымъ блескомъ. Это—лапортея, одно изъ кропивныхъ; его листья причиняютъ мучительный ожогъ, боль отъ котораго не проходитъ нѣсколько дней.

Дорожка наша стала круто спускаться, и скоро мы вошли въ узкую горную долину, образованную стекающимъ со склоновъ Салака ручьемъ Тіапусъ. Обычный горный ландшафтъ открылся передъ нами, но далеко не обычная обстановка насъ окружала. Огромные камни въ безпорядкѣ были нагромождены по ложу ручья, который обнаруживалъ свое существованіе, то образуя небольшія ямки, наполненныя водой, то текъ довольно быстро, то почти исчезалъ среди песка и камней.

Воздухъ былъ насыщенъ влажными испареніями, всюду чувствовалась сырость, и среди такой тепличной атмосферы великолѣпно развивались безчисленные мхи, которые ботаникъ относитъ къ печеночникамъ, къ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ растеній по своимъ разнообразнымъ приспособленіямъ къ окружающей ихъ средѣ. Жадно набросились мы на великолѣпные экземпляры дюмортріеръ, маршанцій, антоцеросовъ, ощущая и имѣя въ рукахъ то, что мы до сихъ поръ знали по книжкамъ.

Утоливъ свой первый ботаническій голодъ, мы пошли вверхъ по ручью и вскорѣ свернули въ дѣвственный лѣсъ, гдѣ сразу очутились въ довольно затруднительномъ положеніи. Пробираться впередъ было крайне трудно: многочисленныя ліаны со всѣхъ сторонъ преграждали намъ путь, ужасные ротанги спускали свои удочки и ловили насъ, какъ рыбъ на поддевъ, мшистая почва затрудняла движеніе.

Въ лѣсу былъ полумракъ, и среди такой обстановки привыкшій къ ней Па-Иданъ вскорѣ обрадовалъ насъ находкой одного изъ интереснѣйшихъ растеній—раффлезіи.

Раффлезія встрѣчается на Малайскомъ архипелагѣ, особенно же часто на о-вахъ Суматрѣ и Явѣ. На Суматрѣ живетъ гигантская Rafflesia Arnoldi, которую я видѣлъ въ спирту въ музеѣ Ботаническаго сада. На Явѣ же обитаютъ двѣ: одна очень крупная, но уступающая по величинѣ R. Arnoldi: это—Rafflesia Patma; другая, найденная нами на Салакѣ, Rafflesia Rochoussenii. Это растеніе принадлежитъ къ полнымъ паразитамъ, которые питаются соками тѣхъ растеній-хозяевъ, на которыхъ поселяются. Не нуждаясь въ самостоятельномъ добываніи, оно почти совершенно утратило свои листья, стебли и корни и сохранило лишь небольшую ткань, которая, какъ

нить гриба, внѣдряется въ корень растенія-хозяина и высасываетъ изъ него соки. Осталась безъ измѣненія достигшая огромнаго развитія лишь одна часть растенія—его цвѣтокъ.

Наша раффлезія принадлежитъ къ наиболѣе мелкимъ представителямъ этого рода, но и у нея распустившійся цвѣтокъ не меньше большой чайной чашки, а бутонъ достигаетъ величины кулака ребенка; бутоны же R. Patma и Arnoldi много крупнѣе—они величиной съ большой кочанъ капусты. Раскрытые лепестки раффлезіи имѣютъ мясо-красную или грязно-розовую окраску, и цвѣтокъ издаетъ рѣзкій запахъ падали. Этотъ запахъ и масса мухъ, которая вилась около открытаго цвѣтка раффлезіи на Суматрѣ, заставили думать, что эти цвѣтки опыляются мухами, которыя откладываютъ свои яички и питаются разлагающимся мясомъ. Наша раффлезія была собрана или въ видѣ бутоновъ или съ распадающимися цвѣтками, издававшими также сильный запахъ падали.

Ліаны положительно мѣшали сколько-нибудь успѣшно подвигаться впередъ. Однѣ изъ нихъ были какъ толстыя длинныя веревки, другія походили на какихъ-то удивительныхъ змѣй, вся поверхность тѣла которыхъ была покрыта невысокими плотными шипами. Па-Иданъ обрубилъ кусокъ ліаны, и изъ ея ствола потекъ чрезвычайно обильный водянистый сокъ, который можно было свободно пить, утоляя жажду и не рискуя проглотить при этомъ какого-нибудь возбудителя дизентеріи или другой болѣзни, столь распространенныхъ подъ тропиками.

Наши сборы научнаго матеріала были въ самомъ разгарѣ, когда отдаленный громъ заставилъ насъ поспѣшно прекратить коллекціонированіе и быстрыми шагами направиться по руслу Тіапуса, чтобы до дождя выйти изъ его ущелья. Это удалось намъ, и послѣ болѣе или менѣе усиленнаго марша по старому пути мы сидѣли подъ гостепріимнымъ кровомъ малайской хижины. Старый Па-Иданъ очищалъ для насъ ароматные ананасы, которые росли тутъ же, около хижины, въ изобиліи, а кули, какъ обезьяна, упираясь руками и ступнями ногъ, взобрался на кокосовую пальму и кидалъ оттуда незрѣлые орѣхи. Ловкимъ ударомъ ножа Па-Иданъ разбилъ орѣхъ, приготовилъ изъ бамбуковаго стебля стаканчики, и мы пили вяжущій кисловатый сокъ кокосоваго орѣха, не очень-то одобряя этотъ напитокъ; зато малайцы уничтожали его съ наслажденіемъ.

Внутренность кокосоваго орѣха, пока онъ еще не созрѣлъ, выполнена жидкимъ прозрачнымъ сокомъ; по внутренней поверхности орѣха постепенно начинаетъ образовываться слой бѣлка, который все увеличивается. По мѣрѣ роста и развитія бѣлокъ становится болѣе твердымъ и плотнымъ, жидкость мутится и принимаетъ молоч-

ный цвѣтъ, почему и называется кокосовымъ молокомъ; самый плодъ зовутъ кокосовымъ орѣхомъ, но ботаники называютъ такой плодъ костянкой (какъ костянка миндаля). Когда мы ѣли молодой бѣлокъ, онъ имѣлъ студенистую консистенцію и по-моему былъ совершенно безвкусенъ.

Закусивъ кокосовыми орѣхами и ананасами, мы сѣли въ наши экипажи и вернулись домой подъ потоками проливного дождя.

Эта первая экскурсія произвела на насъ неизгладимое впечатлѣніе. Она показала, какъ богатъ и разнообразенъ растительный міръ тропическаго лѣса и до какой степени трудно разбираться въ немъ непривыкшему и мало подготовленному человѣку.

За этой экскурсіей должны были слѣдовать другія; особенно насъ привлекала поѣздка въ горный садъ и сохранившійся въ полной неприкосновенности тропическій лѣсъ въTjibodas, гдѣ устроена также небольшая ботаническая лабораторія.

Сдѣлавъ небольшую экскурсію въ окрестности Бейтензорга, въ джунгли Депока, въ Батутулисъ—маленькую станцію, извѣстную своимъ висячимъ мостомъ, сдѣланнымъ изъ бамбука, а также большими камнями, на которыхъ сохранились какія-то старинныя, еще индійскія, надписи, откуда и названіе самой станціи (бату—камень, тулисъ—все, что написано), мы стали собираться въ Tjibodas. Туда можно попасть двумя путями: взявъ тотъ же кахаръ-балонъ, который доставитъ въ Синдагляйю или въ Тьипаннасъ, или же ѣхать по желѣзной дорогѣ до станціи Тьяндьюръ и оттуда на лошадяхъ до Тьипаннасъ. Лучше всего ѣхать туда по желѣзной дорогѣ, а обратно—на лошадяхъ, такъ какъ дорога идетъ назадъ подъ гору и разстояніе въ нѣсколько десятковъ километровъ можно проѣхать безъ особой усталости.

Тотъ поѣздъ, который заставалъ насъ обыкновенно еще за утреннимъ чаемъ, въ одно великолѣпное утро, въ половинѣ февраля 1909 года, повезъ насъ до станціи Тьяндьюръ. Поѣздъ состоитъ всего изъ двухъ вагоновъ: одного смѣшаннаго, перваго и второго класса, и одного третьяго. Европейцы обыкновенно ѣздятъ только въ I и II классѣ, но разстояніе показалось намъ невелико, ѣзды всего 4 часа, и мы сѣли въ вагонъ третьяго класса. Оказалось, что въ немъ можно ѣздить совершенно свободно. Длинныя скамейки достаточно широки, воздуха много, жалюзи хорошо защищаютъ отъ солнца; разница же въ цѣнѣ слишкомъ велика: второй классъ стоитъ больше чѣмъ втрое дороже третьяго.

Сначала поѣздъ пробѣгаетъ по Бейтензоргу, мимо чистыхъ домовъ европейскаго квартала, подъ нашей гостиницей пересѣкаетъ дорогу и выходитъ за предѣлы города, поднимаясь медленно въ

гору, мимо садовъ и поселеній туземцевъ, до станціи Батутулисъ. Оттуда поѣздъ идетъ по широкой долинѣ, образованной двумя стражами Явы—Геде и Салакомъ.

Нѣсколько разъ проѣзжалъ я по этому пути и никогда не уставалъ любоваться его прекрасными видами.

У самаго полотна желѣзной дороги, образуя пестрый бордюръ, цвѣтутъ различныя растенія, среди которыхъ больше всего бросаются въ глаза лантаны, дикія вербены и цѣлый коверъ изъ папоротниковъ. Средину картины занимаетъ большое пространство рисовыхъ полей, изумрудная зелень которыхъ ласкаетъ взоръ путешественника. Среди этихъ зеленыхъ пространствъ то здѣсь, то тамъ возвышаются группы деревьевъ, указывающія на малайскіе кампонги (деревни), а на заднемъ планѣ темныя очертанія Салака или Геде заключаютъ всю декорацію.

Поѣздъ быстро движется впередъ, пересѣкая рѣки и ущелья, оставляя безъ вниманія маленькія станціи; иногда онъ пересѣкаетъ большую дорогу, усаженную великолѣпными экземплярами Dammara, хвойнаго дерева съ широкими кожистыми листьями, и мчится дальше, замедляя постепенно свой ходъ вслѣдствіе большого подъема на плато станціи и города Сукабуми, лежащаго уже на высотѣ 650 метровъ. Поѣздъ такимъ образомъ забрался на 400 метровъ, такъ какъ Бейтензоргъ лежитъ всего на 235 метр. надъ уровнемъ моря.

Сукабуми—излюбленное мѣстопребываніе бейтензоргцевъ, когда они имѣютъ свободное время. Высокое положеніе мѣстечка, болѣе прохладный климатъ, великолѣпная растительность дѣлаютъ пребываніе здѣсь очень пріятнымъ. Но мы стояли всего нѣсколько минутъ, и поѣздъ увлекъ насъ дальше, сильно спускаясь внизъ къ станціи Tjandjoer—Тьяндьюръ, откуда мы уже должны были взять экипажи, чтобы ѣхать дальше.

Интересно отмѣтить между Бейтензоргомъ и Сукабуми станцію Tjibadak, что значитъ, по-малайски, «носорожья рѣка». Вотъ что осталось отъ тѣхъ носороговъ, которыми еще такъ недавно изобиловали лѣсныя дебри Салака, — названіе желѣзнодорожной станціи.

Въ Тьяндьюрѣ мы нашли непзмѣнные кахаръ-балоны, куда едва-едва втиснули себя и свои многочисленныя вещи, которыя малаецъ называетъ «barang-barang».

Маленькія лошадки тронулись въ путь, и мы поѣхали по улицамъ этого мѣстечка, гдѣ имѣются дачи европейцевъ, отель, но главную массу жителей составляютъ туземцы. Ихъ домики—«избушки на курьихъ ножкахъ»—построены по одному и тому же плану, общему для западной Явы. На тонкихъ ножкахъ изъ бамбуковыхъ

стеблей, на высотѣ $^3/_4$ аршина или нѣсколько больше отъ уровня почвы, кладется бамбуковый же остовъ—нижній вѣнецъ дома. По угламъ укрѣпляются 4 бамбуковыхъ столба, а сверху накладывается другой вѣнецъ изъ того же бамбука. На верхнемъ вѣнцѣ укрѣпляются стропила для крыши, на вѣнецъ кладутся бамбуковыя балки. Изъ цыновокъ, плетеныхъ изъ того же бамбука, устраиваются стѣны этого дома, а изъ пальмовыхъ листьевъ дѣлается крыша. Вотъ и вся немудреная постройка дома.

Однажды противъ Ботаническаго института строился сарай. Утромъ еще лежалъ сырой матеріалъ для него, а къ вечеру въ него переносили тѣ предметы, для храненія которыхъ онъ строился. Такъ же скоро возникаютъ и хижины яванцевъ.

Передній планъ малайскаго дома занятъ верандой, на которой проходитъ бо́льшая часть жизни обитателей дома. Въ домѣ обыкновенно одна комната, бамбуковый полъ которой выстланъ бамбуковыми или панданусовыми цыновками. На нѣкоторомъ возвышеніи устроена кровать, закрытая занавѣсомъ, необходимымъ для защиты отъ всевозможныхъ насѣкомыхъ. На этой кровати, кромѣ подушки въ изголовьи, всегда лежитъ длинная подушка въ видѣ валика, которую кладутъ между ногъ во избѣжаніе сильнаго пота. Въ углу несложная плита, которая часто отсутствуетъ, такъ какъ малаецъ охотно ѣстъ свой рисъ изъ походныхъ ресторанчиковъ, постоянно бродящихъ по кампонгамъ, а плоды не требуютъ варки. Такова несложная обстановка малайской избушки.

Построивъ ее изъ дешеваго бамбука, питаясь той пищей, которую онъ можетъ получить почти даромъ, неприхотливый въ одеждѣ, малаецъ не знаетъ нищеты, и намъ дѣйствительно не пришлось встрѣчать на Явѣ нищихъ въ нашемъ смыслѣ слова. Это понятно, если припомнить, что взрослый рабочій, кормилецъ своей семьи, зарабатываетъ 10 центовъ за поденную работу съ 6 часовъ утра до полудня.

Дорога изъ Тьяндьюра все время идетъ въ гору; мѣстами подъемъ довольно крутой, мѣстами она идетъ по сравнительно ровной мѣстности, и тройка бойкихъ лошадокъ рѣзво катитъ кахаръ-балонъ, въ которомъ, кряхтя и толкая своего спутника, сидитъ туристъ. Если Салакъ около Бейтензорга доминировалъ надъ всей окрестностью, то здѣсь Геде занимаетъ весь задній планъ, показывая то одну свою вершину, то обѣ вмѣстѣ—Геде и Пангеранго, увѣнчивая, какъ Эльбрусъ, двуглавой вершиной мощный массивъ вулкана.

Дорога очень оживлена, постоянно встрѣчаются прохожіе съ коромыслами черезъ плечо, несущіе на нихъ двѣ большія корзины съ предметами своихъ полей. При встрѣчѣ съ европейцемъ они, особенно женщины, отворачиваются и переходятъ на край дороги.

Послѣ трехъ часовъ ѣзды мы проѣхали мимо мѣстечка Tjipannas, что значитъ «теплыя воды». Тамъ есть теплый источникъ, гдѣ можно искупаться, и выстроенъ прекрасный дворецъ генералъ-губернатора, гдѣ онъ проводитъ обыкновенно два самыхъ жаркихъ мѣсяца въ году. Не далеко отъ него, между Тьипаннасъ и Синдагляйей, другимъ мѣстечкомъ, гдѣ выстроена удобная гостиница, служащая санаторіей по своему горному климату, около какихъ-то воротъ, гдѣ расположена лавочка туземцевъ, мы остановились и вылѣзли изъ нашихъ кахаръ-балоновъ, распрямляя свои затекшіе отъ долгаго сидѣнья члены. Тамъ ждали насъ уже высланные любезнымъ управляющимъ Tjibodas кули, которые продѣли сквозь наши вьюки бамбуковыя жерди и скорымъ шагомъ пустились вверхъ по крутой дорогѣ.

Было около часа дня, т.-е. время обычнаго ливня. На этотъ разъ природа не была къ намъ любезна, и не успѣли мы выйти изъ-подъ кровли лавочекъ, гдѣ покупали цыновки, или «тикары», какъ полилъ проливной дождь. Пришлось немного обождать, но затѣмъ, храбро раскрывъ наши зонтики и надѣвъ плащи, мы двинулись въ путь по крутой дорожкѣ, по направленію къ вулкану, покрытому лѣсомъ.

Не успѣли мы пройти и малой части пути, какъ намъ наперерѣзъ показалось буйволовое стадо, которое гнали малайскіе мальчики. Эта встрѣча неособенно пріятна, такъ какъ кербау не любитъ бѣлыхъ людей. Какъ часто приходилось видѣть ребятишекъ, сидящихъ верхомъ на буйволахъ и подстегивающихъ ихъ сломанной вѣткой, но при видѣ европейца буйволъ фыркаетъ, сердится и готовъ броситься на пришельца. Встрѣча эта прошла благополучно, и мы безпрепятственно, несмотря на дождь, подымались по дорогѣ.

Вся окрестность кругомъ, не считая Геде, представляла собой рисовыя поля, которыя какъ озера блестѣли своей водной поверхностью. Группа деревьевъ скрывала хижины малайцевъ, и ландшафтъ высококультурной мѣстности показывалъ какую-то своеобразную прелесть.

Особое вниманіе на дорогѣ обращаютъ высокіе стройные древовидные папоротники, принадлежащіе къ роду Alsophila. Черные слегка изогнутые стволы ихъ сохраняютъ на своей корѣ крупные отпечатки листьевъ, которые заканчиваютъ собой стволы въ видѣ великолѣпныхъ раскидистыхъ ваій, похожихъ на страусовыя перья.

Однако дождь не давалъ любоваться видами,—онъ усиливался настолько, что приходилось думать о какомъ-нибудь прикрытіи, чтобы переждать его разгаръ и сохранить на себѣ хотя бы немного сухого платья.

Мы проходили мимо пустыхъ поселеній, то поднимаясь, то слегка спускаясь и поднимаясь еще выше.

Наконецъ, послѣ небольшого спуска достигли мы горнаго ручья, который съ шумомъ катился съ вулкана, а передъ нами стояла зеленая стѣна лѣса, въ которой едва виднѣлась дорога. Этотъ ручей и былъ Tjibodas, т.-е. Бѣлый ручей, и на его берегу стояла краснорѣчивая надпись, указывающая, что мы находимся въ горномъ саду Tjibodas.

Крутой подъемъ ведетъ въ садъ; среди зарослей кустарниковъ мы прошли мимо хижинъ рабочихъ, мимо полей картофеля, который отлично растетъ на этой высотѣ, доставляя обычный овощъ къ столу голландцевъ на Явѣ, и, пройдя мимо прелестнаго озерка, вошли въ чудную аллею изъ араукарій.

Араукарія не мѣстное дерево, оно ввезено сюда изъ Бразиліи, но здѣсь прекрасно принимается, хотя почему-то не даетъ всхожихъ сѣмянъ. Араукаріевая аллея вела какъ разъ прямо къ лабораторіи горнаго сада, одного изъ лучшихъ уголковъ, которые только существуютъ на свѣтѣ.

Сердитый дождь не переставалъ; мои спутники, кромѣ одного, отстали, кули также задерживались гдѣ-то, и намъ пришлось мокрымъ и въ сыромъ домѣ уже опасаться за свое здоровье. Къ счастью для насъ въ уютной библіотекѣ института мы нашли небольшую газовую печь, которая скоро стала распространять живительное тепло, согрѣвшее насъ и приведшее въ хорошее настроеніе. Скоро пришли наши товарищи и кули, и мы сидѣли за чаемъ, осматриваясь въ новомъ помѣщеніи.

Горный садъ въ Tjibodas принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ «чудесамъ свѣта». Представьте себѣ дѣвственный первобытный лѣсъ, никогда еще не тронутый топоромъ, и рядомъ съ нимъ, на его опушкѣ, вполнѣ устроенную научную лабораторію, дающую не только возможность работать, но и такой комфортъ, какъ пользованіе газомъ для освѣщенія и нагрѣванія, фотографическія комнаты, библіотека и т. п.

Проф. Трейбъ, устроившій эту лабораторію, выказалъ и свой практическій талантъ и свою заботливость о посѣтителяхъ этой лабораторіи.

Когда воздвигался дворецъ для генералъ-губернатора въ Тьипаннасъ, Трейбъ далъ изъ лѣса Тьибодасъ нѣсколько стволовъ драгоцѣннаго дерева расамалы и получилъ разрѣшеніе использовать за это остатки матеріала отъ постройки дворца. Изъ этихъ остатковъ и выросла лабораторія въ Тьибодасъ,—прелестное зданіе, построенное съ большимъ вкусомъ и изяществомъ.

Это—одноэтажное зданіе, стоящее на каменныхъ столбахъ. По

небольшой лѣстницѣ вы выходите на веранду, откуда дверь ведетъ въ довольно длинный коридоръ; налѣво—четыре небольшихъ комнаты-спальни, гдѣ стоятъ удобныя кровати, умывальникъ, шкапъ для платья и небольшой столикъ. Направо изъ коридора дверь открывается въ изящно уставленный мягкою мебелью салонъ, гдѣ съ потолка спускается газовая люстра, ярко освѣщающая покрытый скатертью столъ. На стѣнѣ между окнами виситъ зеркало, а противъ него, у противоположной стѣны, стоятъ два шкафа съ книгами; въ одномъ помѣщены книги по ботаникѣ, въ другомъ—цѣлая серія романовъ и повѣстей на разныхъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ, англійскомъ, итальянскомъ; нѣтъ только русскихъ книгъ. Эта библіотека предназначена для отшельниковъ, которые удаляются въ горный садъ въ Tjibodas, и на нѣсколько времени бываютъ почти вполнѣ отрѣзаны отъ внѣшняго міра.

Другая дверь, направо, ведетъ въ лабораторію,—хорошую помѣстительную комнату, снабженную проведеннымъ газомъ, водой и водоотводами. Здѣсь ботаники разбираютъ, просматриваютъ научный матеріалъ, который они собираютъ въ саду и въ лѣсу.

Задняя половина дома занята столовой, которая выходитъ на другую веранду, соединяющуюся съ кухней и службами. Около дома помѣщаются купальня, гдѣ течетъ быстрый горный ключъ, сараи, фотографическая комната, а сзади—небольшой газовый заводикъ и газометръ, откуда газъ распространяется по комнатамъ лабораторіи.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда прекратился дождь и небо прояснилось. Горный воздухъ былъ необыкновенно чистъ и прозраченъ, и роскошное тропическое звѣздное небо раскинулось надъ уснувшей природой. Изъ лѣса раздавались какіе-то звуки, пролетали ночныя животныя—летучія мыши и птицы, и вся природа переживала то неизъяснимое состояніе, какое приноситъ съ собой тропическая ночь.

Горный садъ Tjibodas лежитъ на высотѣ 1425 метровъ надъ уровнемъ моря на склонѣ вулкана Геде. Садъ—это часть лѣса, расчищенная и отвоеванная у него и засаженная другими деревьями. Его основаніе было заложено Тейсманномъ, который искалъ подходящихъ мѣстъ для плантаціи хиннаго дерева и для этой цѣли разбилъ садъ на склонѣ Геде. При этомъ Тейсманнъ не ограничился разбивкой одного сада. Онъ устроилъ отдѣленія его на высотѣ 2400 и 3025 метровъ на самой вершинѣ вулкана Геде, называемой Пангеранго. Чудный райскій климатъ царитъ въ этомъ горномъ саду, особенно въ то время года, когда мы посѣтили Tjibodas. Рано утромъ, когда солнце освѣщаетъ снизу вершины горы и верхушки деревьевъ, между 6 и 7 ч. утра, температура не поднимается выше 14°—16° C.; къ обѣду, когда палящіе лучи солнца падаютъ отвѣсно на землю,

Внутренній видъ тропическаго лѣса въ Тьибодасъ.

Древовидный папоротникъ—Alsophila.

Лабораторія въ Тьибодасъ.

въ тѣни было не болѣе 20—21° С., а вечеромъ послѣ захода солнца температура снова падаетъ до 16—18° С. Эта прохлада, соединенная съ бодрящимъ горнымъ воздухомъ, наполняетъ все существо посѣтителя Tjibodas какимъ-то приливомъ энергіи, жаждой дѣятельности; онъ глубже чувствуетъ окружающія красоты природы и тѣснѣе сливается съ ея жизнью.

Рядомъ съ лабораторіей выстроенъ домикъ для завѣдующаго европейскаго садовника, около него оранжерейка безъ стеколъ, цвѣтникъ, а выше, на склонѣ горы, есть мѣсто, откуда открывается видъ на всю окрестность. Прямо передъ глазами наблюдателя поднимается во всемъ величіи вулканъ Геде и его главная вершина Пангеранго, не покрытая уже лѣсомъ; какъ сахарная голова въ зеленой рамѣ лѣса, она ясно вырисовывается на чистомъ утреннемъ небѣ; далекій горизонтъ открываетъ широкія горныя долины, гдѣ какъ зеркала блестятъ рисовыя поля, а въ сильный бинокль можно отличить безпредѣльную гладь Яванскаго моря и рядъ островковъ, окаймляющихъ яванскій сѣверный берегъ. Далекія цѣпи горъ параллельными рядами разнообразятъ общую картину. Если зритель переводитъ свой взоръ на ближайшіе предметы, то темная стѣна дѣвственнаго лѣса, поднимающагося непосредственно за лабораторіей, прежде всего останавливаетъ его вниманіе. Среди зелени лѣса, какъ огромныя колонны, поднимаются гигантскія расамалы (Liquidambar Altingiana), наиболѣе высокія среди другихъ лѣсныхъ великановъ. Онѣ нерѣдко достигаютъ высоты въ 50 метровъ, но среди нихъ есть гиганты въ 80 метровъ, т.-е. въ 40 саженъ высотой. Вообразите дерево на 2 сажени выше колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ, и вы составите себѣ представленіе о мощности этого гиганта. Его крона образуется высоко надъ землей, и рѣдкія вѣтви представляютъ сравнительно небольшой шатеръ, который поддерживается массивнымъ стволомъ. Остальныя деревья ниже расамалы и образуютъ сплошную зеленую стѣну, которая открывается по мѣрѣ приближенія къ ней.

Въ самомъ саду наибольшее впечатлѣніе производитъ колоссальный экземпляръ Dammara alba, выросшій на склонѣ холма, откуда открывается прекрасный видъ; аллея изъ араукарій много говоритъ сердцу сѣверянина, напоминая родныя ели. Два совершенно своеобразныхъ дерева какъ бы охраняютъ входъ въ лабораторію. Это два австралійца — злаковыя деревья — Xanthorrhoea australis; ихъ массивный и невысокій стволъ увѣнчанъ цѣлымъ снопомъ длинныхъ узкихъ листьевъ, похожихъ больше всего на листья какого-нибудь злака, а не дерева. А отдѣльно стоящіе печальные эвкалипты своими опущенными длинными листьями и гладкой корой напоминаютъ

наши ивы. Около мѣста, откуда мы смотрѣли на окрестности, разбросаны грядки съ земляникой, которая не растетъ въ Бейтензоргѣ, здѣсь же даетъ ягоды; но онѣ не сладки и не ароматны, хотя считаются большимъ лакомствомъ и очень цѣннымъ блюдомъ и поставляются отсюда къ столу генералъ-губернатора.

Мы вставали около шести часовъ утра и торопили взятаго изъ Бейтензорга служителя Яа готовить намъ утренній завтракъ, чтобы пораньше выбраться въ лѣсъ и вернуться до послѣчасового дождя. Къ намъ утромъ приходилъ старый Sapihin, мѣстный Па-Иданъ, который не только зналъ прекрасно лѣсъ, но и массу растеній, особенно интересующихъ натуралиста. Вмѣстѣ съ нимъ былъ въ качествѣ кули его сынъ, смышленый малый. Уже многихъ натуралистовъ сопровождалъ Sapihin по лѣсу въ Tjibodas, но здоровье стало измѣнять старому мантри; онъ былъ сильно боленъ, когда мы посѣтили Tjibodas вторично; не знаю, живъ ли онъ теперь.

На пространствѣ 283 гектаровъ лѣсъ по склону Геде принадлежитъ ботанической лабораторіи въ Tjibodas и является вполнѣ заповѣднымъ, гдѣ не происходятъ ни порубки, ни расчистки, и онъ сохраняетъ свою полную неприкосновенность и прежній характеръ, когда всѣ горы Явы были покрыты подобными лѣсами. Измѣнилась только въ немъ жизнь животныхъ. Крупные звѣри (королевскій тигръ (matjan lorék), носороги) покинули уже давно лѣса Геде подъ напоромъ надвигающейся культуры, остались лишь кабаны—babi utan, пантеры, ревъ которыхъ иногда слышенъ въ лабораторіи по ночамъ, да различная мелочь: виверры, кошки и цѣлая масса другихъ млекопитающихъ, не страшныхъ для невооруженнаго ничѣмъ, кромѣ палки, путешественника.

Для того, чтобы вновь пришедшій натуралистъ могъ сколько-нибудь оріентироваться въ безконечномъ разнообразіи тропическаго лѣса и не блуждалъ бы тамъ около лабораторіи, прорубая себѣ дорогу, въ лѣсу продѣлана цѣлая система дорожекъ—tarawas, а весь лѣсъ раздѣленъ на четыре «terrain». Въ каждомъ «terrain», или отдѣлѣ, дорожки нумерованы и наиболѣе интересныя деревья имѣютъ по двѣ дощечки, съ номеромъ дерева и латинскимъ названіемъ. Эта великолѣпная организація дозволяетъ натуралисту одному, безъ провожатыхъ углубляться въ лѣсъ и отходить на нѣкоторое разстояніе отъ тропинокъ въ самую чащу лѣса.

Въ первое же утро мы направились въ лѣсъ и, несмотря на нѣкоторую привычку къ тропической растительности, были ошеломлены той буйной и безконечно разнообразной природой, среди которой мы очутились.

Дорожка (tarawas), по которой мы шли, довольно круто подни-

малась въ гору; время отъ времени она огибала какое-нибудь громадное дерево, которое имѣло номеръ и названіе. На ряду съ гигантскими расамалами, немного уступая имъ въ величинѣ, поднимаются огромные фикусы со своими, имѣющими видъ досокъ, корнями, которые какъ подпорки укрѣпляютъ огромное дерево. Яванскіе дубы съ гладкими листьями и оригинальными плоскими желудями, яванскіе каштаны, хвойныя деревья, Podocarpus съ нѣжными тонкими хвоями, лавровыя деревья съ блестящими кожистыми листьями, Melastomaceae съ крупными листьями, покрытыми сѣтью выступающихъ жилокъ, и цѣлая масса другихъ незнакомыхъ деревьевъ составляли фонъ лѣса. Я говорю «незнакомыхъ»,—да развѣ возможно узнать флору лѣса, въ составъ которой входитъ болѣе 1000 видовъ однихъ деревянистыхъ растеній! Фикусы поражали своими оригинальными соцвѣтіями и плодами, которые выходили изъ разныхъ мѣстъ ихъ стволовъ, вѣтвей. Казалось, дерево покрыто цѣлымъ рядомъ грибовъ, которые сидятъ на его вѣтвяхъ. Всюду цѣпкія ліаны перекидывали свои канаты, затрудняя движеніе помимо тропинокъ. Большое количество фрейсинетій свѣшивалось съ деревьевъ, но болѣе всего бросался въ глаза одинъ папоротникъ—птичье гнѣздо, Asplenium nidus. Онъ помѣщался на вѣтви дерева или на концѣ какой-нибудь ліаны и дѣйствительно походилъ на гнѣздо или на корону, подвѣшенную за средину. Его огромные листья, достигающіе сажени въ длину, распредѣляются правильнымъ кругомъ по корневищу, которое внутрь круга пускаетъ корни. Посреди гнѣзда между корнями накопляется перегной, на счетъ котораго и живетъ этотъ папоротникъ. Нигдѣ мнѣ не приходилось видѣть такихъ большихъ и разнообразныхъ папоротниковъ, какъ въ лѣсу въ Tjibodas. Съ деревьевъ, какъ змѣи, свѣшиваются ужовники (Ophioglossum), родные братья нашимъ маленькимъ ужовникамъ, растущимъ въ средней Россіи. Ихъ огромные споровые колоски въ четверть аршина длиной болтаются, свѣшиваясь съ листьевъ. Среди зарослей внизу громадные ангіоптерисы; тѣ, что мы видимъ въ Ботаническомъ саду, представляютъ особый интересъ величиной своихъ листьевъ, значительно превосходящихъ любой человѣческій ростъ. Вся почва занята мхами-печеночниками, которые, какъ огромные черви, расходятся въ разныя стороны, покрывая собой камни и откосы дороги, то лиственными мхами—цѣлыми маленькими деревцами, въ тѣни пальмообразной кроны которыхъ растутъ различныя растенія. Чѣмъ выше поднимаемся мы, тѣмъ гуще становится подлѣсокъ, ниже деревья. Нога тонетъ въ мягкомъ мшистомъ покровѣ, становится почти невозможно двигаться въ стороны отъ дорожекъ среди зарослей эллетарій, громадныхъ листьевъ папоротниковъ глейхеній и другихъ

травянистыхъ растеній. Но мы карабкаемся, не щадя себя, такъ какъ подъ нашими ногами растутъ тѣ сокровища, о которыхъ мы раньше читали въ книгахъ и съ завистью разсматривали ихъ въ музеяхъ заграничныхъ университетовъ. Тутъ встрѣчаются мхи Calobryum и Treubia, одни изъ наиболѣе интересныхъ представителей этого класса растеній; вмѣстѣ съ ними рядъ другихъ мховъ, показывающихъ, что разнообразіе расчлененія тѣла мховъ ничуть не уступаетъ высшимъ растеніямъ.

Рядъ другихъ споровыхъ растеній составляетъ нашу добычу, и мы не можемъ остановиться, собирая безчисленные папоротники изъ семейства Hymenophyllaceae, которые покрываютъ стволы деревьевъ. Только въ этой насыщенной атмосферѣ, при этомъ разсѣянномъ солнечномъ свѣтѣ могутъ жить такія растенія, все строеніе которыхъ скорѣе указываетъ на ихъ водный образъ жизни, а не на то, что они живутъ часто высоко надъ землей на стволахъ какихъ-нибудь лѣсныхъ гигантовъ. Вѣтви деревьевъ одѣты густымъ покровомъ разнообразныхъ мховъ, лишаевъ, папоротниковъ, цвѣтковыхъ растеній, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ разнообразныя орхидеи; листья—и тѣ не остаются свободными отъ постороннихъ обитателей, на нихъ поселяющихся. Они покрыты цѣлой коркой изъ мховъ, лишайниковъ и водорослей, образующихъ сообщества такъ называемыхъ эпифилловъ, такъ какъ они живутъ на листьяхъ. Совершенно нагруженные добычей, мы возвращаемся домой и съ большимъ аппетитомъ поѣдаемъ вкусный завтракъ, приготовленный Яа. Послѣ завтрака нѣтъ времени отдыхать, и мы съ жаромъ набрасываемся на разборъ коллекцій, превращая мирную и чистую до тѣхъ поръ комнату въ складъ листьевъ, вѣтокъ и т. д. Вечеромъ, усталые отъ дневной работы, мы отдыхали въ уютной гостиной, читая романы изъ мѣстной библіотеки. И вотъ среди такой идиллической обстановки однажды были намъ доставлены номера «Русскихъ Вѣдомостей» съ вѣстями о далекой родинѣ. Тамъ въ это время разыгрывался кошмаръ азефовщины, и какъ тяжело, какъ больно было намъ за нашу родину, весь трагизмъ положенія которой былъ такъ ясенъ при оцѣнкѣ его изъ этого прекраснаго далека.

Ознакомившись съ ближайшими окрестностями лабораторіи, мы направились въ одно ясное утро къ водопаду Tjiburrum, лежащему въ $1^1/_2$ час. ходьбы отъ лабораторіи. Дорога все время идетъ лѣсомъ вдоль быстраго ручья, вытекающаго изъ скалъ Tjiburrum и получающаго свою воду изъ водопада. Картина лѣса мало мѣняется, дорога широка и итти по ней не представляетъ особаго затрудненія. Всюду свѣшиваются ліаны и корни эпифитовъ, на прогалинкѣ попадаются цвѣты разныхъ растеній, среди которыхъ голубые «не тронь меня»

(Impatiens) больше другихъ бросаются въ глаза; обиліе папоротниковъ поразительное; изящныя гименофилловыя (Hymenophyllaceae) одѣваютъ своими тонкими стеблями и листьями стволы деревьевъ, задерживая влагу для дерева и поглощая ее всѣми клѣтками своего нѣжнаго организма. Послѣ часа ходьбы мы пришли къ небольшому болоту, сплошь заросшему папоротникомъ Gleichenia. Корневище этого папоротника растетъ въ землѣ, а огромные листья переплетаются и стелются по землѣ, напоминая скорѣе стебли, чѣмъ листья. Въ углахъ ихъ вильчато-разсѣченныхъ черешковъ находятся почки, которыя скрываютъ нераспустившіяся части листа, и такой листъ можетъ расти очень долгое время, достигая огромныхъ размѣровъ. Среди глейхеній мѣстами пришлось пробираться съ помощью ножа,— такъ густы были сплетенія ихъ листьевъ.

Вдали слышится шумъ водопада, мы идемъ дальше, и картина лѣса измѣняется. Почва становится болѣе болотистой, деревья мельчаютъ, ихъ вѣтви еще больше одѣты эпифитами, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ лѣса, а подъ нашими ногами, скрываясь между кустарникомъ, растетъ одно изъ удивительнѣйшихъ растеній тропическихъ странъ — насѣкомоядное растеніе Nepenthes. Его листья оканчиваются крупными кувшинами, полуприкрытыми крышками. Яркая пестрая окраска кувшиновъ привлекаетъ къ нимъ различныхъ насѣкомыхъ, которыя садятся на край кувшина, но онъ настолько гладокъ, что насѣкомыя не могутъ удержаться на немъ, скользятъ и падаютъ на дно кувшина въ водянистую жидкость, скопляющуюся тамъ. Насѣкомыя находятъ тамъ себѣ гибель, а растеніе, выдѣляя пищеварительный сокъ, перевариваетъ ихъ и къ своей обычной пищѣ, получаемой изъ воздуха и почвы, присоединяетъ новое блюдо—животные организмы. Если заглянуть нѣсколько времени спустя въ кувшины непентеса, то отъ бѣдныхъ насѣкомыхъ остаются только крылышки и другія непереваримыя части, свидѣтельствующія о хищныхъ наклонностяхъ этого растенія. Однако число жертвъ, которое можно найти въ кувшинахъ непентеса, сравнительно очень незначительно, настолько мало, что является непонятнымъ, зачѣмъ растеніе вырабатываетъ себѣ такое сложное приспособленіе, если оно такъ мало используетъ его. Этотъ вопросъ до сихъ поръ еще остается нерѣшеннымъ, стоитъ загадкой для біолога, привыкшаго видѣть въ приспособленіяхъ отвѣтъ на необходимыя жизненныя потребности организма. Мы набрали полныя корзины этого интереснѣйшаго растенія и продолжали свой путь къ виднѣвшемуся уже водопаду. Горное ущелье, по которому мы шли, замыкается въ этомъ мѣстѣ отвѣсными скалами, съ которыхъ тремя большими каскадами низвергается водопадъ, разбрасывая милліоны брызгъ вокругъ. Лучи

солнца преломляются въ этихъ брызгахъ, образуя рядъ радугъ или радужныхъ колецъ, окружающихъ струю водопада. Растительность вокругъ имѣетъ очень жалкій характеръ. Быть можетъ, такой характеръ является непосредственнымъ слѣдствіемъ обвала, имѣвшаго мѣсто недавно и уничтожившаго большое пространство лѣса. Скалы около водопада остаются все время влажными отъ его брызгъ. Онѣ покрыты сплошнымъ зеленымъ ковромъ изъ водорослей, мховъ, а внизу разрастаются великолѣпные экземпляры одного растенія изъ кропивоцвѣтныхъ — Elatostemma. Быстрый ручей бѣжитъ со скалъ отъ водопада, превращаясь послѣ дождей въ бѣшеный потокъ, который все уничтожаетъ на своемъ пути.

Налюбовавшись прекраснымъ зрѣлищемъ водопада, мы вернулись домой, но не по первоначальной широкой дорогѣ, а по еле замѣтнымъ тропинкамъ, часто даже безъ тропинокъ, по дѣвственному лѣсу. И при этомъ путешествіи въ самой чащѣ лѣса намъ пришлось убѣдиться въ справедливости ранѣе сдѣланныхъ наблюденій относительно большой свѣтопроницаемости въ чащѣ тропическаго лѣса по сравненію съ полутемными еловыми или буковыми лѣсами, гдѣ почти совершенно не развивается подлѣска и нетронутый лѣсъ имѣетъ видъ прочищеннаго парка. Въ тропическомъ лѣсу разлитъ мягкій ровный свѣтъ, и поэтому онъ изобилуетъ массой подлѣска. И конечно, разъ этотъ фактъ былъ установленъ, необходимо было сдѣлать попытку къ его объясненію.

Прежде всего необходимо указать, что тропическія деревья по большей части менѣе густо олиственны, чѣмъ деревья средней Европы. Это стоитъ въ полной связи съ тѣмъ количествомъ свѣта, которое солнце изливаетъ въ экваторіальныхъ странахъ, благодаря чему листъ можетъ производить и производитъ бо́льшую работу, чѣмъ въ среднихъ широтахъ. Іенскій профессоръ Детмеръ сдѣлалъ рядъ чрезвычайно интересныхъ сравнительныхъ наблюденій надъ образованіемъ веществъ растеніемъ въ Іенѣ и Бейтензоргѣ. За мѣсяцъ зерна маиса, посѣянныя въ Бейтензоргѣ, развили растенія, сухой вѣсъ которыхъ равнялся 29,5 gr.; тѣ же зерна маиса въ тотъ же срокъ дали въ Іенѣ растенія съ сухимъ вѣсомъ всего въ 6,5 gr., т.-е. образовательная способность растеній подъ тропиками почти впятеро больше, чѣмъ въ средней Европѣ.

У цѣлаго ряда тропическихъ растеній, благодаря большому количеству свѣта, листъ подставляетъ падающимъ лучамъ не свою широкую, а свою узкую сторону и свѣшивается съ вѣтки, подобно листьямъ эвкалипта. Листья такихъ деревьевъ мало затѣняютъ почву и даютъ возможность развиться большому подлѣску. Блуждая по чащѣ тропическаго лѣса, мы видѣли, до какой степени наполненъ

лѣсъ растительностью. Почва покрыта цѣлымъ ковромъ мховъ и другихъ растеній, густой подлѣсокъ составляетъ нижній этажъ лѣсной растительности, многочисленныя ліаны даютъ возможность развиться на ихъ стволахъ цѣлому сообществу эпифитовъ, которые, подобно папоротнику Asplenium nidus, какъ бы висятъ въ срединѣ лѣса, какъ паникадила въ церкви. Верхній этажъ лѣса занятъ кронами лѣсныхъ великановъ, около которыхъ, стремясь къ источнику свѣта, обвиваются ліаны. Высокія вѣтви деревьевъ заняты неимовѣрнымъ количествомъ эпифитовъ. Однажды мы набрели на упавшее дерево. Всѣ его вѣтви были сплошь одѣты густымъ футляромъ мховъ, какъ муфтой; среди мховъ пріютились разнообразные орхидеи и папоротники.

Десять дней прожили мы въ Tjibodas, и всѣ они промелькнули какъ одинъ день. Мы далеко не успѣли ознакомиться съ главными типами тропическаго лѣса, не посѣтили вершины Геде и Пангеранго, поэтому рѣшили снова поѣхать черезъ извѣстный промежутокъ времени.

Въ концѣ марта и началѣ апрѣля, страстную недѣлю 1909 года, мы провели опять въ горномъ саду, использовавши время между прочимъ и на восхожденіе на вершину Пангеранго.

Это восхожденіе требовало значительныхъ приготовленій. Рано утромъ были высланы кули съ запасами ѣды, керосина, теплымъ платьемъ, которые должны были доставить все это въ хижину, выстроенную на сѣдловинѣ между двумя вершинами, Пангеранго и Геде, а вслѣдъ за кули выступили и мы. Дорога шла по направленію къ водопаду Tjiburrum и недалеко отъ водопада сворачивала, поднимаясь круто въ гору, и мы долго поднимались среди густого лѣса, молчаніе котораго нарушалось рѣзкимъ крикомъ многочисленныхъ обезьянъ, населяющихъ эти мѣста. Иногда намъ удавалось видѣть сѣрыхъ обитателей лѣса, съ поразительной быстротой карабкавшихся по ліанамъ и перескакивавшихъ съ дерева на дерево, но по большей части они успѣвали скрыться среди вѣтвей и листвы прежде, чѣмъ мы могли ихъ замѣтить. Послѣ долгаго и утомительнаго подъема мы достигли интереснаго ущелья, гдѣ изъ-подъ земли вытекалъ источникъ настолько горячій, что въ его воду едва возможно было опустить руку. Его горячія воды переливались черезъ дорогу и скатывались куда-то внизъ по ущелью. Облако густого пара окружало его и на камняхъ, омываемыхъ горячей водой, росли, великолѣпно развиваясь, водоросли-дробянки, или такъ называемыя сине-зеленыя водоросли, которыя являются самыми неприхотливыми существами, переносящими даже эту высокую температуру. Этотъ источникъ лежитъ уже на значительной высотѣ въ

2000 метровъ, и недалеко отъ него расположена хижина,—пріютъ для туристовъ, находящійся въ сѣдловинѣ съ громкимъ названіемъ «Kandang Badak», т.-е. логовище носороговъ. Дѣйствительно, въ прежнія времена здѣсь водилось большое количество этихъ толстокожихъ, но теперь только названіе мѣста напоминаетъ о ихъ бывшемъ царствѣ. Хижина для туристовъ выстроена изъ волнистаго листового желѣза, она довольно помѣстительна и въ ней устроены нары для четырехъ человѣкъ; посреди̇нѣ стоитъ столъ, надъ которымъ виситъ большая лампа-молнія, освѣщающая и нагрѣвающая комнату. Мы пришли около 11 часовъ къ хижинѣ и тотчасъ же принялись торопить нашихъ кули и сопровождавшаго насъ Яа приготовить намъ завтракъ. Рядомъ съ пріютомъ построенъ легкій дощатый баракъ, гдѣ устроена кухня и помѣщаются кули. Около дома возвышается кипарисъ, который служитъ памятникомъ дѣятельности неутомимаго Тейсманна, пытавшагося устроить и здѣсь родъ отдѣленія сада. Подкрѣпившись консервами, мы послѣ небольшого дождя рѣшили использовать остатокъ дня для восхожденія на вершину Геде и къ его кратеру, на высоту 2962 метра.

Дорога отъ пріюта круто поднимается по лѣсу, но характеръ лѣса уже сильно отличается отъ лежащаго ниже. Число древесныхъ видовъ убываетъ; деревья, принадлежащія къ семейству вересковыхъ и мотыльковыхъ, становятся гораздо ниже и тоньше; ихъ стволы вѣтвятся низко надъ землей, а вѣтви одѣваются такъ же, какъ и внизу, густымъ покровомъ изъ мха. Поднимаясь наверхъ, мы находили въ большомъ количествѣ очень интересное растеніе—Balanophora, принадлежащее къ паразитическимъ цвѣтковымъ растеніямъ, живущимъ на корняхъ деревьевъ. Balanophora имѣетъ толстый клубневидный стебель оранжево-желтаго цвѣта, по которому разбросаны въ большомъ количествѣ железки въ видѣ звѣздочекъ. На такомъ стеблѣ мѣстами возникаютъ цвѣточныя почки и среди окрашенныхъ въ желто-красный цвѣтъ листьевъ выходятъ соцвѣтія. Баланофоры двудомны: одни экземпляры приносятъ только мужскіе цвѣты, другіе же—только женскіе.

Вскорѣ мы достигли высшей точки дороги, откуда уже начинался спускъ въ самый кратеръ вулкана. По пути росли невысокія альбиціи, вѣтви которыхъ были изуродованы галлами,—наростами, происходящими отъ уколовъ насѣкомымъ орѣхотворкой. Передъ нашими глазами развернулась величественная, но мрачная картина. Все дно кратера состояло изъ базальтовъ, которые окаймляли кратеръ огромнымъ полукругомъ и возвышались неприступной стѣной передъ нами; ниже сольфатары выдѣляли сѣрные и водяные пары, а самое жерло кратера скромно теряется около

базальтовой стѣны и выдѣляется горкой вулканическаго пепла. Когда мы посѣтили кратеръ, паровъ и дыма не выходило, Геде былъ спокоенъ, но въ 1879 году было сильное изверженіе, уничтожившее часть Тьяндьюрскаго округа. Лишь скудная растительность встрѣчается на этомъ каменномъ плато. Подушечки мховъ и нѣкоторыхъ цвѣтковыхъ растеній, среди которыхъ вересковыя выдѣляются изяществомъ своихъ цвѣтовъ, нѣкоторые папоротники, разсѣянные то здѣсь, то тамъ,—вотъ и вся растительность, покрывающая дно кратера Геде. Отсюда виденъ весь склонъ горы, весь тотъ лѣсъ, который тянется отъ лабораторіи до самой вершины, гдѣ древесная растительность уже развита крайне слабо. Пора было отправляться къ мѣсту стоянки, такъ какъ солнце было низко, а дорога представляла немало затрудненій.

Уже почти совсѣмъ стемнѣло, когда мы прибыли въ желѣзный домъ на «носорожьемъ логовищѣ». Съ заходомъ солнца термометръ очень упалъ, и скоро стало настолько холодно, что мы пытались всевозможными средствами согрѣть наше суровое жилище. Поужинавъ и разобравъ добытый матеріалъ, мы шли спать, укрывшись пальто и одѣялами.

Въ полной темнотѣ мы встали на слѣдующее утро. Чистое, ясное небо сверкало своими звѣздами, которыя горѣли и переливались особенно ярко, благодаря высотѣ мѣста и прозрачности воздуха.

Было 5—6° С., и намъ, привыкшимъ къ высокой температурѣ, казалось, что мы попали на сѣверный полюсъ. Надо было спѣшить начинать подъемъ на Пангеранго, чтобы, взобравшись высоко, видѣть восходящее солнце, а съ вершины вулкана успѣть налюбоваться окрестностями, пока завѣса изъ облаковъ, поднимающихся къ 10—11 часамъ пополудни, не закроетъ отъ насъ горизонта. При свѣтѣ звѣздъ, ощупывая палками тропинку, вышли мы съ Kandang Badak'a и стали подниматься въ гору.

Мѣстами подъемъ былъ довольно легокъ, но мѣстами сравнительно крутъ. Скоро на востокѣ стало свѣтлѣе, звѣзды померкли, и солнце, бросая яркіе снопы лучей, вышло изъ-за горизонта. Мы стояли уже довольно высоко и подходили къ самому вулканическому конусу Пангеранго, куда вела, извиваясь змѣей, длинная дорожка. Растительность носила вчерашній характеръ, но на пути намъ всюду попадалась чудная Primula imperialis, родной братъ нашей желтой примулы-баранчика, но больше аршина высотой и украшенная кольцомъ золотистыхъ цвѣтковъ. Тѣ же баланофоры, которыя мы собирали вчера, попадались намъ и сегодня. Густая заросль кустарниковъ окружала съ обѣихъ сторонъ нашу дорожку, скрывая отъ

насъ окрестности. Подымаясь все выше и выше, мы добрались, наконецъ, до свободнаго отъ деревьевъ верхняго плато Пангеранго.

Было еще время оглядѣться, облака не успѣли закрыть горизонтъ, и передъ нашими глазами развернулся видъ на всю западную Яву. На сѣверъ передъ нами раскинулись низменности резидентства Батавіи и Краванга, съ ихъ воздѣланными рисовыми полями, чайными и другими плантаціями; вдали сверкало и искрилось Яванское море. На югъ рядъ горныхъ хребтовъ покрываютъ менѣе культурную Преангерскую землю, скрывавшую отъ насъ Индійскій океанъ. На западѣ вершина Геде закрывала часть дикаго Бантама, гдѣ до сихъ поръ можно еще отыскать и тигра и носорога, а на востокѣ открывалась горная страна—вся остальная Ява. Но недолго могли мы любоваться этими широкими видами: изъ ущелій поползли туманы; они клубились, сгущались въ бѣлыя облака, которыя хмурились все больше и темными тучами всползали вверхъ по вулкану, закрывая и ближайшія окрестности. Прекрасная мягкая трава покрываетъ вершину вулкана, и въ этой травѣ я нашелъ нѣсколько ароматичныхъ ягодъ лѣсной земляники, которая напомнила далекую родину. Земляника одичала здѣсь со времени Тейсманна, который разбилъ отдѣленіе Ботаническаго сада на самой вершинѣ Пангеранго. Тучи заставили насъ прервать нашъ отдыхъ и начать спускъ, который мы сдѣлали очень легко. Высшая точка Пангеранго у тригонометрическаго пункта равна 3025 метрамъ.

Подкрѣпившись остатками нашей провизіи, мы простились съ гостепріимнымъ «носорожьимъ логовищемъ» и пустились въ обратный путь. Лежа на нарахъ въ пріютѣ, я нашелъ на стѣнѣ прелестное стихотвореніе Гёте, написанное однимъ изъ гостившихъ здѣсь ботаниковъ:

Ueber allen Gipfeln
ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch,
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Я не могъ удержаться, чтобы не написать подъ нимъ Лермонтовскихъ «Горныхъ вершинъ», какъ удивительнаго по выразительности перевода этого граціознаго и полнаго настроенія стихотворенія. Мы быстро спустились къ лабораторіи и, разобравъ собранный матеріалъ, стали прощаться съ этимъ чуднымъ уголкомъ земли,

гдѣ не одинъ изъ натуралистовъ провелъ едва ли не лучшія минуты своей жизни.

Обратный путь мы рѣшили сдѣлать на лошадяхъ черезъ перевалъ Пунтьякъ въ горахъ Мегамендонгъ, чтобы на пути осмотрѣть только что срубленный лѣсъ, чайную плантацію и великолѣпное озеро Телага-варна.

Мы спустились опять къ тѣмъ же лавочкамъ около Тьипаннасъ, откуда дѣлали свое первое восхожденіе въ Tjibodas. Тамъ ждали насъ кахаръ-балоны, и мы покатили мимо прелестнаго мѣстечка санаторіи Синдагляйя, черезъ деревню того же имени, и стали подниматься на перевалъ Пунтьякъ. Подъемъ былъ очень тяжелый. Къ тремъ лошадкамъ припрягли еще четвертую, но и то было трудно тащить экипажъ, и мы вышли изъ него, предпочитая сдѣлать восхожденіе пѣшкомъ. Подъемъ идетъ мимо различныхъ плантацій и воздѣланныхъ полей, а направо и налѣво отъ дороги открываются великолѣпные виды на окрестности. Мы съ сожалѣніемъ покидали чудный Tjibodas, принося искреннюю благодарность профессору Трейбу за его заботливость къ натуралистамъ, чувствующимъ себя лучше чѣмъ дома въ этомъ величественномъ дѣвственномъ лѣсу.

На самомъ перевалѣ Пунтьякъ (puntjak—значитъ перевалъ; какъ это часто бываетъ, имя нарицательное превратилось въ собственное) построена бесѣдка, откуда открывается видъ на югъ—на вулканъ Геде, на востокъ—на Преангерскую страну, а внизу догадливый китаецъ устроилъ родъ ресторанчика, гдѣ можно выпить чашку чая или воды и закусить различными плодами. Съ перевала дорога идетъ внизъ; еще незадолго до нашего пріѣзда здѣсь красовался великолѣпный лѣсъ изъ тэковыхъ деревьевъ (Djati по-малайски, Tectona grandis по-латыни), но безжалостный топоръ европейца срубилъ этотъ лѣсъ и на его мѣстѣ разбилъ чайную плантацію. Еще не свезенные трупы гигантовъ лѣса лежали на склонахъ холмовъ, и мы могли собрать кое-какія орхидеи, еще уцѣлѣвшія на вѣтвяхъ деревьевъ.

Тутъ же скрыто среди густого лѣса прелестное озеро, въ которомъ еще недавно купались носороги, теперь же рабочіе съ чайной плантаціи приходятъ сюда послѣ своего рабочаго дня. Для натуралиста всегда тяжело видѣть гибель памятниковъ природы.

Дорога идетъ все время сильно внизъ, главнымъ образомъ среди рисовыхъ полей и кампонговъ малайцевъ.

Мы собрали по пути прекрасные экземпляры лишайника Cora, встрѣчающагося только въ тропическихъ странахъ. Какъ зеленые щиты покрывали пластинки Cora толстые стволы фикусовъ, росшихъ по дорогѣ.

Чѣмъ ближе къ Бейтензоргу, тѣмъ населеннѣе мѣста и тѣмъ

жарче и душнѣй становится для насъ, уже отвыкшихъ отъ влажнаго и теплаго климата Бейтензорга. Djalan-bezaar въ прекрасномъ состояніи, и лошади, чуя близкій отдыхъ, мчатъ насъ мимо дачъ богатыхъ китайцевъ по главной улицѣ Бейтензорга, мимо сада, къ отелю «Belle-Vue».

Между первой и второй поѣздкой въ Tjibodas произошло важное въ нашей жизни натуралистовъ событіе, которое оставило слѣдъ на всей нашей дальнѣйшей судьбѣ. Мы сдѣлали интереснѣйшую поѣздку по коралловымъ островкамъ, лежащимъ между Батавіей на Явѣ и Суматрой и извѣстнымъ подъ названіемъ «Тысяча острововъ». Новый міръ открылся передъ нами — жизнь коралловыхъ рифовъ и острововъ. Этотъ новый міръ такъ увлекъ насъ, что мы рѣшили все оставшееся время отдать на знакомство съ этой новой для насъ областью. Послѣ долгаго обсужденія, куда поѣхать, мы остановились на далекомъ архипелагѣ Ару, лежащемъ близъ Новой Гвинеи. Изъ описаній русскаго натуралиста Давыдова, посѣтившаго Аруанскій архипелагъ въ 1902 году, мы могли предполагать, что онъ дастъ намъ наибольшее количество тѣхъ водорослей, которыя мы собирали, и развернетъ передъ нами во всей полнотѣ жизнь коралловыхъ острововъ. Поэтому, вернувшись въ Бейтензоргъ изъ Tjibodas, мы начали дѣятельно приготовляться къ предстоящей поѣздкѣ на далекій архипелагъ, гдѣ условія работы, согласно даннымъ Давыдова, представляли большія трудности; мы надѣялись, что картины дикой природы, еще не испорченной дѣятельностью человѣка, вполнѣ искупятъ труды и затраты на эту поѣздку, а обиліе коралловыхъ рифовъ и мелей сулило намъ богатый матеріалъ для научной работы. Опишу впрочемъ сначала нашу поѣздку на «Тысячу острововъ».

Глава V.

Тысяча острововъ.

13 марта 1909 года мы выѣхали изъ Бейтензорга въ сопровожденіи нашего слуги Нонгъ-Нонга, нагруженнаго всякими припасами и ящиками для сбора коллекцій. На пристани Tandjong-Priok уже ожидалъ насъ казенный пароходъ «Gier», т.-е. соколъ, который данъ голландскимъ правительствомъ въ распоряженіе біологической станціи въ Батавіи. Благодаря исключительному вниманію и любезности со стороны проф. Трейба, этотъ пароходъ былъ предоставленъ намъ для нашей поѣздки, и его капитанъ, морской офицеръ голландской службы, въ теченіе шести дней возилъ насъ отъ острова къ острову, употребляя всѣ мѣры въ полной удачѣ нашихъ сборовъ.

До сихъ поръ съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаемъ мы любезное отношеніе этого человѣка, его помощниковъ и ассистента біологической станціи д-ра фанъ-Кампена, завѣдывавшаго нашей экскурсіей.

Нагрузивъ пароходъ всѣмъ необходимымъ, мы подняли якорь и вышли въ море. Грязная вода гавани скоро потерялась въ чистыхъ зеленыхъ волнахъ моря, берегъ уходилъ отъ насъ, знакомая панорама Явы раскидывалась передъ уходящимъ судномъ все шире и шире. Наше вниманіе было привлечено на этотъ разъ не Явой, а тѣми низкими зелеными пятнами, которыя выдѣлялись на зеркальной поверхности моря. Мнѣ чудилось, когда я пристально глядѣлъ на безчисленные островки, раскинутые по морю, что я ѣду по полямъ Тамбовской или Курской губерніи, что отдаленныя группы деревьевъ—это хутора или помѣщичьи усадьбы. Часа четыре плыли мы въ сѣверномъ направленіи, а затѣмъ бросили якорь въ виду небольшого островка, поросшаго своеобразной растительностью, гдѣ были жалкія хижины рыбаковъ. Спустили моторную шлюпку, и скоро мы уже ходили по коралловому песку среди зарослей мангровыхъ растеній, добывая новый для себя матеріалъ и наслаждаясь невиданнымъ зрѣлищемъ коралловаго острова. Лишь наступившія сумерки заставили насъ вернуться на пароходъ и провести остатокъ дня за приведеніемъ въ порядокъ своихъ сборовъ.

«Gier» — старое судно. Когда-то онъ пришелъ изъ Голландіи, строилъ гавань Тандіонгъ-Пріокъ, а теперь несетъ несравненно болѣе высокія обязанности: онъ служитъ научнымъ судномъ біологической станціи и постоянно совершаетъ свои рейсы по морямъ, омывающимъ Яву, изучая движеніе рыбы, изслѣдуя жизнь моря. На его палубѣ устроена лабораторія, гдѣ удобно производить разборку научнаго матеріала; около нея стоятъ большіе акваріумы съ морской водой, которая легко смѣняется. На палубѣ укрѣплены подъемные краны, служащіе для вытаскиванія тралловъ и сѣтей,—словомъ сказать, пароходъ вполнѣ оборудованъ для научныхъ изслѣдованій и былъ для насъ столь же интереснымъ и важнымъ, какъ лабораторія на склонѣ Геде. Въ одной изучалась жизнь дѣвственнаго лѣса, на другомъ — жизнь вѣчно движущагося моря.

Внизу устроены удобныя каюты, столовыя, гдѣ мы сидимъ за обѣдомъ и ужиномъ. Было жарко, несмотря на то, что тропическая ночь раскинула надъ нами свой сверкающій шатеръ, и мы легли спать на палубѣ, прислушиваясь къ мягкому шелесту волнъ, ударявшихъ въ борта корабля.

Второй день нашего путешествія былъ посвященъ ловлѣ рыбы неводомъ на большой глубинѣ. Какую массу вытащили мы изъ

моря! Тутъ были длинныя, какъ иглы, рыбы, другія толстыя, какъ шары, покрытыя шиповатой кожей, то серебряныя или перламутровыя, то полосатыя, то темныя, въ родѣ прудовыхъ карасей. Съ рыбами мы вытащили массу вкусныхъ раковъ, которые составили лакомое блюдо къ ужину; нѣсколько головоногихъ — сепій и лолиго—попались въ этотъ неводъ; но гвоздь лова составляли огромныя губки—Poterium Neptuni, чаша на толстой ножкѣ, величиной съ 6—7-мілѣтняго ребенка.

Вечеромъ мирная картина природы измѣнилась. Поднялся вѣтеръ, налетѣла гроза и пролился такой дождь, какого я еще ни разу не видѣлъ въ Бейтензоргѣ. Море, небо — сплошная стѣна воды, казалось, опрокинулась на нашъ корабль, вся окрестность пропала изъ глазъ, и мы сидѣли присмирѣвъ въ лабораторіи, завинчивая окна и спасая отъ дождя помѣщеніе. Но этотъ дождевой ураганъ скоро прошелъ. Солнце уже сѣло, и скоро надъ нами снова засверкало чистое небо.

Лишь только разсвѣло, мы снова пустились въ путь и пришли къ одному изъ самыхъ большихъ острововъ, гдѣ было цѣлое поселеніе малайцевъ, домъ мелкаго чиновника — posthouder'a, въ родѣ нашего станового—и плантаціи кокосовыхъ пальмъ и другихъ растеній. «Gier» шелъ узкимъ каналомъ между двумя островками. Когда онъ бросилъ якорь и наступилъ отливъ, я вышелъ на коралловый рифъ, гдѣ провелъ все время до отхода парохода.

Совершенно своеобразную картину представлялъ коралловый рифъ во время отлива. Тамъ, гдѣ раньше разстилалась гладкая поверхность моря, гдѣ стройныя кокосовыя пальмы отражались въ омывающихъ ихъ подножіе водахъ, тамъ морское дно представляло видъ поля, заросшаго низкорослымъ кустарникомъ, островъ разросся, а пальмы стояли чуть ли не посрединѣ его. Мы ходили то по колѣно, то по поясъ въ сильно нагрѣтой лучами солнца водѣ, пробираясь между коралловыми зарослями, перескакивая съ одного камня на другой. Формы коралловъ были разнообразны до безконечности—то передъ нами на далекое пространство распростиралась невысокая заросль сильно развѣтвленныхъ кустовъ, протягивавшихъ во всѣ стороны свои толстыя неподвижныя вѣтки сѣраго, бѣлаго, зеленоватаго цвѣта, то кораллы принимали форму большихъ шаровъ съ изрѣзанной поверхностью наподобіе мозговыхъ извилинъ или небольшихъ шестиугольныхъ ячеекъ. Рядомъ съ такими шарами росли большіе грибы или цѣлые столы, а возлѣ нихъ на пескѣ лежали меньшей величины кораллы, словно пластинчатые грибы, разсматриваемые съ изнанки. Среди бѣлыхъ и сѣрыхъ коралловъ своей яркой окраской выдѣлялись тубифоры наподобіе органныхъ трубъ,

составленныхъ изъ многочисленныхъ красныхъ трубочекъ. Вся эта коралловая масса казалась мертвой и безжизненной; какъ заколдованный сказочный лѣсъ тянулись заросли коралловъ, постепенно уходя подъ поверхность воды. Но стоило только присмотрѣться къ мертвому лѣсу, и его неподвижность исчезала. Всюду открывалась жизнь и движеніе. На вѣтвяхъ коралловъ удивительные морскіе черви-гефиреи помѣщали свои трубчатые домики, откуда высовывались ярко-синія ниточки—щупальцы, приходившія въ сильное движеніе; красныя и синія морскія звѣзды помѣщались на кораллахъ, а разнообразныя изящныя офіуры, спрятавшись гдѣ-нибудь среди коралловъ, протягивали свои тонкія руки и шевелили ими; иногда были видны какія-то длинныя черныя иглы, угрожающе шевелившіяся въ разныя стороны. Это морской ежъ-діадема, самъ величиной съ яблоко, съ иглами не меньше четверти въ длину, притаился между коралловъ и поджидаетъ свою добычу. Уколъ его иглы очень болѣзненъ, и ранка долго не заживаетъ отъ изливающейся въ нее ѣдкой жидкости. Различныя раковины, то зарывшись въ пескѣ между кораллами, то помѣщаясь на нихъ, оживляютъ пейзажъ, а красныя, зеленыя и бурыя водоросли, растущія на пескѣ и на коралловыхъ камняхъ, еще больше способствуютъ разнообразію пейзажа. Среди красныхъ водорослей часто встрѣчалась толстая мясистая, словно сдѣланная изъ желатины, Eucheuma, изъ которой приготовляютъ извѣстный агаръ, имѣющій столь большое примѣненіе при изученіи бактерій. Долго бродили мы по этимъ лѣсамъ, собирая растенія и животныхъ, разбивая коралловые камни и извлекая оттуда постепенно новую и новую добычу.

Время отлива кончилось, вода поднималась, и наша лодка, вытащенная на песокъ, стала уже колебаться, поднятая прибывающей водой. Пришлось вернуться на пароходъ, гдѣ было много дѣла съ разборкой и сортировкой добычи. За этой работой я провелъ цѣлый день и не замѣтилъ, какъ пароходъ бросилъ якорь въ гавани Тандіонгъ-Пріокъ.

Поблагодаривъ отъ души капитана, его помощниковъ и ассистента фанъ-Кампена, мы отправились въ Бейтензоргъ съ первымъ же поѣздомъ и много дней посвятили на ознакомленіе съ научными результатами нашей поѣздки. Новая поѣздка на крайній востокъ была рѣшена окончательно, тамъ мы разсчитывали собрать еще болѣе богатый матеріалъ. Оставалось только подготовиться къ путешествію и выбрать время. Мы остановились на второй половинѣ апрѣля, такъ какъ голландское общество Paketvaart Maatchapij, на пароходахъ котораго намъ пришлось путешествовать, съ 15 апрѣля по 15 іюля дѣлаетъ 50% скидку со своихъ крайне высокихъ цѣнъ за проѣздъ.

Глава VI.

Черезъ Яву съ запада на востокъ.

Пароходы общества «Paketvaart» отходятъ отъ Сурабайи, лежащей на востокѣ Явы, противъ острова Мадуры. Намъ предстояло слѣдовательно пересѣчь всю Яву съ запада на востокъ. Этотъ переѣздъ давалъ возможность ознакомиться съ разными мѣстностями «изумруднаго острова» и людьми, его населяющими.

Ява лежитъ между 5°52′ и 8°50′ южной широты и 105°13′ и 114°39′ восточной долготы отъ Гринвича, т.-е. цѣликомъ въ жаркомъ тропическомъ поясѣ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ описаніе ея культурныхъ и дикихъ мѣстностей. Она омывается съ сѣвера волнами Яванскаго моря, съ юга—Индійскимъ океаномъ, съ запада—Зондскимъ проливомъ и съ востока—Балійскимъ, отдѣляясь отъ сосѣдняго, составлявшаго съ ней одно цѣлое, острова Мадуры Мадуранскимъ проливомъ.

Едва ли есть на землѣ другое мѣсто болѣе богатое вулканами, чѣмъ Ява; цѣлой цѣпью тянутся они съ запада на востокъ, составляя лишь часть того вулканическаго полукольца, которое пробѣгаетъ по Малымъ Зондскимъ островамъ, Целебесу, Молукскому архипелагу и кончается на Филиппинахъ, другимъ своимъ краемъ заходя на островъ Суматру и сосѣднюю Малакку. Двадцать семь дѣйствующихъ вулкановъ насчитываютъ на Явѣ, а потухшихъ гораздо болѣе.

Высочайшія вершины Явы—вулканы; и на западѣ знакомый намъ двуглавый Геде съ Пангеранго главенствуетъ надъ сосѣдними горами, а на востокѣ еще болѣе высокій Смеру и мощный по проявленіямъ своей дѣятельности Бромо кладутъ свой отпечатокъ на весь характеръ мѣстности.

Животный міръ Явы близокъ къ Суматрѣ, Борнео и Малаккѣ, отличаясь отъ нихъ главнымъ образомъ отсутствіемъ слоновъ, орангъ-утана и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ животныхъ и птицъ.

Уже издавна Ява служила ареной человѣческой дѣятельности, и на ея поляхъ сохранились развалины храмовъ и дворцовъ, свидѣтельствующія о давней и высокой культурѣ этого острова. Въ настоящее время на Явѣ живутъ малайцы, китайцы, арабы и европейцы. Число первыхъ около 28,5 милліоновъ, китайцевъ до 300 тысячъ, арабовъ и другихъ народностей значительно меньше; европейцевъ же всего около 60 тысячъ.

Малайцы на Явѣ не представляютъ собой одного чистаго племени. Они раздѣляются на цѣлый рядъ племенъ, изъ которыхъ можно отмѣтить три главныхъ вѣтви. На западѣ, въ окрестностяхъ Батавіи,

Бейтензорга и дальше на востокъ живутъ сунданезцы, въ центрѣ Явы—яванцы, на востокѣ—мадуранцы; кромѣ нихъ, по берегамъ на западѣ встрѣчаются другія племена, родственныя малайцамъ Суматры.

Каждая изъ этихъ народностей говоритъ своимъ собственнымъ языкомъ, при чемъ языки сунданезскій и яванскій очень отличаются другъ отъ друга. Сунданезцы по всѣмъ вѣроятіямъ представляютъ собой болѣе чистыя яванскія расы, въ то время какъ яванцы средней Явы обнаруживаютъ смѣсь яванской, малайской, индійской и другихъ кровей.

Огромное большинство обитателей Явы малайскаго племени исповѣдуютъ исламъ; осталась горсточка язычниковъ въ неприступныхъ дебряхъ западной Явы—въ Бантамѣ да въ области горъ Тенгера въ восточной Явѣ; въ окрестностяхъ вулкана Бромо сохранился еще культъ Брамы, какъ остатокъ прежней религіи жителей центральной Явы.

Исторія яванскихъ государствъ и населенія Явы различными пришельцами отчасти выясняетъ причину такого разнообразія племенъ и религій на небольшомъ сравнительно островѣ.

Дикія племена обитали въ прежнія времена на Явѣ. Они вели тотъ же образъ жизни, который до сихъ поръ еще можно наблюдать у дикихъ обитателей Новой Гвинеи. Китайцы, которые и сейчасъ забираются въ самые глухіе уголки архипелага, были, по всей вѣроятности, первыми иностранцами, устроившими свои поселки на сѣверныхъ берегахъ Явы.

Но китайцы не стремились быть завоевателями и ограничивались, по всей вѣроятности, лишь поддержаніемъ своихъ торговыхъ интересовъ. По преданіямъ во II или III вѣкѣ по Р. Хр. индусы завоевали сосѣдній съ Явой островъ Бали, гдѣ до сихъ поръ еще сохранилась браминская религія, и оттуда уже перешли на Мадуру и Яву, которая въ то время еще составляла одно цѣлое съ Мадурой. Индусы принесли на Яву двѣ религіи—браминскую и буддійскую; они завоевали туземцевъ, отчасти смѣшались съ ними и положили начало цивилизаціи на этомъ островѣ. Геологическая картина его была въ то время нѣсколько иная. Составляя на востокѣ одно цѣлое съ Мадурой, быть можетъ, даже съ Бали, Ява на западѣ соединялась съ Суматрой. Еще въ XIV столѣтіи Суматра называлась Djawa, въ то время какъ современная Ява носила имя Mula Djawa—собственно Ява. Обширнѣйшія землетрясенія и грандіозная вулканическая дѣятельность, которыя имѣли мѣсто въ XIV в., отдѣлили Яву отъ Суматры и Мадуры, образовавъ Зондскій и Мадурскій проливы. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. На нашей памяти въ 1883 году произошло ужасное изверженіе вулкана Кра-

катау, уничтожившее большой островъ и оставившее лишь одинъ его осколокъ и сильно измѣнившее рельефъ морского дна. Однако описываемый историческій періодъ настолько мало еще разъясненъ изслѣдованіями, что не выходитъ за предѣлы предположенія. Старѣйшіе историческіе памятники указываютъ на начало яванской исторіи на востокѣ Явы, у подножія вулкана Смеру. Тамъ возникло древнѣйшее царство на Явѣ — Гилингъ. Отсюда уже началось распространеніе индусской колонизаціи, такъ какъ слухъ о богатствѣ Явы зашелъ далеко на западъ.

Царство Гилингъ развивалось все больше и больше, и его центръ былъ перенесенъ къ сѣверу Явы, въ область горнаго плато Діенгъ, ближе къ берегу Яванскаго моря, въ нынѣшнее резидентство Пекалонганъ; въ IX вѣкѣ оно передвинулось снова къ востоку, ближе къ берегу Индійскаго океана, въ современное резидентство Кедири. Но точныхъ данныхъ не осталось отъ этихъ временъ и царствъ. Они живутъ какъ миѳы въ памяти народа и оживаютъ на представленіяхъ вайанга. Одно за другимъ возникаютъ небольшія царства то внутри Явы, то по берегамъ ея, которыя мало-по-малу развиваются и входятъ даже въ сношенія съ другими государствами. Царь Диво-Кезумо раздѣляетъ царство на округи, ставитъ во главѣ ихъ своихъ братьевъ съ титуломъ Raden, который сохранился и до сихъ поръ для принцевъ. Этотъ же царь отправилъ своего старшаго сына въ Индію учиться индійской мудрости. Тотъ женился тамъ на индійской принцессѣ и вернулся въ сопровожденіи большой свиты домой. Этотъ разсказъ указываетъ на тѣ источники, откуда шло насажденіе культуры на Явѣ въ первое тысячелѣтіе нашей эры. При преемникахъ Диво-Кезумо разрасталось его царство, и какъ свидѣтели его мощнаго развитія остались въ центральной Явѣ руины знаменитыхъ храмовъ Boro-Budur, Prambanan, Mendut и другихъ, которые мы имѣли случай осмотрѣть на пути въ Сурабайю. Преданія связываютъ съ настоящей эпохой или близкой ей изобрѣтеніе яванскаго ножа — криса, съ которымъ не разстается ни одинъ яванецъ, рукоятка и ножны котораго украшаются золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Принцъ Пандьи Ино-Карта-Патти, изобрѣтатель криса, обезсмертилъ себя также изобрѣтеніемъ вайанга, національнаго театра, и за свою полезную для народа дѣятельность былъ объявленъ святымъ и причисленъ къ сонму боговъ. Въ то же время произошли интересныя геологическія перемѣны въ рельефѣ страны; съ конца XIII вѣка Мадура, отдѣлившаяся отъ Явы, впервые называется островомъ, между тѣмъ какъ до этого времени она носила названіе полуострова.

На мѣстѣ древнихъ яванскихъ царствъ въ XIV и XV вѣкахъ блестя-

щаго развитія достигаетъ царство Пандьядьяранъ, во время котораго исламъ постепенно вытѣснилъ буддійскую и браминскую религію и населеніе Явы разбилось на двѣ части—западную и восточную.

Въ XV вѣкѣ исламъ настолько распространился по острову, что послѣдователи старой религіи были оттѣснены въ глухія его части. Отчасти силой оружія, отчасти силой культурнаго вліянія исламъ, введенный на Яву, съ тѣхъ поръ укрѣпился тамъ настолько крѣпко, что распространяется скорѣе христіанства между дикими или полудикими племенами сосѣднихъ острововъ, когда они приходятъ въ соприкосновеніе съ культурой.

Пандьядьяранское царство распростиралось на западъ Явы, а въ центрѣ ея въ XIV и XV вѣкахъ достигло высокаго развитія и процвѣтанія царство Мадьопахитъ, оставившее послѣ себя многочисленныя, но къ сожалѣнію плохо сохранившіяся развалины дворцовъ, стѣнъ, купаленъ, до 1400 метровъ въ длину и 10 метровъ въ ширину. На сѣверѣ Явы въ XV вѣкѣ возникаетъ царство Херибонъ, которое однако не просуществовало долго и должно было подчиниться самому могущественному яванскому царству Матарамъ, образовавшемуся на мѣстѣ современной Дьокьи. На западѣ когда-то процвѣтало царство Бантамъ, гдѣ въ XVI вѣкѣ происходили торговыя сношенія съ первыми изъ европейцевъ — предпріимчивыми португальскими мореплавателями. На территоріи Бантамскаго царства были заложены первыя факторіи европейцевъ—голландцевъ, португальцевъ и англичанъ.

Съ начала XVII вѣка усиливается вліяніе европейцевъ на Явѣ, и вся Ява переходитъ въ руки голландцевъ. Остъ-индская компанія, основанная въ Голландіи въ 1602 году, поспѣшила построить фортъ на территоріи Явы, укрѣпить его и, назначивъ генералъ-губернатора Индіи, этимъ какъ бы заявить свои права на владѣніе Явой. Вскорѣ голландская факторія была перенесена на мѣсто нынѣшней Батавіи, и голландская компанія начала постепенно прибирать въ свои руки власть надъ яванскимъ населеніемъ. Для охраны своей торговли отъ морскихъ пиратовъ голландцы добились у бантамскаго султана права держать гарнизонъ въ своихъ колоніяхъ и такимъ образомъ стали твердой ногой на Явѣ.

Въ центрѣ Явы въ XV и XVI вѣкахъ разрослось и достигло большого блеска и могущества Матарамское царство; распространяя свое вліяніе на западъ и востокъ, оно столкнулось съ богатымъ Бантамскимъ царствомъ и съ владѣніями голландской остъ-индской компаніи на Явѣ. Въ XVII вѣкѣ начали происходить первыя столкновенія между туземцами и голландцами, которыя все болѣе и болѣе разрастались. Внутреннія смуты и постоянныя войны внутри Явы не давали возможности матарамскимъ султанамъ, или,

какъ ихъ называли, «сусунанамъ», направить всѣ свои силы противъ европейцевъ, и въ многочисленныхъ сраженіяхъ, которыя происходили между туземцами и голландцами, послѣдніе выходили въ большинствѣ случаевъ побѣдителями. Раздираемое внутренними смутами Матарамское царство распалось въ половинѣ XVIII вѣка на два независимыхъ султанства—Дьокьякарта, или Дьокья, и Сурякарта, или Соло. Эти султанства, по имени независимыя, на самомъ же дѣлѣ такъ же подчиненныя голландцамъ, какъ и остальная Ява, существуютъ и до сихъ поръ. Ость-индская компанія, завоевавшая большую часть Явы и укрѣпившаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Суматрѣ, Целебесѣ и Малыхъ Зондскихъ островахъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка прекратила свое существованіе, и власть надъ Зондскимъ архипелагомъ перешла въ руки голландскаго правительства. На короткое время, въ эпоху владычества Наполеона въ Европѣ, Ява была объявлена французской колоніей, затѣмъ перешла въ руки англичанъ и наконецъ снова осталась за голландцами, которые владѣютъ ею съ 1816 года.

Возстаніе принца Дипо-Негоро въ 1825 году и отдѣльныя волненія, возникавшія въ теченіе XIX вѣка, дали голландцамъ возможность уничтожить остатки старыхъ султанствъ и самостоятельныхъ владѣтельныхъ князей и ввести всюду однообразное управленіе. Сохраненныя султанства Соло и Дьокья не только не препятствуютъ, но помогаютъ голландской внутренней политикѣ на Явѣ.

Получивъ въ свои руки безъ особаго труда богатѣйшія въ свѣтѣ колоніи, превосходящія во много разъ метрополію, голландцы сумѣли не только удержать въ своихъ рукахъ власть надъ ними, но настолько пріучить жителей къ своему господству, что они уже не желаютъ никакихъ перемѣнъ и считаютъ себя такими же голландскими гражданами, какъ и жители Голландіи. Этого голландцы добились прежде всего своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ туземцамъ и мудрымъ образомъ управленія страной. Еще въ половинѣ прошлаго вѣка обращеніе голландскихъ администраторовъ вызывало большія нареканія. Но въ это время раздался со стороны одного изъ бывшихъ чиновниковъ, выступившаго на литературное поприще подъ псевдонимомъ Мультатули, громкій призывъ къ гуманности и заботѣ о туземцахъ. Книга Мультатули произвела въ Голландіи эффектъ, подобный знаменитому творенію Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома», и ея призывъ не остался безъ отвѣта.

Скажу кратко объ управленіи въ Нидерландской Индіи. Во главѣ правительства стоитъ генералъ-губернаторъ. Онъ назначается королемъ Голландіи, но можетъ быть преслѣдуемъ за неисполненіе своихъ обязанностей по постановленію палаты депутатовъ. Его

власть очень велика—онъ заключаетъ миръ и объявляетъ войну туземнымъ племенамъ, имѣетъ право миловать и утверждать приговоры; ему подчинено все управленіе — военное, морское и гражданское. Ближайшимъ органомъ къ генералъ-губернатору является совѣтъ по дѣламъ Индіи. Независимый органъ—контрольная палата—служитъ высшимъ контролирующимъ органомъ колоній. Дѣлами административными завѣдуютъ различные департаменты. Но не въ этомъ заключается особенность голландскаго управленія. Вся Ява раздѣлена на рядъ резидентствъ, во главѣ которыхъ стоятъ чиновники съ титуломъ резидента; ихъ ближайшими помощниками являются ассистентъ-резиденты для меньшихъ областей и контролеры. Особенно важны дѣятельность и значеніе контролеровъ. Они должны представлять собой интересы туземцевъ, а для этого должны всесторонне знать жизнь тѣхъ племенъ, среди которыхъ протекаетъ ихъ дѣятельность, должны быть знакомы съ ихъ нравами и обычаями, вполнѣ владѣть ихъ нарѣчіемъ и имѣть въ глазахъ темнокожаго населенія большой авторитетъ власти, вполнѣ справедливой, заботливой, но не распускающей населеніе. Трудный искусъ проходятъ лица, желающія получить мѣсто контролера, и тѣ требованія, которыя предъявляютъ къ занимающимъ эту должность, служатъ гарантіей, что она достается въ руки людямъ, вполнѣ освѣдомленнымъ со своей службой. Особенное затрудненіе представляетъ знаніе языка, или лучше языковъ, которыхъ на Явѣ существуетъ цѣлая масса. Европейцы говорятъ съ простыми малайцами на обыкновенномъ, т.-е. береговомъ, малайскомъ нарѣчіи, но вести разговоръ на такомъ языкѣ съ благороднымъ яванцемъ это значитъ нанести ему большое оскорбленіе. Раджи говорятъ другъ съ другомъ на особомъ нарѣчіи; раджа съ низшимъ себя употребляетъ при разговорѣ иные обороты, чѣмъ другъ съ другомъ; лицо, стоящее на болѣе низкой ступени, говоритъ съ высшимъ опять-таки на особомъ нарѣчіи, и всѣ эти обороты должны знать голландскіе чиновники, служащіе на Явѣ.

Каждое резидентство въ свою очередь раздѣлено на регентства, и во главѣ регентства стоитъ регентъ-туземецъ, по преимуществу потомокъ царской или княжеской фамиліи. Отъ этого регентства, повиноваться которому и уважать яванскій народъ привыкъ уже издавна, и исходятъ всѣ распоряженія. Кажется, что страной управляютъ туземцы, но за спиной каждаго регента стоитъ, согласно офиціальному титулу, его старшій братъ, резидентъ, которому и принадлежитъ руководящая роль. Регенту же подчиненъ цѣлый штатъ низшихъ служащихъ—провинціальныхъ, окружныхъ и деревенскихъ администраторовъ. Весь простой народъ получаетъ всѣ распоряженія отъ своихъ же единоплеменниковъ; если же онъ

чѣмъ-либо недоволенъ, то ищетъ защиты отъ нихъ же у бѣлаго, голландскаго контролера. Благодаря этой мудрой политикѣ, благодаря разумному хозяйству и запрещенію продавать туземныя земельныя имущества европейцамъ, Голландія съ очень малыми военными силами управляетъ всѣмъ огромнымъ архипелагомъ, внушая всюду уваженіе передъ авторитетностью своихъ администраторовъ. Мнѣ лично пришлось быть свидѣтелемъ административной дѣятельности и слышать различные разсказы отъ двухъ контролеровъ, съ которыми я познакомился въ восточной части голландскихъ владѣній.

Изъ этого краткаго описанія можно видѣть, какой интересъ представляютъ яванское населеніе, его культура, его исторія. Проѣзжая съ запада на востокъ черезъ Яву, мы, хоть на короткое время, приходили въ столкновеніе съ этой культурой, многое изъ которой, къ сожалѣнію, оставалось для насъ непонятнымъ...

Тринадцатаго апрѣля съ раннимъ утреннимъ поѣздомъ мы выѣхали изъ Бейтензорга въ Сурабайю. Первая часть пути до станціи Тьяндьюръ шла по знакомымъ уже изъ двукратной поѣздки въ Тьибодасъ мѣстамъ, но все же мы любовались открывавшимися видами на рисовыя поля—савы—и разнообразныя деревья, окружающія малайскія жилища, среди которыхъ особенно оригинально хлопчатое дерево (капокъ по-малайски), Eriodendron anfractuosum, довольно высокое и стройное, съ вѣтвями, располагающимися почти параллельно землѣ. Въ его плодахъ развивается бѣлая вата, имѣющая разнообразное примѣненіе. При отъѣздѣ мы заказали себѣ подушки и матрацы, набитые капокомъ, и были очень довольны ихъ упругостью, соединенной съ достаточною мягкостью. Салакъ уже остался позади, Геде мы огибали тоже, и вотъ послѣ Тьяндьюра, взобравшись на высокій перевалъ и пройдя въ большой выемкѣ, мы подошли къ станціи Падаларангъ, куда черезъ нѣсколько минутъ пришелъ скорый поѣздъ изъ Батавіи. Этотъ поѣздъ имѣлъ очень внушительный видъ. Его огромный паровозъ, построенный по новѣйшей системѣ, тащилъ за собой цѣлый рядъ вагоновъ; вагоны I и II класса отличались своимъ обычнымъ комфортомъ и удобствомъ; среди вагоновъ III класса одинъ былъ отведенъ для чистой, европейской публики. Онъ слѣдовалъ за вагономъ-ресторанъ, куда не допускались пассажиры III класса, и имѣлъ небольшое купэ-столовую. Мы заняли мѣсто въ этомъ вагонѣ, такъ какъ разница цѣны между II и III классомъ слишкомъ велика. Отъ Батавіи или Бейтензорга до Сурабайи билетъ II класса

стоитъ 28 гульденовъ, а III—всего 9. Поѣзда ходятъ только днемъ, слѣдовательно пассажиру не приходится испытывать неудобствъ ночного путешествія, и мы поѣхали въ III классѣ. Въ прекрасно вентилируемомъ вагонѣ было не жарко, а служители при вагонѣ-ресторанѣ постоянно приносили кружки съ прохладительными напитками.

Выйдя изъ Падаларанга, поѣздъ сталъ подниматься въ гору, пересѣкая горное плато, чтобы оттуда спуститься почти къ самому уровню океана, къ станціи Маосъ. Панорама изъ окна вагона необычайно красива. Мы ѣдемъ по гористой Преангерской странѣ, которая вблизи дороги представляетъ собой высоко-культурный видъ. Террасы рисовыхъ полей, плантаціи банановъ, узкія горныя ущелья, черезъ которыя перекинуты ажурные желѣзнодорожные мосты, мелькаютъ мимо нашихъ оконъ, а по лѣвую, сѣверную, сторону какой-то потухшій вулканъ, истинное подобіе сахарной головы, все время возвышается надъ желѣзной дорогой, которая большими зигзагами огибаетъ его.

Главный городъ Преангерскаго резидентства и вмѣстѣ съ тѣмъ большая желѣзнодорожная станція Бандунгъ извѣстенъ своей хинной фабрикой, обрабатывающей хинную корку яванскихъ плантацій. Съ каждымъ годомъ увеличивается на Явѣ разведеніе этого цѣлебнаго дерева, вывезеннаго изъ горныхъ ущелій южно-американскихъ Андъ. Еще Тейсманнъ прилагалъ старанія, чтобы ввести его культуру на Явѣ, и основалъ съ этой цѣлью горный садъ въ Тьибодасъ.

Около Бандунга много хинныхъ плантацій на высотѣ 1100—1300 метровъ надъ уровнемъ моря. Сѣмена хиннаго дерева, принадлежащаго къ семейству Rubiaceae — мареновыхъ, высѣваютъ въ грядки съ лѣсной землей и держатъ ихъ въ густой тѣни, откуда разсаживаютъ уже на плантаціи, которымъ придаютъ видъ террасъ, на которыхъ и разсаживаютъ молодыя деревца. На восьмомъ году деревья обрубаются у самаго корня и ихъ кора идетъ въ обработку. Черезъ нѣсколько времени дерево отбиваетъ новые побѣги отъ корня, которые также въ свое время подвергаются обрѣзкѣ. Содранную кору доставляютъ въ факторію, гдѣ ее сушатъ на солнцѣ, измельчаютъ на куски, просѣиваютъ и, уложивши въ мѣшки, отправляютъ на фабрику, гдѣ она уже подвергается химической обработкѣ. Хинныя плантаціи даютъ очень хорошій доходъ, окупая значительные расходы, соединенные съ культурой хиннаго дерева.

Отъ Бандунга поѣздъ идетъ по плодородной мѣстности, открывающей великолѣпные ландшафты, до станціи Тьибату, откуда проведена небольшая вѣтвь до мѣстечка Гарутъ, резиденціи регента,—мѣстность, славящаяся красотами своихъ окрестностей, озеромъ и

вулканомъ Пападаянъ, очень легко достижимымъ до вершины. Въ Гарутѣ—центръ выдѣлки удивительнаго музыкальнаго инструмента анклонга, о которомъ я уже упоминалъ, описывая музыкальные инструменты жителей Явы. Поѣздъ спускается ниже и за станціей Тассикмалайя идетъ по низменности, представляющей настоящую джунглю. Болота, рѣчки, заросли ротанговъ и настоящая лѣсная глушь окружаютъ полотно желѣзной дороги. Мѣстами однако лѣсъ разступается, непроходимая джунгля превращена въ рисовое поле, и группа малайскихъ хижинъ показываетъ, что человѣкъ нашелъ возможность жить въ этихъ болотистыхъ мѣстахъ, гдѣ раньше бродили одни лишь дикіе звѣри.

Къ вечеру, около 6 часовъ, поѣздъ приходитъ на станцію Маосъ, откуда другая восточная линія ведетъ къ Сурабайѣ. Здѣсь приходится выходить изъ вагона и искать себѣ убѣжище въ любой изъ гостиницъ. Есть прекрасная казенная гостиница, гдѣ останавливаются европейцы, а возлѣ нея выросло нѣсколько частныхъ, гдѣ берутъ дешевле и не разсчитываютъ на взыскательную публику. Мы остановились въ казенной гостиницѣ, гдѣ тотчасъ по прибытіи взяли ванну, переодѣлись и подкрѣпились глоткомъ яванскаго чая. Въ 9 часовъ раздался звонокъ къ ужину, который не отличался отъ обычнаго ужина въ нашемъ бейтензоргскомъ отелѣ, и затѣмъ всѣ легли спать. На слѣдующее утро уже съ половины пятаго стали двигаться тѣни по широкимъ верандамъ гостиницы; позавтракавъ, мы спѣшимъ къ поѣзду, который долженъ былъ насъ повезти дальше на востокъ. Въ Маосъ приходятъ и изъ него одновременно отходятъ два поѣзда съ востока и запада. Восточные вагоны еще комфортабельнѣе и просторнѣе, чѣмъ западные, паровозъ же обычнаго типа съ тендеромъ, въ то время какъ по западной линіи ходятъ паровозы безъ особаго тендера. Мы помчались со скоростью 60 километровъ въ часъ и скоро оставили нездоровый, лихорадочный Маосъ далеко за собой.

Картины пейзажей сильно измѣнились. Вмѣсто рисовыхъ полей, живописно расположенныхъ этажами, всюду были безконечныя поля сахарнаго тростника. Въ это время онъ былъ въ цвѣту, и его бѣлые султаны высоко поднимались на фонѣ темно-зеленой листвы, представляя чрезвычайно красивое зрѣлище. Среди плантацій тростника мелькали тамъ и сямъ деревни туземцевъ и бѣлыя стѣны и бѣлыя трубы сахарныхъ заводовъ. Мы ѣхали по территоріи независимаго султанства Дьокья, или Дьокьякарта, которое выросло на мѣстѣ бывшаго могущественнаго Матарамскаго царства. Это—одинъ изъ плодороднѣйшихъ уголковъ Явы и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ населенныхъ; населеніе принадлежитъ къ племени яванцевъ, которые отличаются отъ болѣе знакомыхъ намъ сунданезцевъ какъ по

костюму, такъ по общему своему виду и языку. Но у насъ не было времени познакомиться съ населеніемъ Дьокьи,—мы спѣшили на трамвай, который долженъ былъ довезти насъ до станціи Мунтиланъ, откуда идетъ дорога къ знаменитымъ развалинамъ храма Боро - Будура, чудному памятнику буддійскаго искусства VIII или IX вѣка. Дорога до Мунтилана также почти сплошь проложена между плантаціями сахарнаго тростника или вдоль кампонговъ яванцевъ. Всюду видишь культурныя поля; сахарный тростникъ и рисъ чередуются, давая лишь мѣсто деревенскимъ домикамъ. На станціи Мунтиланъ, немного закусивъ, мы взяли возницу и двинулись по тѣнистой аллеѣ по направленію къ рѣкѣ Праху, на томъ берегу которой и стоитъ храмъ Боро-Будуръ. Ко времени этой поѣздки наши свѣдѣнія въ малайскомъ языкѣ уже настолько подвинулись впередъ, что мы могли объясняться о житейскихъ предметахъ, но яванецъ, нашъ возница, отказался понимать наше «bahasa malaju» и объяснялся на яванскомъ діалектѣ, совершенно неизвѣстномъ намъ. Такъ мы ни до чего не договорились. Проѣхавъ черезъ какой-то поселокъ, мы остановились на берегу быстрой рѣки Праху, дожидаясь порома. Берега рѣки дали хорошій матеріалъ по мхамъ, и къ большому удивленію малайцевъ мы ползали по берегу, собирая крохотныя растеньица и тщательно упаковывая ихъ въ бумагу. Съ другого берега рѣки мы направились пѣшкомъ, взявши мальчугана-кули для багажа. Вскорѣ мы дошли до великолѣпной аллеи изъ кипарисовыхъ деревьевъ, которая вела прямо къ храму. Аллея кончилась, и передъ нами во всемъ величіи показался храмъ Боро-Будуръ.

Онъ выстроенъ по склонамъ холма, поднимающагося на 50 метровъ надъ окружающей его равниной. Издали онъ производитъ впечатлѣніе крѣпости, по стѣнамъ которой разставлены многочисленныя башенки, а средина увѣнчана большимъ куполомъ. Но при ближайшемъ знакомствѣ онъ представляетъ видъ пирамиды, террасами возвышающейся отъ своего основанія, суживаясь къ вершинѣ.

До полутораста метровъ имѣютъ его стѣны въ длину, а высота храма не меньше 30—35 метровъ. Внутренняго помѣщенія храмъ не имѣетъ и состоитъ весь изъ террасъ, съ массой выступовъ, украшенныхъ каждый небольшой бесѣдкой, гдѣ помѣщается статуя Будды. Огромныя каменныя глыбы, вытесанныя изъ крѣпкаго трахита, соединены другъ съ другомъ безъ цемента, но такъ крѣпко и прочно, что ни вѣка, ни опустошительныя землетрясенія, неоднократно потрясавшія эту мѣстность, не могли разрушить гигантскаго зданія. Изъ семи террасъ, изъ которыхъ состоитъ храмъ, двѣ нижнихъ построены просто,—онѣ состоятъ изъ огромныхъ тесаныхъ камней,

плотно приложенныхъ другъ къ другу. Но пять верхнихъ раздѣлены многочисленными лѣстницами, образуютъ рядъ выступовъ и состоятъ изъ галлерей, стѣны которыхъ покрыты сплошь рельефными изображеніями, высѣченными въ твердой вулканической породѣ съ необычайнымъ искусствомъ. Здѣсь изображена буддійская миѳологія въ различнѣйшихъ образахъ, иллюстрирующихъ ту или иную сторону дѣятельности великаго учителя.

На южной сторонѣ таблицы изображаютъ Будду какъ учителя, на западной — какъ мыслителя, на сѣверной и на восточной—какъ получающаго жертвоприношенія.

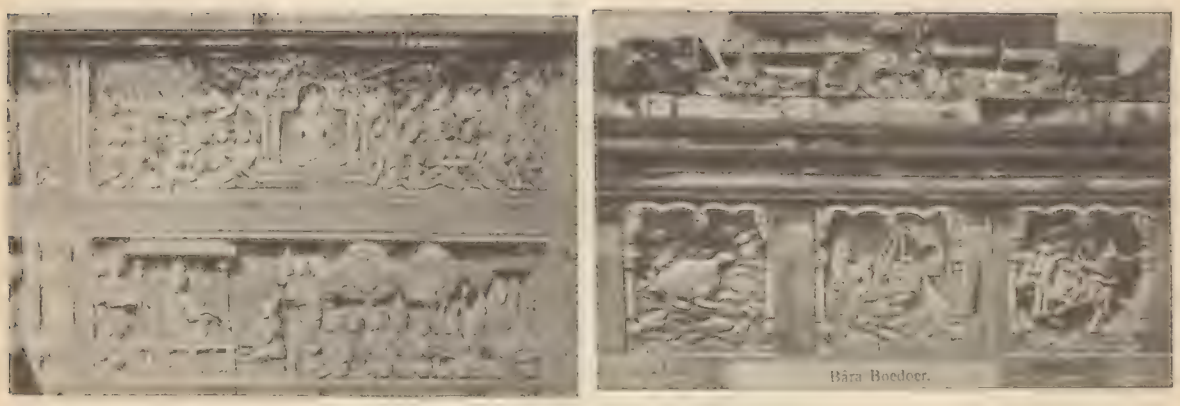
Къ сожалѣнію, нужно хорошо понимать языкъ этихъ каменныхъ изваяній, чтобы слушать ихъ разсказы. Опишу нѣкоторыя изображенія, которыя сохранились въ моемъ собраніи; часть ихъ помѣщена на прилагаемыхъ рисункахъ.

На стѣнѣ тройная картина изображаетъ волнующееся море. Въ волнахъ его плаваютъ различные морскіе звѣри—огромная черепаха, чрезвычайно искусно и правдоподобно переданная, большія рыбы, среди которыхъ видны морды акулъ и другихъ рыбъ. Въ срединѣ картины виденъ корабль, который качается въ волнахъ моря. Его пассажиры находятся въ смертельной опасности отъ страшнаго крокодила, разинувшаго пасть, чтобы проглотить корабль съ экипажемъ; одинъ человѣкъ упалъ за бортъ и его спасаетъ отъ гибели товарищъ. Справа изображена пристань, взойти на нее спѣшатъ люди, быть можетъ, пловцы съ корабля.

Вотъ другая картина. На тронѣ сидитъ божество, ему подносятъ что-то на подушкѣ, и цѣлый рядъ лицъ — мужчинъ и женщинъ—сидятъ подъ широколиственными деревьями. Другая картина подобна первой: на высокомъ тронѣ подъ балдахиномъ сидитъ учитель въ классической восточной позѣ, подобравъ подъ себя ноги. Судя по слегка наклоненной головѣ и приподнятой рукѣ, онъ говоритъ какое-нибудь поученіе, которое благоговѣйно слушаютъ собравшіеся люди.

Болѣе 1500 скульптуръ украшало стѣны галлерей Боро-Будура, изъ которыхъ болѣе 900 сохранилось вполнѣ хорошо. Три верхнихъ террасы украшены башенками, увѣнчанными куполами. Тридцать двѣ помѣщены на первой, 24 — на второй и 16 — на третьей. Эти башенки — дагобы — чрезвычайно характерны для храма. Онѣ состоятъ изъ круглаго основанія, на которое установленъ колоколообразный куполъ ажурной работы. Каменный обелискъ заканчиваетъ собой каждый куполъ.

Какъ понять эту оригинальную архитектуру храма? Что означаютъ ея семь террасъ? Извѣстной долей вѣроятности пользуется догадка,



Скульптурныя украшенія на стѣнахъ храма.

Храмъ Боро-Будуръ.

что храмъ олицетворяетъ собою то, съ чѣмъ тѣснѣе всего связана жизнь яванца—этажи рисовыхъ полей. Жители Явы, удивляясь мощности и величію храма Боро-Будуръ, не считаютъ его за дѣло рукъ человѣческихъ, а скорѣе за произведеніе божества или какихъ-нибудь небесныхъ духовъ.

Взобравшись на вершину храма, мы долго любовались великолѣпнымъ видомъ, открывшимся оттуда. На югѣ на заднемъ планѣ синѣютъ невысокія горы съ неправильными, изрѣзанными очертаніями, сплошь покрытыя зеленью полей и лѣсовъ; къ сѣверу на далекое пространство разстилаются рисовыя поля, перемѣшанныя съ рощами изъ пальмъ, скрывающими малайскіе поселки. Рядомъ съ великимъ произведеніемъ народнаго генія выстроено современное зданіе, гдѣ туристъ можетъ переночевать или подкрѣпить свои силы; но горе тому, кто осуществитъ эту возможность. Каждый шагъ туриста оцѣненъ такъ, что нашъ очень сильный аппетитъ моментально исчезъ, лишь только мы ознакомились съ цѣнами по картѣ кушаній; а безобразная цѣна—по гульдену за штуку—помѣшала намъ сдѣлать пріобрѣтеніе въ должномъ количествѣ снимковъ храма и его достопримѣчательностей.

На обратномъ пути мы посѣтили другой храмъ—Мендутъ, лежащій недалеко отъ станціи Мунтиланъ. Рядомъ съ храмомъ выстроено какое-то зданіе, не то церковь, не то монастырь. Мендутъ хуже сохранился, чѣмъ Боро-Будуръ, и въ то время, когда мы осматривали его, происходила его реставрація. Это чрезвычайно оригинальный храмъ. На высокомъ фундаментѣ стоитъ гигантская каменная форма — усѣченная пирамида, совсѣмъ такая, въ какой приготовляютъ сырныя пасхи. Внутри храма—полусумракъ и посреди на постаментѣ сидитъ бѣлая фигура Будды. Ея мощныя очертанія выражаютъ полное спокойствіе, лицо съ закрытыми глазами полно величія и глубины. По обѣ стороны учителя находятся статуи, по всей вѣроятности, основателей и строителей храма—яванскихъ князей.

Осмотрѣвъ оба храма, мы вернулись въ Мунтиланъ и съ первымъ поѣздомъ добрались до города Дьокьи—столицы независимаго султанства. Уже было темно, когда мы попали туда и устроились въ очень чистой и прекрасной гостиницѣ, снабженной всѣмъ яванскимъ комфортомъ. Хотя городъ и освѣщенъ газомъ, но, несмотря на это, въ этотъ вечеръ намъ не удалось ознакомиться съ его характеромъ. Прежде всего бросились намъ въ глаза многочисленные китайскіе магазины, гдѣ сидѣли ихъ хозяева съ привѣтливой улыбкой на гладкомъ широкомъ лицѣ. Китайцы—«orang-orang tjina»—настолько крѣпко пустили корни въ жизнь яванцевъ, что когда представляешь картину яванскаго или другого малайскаго города, совер-

шенно забываешь о туземцахъ и видишь только эмигрантовъ изъ Небесной имперіи. Замѣчательно, что китайцы говорятъ даже другъ съ другомъ по-малайски, торговыя же книги свои ведутъ по-китайски, зарисовывая ихъ тушью изящными столбиками своихъ значковъ.

Рано утромъ на слѣдующій день, закусивъ въ отелѣ, мы направились бродить по улицамъ Дьокьи, интересуясь кратономъ или дворцомъ, гдѣ живетъ «toean sultan». Однако прежде всего мы прошли мимо форта «Vredenburg», окруженнаго рвомъ съ водой, скрывающаго за своими стѣнами сильный гарнизонъ и немалую артиллерію, а недалеко отъ него уже помѣщается огромный кратонъ султана. Это сосѣдство весьма знаменательно. Султанъ управляетя своимъ царствомъ по своему усмотрѣнію; онъ только совѣтуется со своимъ младшимъ братомъ — голландскимъ резидентомъ, домъ котораго находится недалеко отъ кратона; если же слова увѣщанія младшаго брата не дѣйствуютъ въ должной мѣрѣ на старшаго, то фортъ Вреденбургъ можетъ подкрѣпить мнѣніе младшаго брата такой пальбой изъ пушекъ, отъ которой кратонъ старшаго обратится въ груду развалинъ. Поэтому въ своихъ рѣшеніяхъ оба брата весьма единодушны; къ тому же султанъ получаетъ отъ голландцевъ такое денежное пособіе ежегодно, что онъ можетъ жить, ни о чемъ не думая. Прежде султана показывали. Для этого нужно было имѣть черный фракъ и, получивъ разрѣшеніе резидента, добиться аудіенціи у султана. Теперь только личное знакомство или большая протекція допускаютъ постороннихъ лицъ къ султану, но въ большіе праздники можно все же получить возможность быть у него на пріемѣ.

Дорога отъ гостиницы до кратона идетъ главной улицей Дьокьи— Тамариндовой аллеей, на которой намъ встрѣтились удивительные фикусы. Съ вѣтвей этихъ оригинальныхъ растеній спускаются пучки корней, какъ канаты, сплетенные изъ тонкихъ веревокъ. Достигнувъ земли, эти канаты скоро въ ней укрѣпляются и очень быстро утолщаются, превращаясь въ толстую колонну, поддерживающую массу вѣтвей дерева. Вѣтви эти растутъ дальше, снова даютъ такой же пукъ корней, и одно дерево можетъ образовать цѣлую рощу. Въ Бейтензоргѣ около дворца ген.-губернатора, вдоль Djalan-besaar есть небольшая рощица, составленная изъ двухъ-трехъ деревьевъ. Передъ домомъ резидента мы остановились и внимательно разсматривали разныя древнія статуи, украшающія его цвѣтникъ. Пройдя улицу, мы попали на огромную площадь, раскинувшуюся передъ кратономъ. Посрединѣ ея стояли фикусы, подстриженные въ видѣ огромныхъ зеленыхъ вазъ, наподобіе того, какъ стригутъ липы въ

Статуя Будды въ храмѣ Мендутъ.

Рельефныя изображенія на стѣнахъ храма Прамбананъ.

Прамбананъ—общій видъ храмовъ.

нашихъ садахъ и паркахъ. Кратонъ — цѣлый городъ. Онъ представляетъ собой огромный четырехугольникъ, обнесенный стѣнами, внутри котораго помѣщаются меньшіе квадраты со своими стѣнами и воротами, а въ центрѣ стоитъ сама «rumah toean sultan», т.-е. дворецъ.

Населеніе кратона достигаетъ 15 тысячъ человѣкъ, которые всѣ составляютъ штатъ султана, его гвардію, служителей. Тутъ же помѣщаются гаремъ съ многочисленными женами султана, его звѣринецъ, его сады и т. п. Мы ходили между обыкновенными малайскими хижинами, входили въ широкіе дворы, на одномъ изъ которыхъ увидѣли настоящаго мученика людского варварства — молодого слона, привязаннаго за ногу къ столбу, врытому въ землю. Несчастное животное не могло сдѣлать ни одного шага, ни лечь, ни измѣнить позы и крутилось вокругъ столба, натирая чуть не до живого мяса свою ногу. Любимое зрѣлище восточныхъ владыкъ—бой звѣрей, особенно же тигровъ съ буйволами—заставляетъ ихъ содержать болѣе или менѣе значительные звѣринцы. Наконецъ мы пришли на центральный дворъ, гдѣ встрѣтили оригинальное зрѣлище. На землѣ, подобравъ подъ себя ноги, сидѣла стража султана. Тѣлохранители эти были полуобнажены, за поясомъ со стороны спины у всѣхъ были большіе крисы, ихъ головы покрыты платками, которые были подвязаны подъ затылкомъ. Они обернулись, какъ одинъ человѣкъ, на насъ, и стоило кому-нибудь, подумалъ я, мигнуть глазомъ, и отъ насъ осталось бы одно воспоминаніе; но въ это время подошелъ къ намъ нѣкто и сказалъ, что тутъ живетъ султанъ; поэтому мы обратили тылъ и, долго блуждая по закоулкамъ кратона, вышли на одну изъ улицъ города.

Тамъ намъ встрѣтился какой-то важный яванецъ, который шелъ впереди небольшой свиты, несшей огромный зонтикъ на бамбуковой палкѣ. Самъ яванецъ былъ одѣтъ въ пестрый саронгъ, пиджакъ европейскаго покроя, его голова была повязана платкомъ, но ноги босы. На Явѣ мѣстная администрація какъ знакъ своего достоинства носитъ зонтики разныхъ цвѣтовъ. Чѣмъ больше позолоты на этомъ зонтикѣ, тѣмъ выше рангъ яванца. Регенты, напримѣръ, имѣютъ зонтикъ зеленый съ бѣлымъ, съ тремя золотыми полосами и позолоченной верхушкой; не помню, сколько полосъ имѣлъ зонтикъ того, кто встрѣтился съ нами, но золота тамъ было много,—по всей вѣроятности это была знатная особа. Обратило мое вниманіе отсутствіе обуви, и дальше на пути между Дьокьей и Сурабайей я видѣлъ въ вагонѣ I класса благороднаго яванца, который о чемъ-то говорилъ съ голландскимъ офицеромъ по-голландски, былъ одѣтъ болѣе чѣмъ изысканно, но былъ также босикомъ. Постоянное хожде-

ніе босикомъ очень развиваетъ пальцы ногъ у малайцевъ. Второй палецъ ноги далеко отстоитъ отъ большого, и я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ малаецъ въ Бейтензоргѣ, уронивъ свою «topi», шляпу, на землю, не сталъ наклоняться за ней, а зажавъ ее между большимъ и вторымъ пальцемъ ноги, поднялъ ее съ земли и послѣ ужъ взялъ въ руки.

Блуждая по улицамъ Дьокьи, мы не могли не обратить вниманія на разницу въ типахъ и костюмахъ населенія центральной Явы и западныхъ ея частей. Я говорилъ уже, что въ Дьокьѣ и другихъ частяхъ средней Явы живутъ яванцы, которые отличаются отъ сунданезцевъ западной Явы своимъ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, болѣе индо-европейскимъ типомъ. Это понятно изъ историческаго очерка. Индусская колонизація развивалась главнымъ образомъ въ восточной и центральной части Явы, въ то время какъ туземцы, коренные жители Явы, продвигались къ западу, тѣснимые пришельцами. Изображенная на заглавномъ листѣ жена султана Дьокьи представляетъ собою благородный типъ яванки, очень симпатичной и приближающейся къ индо-европейскому типу, отличаясь отъ него нѣкоторой шириной лица, формой носа и губами. Но и не только на Явѣ эта особа могла бы украсить собою гаремъ султана,—вкусъ европейца не разошелся бы здѣсь со вкусомъ яванца.

Не однимъ лишь физическимъ типомъ отличается яванецъ отъ сунданезца. Онъ носитъ нѣсколько иной костюмъ, иначе причесываетъ и повязываетъ платкомъ свою голову, и оружіемъ его служитъ крисъ, изобрѣтенный, по преданію, однимъ изъ принцевъ древняго Яванскаго царства, который былъ искуснымъ кузнецомъ. Крисъ имѣетъ опредѣленную форму, характерную для различныхъ провинцій Явы и сосѣднихъ острововъ. По формѣ ноженъ, по рукояткѣ криса, по тѣмъ фигурамъ, которыя вырѣзаны на ней, знатокъ безъ труда опредѣляетъ происхожденіе криса. Сунданезецъ не носитъ криса и его оружіемъ и неизмѣннымъ спутникомъ является ножъ-голокъ, который однако далеко не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ крисъ.

Намъ пришлось недолго гулять по улицамъ Дьокьи. Скоро мы уже сидѣли въ поѣздѣ и по плодороднымъ равнинамъ мчались къ другому султанству—Суракартѣ, или Соло, другой половинѣ Матарамскаго царства. Голландцы такъ же относятся къ султану Соло, какъ и къ властителю Дьокьи. Задаривая его деньгами, отнимая у него всякую самостоятельность, они скромно скрываются въ тѣни его великолѣпія и не раздражаютъ народъ своимъ чужеземнымъ вмѣшательствомъ въ его жизнь и обычаи. Для того же, чтобы власть султана была еще незначительнѣе и его вліяніе на

Типъ благородной яванки.

Семья яванцевъ изъ Дьокьи.

Растительность на Молуккахъ (Амбоина).

дѣла еще слабѣе, они поддерживаютъ претендента на его престолъ, заставляя султана отдавать свое вниманіе на защиту своихъ правъ противъ покушеній претендента.

Между Дьокьей и Соло, около небольшой станціи Прамбананъ, гдѣ даже не останавливается скорый поѣздъ, находятся знаменитыя развалины храмовъ, относящихся къ тому же индусскому періоду исторіи Явы. Развалины храмовъ Прамбанана представляютъ собой остатки большого количества храмовъ, посвященныхъ многочисленнымъ божествамъ браминской религіи. Они расположены среди рисовыхъ полей на небольшомъ плато, окруженномъ остатками могучей стѣны. Здѣсь было когда-то много храмовъ; до сихъ поръ еще сохранились развалины 157 небольшихъ святилищъ, среди которыхъ наиболѣе замѣтны 8 бо́льшихъ пирамидальной формы, расположенныхъ въ три параллельныхъ ряда. Наибольшій интересъ представляетъ средній западный храмъ съ двадцатиугольнымъ основаніемъ и съ четырьмя статуями боговъ внутри. Отлитая изъ бронзы богиня Дурга съ своими восемью руками, держащими по эмблемѣ, занимаетъ центральное мѣсто въ храмѣ, названномъ ея именемъ. Въ томъ же храмѣ статуя ея супруга Синры (Магадевъ) и ея сына Ганезы съ оригинальнымъ лицомъ, продолженнымъ въ слоновый хоботъ, которымъ богъ достаетъ пищу изъ чаши, находящейся въ его массивной рукѣ. Рядомъ стоящіе храмы посвящены другимъ божествамъ. Такъ же какъ у Боро-Будура, лавовые камни, изъ которыхъ сложены храмы, покрыты многочисленными скульптурными украшеніями, богатыми по своему содержанію и еще болѣе совершенными по выполненію. Кромѣ рельефныхъ картинъ, которыя украшаютъ собой стѣны Боро-Будура, на фундаментѣ храмовъ Прамбанана не мало статуй, стоящихъ въ нишахъ, украшенныхъ разнообразными изваяніями. По мнѣнію Геккеля, скульптура храмовъ Прамбанана сильно напоминаетъ скульптурныя украшенія Парѳенона и пергамскія изваянія, уступая впрочемъ имъ въ совершенствѣ отдѣлки. Богатыя каменныя картины иллюстрируютъ цѣлыя сцены индійскихъ преданій. На одной изъ стѣнъ изображено въ трехъ картинахъ состязаніе двухъ братьевъ близнецовъ—Сугрива и Вали. Герой повѣствованія Рама, пришедшій на помощь Сугриву, выдвинутъ на передній планъ со своей свитой. Однако онъ не можетъ вмѣшаться въ битву изъ боязни убить Сугрива, такъ какъ оба брата необыкновенно похожи другъ на друга. Сугривъ опоясывается гирляндой изъ листьевъ, и Рама, узнавъ его по этому признаку, убиваетъ злого Вали. На третьей картинѣ представленъ освобожденный Сугривъ; подлѣ него на тронѣ сидитъ его супруга, а передъ ними его народъ, имѣющій видъ полуобезьянъ, воздаетъ ему почести. Уже описаніе одной этой картины показы-

ваетъ, сколько смысла и содержанія вложено въ каменныя изваянія, которыя свидѣтельствуютъ о высокой культурѣ того народа, который могъ оставить послѣ себя такіе памятники. Къ сѣверу на одинъ километръ отъ Прамбанана находятся развалины цѣлой массы храмовъ—Tjandi-Sewu, большая часть которыхъ очень сильно пострадала отъ землетрясенія 1867 года. Особое вниманіе путешественника привлекаютъ здѣсь колоссальныя изваянія двухъ идоловъ, поставленныя около входа на территоріи храма.

Между Дьокьей и Соло расположена станція Клятгенъ, мало интересная въ историческомъ отношеніи, но очень важная въ практическомъ. Возлѣ нея находятся обширныя плантаціи табака, который культивируется на Явѣ въ большомъ количествѣ благодаря своей урожайности и доходности. Но плантаторы Явы жалуются, что они не могутъ получить продуктъ, качество котораго стояло бы на одномъ уровнѣ съ суматранскимъ табакомъ изъ окрестностей Дели, откуда идутъ лучшіе и наиболѣе цѣнные сорта табака. Культуры табака требуютъ большой заботливости и опытности, чтобы получить желаемый продуктъ. Для табака требуется свѣжая почва, поэтому плантаціи часто запускаются подъ лѣсъ, изъ-подъ котораго снова очищаются черезъ нѣкоторый промежутокъ времени. Сборы табака, его подготовленіе — ферментація—сортировка, все это требуетъ спеціальныхъ знаній, и въ Бейтензоргѣ существуетъ особая лабораторія для табака, опытная работа которой производится въ Клятгенѣ.

Дорога отъ Соло до Сурабайи идетъ по ровной мѣстности между рисовыми полями и главнымъ образомъ между плантаціями сахарнаго тростника. Ровная, неинтересная мѣстность. Лишь вдали голубыя горы показываютъ, что не вся восточная половина Явы такъ скучна и однообразна, какъ этотъ путь отъ Дьокьи до Сурабайи, гдѣ пальмы, бананы и другія растенія конфузливо заявляютъ, что и здѣсь тропическая природа, да солнце безжалостно жжетъ отъ 8 до 4 часовъ дня, а благодатнаго дождя мало выпадаетъ въ это время года въ восточной Явѣ. Проѣзжая мимо сахарныхъ плантацій, можно видѣть, какой огромный трудъ приходится затрачивать для культуры сахарнаго тростника. На поляхъ прорываютъ глубокія канавы, куда кладутся куски разрѣзанныхъ стеблей, снабженныхъ боковыми почками. Когда взойдутъ молодые побѣги тростника, приходится часто выпалывать сорную растительность, окапывать стебли и обрывать увядшіе нижніе листья. Когда стебли вырастутъ и будутъ приготовляться къ цвѣту, ихъ обрѣзаютъ, очищаютъ отъ листьевъ и, складывая въ вязанки, отправляютъ на заводъ. Изъ оставленныхъ въ землѣ стеблей съ корнемъ вырастаютъ новые побѣги, которые

Статуи боговъ въ Прамбананѣ.

Идолы въ Тьянди-Севу.

срѣзаются въ свою очередь, хотя они даютъ уже менѣе сахара, чѣмъ первые стебли. Въ прежніе годы, когда свеклосахарное производство въ Европѣ было менѣе развито, плантаціи сахарнаго тростника давали огромный доходъ и на культуру его обращали мало вниманія. Въ настоящее время эта культура предъявляетъ къ себѣ большія требованія, и департаментъ земледѣлія имѣетъ спеціальную лабораторію въ Бейтензоргѣ для изслѣдованія сахарнаго тростника и особые опытные участки для выведенія улучшенныхъ породъ. Ява не очищаетъ сахара, и въ продажѣ употребляется повсюду желтый сахарный песокъ, часто съ очень непріятнымъ привкусомъ. Сахара же въ кускахъ, какъ у насъ, мнѣ не пришлось видѣть ни въ одномъ отелѣ или частномъ домѣ.

Около шести часовъ вечера мы пріѣхали въ Сурабайю, столицу восточной Явы, наиболѣе торговый городъ на островѣ. Большой вокзалъ съ крытой платформой, масса отельныхъ экипажей, великолѣпныхъ улицъ съ большими, нерѣдко двухъэтажными домами, паровой трамвай,—все это указывало на высокій культурный центръ, въ которомъ, какъ и почти всюду въ большихъ городахъ на Явѣ, туземное населеніе низведено до чернорабочихъ и прислуги, и городъ можно назвать европейско-китайско-арабскимъ, а не малайскимъ. Нечего говорить объ удобномъ отелѣ съ очень хорошимъ столомъ, гдѣ мы устроились, ожидая парохода, который долженъ повезти насъ въ далекое путешествіе.

Сурабайя была въ праздничномъ настроеніи. Всюду гирлянды зелени, арки, флаги, приготовленія къ иллюминаціи. Всѣ нидерландскія земли ожидали рожденія наслѣдника или наслѣдницы престола, вѣсть о которомъ могла притти каждую минуту. Это событіе для голландцевъ и ихъ колоній было очень важно, такъ какъ въ случаѣ кончины до той поры бездѣтной королевы германскій императоръ могъ предъявить свои права на голландскій престолъ, что мало улыбалось голландцамъ, симпатіи которыхъ лежали очень далеко отъ нѣмецкаго народа. Однако вѣсть все запаздывала, и ожидаемое событіе свершилось чуть ли не на цѣлый мѣсяцъ позже.

Сурабайя дѣлится на три части: европейскій городъ, полный прекрасными домами, магазинами, конторами, банками, по которому летаютъ безчисленные автомобили съ сѣдоками-англичанами, представителями торговыхъ и банкирскихъ домовъ. Другую часть города занимаетъ арабскій кварталъ, лежащій близко отъ третьей части города—китайскаго квартала, имѣющаго приблизительно одинаковый съ арабскимъ характеръ—узкія, грязныя улицы, массу лавокъ, магазиновъ, мастерскихъ ремесленниковъ. Намъ пришлось покупать здѣсь не мало вещей для путешествія, и нужно отдать справедливость

китайцамъ, которые являлись гораздо болѣе честными продавцами, чѣмъ склонные къ обманамъ и мошенничеству яванскіе арабы.

Посрединѣ города протекаетъ рѣка, которая впадаетъ въ море—въ Мадурскій проливъ. Низкіе берега и болотистая мѣстность дѣлаютъ климатъ Сурабайи нездоровымъ, и еще недавно здѣсь не прекращались эпидеміи холеры. Но года три или четыре тому назадъ въ Сурабайѣ устроенъ водопроводъ, и холера исчезла изъ этого города. Въ настоящее время Сурабайя является чуть ли не единственнымъ городомъ на Явѣ, гдѣ даже европейцы пьютъ сырую, непереваренную воду.

Для натуралиста Сурабайя представляетъ мало интереснаго; она имѣетъ какую-то общую, неоригинальную физіономію, которая не указываетъ на національныя черты народа, на чьей территоріи выросъ этотъ городъ. Какъ во всѣхъ городахъ, гдѣ скопляются туристы, въ Сурабайѣ существуетъ особый классъ людей, охотящихся на кошелекъ пріѣзжихъ. И мы въ томъ числѣ были атакованы продавцами крисовъ—старыхъ, новыхъ и болѣе всего поддѣланныхъ подъ старые. Съ утра цѣлая шеренга арабовъ обступала веранду отеля, предлагая намъ ковры, кораллы, подушки, всего и не вспомнишь, запрашивая десятерную цѣну, обижаясь, когда мы давали, по нашему усмотрѣнію, настоящую стоимость, и съ видомъ оскорбленнаго самолюбія оставляя въ нашихъ рукахъ вещь, которая не стоила и половины уплаченныхъ денегъ. Все это такъ обычно и характерно для большого города, посѣщаемаго туристами, и такъ мало соотвѣтствуетъ общей жизни коренного населенія страны.

Два слишкомъ дня мы пробыли въ Сурабайѣ, дожидаясь отхода парохода «De Klerk» Konicklike Paketvaart Maatchapij, на которомъ намъ предстояло сдѣлать переходъ до Амбоины.

Первая половина нашей жизни на Малайскомъ архипелагѣ окончилась. Изъ высоко-культурной области мы направлялись въ дикія мѣста, чтобы тамъ ознакомиться съ мало тронутой культурою природой и находящимися на болѣе низкой ступени развитія полудикими племенами. Отъ этого путешествія мы ожидали много, и я разскажу въ слѣдующихъ главахъ, что встрѣтили мы на нашемъ длинномъ пути.

Глава VII.

Физико-географическій очеркъ Малайскаго архипелага.

Знаменитый изслѣдователь Малайскаго архипелага, англійскій натуралистъ Альфредъ Руссель Уоллесъ, проведшій болѣе 12-ти лѣтъ въ непрерывномъ изученіи этой интереснѣйшей области, даетъ

блестящую естественно-историческую характеристику острововъ, входящихъ въ составъ этого архипелага.

Несмотря на то, что острова Малайскаго архипелага лежатъ тѣсно одинъ возлѣ другого, различныя зоо- и антропогеографическія области сталкиваются на пространствѣ между юго-восточной Азіей и материкомъ Австраліи. Полуостровъ Малакка, Большіе Зондскіе острова, Борнео, Суматра, Ява и маленькій Бали образуютъ индо-малайскую группу, Малые Зондскіе острова отъ Ломбока до Тимора входятъ въ составъ группы Тимора.

Оригинальный по своимъ очертаніямъ Целебесъ съ прилежащими къ нему небольшими островками—на югѣ Бутономъ и Салейеромъ, на сѣверѣ Сулу—составляетъ группу Целебеса; къ востоку отъ Целебеса расположена группа Молукскихъ острововъ, среди которыхъ особенно выдѣляются напоминающая своими изрѣзанными очертаніями Целебесъ Хальмахейра и дикій гористый Серамъ, къ югу отъ котораго расположены маленькая Амбоина и острова Банда—первыя поселенія европейцевъ на архипелагѣ. Наконецъ, послѣднюю группу составляютъ Папуасскіе острова—огромная Новая Гвинея, самый большой послѣ Гренландіи и дикій островъ на землѣ, и примыкающія къ ней съ юго-запада маленькія группы Ару, Кей, а съ сѣверо-запада—Вахей, Миссоле и Сальвати. Каждой изъ этихъ областей свойственъ свой особый животный и растительный міръ. Нерѣдко при этомъ острова съ разнообразной фауной и флорой такъ близко лежатъ другъ возлѣ друга, что кажется просто невѣроятнымъ, какимъ образомъ могутъ отличаться столь близко лежащія другъ возлѣ друга области.

Западная часть архипелага—индо-малайская группа — почти не отличима по своей флорѣ и фаунѣ и типамъ населенія отъ юго-восточной оконечности Азіи. Слоны и тигры обитаютъ непроходимыя болотныя джунгли Суматры и Малаккскаго полуострова. На Явѣ и Суматрѣ живутъ носороги, близкіе съ ихъ индійскимъ собратомъ. Орангъ-утаны строятъ свои гнѣзда на вѣтвяхъ непроходимыхъ лѣсовъ Борнео и Суматры; гиббоны—человѣкообразныя обезьяны—въ большомъ количествѣ еще попадаются на трехъ упомянутыхъ Зондскихъ островахъ. Павлины и фазаны, эти цари всѣхъ пернатыхъ по роскоши своего оперенія, очень обыкновенны какъ въ лѣсахъ юго-восточной Азіи, такъ и на прилежащихъ къ ней островахъ. Я не буду говорить о фаунѣ мелкихъ птицъ, насѣкомыхъ и другихъ животныхъ,—они еще болѣе тѣсно сближаютъ эти области земли между собой.

Но будемъ двигаться на востокъ отъ Явы, подобно тому, какъ мы шли на нашемъ пароходѣ «де-Клеркѣ». Ближайшій къ Явѣ на во-

стокъ островъ Бали напоминаетъ собой вполнѣ своего западнаго сосѣда, являясь какъ бы его естественнымъ продолженіемъ. Но далѣе къ востоку картина рѣзко измѣняется. Узкій проливъ отдѣляетъ слѣдующій островъ Ломбокъ отъ Бали; но несмотря на это разница въ фаунистическомъ составѣ ихъ очень существенна. «Проливъ здѣсь въ 15 миль шириной,—пишетъ Уоллесъ въ своей знаменитой книгѣ «Малайскій архипелагъ», — такъ что въ теченіе двухъ часовъ мы можемъ переплыть изъ одной части земли въ другую, отличающуюся отъ первой въ отношеніи своего животнаго міра настолько, насколько Европа отличается отъ Америки». Съ острова Ломбока начинается, какъ уже упомянуто выше, группа острововъ Тимора со своими эвкалиптовыми лѣсами, населенными веселыми, крикливыми какаду, напоминающими лѣса Австраліи. Одиноко стоитъ Целебесъ съ своей странной фауной: здѣсь нѣтъ ни слона, ни носорога, ни тигра, нѣтъ даже тапира, зато есть бабирусса,—животное, водящееся исключительно на Целебесѣ. Хищныхъ звѣрей замѣняетъ на Целебесѣ сумчатый кускусъ,—лѣнивое ночное животное величиной съ большую кошку.

Папуасская группа, родина райскихъ птицъ, безчисленныхъ какаду, огромныхъ казуаровъ, кенгуру, является совершенно особенной областью, вполнѣ рѣзко отличающейся отъ западной половины архипелага.

И человѣческія племена столь же разнообразны, какъ и животный міръ. На западѣ живутъ малайцы, распадающіеся на рядъ племенъ —культурныхъ, какъ мы видѣли, на Явѣ, полудикихъ или дикихъ на Борнео и Суматрѣ. Восточная половина архипелага населена папуасами, иными племенами, большинство которыхъ находится еще на низшей степени культурности.

Но почему же существуетъ такое большое коренное несходство въ столь близко лежащихъ другъ возлѣ друга мѣстностяхъ? Такой вопросъ невольно приходитъ всякому въ голову, кто только ознакомится съ описанными фактами. Гдѣ можно искать причины этого страннаго явленія? Если обратимъ вниманіе на морскія глубины окружающихъ острова морей, то тутъ мы снова натолкнемся на фактъ чрезвычайной важности. Между островами Борнео, Суматрой, Явой и полуостровомъ Малаккой море всюду очень мелко,— его глубины не достигаютъ нѣсколькихъ десятковъ метровъ, рѣдко опускаясь ниже сотни; на крайнемъ востокѣ, между Новой Гвинеей и прилегающимъ къ ней маленькимъ Аруанскимъ архипелагомъ, между Новой Гвинеей и Австраліей также простирается мелкое море, едва достигающее нѣсколькихъ десятковъ метровъ глубины.

Совершенно иную картину представляютъ моря, лежащія между Зондскими и Молукскими островами.

Макассарскій проливъ, отдѣляющій Целебесъ отъ Борнео, имѣетъ большія глубины, доходящія до 2400 и болѣе метровъ, между Целебесомъ и Серамомъ глубина спускается до 4900 метровъ, а между Бандой и островомъ Кей—даже до 5684, т.-е. около $5^1/_2$ верстъ! Это обстоятельство полно глубокаго значенія. Чѣмъ глубже море, тѣмъ раньше образовалось оно, тѣмъ въ болѣе отдаленныя эпохи было возможно соединеніе между островами, и намъ представляется вполнѣ понятнымъ, почему западная половина Малайскаго архипелага имѣетъ такъ много общаго съ юго-восточной Азіей. Мелкое море указываетъ на возможность соединенія въ прежнія геологическія эпохи этихъ областей въ одно цѣлое; отсюда сходство въ животномъ населеніи.

Я уже упоминалъ, что въ историческое время Суматра была соединена съ Явой, а Ява съ Мадурой. Вполнѣ естественно ожидать, что не будетъ разницы между животнымъ міромъ этихъ странъ.

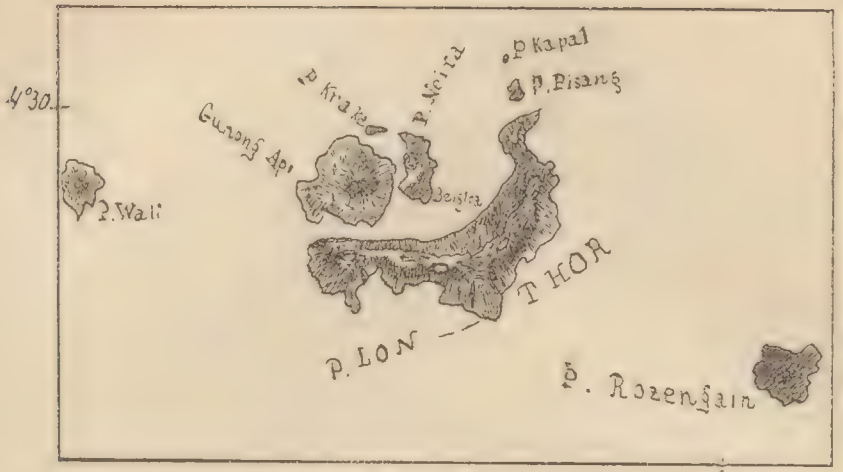
Целебесъ отдѣленъ отъ Борнео глубокимъ проливомъ, его фауна совершенно не похожа на фауну Борнео; Макассарскій проливъ препятствовалъ издавна переселенію животныхъ съ Борнео на Целебесъ.

Такими же соображеніями объяснялъ Уоллесъ разницу въ фаунѣ Ломбока и Бали и на основаніи распространенія животныхъ и глубинъ моря провелъ свою знаменитую границу, названную Уоллесовской линіей, раздѣлившую индо-малайскую область отъ группы Тимора и Папуасіи. Эта линія проходитъ между Целебесомъ и Борнео и между Бали и Ломбокомъ. Все, что къ западу отъ нея, принадлежитъ индо-малайской области, къ востоку—папуасской и австралійской. Однако позднѣйшія изслѣдованія разошлись съ данными Уоллеса. Не отрицая различія между восточной и западной половиной архипелага, эти изслѣдованія измѣнили границы областей. На рубежѣ между XIX и XX вѣкомъ голландцы организовали большую экспедицію на пароходѣ Сибога, которая тщательно промѣрила дно морей и собрала большія коллекціи животныхъ и растеній. Эта экспедиція показала, что между Бали и Ломбокомъ нѣтъ большихъ глубинъ, что фауна Бали и Ломбока представляетъ много общаго между собой, переходя незамѣтно одна въ другую, что въ этомъ мѣстѣ не существуетъ рѣзкаго перехода между западной и восточной половиной архипелага. Швейцарскіе натуралисты, братья Саразины, изучая фауну моллюсковъ острова Целебеса, пришли къ заключенію, что Целебесъ въ недавнюю геологическую эпоху былъ соединенъ съ островами Явой и Флоресъ,

что этимъ соединеніемъ объясняется сходство въ фаунѣ такихъ животныхъ, какъ сухопутные моллюски, которые лишены какихъ-либо особенныхъ способовъ передвиженія.

Такимъ образомъ современное изученіе распространенія животныхъ указываетъ на большое несходство въ населеніи близко лежащихъ другъ около друга острововъ, и натуралистъ ищетъ объясненія этому явленію въ прошлой исторіи этой части земли. На основаніи различныхъ данныхъ, доставляемыхъ наукой о землѣ—геологіей, является возможность возстановить очертанія суши и морей въ прежнія геологическія эпохи. И если мы обратимся къ дилювіальной эпохѣ, непосредственно предшествовавшей той, въ которой мы живемъ, то очертанія юго-восточной части Азіи были иныя, чѣмъ въ настоящее время. Полуостровъ Малакка, острова Борнео, Суматра, Ява и прилежащее къ нимъ Яванское море составляли одну общую сушу—одну юго-восточную оконечность материка Азіи (см. карту). И понятно, что животныя могли безпрепятственно разселяться по этимъ обширнымъ пространствамъ суши, не раздѣленнымъ еще морскими бассейнами. Целебесъ же былъ и въ то время рѣзко отдѣленъ проливомъ отъ Азіи, оставаясь самостоятельнымъ островомъ въ дилювіальномъ морѣ. Новая Гвинея тогда была лишь нѣсколько больше развитой на западѣ и къ югу и почти сливалась съ Австраліей. Но гораздо болѣе глубокія измѣненія показывалъ Малайскій архипелагъ въ болѣе раннюю эпоху, которую геологи называютъ пліоценовой. Тогда, какъ это видно изъ прилагаемой карты, суша была развита еще болѣе, чѣмъ въ настоящее время. Не только Борнео и Суматра съ Явой были присоединены къ Азіатскому континенту, но и отъ Явы шли полосы земли, соединявшія Яву съ Целебесомъ и Яву съ цѣпью Малыхъ Зондскихъ острововъ, даже съ группой острова Тимора. На востокѣ Новая Гвинея не отдѣлялась отъ Австраліи, ея западные полуострова включали въ себя и Аруанскій архипелагъ и острова Кей и Тиморлаутъ, а отъ сѣверо-западной оконечности шелъ мостъ черезъ Хальмахейру и другіе Молукскіе острова къ сѣверному Целебесу. Лишь попрежнему Целебесъ былъ отдѣленъ отъ Борнео древнимъ Макассарскимъ проливомъ, и глубокое море Банда, показывающее, какъ я приводилъ выше, страшныя глубины въ $5\frac{1}{2}$ верстъ, оставалось почти безъ измѣненій и въ тотъ отдаленный періодъ времени.

Я не стану слѣдить дальше въ глубь временъ за судьбой Малайскаго архипелага и тѣми измѣненіями, которыя претерпѣвали и суша, и море. Животный міръ въ болѣе древнія времена былъ также нѣсколько инымъ, и отъ тѣхъ животныхъ дошли до нашего времени одни



Карта острововъ Банда.

Карта Малайскаго архипелага въ пліоценовую эпоху.

лишь остатки въ видѣ костей или зубовъ, самыя же животныя не сохранились до нашего времени.

Изъ приведеннаго однако ясно, почему фауна и флора Малайскаго архипелага такъ несходны на западѣ и востокѣ. Востокъ и западъ его — два міра, имѣющіе каждый свою независимую и самостоятельную исторію. Видимая близость Целебеса и Борнео является обманчивой для объясненія распредѣленія животныхъ на этихъ островахъ, и глубокій Макассарскій проливъ уже издавна раздѣлялъ эти земли. Ява, которая лежитъ значительно дальше отъ Целебеса, чѣмъ Борнео, была когда-то соединена съ нимъ, и ея животный міръ стоитъ ближе къ целебесскому, чѣмъ животное населеніе Целебеса и Борнео. И велика была научная заслуга Уоллеса, который первый такъ ясно выразилъ различія между отдѣльными областями Малайскаго архипелага, хотя его граница — линія Уоллеса—и не вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Уже я указывалъ, что измѣненіе фауны съ запада на востокъ происходитъ постепенно, а измѣренія экспедиціи Сибога показали, что глубины между Бали и Ломбокомъ никакъ не могутъ быть названы большими, достигая всего 118 и 193 метровъ въ двухъ измѣренныхъ пунктахъ, въ то время какъ у южнаго берега Ломбока лотъ показывалъ глубину болѣе 800 метровъ.

Таковы въ краткихъ словахъ исторія Малайскаго архипелага и объясненіе разнообразія фауны острововъ, его составляющихъ. Намъ предстояло теперь увидѣть своими глазами тѣ острова, о которыхъ приходилось лишь читать въ прекрасныхъ описаніяхъ Уоллеса и другихъ путешественниковъ, изучавшихъ этотъ своеобразный уголокъ земли. Намъ было крайне интересно сравнить наши впечатлѣнія съ описаніями прежнихъ натуралистовъ, чтобы убѣдиться, какими большими шагами идетъ распространеніе культуры, какъ постепенно исчезаютъ старые племенные обычаи, замѣняясь видимымъ однообразіемъ и лоскомъ европеизма. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Уоллесъ изучалъ Малайскій архипелагъ, одновременно съ голландскимъ натуралистомъ Розенбергомъ, затѣмъ много спустя m-me Веберъ ванъ-Боссе издала дневникъ своего путешествія на бортѣ военнаго корабля Сибога, производившаго гидрографическія и біологическія изслѣдованія по разнообразнѣйшимъ уголкамъ архипелага. Эта интересная книга даетъ рядъ картинокъ изъ жизни туземцевъ, какъ совершенно дикихъ, такъ и стоящихъ на высокой степени культуры—раджей и князей. Природа острововъ и результатъ грандіозныхъ изслѣдованій корабля Сибога живо описаны въ этой книгѣ. Наконецъ, въ 1902/3 году на архипелагѣ работалъ русскій натуралистъ К. Н. Давыдовъ, составившій описаніе своего путе-

шествія, полное интереснѣйшихъ зоологическихъ и этнографическихъ данныхъ. Несмотря на то, что между путешествіемъ Давыдова и нашей поѣздкой прошло всего какихъ-нибудь 6 лѣтъ, промежутокъ времени почти совершенно незначительный, произошла существенная разница въ жизни отдаленнѣйшихъ уголковъ архипелага — на островѣ Ару и прилежащихъ группахъ. Быть можетъ, черезъ какихъ-нибудь 10 лѣтъ только въ высокихъ горныхъ лѣсахъ Новой Гвинеи будутъ обитать дикіе люди, которые станутъ столь же рѣдкими на земномъ шарѣ, какъ носороги на островѣ Явѣ.

И въ томъ и заключается наибольшее значеніе такихъ записокъ, какъ данная книга, что онѣ изображаютъ культурное состояніе населенія и природу страны въ опредѣленную эпоху.

Глава VIII.

По островамъ архипелага отъ Явы до Ару.

На небѣ зажглись уже яркія звѣзды, когда «де-Клеркъ» снялся съ якоря и пошелъ по Мадурскому проливу вдоль восточныхъ береговъ Явы. Гдѣ-то на юго-западѣ была гроза; темныя тучи висѣли тамъ надъ горизонтомъ, освѣщаемыя яркими линіями, но надъ нами небо было чисто, звѣзды привѣтливо свѣтили, море было спокойно, а прибранный и блистающій электрическими огнями пароходъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе. На этотъ разъ, наученные горькимъ опытомъ переѣзда изъ Сингапура до Батавіи, мы ѣхали уже въ I-мъ классѣ, пользуясь 50% скидкой, предоставляемой каникулярнымъ билетомъ. Пароходъ былъ наполненъ пассажирами. Онъ шелъ въ далекое плаваніе — къ сѣвернымъ берегамъ Новой Гвинеи, но по пути ему приходилось посѣщать столько населенныхъ мѣстъ, что онъ надѣялся растерять при этомъ чуть не всѣхъ пассажировъ. Мы также ѣхали на немъ до Амбоины, гдѣ должны были пересѣсть на другой пароходъ той же компаніи.

Среди пассажировъ была семья голландскаго офицера, ѣхавшаго на Амбоину. Его маленькая дочка, очаровательное существо 2—3 лѣтъ, совершенно бѣлокурая, вся завитая въ естественныхъ локонахъ, бойко щебетала со своей нянькой по-малайски и не понимала ни одного слова по-голландски.

На островъ Банду ѣхала молодая учительница, очень симпатичная и веселая дама, страдавшая, къ сожалѣнію, отъ морской болѣзни даже во время самой незначительной качки. Три смуглыхъ барышни были ея попутчицами на Банду, и я очень изумился, когда, познакомившись съ ними, узналъ, что онѣ китаянки. Онѣ хорошо

говорили по-французски и въ ихъ типѣ ничто не говорило о принадлежности къ желтой расѣ. Я считалъ ихъ скорѣе за европеекъ, смуглыхъ отъ лучей тропическаго солнца. Кромѣ того, на бортѣ находилось нѣсколько туристовъ, направлявшихся въ разныя мѣста архипелага.

Капитанъ, старшій офицеръ и механикъ были очень привѣтливыми хозяевами, и скоро все общество, познакомившись другъ съ другомъ, пріятно проводило свободное время на просторномъ, уставленномъ мягкими креслами и диванами декѣ. Пассажиры 3-го класса были крайне разнообразны по составу. На пароходѣ было довольно много японокъ, которыя направлялись туда же, куда и мы, — на островъ Ару, гдѣ собирается большое количество японскихъ и другихъ водолазовъ, которымъ недостаетъ женскаго общества. Верхняя палуба была занята массой туземцевъ, охотно пользующихся пароходами Пакетваарта, такъ какъ стоимость билета IV класса дѣйствительно крайне незначительна.

Рейсы пароходовъ Paketvaart'a, имѣя главный базисъ въ Сурабайѣ, расходятся оттуда во всѣ стороны. Еще недавно Давыдовъ описывалъ ихъ, но съ тѣхъ поръ число ихъ увеличилось, и нѣтъ почти ни одного мало-мальски культурнаго уголка Нидерландской Индіи, куда бы не заходилъ регулярно, не рѣже раза въ двѣ недѣли, пароходъ, доставляя почту, продукты культуры, собирая сырой матеріалъ и незатѣйливыя произведенія туземцевъ самыхъ глухихъ уголковъ архипелага.

Рано утромъ «де-Клеркъ» прошелъ мимо восточной оконечности Явы и подходилъ къ острову Бали, чтобы бросить якорь въ гавани Булиленгъ, главномъ городѣ острова. Бали очень гористъ; его высокія горы, то покрытыя лѣсами, то культурными полями, становятся видны еще издали, и самъ островъ по своимъ очертаніямъ напоминаетъ далекую Сицилію. Около Булиленга нѣтъ настоящей пристани, и пароходъ бросилъ якорь на рейдѣ въ виду города. Быстро была спущена шлюпка, и желающіе могли высадиться на берегъ. Мы взяли небольшую лодку съ двумя туземными мальчиками-гребцами и направились въ бухту собирать матеріалъ по водорослямъ.

Дно булиленгской бухты наполнено кораллами, среди которыхъ встрѣчается большое количество растеній и животныхъ. Однако въ это время былъ приливъ, поэтому нашъ сборъ былъ сильно затрудненъ глубокой водой, и мы скоро пристали къ берегу, чтобы познакомиться съ туземными типами и характеромъ Булиленга. Бали— одинъ изъ интереснѣйшихъ острововъ архипелага. Съ него началась колонизація всего края индусскими выходцами, принесшими

съ собой культъ браманизма. И этотъ культъ до сихъ поръ сохранился на двухъ сосѣднихъ островахъ—Бали и Ломбокѣ и не былъ вытѣсненъ вторгшимся исламомъ. Во времена Уоллеса Бали былъ почти вполнѣ независимымъ отъ голландскаго правительства островомъ, тамъ были свои самостоятельныя султанства, но теперь всякій слѣдъ самостоятельности исчезъ съ Бали.

Островъ управляется голландскимъ чиновникомъ и мѣстными старѣйшинами, какъ и другія области архипелага.

Городъ расположенъ около пристани; онъ состоитъ изъ ряда невысокихъ двухъэтажныхъ домовъ, расположенныхъ по обѣ стороны узкой и грязной улицы. Эти дома сплошь заняты лавками купцовъ китайцевъ и арабовъ. Небольшая прямоугольная площадь, расположенная посрединѣ города, была заставлена различными предметами торговли, мѣстными плодами и издѣліями жителей. Типы жителей Бали нѣсколько отличаются отъ типовъ яванцевъ; особенно характерна прекрасная половина обитателей Бали. Насколько яванки тонки и изящны, настолько балійки крупны и фундаментальны. Онѣ носятъ упрощенный костюмъ, открывая всю верхнюю часть тѣла, и невольно обращаютъ вниманіе путешественника роскошнымъ развитіемъ своихъ формъ.

Побродивъ по грязнымъ и узкимъ улицамъ Бали, мы поспѣшили на свистокъ парохода, и скоро подняли якорь, держа курсъ къ сѣверо-востоку по Балійскому морю. Чѣмъ дальше уходилъ пароходъ отъ острова, тѣмъ шире развертывалась его панорама, и конусообразныя горы, покрытыя облаками, высоко поднимали свои остроконечныя верхушки надъ поверхностью удалявшейся отъ насъ земли. Мы прошли мимо острововъ «Отче нашъ» (Pater noster), небольшой группы, лежащей къ сѣверу отъ Ломбока и Сумбавы, и плыли въ открытомъ морѣ, имѣя кругомъ себя лишь безпредѣльное водное пространство. Была прекрасная погода. Дулъ мягкій вѣтеръ, умѣрявшій полуденный жаръ и настолько слабый, что не производилъ волненія, и качка не смущала мирнаго покоя пассажировъ. За обѣдомъ пассажиры I класса пили шампанское и кофе съ ликеромъ, отмѣчая этимъ скромнымъ пиршествомъ день рожденія принца—супруга нидерландской королевы Вильгельмины.

Поздно вечеромъ стали замѣтны далекіе береговые огни на южной оконечности Целебеса, но было настолько темно, что нельзя было отличить ничего, кромѣ неясныхъ силуэтовъ береговъ, къ которымъ приближался «де-Клеркъ». Рано утромъ на слѣдующій день мы подходили къ главному городу Целебеса—Макассару, или, какъ его также называютъ, Манкассару, резиденціи голландскаго губернатора Целебеса, которому подчинены и многіе сосѣдніе острова.

Вдоль западной стороны юго-западнаго полуострова Целебеса разсѣяна цѣлая группа коралловыхъ острововъ, то совершенно лишенныхъ растительности, то поросшихъ группой деревьевъ, среди которыхъ виднѣлись какія-то постройки.

Самый городъ раскинутъ на низкомъ морскомъ берегу, сплошь застроенномъ домиками туземцевъ, складами или амбарами различныхъ крупныхъ торговыхъ фирмъ. Длиннѣйшая деревянная набережная идетъ вдоль берега, и около нея дымились три парохода, направлявшіеся въ различныя мѣста архипелага, а за набережной съ пароходами поднимался цѣлый лѣсъ мачтъ. Безконечное число всевозможныхъ судовъ и джонокъ китайцевъ, прау макассарцевъ и бугисовъ, кораблей другихъ національностей было собрано въ Макассарѣ. И это понятно: Макассаръ является главнымъ центромъ, гдѣ собираются всѣ дѣловые и торговые люди малайско-папуасской области архипелага. Издавна жители Целебеса—макассарцы и бугисы—пріобрѣли славу лучшихъ мореплавателей, и еще Уоллесъ 50 лѣтъ тому назадъ отважился переплыть все Бандійское море въ прау бугисовъ, сѣвъ не безъ опасеній въ Макассарѣ на небольшое судно, прекрасно справлявшееся съ своей нелегкой задачей. Европейскія фирмы, китайскіе и арабскіе торговые дома устроили въ Макассарѣ свои склады, и каждый пароходъ, уходящій на востокъ или приплывающій съ востока, остается продолжительное время въ Макассарѣ. Мы воспользовались этой стоянкой, чтобы ознакомиться съ городомъ и его окрестностями.

Какъ и всѣ города на востокѣ, Макассаръ раздѣляется на три самостоятельныхъ части: европейскую часть, туземный поселокъ и китайскій кварталъ, около котораго живетъ также арабское населеніе города. Европейскій кварталъ начинается отъ моря прекрасной аллеей, по одну сторону которой помѣщаются дома съ магазинами европейцевъ и богатыхъ китайцевъ, а по другую сторону — казармы мѣстнаго гарнизона. Эта улица выходитъ на большую широкую площадь, обсаженную деревьями, гдѣ стоятъ дворецъ губернатора Целебеса, гостиница европейцевъ, церковь, почтовая контора, другія учрежденія, а также дома европейцевъ; отсюда ведутъ двѣ улицы-аллеи—одна вдоль берега моря, гдѣ скоро кончаются постройки европейцевъ и начинаются уже постройки туземцевъ, а другая скоро приводитъ къ очень широкой и большой площади, поросшей зеленою травой, гдѣ мирно паслись буйволы и изящные целебесскіе олени. Эта площадь носитъ обязательное для голландскихъ городовъ имя «Koningsplein», королевская площадь, и на ней находится главная достопримѣчательность Макассара — бывшій дворецъ султана Бони, превращенный въ этнографическій

музей. Заливомъ Бони называется большой и глубоко вдающійся въ землю заливъ между двумя оконечностями Целебеса, юго-западной и юго-восточной. На берегахъ этого залива еще недавно процвѣтало могущественное султанство Бони, отъ котораго остался лишь дворецъ, какъ памятникъ прежняго величія, самостоятельное же султанство превратилось въ обычную голландскую провинцію, управляемую голландскими чиновниками.

Дворецъ султана представляетъ собой высокій домъ, построенный на тонкихъ сваяхъ, по своему виду напоминающій скорѣе всего сарай. Его передній фасадъ украшенъ очень искусно сдѣланной рѣзьбой, а на конькѣ крыши прибита буйволовая голова. Къ дому ведетъ очень высокое крыльцо въ видѣ пристройки, также украшенное рѣзными фигурами. Внутреннее помѣщеніе дома, или, лучше сказать, большого сарая, раздѣлено на двѣ половины, гдѣ размѣщены различные предметы, иллюстрирующіе прежнюю жизнь на островѣ. Обращаетъ на себя вниманіе большое собраніе моделей кораблей—прау—разной величины и разныхъ системъ. Жители Целебеса—бугисы и макассарцы—прекрасные мореплаватели, безстрашно пускающіеся въ отдаленныя путешествія. Оружію отведено очень много мѣста, и среди копій и ножей роскошные крисы блещутъ золотомъ и серебромъ своихъ ноженъ и драгоцѣнными камнями, которыми нерѣдко усыпаны ихъ рукоятки. Между ножами я отмѣтилъ огромные слегка выгнутой формы съ широчайшими лезвіями. Такимъ ножомъ, называемымъ клевангомъ, можно такъ же легко отсѣчь голову непріятеля, какъ срубить кочанъ капусты. Боевая одежда также представляетъ не мало интереса по цѣлому ряду украшеній, надѣваемыхъ на воина. Къ шлемамъ прикрѣпляются особыя пластинки въ видѣ роговъ целебесскаго быка, дѣлающихъ носителей ихъ особенно страшными. Плетенія изъ пандануса и бамбука, достигающія высокой степени совершенства, характеризуютъ мирную сторону дѣятельности подданныхъ султана Бони. Въ музеѣ находятся драгоцѣнные сервизы изъ стараго голландскаго и саксонскаго фарфора, принесенные въ даръ голландскимъ губернаторомъ грозному султану Бони и вернувшіеся снова въ руки даривших.

Вторая половина дворца представляетъ комнату, большая часть которой занята альковомъ, гдѣ помѣщается богатое ложе съ 16 шелковыми подушками, а рядомъ съ нимъ другая постель попроще, гдѣ султанъ курилъ свою трубку съ опіумомъ, прежде чѣмъ отправиться на покой. Нужно очень благодарить голландскую администрацію за то, что она сохранила такой интересный памятникъ мѣстной культуры, который могъ бы исчезнуть вмѣстѣ съ крушеніемъ царства.

За Koningsplein'омъ уже идутъ туземные кварталы, по которымъ можно выйти за городъ на рисовыя поля, окружающія Макассаръ. Удивительная архитектура у этихъ туземныхъ построекъ: онѣ всѣ стоятъ на очень высокихъ сваяхъ, какъ голубятни, и похожи на нихъ, такъ какъ самъ домъ не великъ, окна же его безъ стеколъ, съ деревянными рѣшетками. Интересно было бы выяснить, почему туземцы строятъ и теперь такіе дома. Говоритъ ли въ нихъ наслѣдственная привычка обитателей берега моря и устьевъ рѣкъ, или же другія соображенія народной гигіены внушаютъ имъ эту архитектуру. По характеру дома макассарцевъ рѣзко отличаются отъ яванскихъ построекъ.

По другую сторону европейской главной площади разбиты грязные съ узкими улицами китайскій и арабскій кварталы, гдѣ продаютъ всевозможные предметы, но больше всего фруктовъ. Нигдѣ я не видалъ такой массы чудныхъ банановъ, какъ по улицамъ Макассара, гдѣ я, отвѣдавъ сортъ «Pisang-Ambon», долженъ былъ назвать его царемъ всѣхъ плодовъ. На Целебесѣ, какъ и повсюду въ Нидерландской Индіи, вся мелочная торговля находится въ рукахъ китайцевъ и арабовъ; мѣстные же жители являются или земледѣльцами, или рыбаками, или, какъ макассарцы, мореплавателями.

На Целебесѣ обитаютъ разныя племена, среди которыхъ бугисы и макассарцы занимаютъ его юго-западные полуострова. Это тоже малайскія племена, которыя однако довольно сильно отличаются отъ яванскаго населенія. Бугисъ—энергичный и отважный человѣкъ, онъ легко реагируетъ на внѣшнее раздраженіе, и нигдѣ на архипелагѣ не было чаще случаевъ ужаснаго бѣга «амокъ», чѣмъ среди бугисовъ Макассара. Этого оригинальнаго обычая къ счастью мнѣ не пришлось видѣть лично, но я много слышалъ о немъ. Когда человѣкъ доходитъ до отчаянія по тому или другому поводу, онъ выхватываетъ изъ-за спины свой неизмѣнный крисъ и, размахивая имъ, кидается какъ безумный съ крикомъ «амокъ! амокъ!» по улицамъ селенія. Все въ страхѣ бѣжитъ передъ такимъ неистовствующимъ, вышедшимъ за предѣлы человѣчности существомъ. Онъ накидывается безъ разбора на всякаго встрѣчнаго—мужчину, женщину, ребенка—и убиваетъ все живое. Въ виду самозащиты устраивается облава на безумца и его стараются скорѣе пристрѣлить или убрать инымъ путемъ. Иногда этотъ бѣгъ есть не что иное, какъ оригинальное самоубійство, иногда извѣстное нервное возбужденіе подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго раздраженія. Въ настоящее время однако этотъ бѣгъ становится все рѣже и рѣже подъ вліяніемъ мягкой, но послѣдовательной культурной работы голландской администраціи.

Давыдовъ даетъ бугисамъ и макассарцамъ очень рѣзкую характери-

стику, называя ихъ мошенниками и пиратами. Я не могу раздѣлить его взгляда, и лично я выскажусь о нихъ совершенно иначе въ другомъ мѣстѣ моего разсказа. Но отъ г. Шмидта, негоціанта въ Макассарѣ, я слышалъ много хорошаго о честности бугисовъ, о томъ, какъ высоко развито у нихъ чувство справедливости и какъ сильно отзываются они на незаслуженное оскорбленіе. Близость къ морю и постоянное плаваніе сдѣлали ихъ отважными и сообразительными; роскошная тропическая природа и легкій способъ добыванія пропитанія развили у нихъ лѣнь, кажется, болѣе, чѣмъ у другихъ малайскихъ племенъ, живущихъ исключительно земледѣльческимъ трудомъ.

Почти непосредственно за Макассаромъ начиналось царство или султанство Гоа съ султаномъ, о могуществѣ котораго говорилъ Уоллесъ; его дворы описала m-me Веберъ ванъ-Боссе, а Давыдовъ видѣлъ, какъ могущественный раджа сѣлъ со своей многочисленной свитой на тотъ же пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ изъ Ломбока въ Макассаръ. Прошло всего 6—7 лѣтъ послѣ описаннаго Давыдовымъ событія, и отъ могущественнаго султанства Гоа остался одинъ лишь покинутый дворецъ и интересная мечеть. Долго не удавалось голландцамъ захватить въ свои руки власть надъ независимыми раджами Целебеса, но они не спѣшили и ждали удобнаго случая. Между Макассаромъ и Гоа были плохія дороги, и султаны не давали разрѣшенія на постройку хорошаго и широкаго шоссе, ясно понимая, что пути сообщенія являются мощнымъ орудіемъ въ рукахъ голландцевъ для распространенія ихъ вліянія. Одинъ изъ губернаторовъ Целебеса извѣстилъ султана Гоа, что королева прислала ему въ подарокъ великолѣпную карету, но что дороги слишкомъ узки и карета не можетъ быть доставлена для его особы. Султанъ настолько увлекся этимъ подаркомъ, что разрѣшилъ провести шоссейную дорогу; и вслѣдъ за каретой туда были двинуты войска при первомъ представившемся случаѣ. Султанство было уничтожено, и могучій раджа умеръ гдѣ-то въ изгнаніи.

Дорога отъ Макассара до Гоа идетъ по ровнымъ рисовымъ полямъ и доходитъ до большого бугисскаго селенія, гдѣ посрединѣ дворецъ, похожій на хорошій помѣщичій домъ съ колоннами, и около него прекрасной архитектуры мечеть—одни напоминаютъ былое величіе. Отъ резиденціи Бони, какъ уже сказано, осталось еще меньше. Теперь на Целебесѣ нѣтъ уже независимыхъ государствъ.

Кромѣ поѣздки въ Гоа, мы сдѣлали еще небольшую экскурсію по коралловымъ островамъ Макассарской бухты, собирая водоросли и кораллы, но добыча наша была не особенно обильна.

Простоявъ больше сутокъ въ Макассарѣ, «де-Клеркъ» снялся съ

якоря и пошелъ, огибая южныя оконечности полуострова, къ востоку, мимо острова Салейера, и направился въ узкій проливъ, отдѣляющій островъ Бутонъ отъ лежащаго противъ него острова Мунаи.

Теперь можно было разглядѣть берега Целебеса. Низкіе у моря, покрытые кокосовыми пальмами, они постепенно повышались къ сѣверу, а на далекомъ горизонтѣ возвышались горы, покрытыя темнымъ одѣяніемъ лѣсовъ, съ вершиной, закрытой облаками. Внутренняя часть Целебеса еще мало изслѣдована и представляетъ широкое поле для изученія натуралисту и этнографу.

Рано утромъ пароходъ бросилъ якорь въ бухтѣ острова Бутона—удивительно красивомъ мѣстѣ. Въ ней разбросаны всюду лѣсистые островки и острова, скалистые берега которыхъ круто обрываются къ самому морю. Между этими островками остаются узкіе проливы и по нимъ, какъ по рѣкѣ, идетъ пароходъ, направляясь къ Минахассѣ, сѣверо-восточному полуострову Целебеса. Бутонъ—довольно большой лѣсистый и горный островъ. На немъ водится большое количество дикихъ кабановъ и оленей, на которыхъ охотятся бутонцы. Еще недавно, до 1907 года, этотъ островъ только номинально причислялся къ владѣніямъ голландцевъ, оставаясь независимымъ султанствомъ. Но въ 1907 году голландцы придрались къ какому-то случаю, отправили туда экспедицію, которая окончилась низложеніемъ султана и введеніемъ на островѣ временнаго военнаго положенія. Съ главнокомандующимъ голландско-малайскими войсками—унтеръ-офицеромъ въ большой бурской шляпѣ—я познакомился, когда сошелъ на берегъ. Къ пароходу пристала цѣлая флотилія лодокъ, на которыхъ бутонцы привезли предметы своей торговли — плоды, овощи, прекрасные тюфяки и зеленыхъ и бѣлыхъ попугаевъ. Умныя птицы, должно быть, привыкли къ морскимъ путешествіямъ, потому что сидѣли чинно на днѣ лодокъ, не дѣлая попытокъ къ бѣгству. Зеленые попугаи—мѣстные обитатели Бутона, бѣлые какаду привозятся съ острова Серама, Ару и Молукскихъ острововъ. Они стоили недорого, всего по 50 центовъ за штуку, и я очень жалѣлъ, что не догадался купить пару этихъ умныхъ пернатыхъ. Я нанялъ крошечную душегубку, на днѣ которой сидѣлъ смышленый мальчуганъ, и, вооружившись планктонной сѣткой для ловли микроскопическихъ водорослей, банками и весломъ, пустился къ берегу для сбора матеріала. Опять, какъ и при посѣщеніи острова Бали, было время прилива, поэтому трудно было собирать водоросли, растущія на днѣ среди коралловыхъ камней; зато планктонная сѣтка собрала обильный матеріалъ, оказавшійся очень интереснымъ и составленнымъ изъ мельчайшихъ водорослей, которыя ботаники называютъ кремне-

выми или діатомовыми. Въ морѣ плавали медузы и прозрачныя сифонофоры въ родѣ венерина пояска, но окрашенныя въ зеленоватый цвѣтъ. Мы скоро приплыли къ берегу и попали въ цѣлую кашу разныхъ растеній, которыя теченія прибиваютъ къ берегамъ земли, распространяя ихъ такимъ образомъ по разнымъ мѣстамъ. Тутъ были и проростки мангровыхъ и плоды пальмъ и другихъ растеній, которые я послѣ собиралъ въ большомъ количествѣ на берегахъ Ару. По каменистымъ стѣнамъ берега встрѣчались какіе-то ярко-зеленые крабы, торопливо убѣгая смѣшной походкой бокомъ отъ преслѣдованія. Собравъ что можно въ морѣ, я высадился на пристани «Paketvaart» на берегъ и поднялся на небольшую горку, на которой было разбросано нѣсколько хижинъ, обнесенныхъ изгородью изъ колючей проволоки. Встрѣтившійся мнѣ человѣкъ въ бурской шляпѣ, оказавшійся унтеръ-офицеромъ голландской арміи, вѣжливо поклонился, и мы вступили въ оживленный разговоръ, къ сожалѣнію не всегда понятный для насъ обоихъ. Я не говорю по-голландски, мой собесѣдникъ не зналъ другихъ европейскихъ языковъ, и мы вели бесѣду по-малайски, дополняя скудный запасъ словъ жестами, и не безъ результата, — я узналъ, что домики за изгородью это казармы малайскихъ солдатъ, подчиненныхъ ему, европейскому унтеръ-офицеру. Въ настоящее время на островѣ все спокойно, и скоро будетъ введено гражданское управленіе.

Осмотрѣвши казармы, мы пошли въ селеніе, гдѣ среди пальмъ были разбросаны хижины туземцевъ, между которыми выдѣляется своимъ чистымъ видомъ и изящной архитектурой домъ муллы-гаджи, бывшаго въ Меккѣ, а недалеко и мечеть, довольно жалкое зданіе. Около мечети могила какого-то европейца, но почему онъ похороненъ тутъ, этого я не могъ узнать у своего чичероне. Недалеко отъ мечети базарная площадь и устье рѣки, заставленное лодками, которыхъ тутъ большое количество, такъ какъ бутонцы—рыболовы и ловцы жемчуга, водящагося въ окрестныхъ водахъ. Кромѣ мѣстнаго населенія, на Бутонѣ живутъ и орангъ-орангъ тьина—китайцы и даже два европейскихъ оранга, датчанинъ и англичанинъ. Эти господа имѣютъ хорошую лодку и занимаются хищническимъ ловомъ жемчуга, не платя за право ловли ни голландцамъ, ни мѣстной общинѣ. Пароходъ началъ давать сигнальные свистки, и я, попрощавшись со своимъ спутникомъ, покинулъ красивый Бутонъ.

На «де-Клеркѣ» было большое оживленіе. Шелъ торгъ матрацами и попугаями, и только энергичныя усилія командъ заставили покинуть пароходъ пріѣхавшую публику, въ однообразную жизнь которой приходъ парохода вноситъ большое развлеченіе.

Мы обогнули Бутонъ съ юга и направились прямо на востокъ

по Бандійскому морю къ острову Буру, на который однако не заходили, а непосредственно продолжали путь до Амбона, или Амбоины,— одного изъ главныхъ пунктовъ Молукскихъ острововъ. Въ этотъ переходъ была небольшая качка, но настолько слабая, что только дамы не могли обѣдать за общимъ столомъ и лежали на палубѣ.

На слѣдующій день съ ранняго утра показались далекія неясныя очертанія Буру, большого острова, сосѣдняго съ Серамомъ, одного изъ самыхъ крупныхъ среди Молукскихъ острововъ. Высокій, гористый, покрытый густыми лѣсами Серамъ еще остается на большой своей части малокультурнымъ, и его населеніе, альфуры папуасской расы, до недавняго времени требовало отъ молодого человѣка, какъ знакъ его зрѣлости, чьей-либо отрѣзанной головы.

На Кавказѣ у осетинъ и ингушей до сихъ поръ не вывелся обычай кражи лошадей, какъ знака совершеннолѣтія и свидѣтельства мужества и предпріимчивости. У туземцевъ Серама очевидно нервы еще крѣпче, чѣмъ у жителей Кавказа, и они требуютъ отъ своей молодежи еще болѣе яркаго доказательства храбрости. Голландцы борются всѣми силами противъ этого ужаснаго обычая, но, несмотря на постепенное распространеніе культуры и ту строгость, съ какой голландскіе администраторы караютъ приверженцевъ этого стараго обычая, срѣзываніе головъ еще практикуется въ дебряхъ Серама, хотя, конечно, съ каждымъ годомъ этотъ рыцарскій обычай мало-помалу исчезаетъ. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось остановиться ни около Буру, ни около Серама, и пароходъ направилъ свой курсъ прямо къ Амбоинѣ, или, какъ его называютъ всѣ туземцы, къ Амбону, лежащему къ югу отъ Серама.

Маленькій Амбонъ — одна изъ старѣйшихъ европейскихъ колоній на всемъ архипелагѣ. Еще въ 1515 году первые изъ европейцевъ — португальцы — основали здѣсь свое поселеніе и владѣли островомъ до 1564 г., когда власть надъ нимъ перешла въ руки голландцевъ, окончательно утвердившихся тутъ съ начала XVII вѣка. Съ тѣхъ поръ Амбонъ сталъ центральнымъ мѣстомъ голландской администраціи, и живущему тамъ резиденту подчинены всѣ острова, лежащіе къ югу и востоку отъ Амбона, включая и голландскую Новую Гвинею.

Амбонъ—небольшой островъ, или, лучше сказать, два острова, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ полуострововъ, раздѣленныхъ глубокими бухтами и соединенныхъ узенькимъ перешейкомъ, едва имѣющимъ ширину въ англійскую милю. Сѣверо-западный большой полуостровъ носитъ имя Хиту, юго-восточный, меньшій,—Лейтимора. Оба полуострова гористы, покрыты лѣсами и представляютъ собой культурную страну. На берегу большой южной бухты расположенъ

городъ Амбонъ. Входъ въ бухту необычайно красивъ; прозрачныя синія волны бухты, зеленыя стѣны лѣсистыхъ горъ, мягкія очертанія береговъ и бѣлый городокъ, раскинувшійся среди пальмовыхъ рощъ и купъ другихъ деревьевъ, въ высшей степени живописны. «Де-Клеркъ» тихо подходилъ къ небольшой деревянной пристани, заставленной всякими грузами, съ узкими рельсовыми путями; на рейдѣ Амбона стояли изящная яхта резидента «Amboina», пароходъ того же общества Paketvaart «Rimsdyk» и нѣсколько туземныхъ прау съ высокими мачтами. Въ Амбонѣ мы теряли большинство пассажировъ, да и сами должны были высадиться на берегъ и перебраться на другой пароходъ, тотъ «Rimsdyk», который недавно пришелъ съ Явы и ожидалъ «де-Клерка», чтобы плыть къ далекимъ берегамъ Новой Гвинеи, къ Мерауке, голландскому поселенію на юго-восточной Гвинеѣ. Простившись съ любезнымъ капитаномъ «де-Клерка» и большинствомъ пассажировъ, мы перенесли нашъ багажъ на стоящій рядомъ «Rimsdyk», гдѣ получили лучшія мѣста, такъ какъ оказались единственными пассажирами I класса на этомъ пароходѣ. Послѣ уже туда подсѣлъ контролеръ изъ Туаля, на островахъ Кей, съ которымъ мы доѣхали до его резиденціи. Устроившись на пароходѣ, мы направились въ городъ, чтобы ознакомиться съ нимъ и сдѣлать визитъ резиденту, къ которому у насъ были рекомендательныя письма отъ профессора Трейба.

Амбонъ, какъ городъ, похожъ на другіе города Явы, но его населеніе и его окрестности носятъ совершенно иной, вполнѣ своеобразный характеръ. Вдоль берега расположенъ торговый кварталъ—крытый рынокъ, магазины китайцевъ и арабовъ, за ними идетъ большая площадь, которая замыкается крѣпостью, воздвигнутой еще въ XVIII вѣкѣ. Дальше отъ моря европейскій кварталъ съ прекрасными и уютными домами европейцевъ и богатыхъ китайцевъ, паркъ, среди котораго помѣщается большой и изящный домъ резидента, и все это тонетъ въ великолѣпной растительности, возвышающейся высоко надъ домами жителей Амбона. На рисункѣ представлена фотографія одной улицы Амбона. Раскидистыя саговыя пальмы со своими огромными листьями рѣзко характеризуютъ амбонскій пейзажъ. Около нихъ небольшія изящныя деревца маніота, а по другую сторону улицы возвышается дурьянъ, огромные шиповатые плоды котораго висятъ на вѣтвяхъ дерева; подлѣ—кудрявый Gnetum, доставляющій одну изъ любимыхъ приправъ къ рису, и широколиственный мангустанъ, прекрасное тѣнистое дерево, защищающее путника отъ лучей солнца и утоляющее его жажду своими сочными плодами.

Окрестности Амбона отличаются отъ яванскихъ пейзажей. Рисовыхъ полей нѣтъ на Амбонѣ, а главную пищу для жителей доста-

вляетъ не рисъ, а саговыя пальмы—Metroxylon Rumphii и Metroxylon laeve, какъ ихъ называютъ ботаники. Пусть читатель не смѣшиваетъ ихъ съ тѣми, такъ наз. «саговыми пальмами», изъ листьевъ которыхъ дѣлаются вѣнки. Это совершенно различныя растенія. Саговыя пальмы содержатъ въ своихъ стволахъ массу крахмалистой муки, которую вымываютъ оттуда, расколовъ стволъ, очищаютъ отъ волоконъ и дѣлаютъ изъ приготовленной муки особыя лепешки, которыя пекутся въ низкихъ глиняныхъ печахъ, похожихъ на ящики съ перегородками. Въ свѣжемъ видѣ такія лепешки довольно вкусны, но сухія теряютъ всякій вкусъ и похожи на щепку. Страна саговыхъ пальмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ страна болѣе низкой культуры, чѣмъ та мѣстность, гдѣ воздѣлывается рисъ. Рисовая культура пріучаетъ жителей къ упорному труду, вырабатывая въ нихъ силу воли, большую настойчивость и убѣжденіе въ необходимости труда. Область же распространенія саговой пальмы даетъ для жителей очень легкій и доступный источникъ питанія, который обезпечиваетъ ихъ почти безъ приложенія труда. Саговый стволъ доставляетъ отъ 300 — 500 kg. саго, т.-е. отъ 750 до 1250 фунтовъ, или отъ 20—30 пудовъ питательнаго продукта. Но не одну только пищу доставляетъ саговая пальма жителямъ острововъ Малайскаго архипелага. Она замѣняетъ собой и рисъ и бамбукъ, и изъ твердыхъ и длинныхъ черешковъ ея листьевъ строятся стѣны и полы хижинъ, а крыши покрываются листовыми пластинками.

Основанный болѣе трехъ съ половиной столѣтій португальцами, Амбонъ до сихъ поръ сохранилъ на себѣ вліяніе своихъ основателей. Типъ жителей Амбона сильно отличается отъ типа другихъ малайцевъ, хотя необходимо прибавить, что не одна португальская кровь подмѣшана къ малайской крови амбонезцевъ. Они вообще являются смѣшанной расой изъ альфуровъ съ Серама, малайцевъ, португальцевъ, голландцевъ, пожалуй еще арабовъ и китайцевъ. Типъ амбонезцевъ не отличается красотой. Ихъ кожа черна, лица худыя, женщины очень старообразны; ихъ странная привычка одѣваться въ черное платье — родъ современнаго капота — еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе непривлекательности этихъ удивительныхъ темнокожихъ людей. Большинство амбонезцевъ — христіане - протестанты, хотя въ ихъ обрядахъ еще сохранилось много обычаевъ католической церкви, унаслѣдованныхъ ими отъ португальцевъ. Ихъ языкъ—смѣсь разнообразныхъ языковъ, и цѣлый арсеналъ португальскихъ словъ пріобрѣли тамъ право гражданства, при чемъ говорящіе эти слова не подозрѣваютъ ихъ иноземнаго происхожденія, считая ихъ за слова собственнаго языка. Амбонезцы не пользуются хорошей репутаціей среди сосѣдей; особенно же они вызываютъ наре-

канія за свою безграничную лѣнь и за склонность къ воровству. На томъ же островѣ существуютъ и мусульманскія поселенія, которыя выгодно отличаются нравственными качествами отъ своихъ христіанскихъ собратій.

Погулявъ по Амбону, мы сдѣлали визитъ резиденту, принявшему насъ крайне любезно. Онъ обѣщалъ всякое содѣйствіе намъ и далъ рекомендательныя письма къ контролеру въ Доббо на Аруанскомъ архипелагѣ, который находится въ вѣдѣніи резидента Амбона, какъ вообще вся восточная половина Малайскаго архипелага.

Въ Амбонѣ мы нашли и мѣстнаго «натуралиста» г. Рея, живущаго здѣсь уже много лѣтъ. Его спеціальность—торговля бабочками и другими насѣкомыми, раковинами, кораллами, всякими морскими животными, которыхъ ему доставляютъ амбонскіе рыбаки. Многіе европейскіе музеи состоятъ его покупателями, и я пріобрѣлъ для нашего харьковскаго зоологическаго музея нѣсколько жуковъ и бабочекъ изъ его собранія. Міръ насѣкомыхъ подъ тропиками достигаетъ необыкновеннаго развитія, показывая чудеса приспособляемости, разнообразія и красоты. Мы любовались на огромныхъ жуковъ, принадлежащихъ къ виду Euchirus longimanus, длиннорукому эухирусу, длина переднихъ ногъ котораго достигаетъ огромной величины въ 8 дюймовъ. Другой жукъ, также пріобрѣтенный мною, похожъ на нашего жука-оленя, но имѣетъ огромное тѣло и длинныя вытянутыя челюсти, расположенныя одна подъ другой. Чудныя бабочки изъ рода Ornithoptera—бабочки-птички, которыя встрѣчаются по восточнымъ островамъ по Амбонѣ—были пріобрѣтены нами для зоологическаго музея. Вмѣстѣ съ причудливыми яванскими живыми листьями и привидѣніями онѣ принадлежатъ къ наиболѣе выдающимся изъ тропическихъ насѣкомыхъ. У Рея лѣтъ шесть-семь тому назадъ жилъ нашъ русскій натуралистъ Давыдовъ, составившій интересное описаніе Амбона. Въ Амбонѣ нужно было запастись послѣдними необходимыми припасами для поѣздки на о-ва Ару, и мы могли найти въ большомъ китайскомъ магазинѣ все необходимое за самую недорогую плату. Принято называть китайцевъ эксплоататорами и торгашами, но наше знакомство съ ними оставило самое пріятное впечатлѣніе о ихъ честности, исполнительности и полной добросовѣстности въ своихъ дѣлахъ. Къ европейцамъ же на архипелагѣ китайцы относятся съ какимъ-то мало объяснимымъ радушіемъ. Въ Амбонѣ мнѣ нужно было проявить свои пластинки, купленныя въ лучшихъ европейскихъ магазинахъ въ Батавіи и Сурабайѣ. Китаецъ-фотографъ, который въ то же время былъ и капитаномъ китайцевъ, т.-е. ихъ выборнымъ старшиной, любезно предоставилъ мнѣ свое ателье; я дѣлалъ рядъ снимковъ, проявлялъ ихъ

одинъ и вмѣстѣ съ нимъ до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдились, что пластинки, проданныя въ Батавіи и Сурабайѣ, совершенно негодны къ употребленію. За весь истребленный мною матеріалъ я заплатилъ всего лишь одинъ гульденъ, при чемъ угощеніе содовой водой въ расчетъ не принималось. И все это сдѣлалъ совершенно незнакомый китаецъ для пріѣзжаго иностранца, котораго онъ видитъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни.

Ночь мы провели на бортѣ «Van-Rimsdyk'a», а на слѣдующее утро любезный капитанъ парохода велѣлъ спустить для насъ паровой катеръ, и мы поѣхали по Амбонскому заливу за водорослями—цѣлью нашего путешествія. Однако тѣ восторженныя описанія, которыя приходилось читать у зоологовъ по поводу богатства Амбонской бухты животными, не соотвѣтствовали результатамъ ботаническихъ сборовъ. Одна часть бухты, по направленію къ перешейку, имѣла песчаное дно, вся поросла различными морскими травами, среди которыхъ были лишь немногочисленныя мало интересныя водоросли; другая часть, по направленію къ открытому морю, имѣла или крайне твердое сплошное каменистое дно, или же дно круто обрывалось у берега и сразу показывались такія глубины, которыя были для насъ мало доступны. За нашимъ катеромъ слѣдовала оригинальная лодка, узкая до того, что въ ней едва могъ помѣститься одинъ человѣкъ, и чрезвычайно валкая; она имѣла длинные противовѣсы съ обѣихъ сторонъ, устроенные изъ черешковъ саговой пальмы. Эти противовѣсы придавали ей много устойчивости и позволяли съ успѣхомъ бороться противъ довольно сильныхъ морскихъ волнъ. Но если мы собрали мало водорослей, то были вознаграждены тѣмъ чуднымъ и непередаваемымъ словами зрѣлищемъ, которое представили намъ коралловые рифы, или коралловые сады, какъ ихъ здѣсь называютъ. Недалеко отъ города находится казенная пристань; море около нея достаточно глубоко, чтобы могли приставать небольшіе пароходы, но глубина не настолько велика, чтобы скрывать морское дно. Подъѣхавъ къ этой пристани, въ тихой, спокойной водѣ мы увидали коралловые рифы во всей ихъ красотѣ. Еще раньше пришлось намъ около Явы, на архипелагѣ «Тысяча острововъ», любоваться и подробно ознакомиться съ коралловыми рифами. Мы изучали ихъ и въ окрестностяхъ Аруанскихъ острововъ, но здѣсь, въ Амбонѣ, мы только восхищались необычайными формами деревьевъ, кустовъ, простиравшихъ свои бѣлыя или сѣроватыя вѣтви во всѣ стороны; между ними росли причудливые грибы, были разставлены столы, лежали какіе-то огромные тазы—и все это принадлежало къ коралламъ, составляло часть тѣхъ огромныхъ рифовъ, которые опоясываютъ острова тропическаго моря. Стаи рыбокъ проходили по

этимъ подводнымъ лѣсамъ; однѣ изъ нихъ ярко-синяго цвѣта, какъ какіе-нибудь колибри, блистая яхонтами своихъ чешуй, проплывали между вѣтвями коралловъ; другія, полосатыя, красныя съ сѣрымъ, сами походили на вѣтви коралла. Однѣ изъ рыбъ были совершенно плоскія съ большими плавниками въ видѣ флага, другія обратно имъ—раздуты какъ пузыри или бочки; цѣлыя стайки длинныхъ, тонкихъ, совершенно перламутровыхъ рыбокъ проходили по поверхности воды, а въ глубинѣ на пескѣ, у подножія коралловыхъ деревьевъ копошились какія-то крупныя полосатыя рыбы, похожія на нашихъ судаковъ. Долго любовались мы этимъ рѣдкимъ для насъ зрѣлищемъ и затѣмъ отправились къ пароходу, который готовился къ отплытію. Въ 4 часа дня «Rimsdyk» загудѣлъ, и мы пошли на юго-востокъ, держа курсъ къ уединенной въ морѣ группѣ острововъ Банда, чрезвычайно характерно выдающихся среди глади открытаго моря.

Раннимъ утромъ пароходъ подходилъ къ Бандѣ. Чудная картина открылась передъ нами, когда, разбуженные громкимъ гудкомъ парохода, мы вышли на палубу. Банда — это остатки жерла огромнаго вулкана, который когда-то выдвинулся изъ морской пучины; отъ него до сихъ поръ остался центральный островъ Бандійскаго архипелага—Gunung Api, т.-е. вулканъ, который правильнымъ конусомъ поднимается изъ моря; его вершина лишена растительности, на его бокахъ существуютъ многочисленныя сольфатары, которыя выдѣляютъ пары, ясно видные съ парохода. Другіе острова составляютъ часть стараго кратера; полукольцомъ лежитъ большой, покрытый лѣсомъ островъ—Banda Lonthor, а между нимъ и Gunung Api расположенъ третій изъ крупныхъ острововъ—Banda Neira, гдѣ лежитъ городъ того же имени. Два маленькихъ островка—Pulu Pisang, банановый островъ, и Pulu Kapal, корабельный—составляютъ какъ бы продолженіе Banda Lonthor, а между Banda Neira и Gunung Api вдвинулся также крошечный Pulu Kraka. Пароходъ медленно проходитъ между Gunung Api и Pulu Kraka и, миновавъ ихъ, дойдя до города, попадаетъ въ замкнутый бассейнъ,—озеро, ограниченное вышеназванными островами. Эта бухта прелестна. Гладкая поверхность воды, защищенная отъ волненій и вѣтровъ гористыми островами, отражаетъ мощный конусъ вулкана и мягкія очертанія Banda Neira; проливъ между островами позволяетъ смотрѣть, какъ на задній планъ декораціи, на лѣса Banda Lonthor. Но эта прелестная мирная картина нерѣдко нарушается. Gunung Api—безпокойный сосѣдъ. Если и не было давно изверженій его, то землетрясенія—очень обычное явленіе на Бандѣ, настолько обычное, что повторяются по нѣскольку разъ въ годъ, къ счастью въ сравнительно слабой степени.

Банда—засыпающій, умирающій городъ. Когда-то здѣсь исключительно сосредоточивалась культура мускатнаго орѣха. Цѣны на него были крайне высоки, и счастливые бандійцы получали огромные доходы со своихъ плантацій, которыя не требовали ни особыхъ капиталовъ, ни особаго знанія. Однако англичане устроили плантаціи мускатнаго орѣха возлѣ Пенанга и, распространивъ ихъ оттуда, понизили настолько цѣну на орѣхи, что прежніе барыши остались лишь какъ пріятное воспоминаніе, и въ настоящее время мускатный орѣхъ приноситъ очень скромные доходы. Лѣнивые, непредпріимчивые жители Банды стали бѣднѣть, не заботясь инымъ какимъ-либо способомъ поднять свое благосостояніе. Невысокія горы Банды Нейра и Банды Лонторъ кажутся покрытыми густыми лѣсами, но на самомъ дѣлѣ это плантаціи мускатника—Myristica fragrans, гдѣ высокіе съ раскидистой кроной стволы его растутъ въ тѣни канаріевыхъ деревьевъ, доставляющихъ также любимый малайскимъ населеніемъ плодъ. Мускатникъ начинаетъ плодоносить на 8-мъ году, но наибольшій урожай даютъ деревья между 14 и 30 годами, хотя они могутъ жить и до 80 лѣтъ. Одни изъ деревьевъ приносятъ только цвѣты съ тычинками, другія же только съ пестиками, поэтому на 20 женскихъ деревьевъ сажаютъ обыкновенно одно мужское. Небольшіе цвѣтки мускатника расположены поодиночкѣ или небольшими пучками, и изъ женскаго цвѣтка развивается послѣ опыленія плодъ, называемый мускатнымъ орѣхомъ. Онъ похожъ на небольшое яблоко нѣжнаго желтоватаго цвѣта. Когда плодъ созрѣваетъ, его мясистая оболочка растрескивается и изъ нея выглядываетъ ярко-красная мякоть, располагающаяся толстой сѣткой вокругъ темной косточки. Изъ оболочки приготовляютъ ароматное желе или варенье; красная мякоть подъ названіемъ «мацисъ» идетъ въ пищу въ свѣжемъ видѣ или сушится и употребляется въ качествѣ пряности; самое ядро—мускатный орѣхъ—осторожно обчищаютъ, заливаютъ известкой и отправляютъ въ Европу. Не только люди, но цѣлый рядъ птицъ—охотники лакомиться мускатнымъ орѣхомъ, и въ мускатныхъ рощахъ даже живутъ особые крупные голуби, поѣдающіе мякоть мускатнаго орѣха и распространяющіе его сѣмена.

Небольшая пристань Банды находится около самаго города, и отъ нея идутъ узкія улицы въ гору по кварталу, занятому главнымъ образомъ постройками и складами богатаго арабскаго дома братьевъ Баадилла. Миновавъ этотъ дѣловой кварталъ, мы вышли на площадь, гдѣ по великолѣпной тамариндовой аллеѣ перешли на другую сторону мыса, на которомъ расположилась Банда. Видъ Банды печальный: дома носятъ характеръ какого-то опустошенія, парки запущены, боковыя улицы покрыты зеленымъ ковромъ мховъ,

дома лишены того веселаго, сверкающаго вида, какъ въ Амбонѣ или на Явѣ. Надъ городомъ возвышаются два форта—одинъ старый, еще португальскій, теперь называемый фортъ Нассау, другой, построенный уже голландцами, расположенный выше него, фортъ Бельгика. Въ Бандѣ живутъ ассистентъ-резидентъ, контролеръ и отрядъ войска. Туземнаго населенія на Бандѣ нѣтъ. Еще въ XVI и XVII вѣкахъ храбрые туземцы Банды, альфуры по племени, мужественно и успѣшно боролись съ завоевателями - европейцами, пока не были покорены окончательно, частью истреблены, частью сосланы на Яву или обращены въ рабовъ. Жителями Банды въ настоящее время являются европейцы, занимающіе административныя должности, или же представители торговыхъ фирмъ, арабы, главнымъ образомъ служащіе у братьевъ Баадилла, и, наконецъ, разнообразный рабочій элементъ, обрабатывающій плантаціи мускатнаго орѣха. Эти люди собраны со всѣхъ концовъ архипелага и представляютъ собой чрезвычайно разнородную смѣсь племенъ малайскаго и папуасскаго происхожденія. Одно изъ наиболѣе интересныхъ лицъ, живущихъ на Бандѣ, это главный представитель фирмы братьевъ Баадилла — Сехъ Саидъ Бинъ Абдулла Баадилла, лейтенантъ арабовъ,— таковъ полный титулъ этого интереснаго человѣка. Мы имѣли къ нему рекомендательное письмо отъ профессора Трейба и потому рѣшили нанести ему визитъ. Не пришлось долго ждать на верандѣ его прекраснаго, по-европейски устроеннаго дома, какъ явился самъ хозяинъ, уже почтенныхъ лѣтъ человѣкъ съ очень интеллигентной внѣшностью, одѣтый въ обычный европейскій костюмъ, съ небольшой темной феской на головѣ. Баадилла свободно говоритъ по-голландски, по-англійски, немного понѣмецки и по-французски. Недавно онъ совершилъ большое путешествіе черезъ Сибирь и Россію въ Западную Европу и вернулся черезъ Америку домой. Не знаю, желалъ ли онъ сказать намъ пріятное, или дѣйствительно его восточная душа была болѣе отзывчива на однородныя впечатлѣнія, но Баадилла сказалъ намъ, что изъ всѣхъ городовъ, которые онъ видѣлъ, наибольшее впечатлѣніе на него произвела Москва и понравилась ему больше другихъ. Чрезвычайно интересна судьба этого человѣка. Въ настоящее время онъ вмѣстѣ съ двумя братьями и сыновьями владѣлецъ флотиліи въ 100 съ чѣмъ-то кораблей, производящихъ ловлю жемчужницъ у береговъ Ару и Новой Гвинеи, и самый крупный скупщикъ райскихъ птицъ и черепахъ во всей Нидерландской Индіи. Его состояніе очень значительно; но было время, когда онъ на небольшихъ лодкахъ разъѣзжалъ по глухимъ островамъ востока архипелага, посѣщалъ малоизвѣстныя бухты и мѣстечки на Но-

вой Гвинеѣ и вымѣнивалъ у дикарей жемчужницы и райскихъ птицъ.

Баадилла пригласилъ насъ въ свою контору, гдѣ мы могли видѣть прекрасную коллекцію раковинъ огромной величины съ жемчугомъ, еще не освобожденнымъ со створокъ; мы видѣли великолѣпныя собранія черепаховыхъ щитковъ, а изъ дальней комнаты дома хозяинъ вынесъ небольшую коробочку, гдѣ лежало нѣсколько жемчужинъ величиной съ крупную горошину или даже орѣхъ каждая. Однѣ были совершенно правильной шарообразной формы, другія—грушевидной или не вполнѣ шаровидной. Каждая изъ нихъ оцѣнивалась не менѣе чѣмъ въ 10—12 тысячъ флориновъ, и въ этой коробкѣ лежало состояніе въ 100 слишкомъ тысячъ флориновъ. Несмотря однако на такую высокую стоимость ихъ, Баадилла сказалъ, что онъ бы совершенно разорился, если бы собиралъ одинъ только жемчугъ,—такъ рѣдки эти жемчужины; доходъ ему даютъ только раковины изъ-за ихъ перламутра. Жемчужины являются пріятнымъ дополненіемъ. Рядомъ съ конторой у Баадилла небольшой музей, гдѣ собраны разнообразнѣйшіе раковины, кораллы, горгоніи и другіе предметы—дары моря,—въ общемъ оригинальная и интереснѣйшая коллекція. Какъ любитель, Баадилла содержитъ около дома небольшой птичникъ, гдѣ живутъ райскія птицы съ острововъ Ару и Новой Гвинеи. Мы любовались на чудный экземпляръ живой Paradisea apoda, большой райской птицы, нѣжныя желтыя перья которой каскадами падаютъ съ ея спинки и хвоста. Однако голосъ ея не соотвѣтствовалъ оперенію и отличался рѣзкими, пронзительными тонами. Баадилла далъ намъ нѣсколько жемчужницъ изъ своей коллекціи и велѣлъ спустить для насъ моторную лодку, на которой мы могли сдѣлать хорошій туръ по внутреннему бассейну—между Банда Нейра, Банда Лонторъ и Гунунгъ Апи. Эта часть моря очень мелка; почти всюду можно ходить по дну, или вѣрнѣе по коралламъ, такъ какъ все дно есть не что иное, какъ одинъ великолѣпный коралловый садъ. Какихъ только формъ кораллова мы тамъ не видали: кусты, деревья, столы, грибы, чаши, блюдца, органы,—все это перемѣшивалось въ одну общую массу коралловыхъ зарослей, среди которыхъ мы удачно собирали великолѣпныя и интереснѣйшія водоросли. Надъ нами было синее небо, подъ нами прозрачная вода, позволявшая разглядѣть коралловыя заросли; зеленыя мускатныя рощи Банды Лонторъ замыкали картину съ одной стороны, съ другой—мрачный величественный Гунунгъ Апи закрывалъ всю сѣверо-западную сторону, а бѣлые домики Банды Нейра и гора Аппенбергъ возвышались на сѣверо-востокѣ. Вернувшись съ этой чудной поѣздки, мы осмотрѣли праздничную пирогу Баадилла—длиннѣйшую лодку, не-

обычайно узкую для своей длины, куда садятся до 60 и больше гребцовъ и подъ звуки гонга гребутъ маленькими веслами. Гонки на этихъ оригинальныхъ пестро раскрашенныхъ съ высочайшими носами и кормой пирогахъ составляютъ любимое занятіе бандійцевъ, какъ одинъ изъ послѣднихъ остатковъ прежней культуры, не знавшей ни паровыхъ, ни моторныхъ лодокъ.

Получивъ отъ Баадиллы письмо къ его брату въ Доббо на Аруанскихъ островахъ, мы простились съ гостепріимнымъ хозяиномъ, оказавшимъ немалыя услуги и нашему соотечественнику Давыдову за нѣсколько лѣтъ передъ нами. Съ сожалѣніемъ покинули мы прелестную Банду, унося о ней самыя свѣтлыя воспоминанія. Нашъ путь лежалъ отъ Банды на островъ Кей, мимо маленькихъ островковъ Тьуръ и Куръ, въ юго-восточномъ направленіи. Море между Бандой и Кей особенно глубоко, и экспедиція Сибога могла отмѣтить въ этихъ мѣстахъ наибольшую глубину въ 5864 метра,—самое глубокое мѣсто во всѣхъ моряхъ, омывающихъ острова Малайскаго архипелага. Островъ Кей уже цѣликомъ относится къ папуасской группѣ, его населеніе и животный міръ очень сходны съ таковыми же Новой Гвинеи, хотя Кей можно было бы назвать преддверіемъ папуасскаго міра, такъ какъ на немъ не водится наиболѣе характерныхъ для папуасской области представителей животныхъ.

Архипелагъ Кей состоитъ изъ двухъ группъ острововъ — Большого, или Высокаго, Кей, гдѣ имѣется поселеніе Банданъ Эллатъ, съ прилежащими мелкими островками, и Малаго, или Нижняго, Кей, называемаго также Кей-Дула, около котораго разбросано также довольно много острововъ. Нашъ пароходъ медленно шелъ къ административному центру и главному поселенію острововъ Кей—Туалю, осторожно проходя мимо острова Ду-роа, одного изъ наиболѣе крупныхъ послѣ самого Кей. Заливъ постепенно суживается и фарватеръ становится опаснѣе. Очень осторожно подвигается пароходъ мимо Убура, покрытаго мангровыми зарослями, и кидаетъ якорь на рейдѣ противъ Туаля и низкаго островка Файръ. Не безъ волненія глядѣлъ я на открывшееся передо мной поселеніе. Мнѣ вспомнилось описаніе Уоллеса, разсказъ Давыдова объ островахъ Кей, еще почти совершенно не тронутыхъ европейской культурой, жители которыхъ однако еще въ давнія времена создали себѣ славу лучшихъ мореходовъ и кораблестроителей на всемъ Малайскомъ востокѣ.

Туаль лежитъ на низкой косѣ у самаго берега моря. Это группа домиковъ то одноэтажныхъ, то двухъэтажныхъ съ обычными китайскими и арабскими лавками. Въ поселеніи есть мечеть, и большинство жителей Туаля — магометане, хотя среди туземцевъ есть христіане и еще много язычниковъ. Недалеко отъ пристани на высо-

Гонка лодокъ на островахъ Банда.

Общій видъ Доббо.

Каулерпы—морскія одноклѣтныя водоросли.

комъ берегу разбитъ прекрасный паркъ, въ тѣни котораго построенъ домъ контролера. Контролеръ Туаля ѣхалъ вмѣстѣ съ нами отъ Амбона и въ Туалѣ оставилъ нашъ пароходъ. Имѣя въ распоряженіи короткое время, мы рѣшили отдать его на ознакомленіе съ водорослями, тѣмъ болѣе, что мелкая бухта Туаля обѣщала въ этомъ отношеніи успѣхъ. Взявъ лодку съ нѣсколькими мальчуганами, мы направились къ берегамъ Файра, чтобы тамъ произвести наши сборы. Уже не первый разъ приходилось брать намъ лодку съ туземными гребцами, но какая разница была между прежнимъ экипажемъ—малайцами—и этими папуасцами! Еще Уоллесъ со свойственною ему проницательностью указалъ на основныя черты различія между этими двумя расами. Наши мальчики не оставались ни одной минуты спокойными: они пѣли, кричали, боролись, кидались изъ лодки въ море, снова впрыгивали въ лодку, смѣялись и вели себя какъ одержимые какой-нибудь нервной болѣзнью. Наоборотъ, когда мнѣ приходилось плавать между «Тысячью острововъ», въ бухтѣ Бали, подъ Макассаромъ, около Бутона или собирать водоросли въ Амбонѣ и на Бандѣ, всюду приходилось видѣть сосредоточенное, серьезное вниманіе, нерѣдко улыбка освѣщала малайскія физіономіи гребцовъ и ныряльщиковъ, но такое неудержимое веселье, живость характера совершенно чужды малайской расѣ. Да и видъ ихъ, черты лица носили на себѣ явный отпечатокъ иной крови, хотя лишь на Аруанскомъ архипелагѣ, именно на его восточной части, я видѣлъ роскошныхъ представителей чистой папуасской расы. Морское дно около Файра очень мелко и песчано. На огромномъ пространствѣ на пескѣ росли бурыя водоросли, такъ называемыя саргассы, образующія большія заросли въ тропическихъ моряхъ. Но главное наше вниманіе привлекли къ себѣ удивительныя водоросли—каулерпы, одни изъ самыхъ загадочныхъ организмовъ, которые только существуютъ на земномъ шарѣ. Все дно было покрыто ими, и въ короткое время наша лодка была завалена цѣлыми грудами каулерпъ, изъ которыхъ мы выбирали наилучшіе экземпляры. Около 8—9 разныхъ видовъ удалось собрать подъ Туалемъ, разнообразная форма которыхъ съ трудомъ поддается описанію. Уже давно біологи выяснили, что всякій организмъ состоитъ изъ мельчайшихъ, видимыхъ только подъ микроскопомъ кирпичиковъ, такъ называемыхъ клѣточекъ, число которыхъ, составляющее сколько-нибудь большой организмъ, крайне велико. Но каулерпы и нѣкоторыя другія водоросли, представлявшія предметъ нашихъ усиленныхъ поисковъ, совершенно нарушаютъ это общее правило строенія организмовъ, осуществляющееся на безконечномъ числѣ примѣровъ. Каулерпа, достигающая длины чуть ли не аршина или болѣе, представляющая собою, какъ это видно изъ

прилагаемыхъ рисунковъ, цѣлое растеніе со стеблемъ, стелющимся по песку морского дна, съ корнями, уходящими въ песокъ, вѣтвями и листьями,—такая каулерпа все же остается одной клѣткой. Она представляетъ собою одну общую полость, одѣтую одной общей оболочкой. Внутри такой клѣтки проходитъ цѣлая система балокъ, которыя поддерживаютъ и укрѣпляютъ стѣнки этой клѣтки, но нигдѣ нѣтъ сплошной перегородки. Каулерпы представляютъ величайшій интересъ для біолога, какъ попытка со стороны растительнаго организма выработать сложную расчлененную форму, оставаясь одной клѣткой. Только исключительно благопріятныя условія тропическаго моря съ его равномѣрной высокой температурой позволили этимъ водорослямъ блестящимъ образомъ разрѣшить такую задачу.

На рисункахъ представлены далеко не всѣ тѣ формы каулерпъ, которыя удалось собрать намъ во время нашего путешествія. Однѣ изъ каулерпъ подобны той, которая изображена на рисункѣ. Ея стволъ даетъ массу вѣточекъ, вильчато-вѣтвящихся и въ свою очередь образующихъ густыя мутовки вѣтвей. Другія обнаруживаютъ стебель съ корнями и широкіе пластинчатые листья; эти листья бываютъ сильно разсѣченными, перистыми или похожими на гроздья винограда, или же все растеніе очень сильно вѣтвится, образуя лишь маленькіе листочки, какъ у нашего вереска. Насколько сложно устройство этихъ водорослей, настолько просто ихъ размноженіе; сколько извѣстно до сихъ поръ, каулерпы размножаются только небольшими побѣгами, отдѣляющимися отъ цѣлаго организма.

Наши ребятишки очень охотно ныряли за куалерпами, недоумѣвая, для чего «orang-orang blanda»—бѣлые люди—собираютъ то, что такъ обычно для нихъ. Нѣкоторые виды каулерпъ считаются съѣдобными, и мальчики набивали ими свои рты; не думаю однако, чтобы вкусъ этихъ водорослей чѣмъ-нибудь отличался отъ вкуса морской воды, которой пропитано ихъ тѣло.

Нагруженные собранными водорослями, мы вернулись на бортъ парохода, гдѣ, благодаря необыкновенно любезному отношенію къ намъ со стороны капитана и другихъ офицеровъ корабля, мы могли превратить палубу въ лабораторію. Всюду стояли ведра съ морской водой, гдѣ плавали наши водоросли, на столѣ былъ уставленъ микроскопъ, а на диванахъ и на полу лежали сушилки и папки, куда мы складывали собранный матеріалъ.

Намъ оставалось сдѣлать еще одинъ только, послѣдній переходъ, чтобы достигнуть цѣли путешествія—Аруанскаго архипелага и его главнаго города Доббо.

Пароходъ отошелъ отъ Туаля и, миновавъ вышеназванные остров-

ки, направился на востокъ, проходя мимо Большого Кей, куда онъ долженъ былъ зайти на возвратномъ пути изъ Мерауке.

Большой Кей—гористый, покрытый густымъ лѣсомъ островъ. Его берега круто обрываются къ морю, обнаруживая рядъ скалистыхъ обнаженій. Его внутренняя часть, по описанію Уоллеса, представляетъ собою крайне пересѣченную мѣстность съ большимъ количествомъ ущелій. Мы не останавливались около острова, и я не могу сообщить о немъ своихъ впечатлѣній. Скоро и Кей исчезъ изъ глазъ, и мы плыли по открытому морю, которое достигаетъ очень большой глубины между островами Кей и Ару. Большое количество дельфиновъ слѣдовало за пароходомъ, то догоняя его, то отставая, кувыркаясь и показывая свою черную спину. Трудно сказать, почему, по словамъ капитана, эта мѣстность изобилуетъ дельфинами, которые почти всегда встрѣчаются здѣсь въ большомъ количествѣ. На слѣдующее утро пароходъ долженъ былъ притти въ Доббо, и мы занялись приготовленіемъ къ высадкѣ, укладкой вещей и собранныхъ нами матеріаловъ.

По мѣрѣ того, какъ мы двигались съ запада на востокъ, мѣнялся характеръ мѣстности, и животныя встрѣчались другія, но еще рѣзче мѣнялись людскіе типы.

Вѣжливые, лѣнивые и кроткіе малайцы Явы, предпріимчивые и отважные бугинезы и макассарцы Целебеса, смѣшанное населеніе Амбона, альфуры Кей постепенно вводили насъ въ другую область—область Папуасіи, въ страну райскихъ птицъ, какъ ее назвалъ Уоллесъ, и съ волненіемъ и нетерпѣніемъ ждали мы, когда ступимъ ногой на землю и ближе ознакомимся съ этой отдаленнѣйшей отъ насъ и интереснѣйшей страной, которая такъ удобна для изученія на островахъ Ару, представляющихъ всѣ черты строенія папуасской области, но лишенныхъ неизмѣримыхъ трудностей, представляющихся для путешественника на Новой Гвинеѣ—центрѣ папуасской области.

Глава IX.

На Аруанскомъ архипелагѣ.

Еще было совершенно темно, когда «Римсдейкъ» бросилъ якорь въ проливѣ, отдѣляющемъ маленькій островъ Ваммаръ отъ большого Вокама, и остановился около главнаго административнаго центра Аруанскаго архипелага—Доббо.

Съ большимъ волненіемъ ожидалъ я увидѣть это мѣстечко, о которомъ составилъ свое превосходное описаніе Уоллесъ и кото-

рое, по свидѣтельству Давыдова, почти не измѣнило своей физіономіи за пятьдесятъ лѣтъ—въ промежутокъ времени между путешествіями англійскаго и русскаго натуралистовъ. Въ моемъ воображеніи рисовалась картина полудикаго мѣстечка, гдѣ цивилизація не успѣла уничтожить первобытнаго отношенія между различными племенами, поселившимися здѣсь издавна. По описанію Уоллеса, на песчаномъ берегу выстроены въ линію хижинки изъ пальмовыхъ листьевъ; тамъ живутъ китайцы, бугисы и макассарцы; туда пріѣзжаютъ довѣрчивые аруанцы со своими товарами — шкурками райскихъ птицъ и жемчужными раковинами; по улицамъ важно расхаживаетъ прирученный казуаръ, а на крылечкахъ домовъ и жердочкахъ сидятъ бѣлые какаду и пестрые лори и оглашаютъ воздухъ своими пронзительными криками.

Во время Уоллеса въ Доббо не было никакого правленія, ни законовъ, ни установленій. Господствовало лишь обычное право, которое строго слѣдило за тѣмъ, чтобы интересы отдѣльныхъ лицъ не нарушались. Этихъ нарушителей наказывали по приговору вѣча, составлявшагося изъ всѣхъ жителей-мужчинъ Доббо. Въ случаѣ нападенія врага—пиратовъ, которыми въ то время кишѣло все море, начиная отъ Сингапура и до Новой Гвинеи—все общество соединялось вмѣстѣ и давало дружный отпоръ врагамъ. И Уоллесъ удивляется, какъ гладко и стройно проходила жизнь въ этомъ совершенно анархическомъ государствѣ. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ—во время путешествія Давыдова—уже была сдѣлана попытка насадить извѣстную гражданственность, но попытка эта не могла назваться удачной. Голландскій чиновникъ—Posthouder, родъ нашего станового—не могъ принести никакой пользы дѣлу умиротворенія края, искорененія его дурныхъ сторонъ и былъ плохимъ насадителемъ цивилизаціи. При немъ низменные инстинкты жителей, не сдерживаемые болѣе общей отвѣтственностью, заговорили вполнѣ громко, и, по словамъ Давыдова, Доббо былъ сплошь населенъ отчаянными головорѣзами по натурѣ, пиратами по призванію и мошенниками по убѣжденію.

Я засталъ въ Доббо третій періодъ его исторіи. Въ немъ жилъ гуманный и просвѣщенный контролеръ, полезная дѣятельность котораго скоро сказалась. Головорѣзы, пираты и мошенники превратились въ порядочныхъ людей, ихъ отрицательныя качества снова спрятались куда-то глубоко, сдерживаемыя въ настоящее время силой вліянія разумно насаждаемой культуры.

Наступившее утро открыло, наконецъ, Доббо, и первое впечатлѣніе было для меня и первымъ разочарованіемъ. На песчаной отмели стояла контора Paketvaart'a, а рядомъ съ ней—зданіе таможни. Рѣ-

шетка отдѣляла поселеніе отъ пристани, а за рѣшеткой возвышались двухъэтажные дома, выстроенные изъ волнистаго желѣза. На верандахъ сидѣли европейцы въ качалкахъ за кофе, въ открытыя окна была видна европейская обстановка дома.

И я спрашивалъ себя: «неужели же это все, что осталось отъ прежняго Доббо, этой аруанской столицы?»

Мы сошли съ парохода и направились къ дому контролера, чтобы передать ему рекомендательныя письма и при его посредствѣ устроиться въ Доббо.

Первая линія домовъ выросла лишь недавно; она построена большой англо-голландской компаніей «Celebes Treading Company», содержащей здѣсь свой флотъ для ловли жемчуга и жемчужницъ. Рядомъ съ этими домами пріютилась и контора г. Шмидта, швейцарскаго коммерсанта, имѣющаго главное мѣстопребываніе въ Макассарѣ, а остальныя постройки принадлежатъ арабамъ братьямъ Баадилла, флотъ которыхъ работаетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Ару и около Новой Гвинеи.

Пройдя эти постройки, мы вышли къ двумъ-тремъ параллельнымъ улицамъ, застроеннымъ низкими китайскими домами и сплошь занятымъ китайскими лавками. Эти лавки имѣютъ амбонскій или отчасти макассарскій типъ и содержатъ все нужное какъ для обихода туземцевъ, такъ и европейцевъ, которыхъ воля судьбы занесла на эти далекіе острова. Улицы оканчиваются небольшой площадью, гдѣ длинный сарай изображаетъ казармы, въ которыхъ живетъ нѣсколько малайскихъ солдатъ подъ командой голландскаго унтеръ-офицера, а подлѣ него домъ контролера, гдѣ находится и почтовая контора. Домъ контролера—довольно недурное зданіе, вполнѣ пригодное для жизни цивилизованнаго европейца; недалеко отъ дома контролера—владѣнія Баадилла, большіе сравнительно дома, склады, мастерскія, верфь и пристань, а на концѣ этой части города — чистое двухъэтажное зданіе — «Rumah-Sakit», т.-е. больница, которую ведетъ врачъ-японецъ и нѣсколько сестеръ милосердія.

Если теперь это описаніе сопоставить съ тѣмъ, что встрѣтилъ Уоллесъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и также съ тѣмъ, что засталъ Давыдовъ всего за 7—8 лѣтъ до нашего пріѣзда, то разница получится огромная. За этотъ короткій періодъ Доббо пересталъ быть поселеніемъ дикихъ или полудикихъ людей и превратился въ культурный центръ. Но послѣ нѣкоторыхъ поисковъ мнѣ все же удалось найти то поселеніе, которое вполнѣ совпадало съ описаніемъ Уоллеса.

За домомъ контролера и казармой по берегу моря тянулся бугисскій кварталъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ улицъ, изъ которыхъ ближайшая къ морю, несомнѣнно, самая древ-

няя, сохраняла всѣ черты Уоллесовскаго Доббо. Дома были малы и низки, они были построены изъ бамбука и пальмовыхъ листьевъ; большая часть изъ нихъ представляла собой лавки, гдѣ продавались разнообразные продукты, употребляемые главнымъ образомъ простымъ туземнымъ населеніемъ острововъ. Тутъ были лепешки изъ саго, рисъ, плоды и овощи, на жердочкахъ висѣли неизмѣнные попугаи—какаду и лори, а по улицамъ важно выступалъ молодой казуаръ еще желтаго цвѣта, странная птица на большихъ толстыхъ ногахъ. На самомъ берегу моря выстроены сараи, половина которыхъ опирается на сваи, вбитыя въ дно, а между ними расположилась цѣлая флотилія лодокъ, отъ маленькихъ прибрежныхъ лодокъ для одного-двухъ человѣкъ до большихъ шхунъ, пришедшихъ издалека и стоявшихъ на якоряхъ на болѣе глубокомъ мѣстѣ или же вытащенныхъ на берегъ для починокъ. Роща кокосовыхъ пальмъ замыкала эту улицу, населеніе которой состояло изъ малайцевъ-выходцевъ или пріѣзжихъ съ болѣе западныхъ частей архипелага—Целебеса, Бутона, Серама и другихъ острововъ.

Параллельно этой улицѣ тянулись еще двѣ или три, гдѣ дома были лучше и больше, съ просторными двориками, а посрединѣ находилась мечеть и противъ нея домъ капитана бугисовъ и другія владѣнія, повидимому, дома мѣстной аристократіи.

Осмотрѣвъ бѣгло Доббо, мы сдѣлали визитъ мѣстному контролеру, господину дю-Клу, оказавшемуся очень любезнымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Извинившись передъ нами, что онъ не можетъ дать намъ пріюта у себя, какъ человѣкъ холостой и не ведущій своего хозяйства, г. дю-Клу направилъ насъ къ Баадилла, у котораго, какъ онъ полагалъ, мы могли найти помѣщеніе. Дѣйствительно, представитель фирмы, младшій братъ бандійскаго Баадилла, и его племянникъ любезно предоставили въ наше распоряженіе большой сарай, гдѣ былъ складъ ящиковъ съ рисомъ и другими товарами.

Не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ мы водворились въ большой комнатѣ, выходящей на одну изъ главныхъ улицъ. Наше новое жилище скоро приняло довольно комфортабельный видъ. Около стѣны стояли наши кровати—складныя ротанговыя кресла, пріобрѣтенныя еще въ Сурабайѣ при началѣ путешествія. Онѣ были покрыты пологами—klambou, безъ которыхъ пребываніе на низкихъ берегахъ острова около болотъ было бы опасно въ смыслѣ зараженія лихорадкой. Посрединѣ комнаты стоялъ столъ, любезно доставленный Баадилла, а въ углу на ящикахъ были устроены буфетъ и помѣщенія для коллекцій. Темный чуланъ съ высокимъ поломъ хранилъ наши чемоданы и собранія, которыя могли пострадать отъ сырости. Устроивъ такое комфортабельное жилище, мы начали вести открытый

образъ жизни, другими словами, наши окна и двери не затворялись совсѣмъ, но это обстоятельство не имѣло особаго значенія. Съ утра до вечера около нашего «отеля» толпились бугисы, китайцы и другіе обитатели Доббо, но всѣ они были настолько благовоспитанны, что не переходили порога нашего помѣщенія и держали себя крайне вѣжливо. Трудно было повѣрить, чтобы въ восемь лѣтъ, прошедшихъ между посѣщеніемъ Доббо Давыдовымъ и нашимъ пребываніемъ, мошенники и пираты превратились въ благовоспитанныхъ людей. Вѣроятно, причина этого лежитъ въ томъ чувствѣ общественности, которое отличаетъ эти полукультурныя племена и которое удерживало ихъ во времена полнаго отсутствія власти на островахъ Ару. Словомъ сказать, мы не потерпѣли отъ нихъ никакого ущерба, а за мѣсячное пребываніе въ Доббо у насъ не исчезла никакая бездѣлица.

Были и отрицательныя стороны у нашего жилища. Днемъ насъ атаковывали безчисленныя стада муравьевъ, которые сплошными колоннами направлялись въ комнату, пробирались къ съѣстнымъ припасамъ и моментально проникали во всѣ плохо закрытыя банки. Стоило утромъ открыть банку съ консервами и, не успѣвъ опорожнить ее, поставить на видное мѣсто на ящикъ, чтобы черезъ нѣсколько времени эта банка кишѣла муравьями. Они пребольно кусали насъ за босыя ноги и вызывали противъ себя рѣшительныя мѣры борьбы. Самая дѣйствительная состояла въ томъ, что мы поливали керосиномъ земляной полъ нашей комнаты около порога и подъ окнами, откуда появлялись непріятели. Пока керосинъ не выдыхался, мы были застрахованы отъ новыхъ вторженій этихъ насѣкомыхъ.

Другой врагъ былъ хуже, и противъ него у насъ не было способовъ борьбы. Это была билліардная, которая помѣщалась за стѣной нашей комнаты. Съ наступленіемъ сумерекъ и вплоть до 11 или 12 часовъ ночи тамъ шла игра на билліардѣ, смѣхъ, разговоръ, которые не давали намъ покоя; жизнь же въ Доббо начиналась съ первыми лучами восходящаго солнца.

Намъ предстояло прожить въ Доббо три дня; кромѣ того, послѣ путешествія, о которомъ сейчасъ будетъ сказано, мы были невольными плѣнниками этого мѣстечка еще восемь дней и хорошо познакомились какъ съ нимъ, такъ и съ островомъ Ваммаръ, на которомъ и стоитъ Доббо.

Что же собственно было причиной такого измѣненія Доббо и такого подъема его культуры?

Уже издавна было извѣстно, что на востокѣ Аруанскаго архипелага неглубокое море изобилуетъ лучшими жемчужными банками,

равныхъ которымъ нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Долго это богатство моря эксплоатировалось кустарнымъ способомъ. Мѣстные обитатели, альфуры, ныряя, собирали жемчужницы; китайцы, бугисы, макассарцы и всякій другой сбродъ вымѣнивали на бездѣлушки и главнымъ образомъ на аракъ и опіумъ у довѣрчивыхъ аруанцевъ эти сокровища и направляли ихъ въ Макассаръ, на Целебесъ, главный складочный пунктъ для всѣхъ острововъ Малайскаго архипелага. Такъ продолжалось очень долго, съ незапамятныхъ временъ, и Уоллесъ засталъ на Ару подобную еще первобытную жизнь.

Нѣсколько позже добыча жемчужницъ стала производиться болѣе широко, и братья Баадилла организовали уже правильную ловлю ихъ, посылая туда съ каждымъ годомъ все большее и большее количество своихъ кораблей. Успѣхи Баадилла побудили европейцевъ взять въ свои руки этотъ промыселъ и поставить его на широкихъ началахъ.

Вышеупомянутая «Celebes Treading Company» снарядила большую флотилію—150 съ чѣмъ-то кораблей, которые оборудованы согласно новѣйшимъ требованіямъ и имѣютъ на бортѣ каждый двухъ или болѣе водолазовъ, спускающихся на большую глубину въ водолазныхъ костюмахъ. При этихъ водолазахъ состоятъ ихъ помощники, затѣмъ на кораблѣ находится команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ, не считая различныхъ управляющихъ, доставляющихъ провіантъ, служащихъ на верфяхъ и т. п. Такимъ образомъ одна эта компанія ввела въ Доббо нѣсколько сотъ дисциплинированныхъ людей, къ тому же и Баадилла расширилъ свое дѣло, выпуская въ море болѣе 80 судовъ, такъ же оборудованныхъ, какъ суда Целебесской компаніи. И на нихъ экипажъ съ водолазами также составилъ нѣсколько сотъ душъ. Естественно, что физіономія Доббо измѣнилась: за этой массой народа пошли другіе, торговыя дѣла китайцевъ развернулись очень широко, а такъ какъ большинство водолазовъ набирается изъ японцевъ, то вслѣдъ за ними въ Доббо потянулась и цѣлая рать японокъ, чтобы своимъ присутствіемъ скрасить дни отдыха какъ своихъ соплеменниковъ, такъ и людей другой расы. Не безъ удивленія смотрѣлъ я подъ вечеръ на улицу, когда японки вышли изъ своихъ комнатъ и, одѣтыя въ національные костюмы, украшали собою улицы еще недавно дикаго Доббо. Къ большому счастью однако для натуралиста и путешественника вся эта разодѣтая и нарумяненная толпа гейшъ не идетъ дальше улицъ европейско-китайской части Доббо: пробѣжавъ черезъ эти интернаціональные кварталы, натуралистъ, попавъ въ бугисскій кварталъ — Kampong-bougis, можетъ забыть о тѣхъ отрицательныхъ чертахъ цивилизаціи, которыя являются всюду, гдѣ происходитъ скопленіе отдыхающаго и зарабатывающаго недурныя деньги народа.

Во время нашего пребыванія въ Доббо флоты работали къ сѣверо- и юго-востоку отъ острововъ Ару и въ Доббо было сравнительно мало народа, особенно мало моряковъ. Только тогда, когда мы уже уѣзжали оттуда, подходили время отъ времени корабли, и говорили, что главная часть флота компаніи уже движется къ Самангу, небольшому острову къ сѣверу отъ Ваммара, чтобы тамъ остаться на якорѣ въ нерабочее время. Это время опредѣляется господствующими вѣтрами. Бо́льшую половину года дуетъ сѣверо-западный муссонъ; онъ гонитъ волны на востокъ, обнажая восточные склоны Аруанскихъ острововъ, и не препятствуетъ кораблямъ ловить на востокѣ Аруанскаго архипелага. Другую половину года, начиная съ мая мѣсяца, дуетъ юго-восточный муссонъ, поднимая огромныя волны, заливая ими острова и островки Аруанскаго архипелага и не допуская ловли на восточномъ побережьи Аруанскихъ острововъ. Тогда ловятъ на западной сторонѣ архипелага. Однако эта ловля далеко не такъ выгодна, такъ какъ на западѣ на небольшомъ разстояніи отъ острововъ уже начинаются настоящія океанскія глубины—тысячи метровъ—и поясъ ловли очень ограниченъ. Голландское правительство допускаетъ ловлю жемчужныхъ раковинъ въ своихъ водахъ за предѣлами выше 7 морскихъ футовъ глубины. Вся же полоса, начиная отъ берега и до 7 футовъ, находится въ исключительномъ пользованіи туземцевъ-аруанцевъ и не можетъ быть эксплоатирована усовершенствованными способами улова.

Контролеръ дю-Клу предложилъ намъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ на его яхтѣ «Амбоина» къ южнымъ предѣламъ Аруанскаго архипелага, острову Эну, около котораго въ то время ловилъ флотъ компаніи. На этомъ пути мы должны были сдѣлать одну остановку, а затѣмъ могли проѣхаться съ контролеромъ на одинъ изъ большихъ острововъ, гдѣ у нихъ было какое-то административное дѣло. Въ нашемъ распоряженіи было два дня, на третій мы должны были уже оставить Доббо.

Баадилла прислалъ намъ слугу, который варилъ намъ обѣдъ, состоявшій изъ картофеля съ консервированнымъ датскимъ или австралійскимъ масломъ, изъ консервированной чикагской солонины, калифорнійскихъ компотовъ, семги изъ рѣкъ холодной Аляски, мяса изъ Австраліи. Насъ освѣщалъ американскій керосинъ; только изъ одной Россіи ничего не было, и всюду, въ самыхъ глухихъ мѣстахъ земного шара, мы могли встрѣтить жестянку Standart Oil Company, но ни разу не видѣли кавказскаго керосина.

Служитель Месакъ, родомъ съ Амбона, заботился о насъ, и мы не терпѣли ни въ чемъ недостатка, получая даже по бутылкѣ настоящаго нѣмецкаго Аполлинариса въ жаркій полдень. Эти два дня,

а затѣмъ тѣ восемь-девять дней, которые намъ пришлось провести въ Доббо въ ожиданіи обратнаго парохода, мы провели въ ознакомленіи съ природой острова и въ сборѣ разнообразнаго матеріала.

Природа Аруанскаго архипелага дала намъ много новыхъ впечатлѣній, и папуасскій міръ поразилъ насъ пестротой и яркостью своихъ красокъ.

Доббо лежитъ на узкой и низкой песчаной косѣ, противъ большого острова Вокама. Бугисскій кварталъ Доббо находится среди рощи кокосовыхъ пальмъ, и непосредственно за ней идетъ низкій берегъ, сильно обнажающійся во время отлива, а на островѣ расположено большое болото, откуда вытекаетъ рѣка, впадающая въ море по другую сторону Доббо. По берегамъ этой рѣки въ болотахъ роскошно развита особая растительность, такъ называемыя мангровыя деревья, крайне характерныя для низкихъ береговъ моря, вода котораго опрѣснена впадающими ручьями или рѣками. Въ окрестностяхъ Доббо эти мангровыя деревья развиты прекрасно, и натуралистъ встрѣтитъ чуть ли не всѣхъ представителей этой крайне своеобразной растительности. Далеко заходя въ море, будучи залиты почти по самые листья во время прилива и открыты до корней во время отлива, стоятъ раскидистыя ризофоры, какъ первые піонеры наступающей на море суши. Ихъ блестящіе кожистые листья похожи на листья магнолій, а крайне причудливо вѣтвящійся стебель и отходящіе отъ него корни напоминаютъ полуразрушенный плетень. Съ вѣтокъ ризофоры свѣшиваются какія-то длинныя образованія, напоминающія копья или кинжалы; время отъ времени такіе кинжалы отрываются отъ вѣтокъ и вонзаются своими заостренными концами въ полужидкій илъ и тамъ прорастаютъ, развиваясь въ новый экземпляръ дерева. Ризофоры—наполовину сухопутныя, наполовину водныя растенія; та обстановка, среди которой онѣ живутъ, налагаетъ ясный отпечатокъ на все ихъ строеніе, и только его особенности дѣлаютъ возможнымъ ихъ обитаніе въ такихъ крайнихъ условіяхъ. Прежде всего бросаются въ глаза многочисленные корни-подпорки, которые развиваются на растеніи; оно подвергается дѣйствію сильнаго вѣтра, свободно гуляющаго по открытому морю и по низкимъ берегамъ, покрытымъ мангровыми зарослями; удары волнъ во время прилива также пытаются опрокинуть это дерево, и оно при помощи корней-подпорокъ поддерживаетъ свой стволъ и вѣтви и противостоитъ силѣ вѣтра и воды.

Но корни не только укрѣпляютъ растеніе въ почвѣ. Тотъ илъ, гдѣ живетъ ризофора, содержитъ мало кислорода, необходимаго для корня всякаго дерева, и по корнямъ-подпоркамъ черезъ рыхлую ткань ихъ по корѣ проходитъ воздухъ до конца корней, не выходящихъ

Лѣсныя заросли по берегамъ коралловыхъ острововъ.

Зародыши ризофоръ и др. мангровыхъ.

Соннерація съ дыхательными корнями; на заднемъ планѣ ризофоры.

Ризофора—мангровое дерево.

совершенно изъ-подъ поверхности илистаго грунта. Такіе корни называются дыхательными корнями, и ихъ присутствіе чрезвычайно характерно для мангровой растительности. Другая особенность ихъ еще больше оригинальна. Растеніе, растущее въ водѣ, казалось бы, должно имѣть характеръ такой же, какъ многія другія водныя растенія или тѣ, что живутъ въ очень сырыхъ мѣстностяхъ. Однако изученіе строенія листьевъ у мангровыхъ показываетъ, что въ ихъ листьяхъ существуетъ цѣлый рядъ особенностей, которыя свойственны растеніямъ сухихъ мѣстъ такихъ областей, гдѣ осадки скудны и растеніе все время живетъ при строгой экономіи своего воднаго расхода. Какъ же можно объяснить такое видимое противорѣчіе, такую плохую приспособленность мангровыхъ деревьевъ къ условіямъ обитанія? Но противорѣчіе здѣсь кажущееся. Причина этого явленія заключается въ томъ, что растеніе, живущее въ соленой водѣ, быстро набираетъ запасъ поваренной соли въ свои клѣтки. Соль же дѣйствуетъ вреднымъ образомъ на работу живыхъ клѣточекъ, составляющихъ листъ, и для растенія ставится вполнѣ опредѣленная задача— пропускать черезъ свои листья и другіе органы наименьшее количество соли, т.-е. наименьшее количество воды, другими словами, крайне бережно расходовать воду, что оно блестяще выполняетъ, пріобрѣтая структуру, свойственную растеніямъ сухого климата.

Третья особенность мангровыхъ растеній заключается въ томъ, что зародыши, которые развиваются въ сѣменахъ и плодахъ и которые у обыкновенныхъ растеній бываютъ очень небольшой величины, у мангровыхъ прорастаютъ, не покидая того плода, въ которомъ развились сѣмена дерева. Ихъ тѣла достигаютъ особенно большого развитія на мѣстѣ такъ называемаго подсѣменодольнаго колѣна, на верхней части котораго находятся двѣ сѣменодоли — два первородныхъ листика, а на нижней подсѣменодольное колѣно переходитъ въ корень. На рисункахъ изображены такіе зародыши ризофоры — одной меньшей, Rhizophora conjugata, другой большой, R. mucronata. У этого послѣдняго растенія зародышъ настолько великъ, что не могъ помѣститься цѣликомъ на всей картинкѣ и представленъ перерѣзаннымъ пополамъ, а его плодъ изображенъ отдѣльно. Рисунокъ показываетъ взаимоотношенія между внутренними частями плода и зародышемъ. Эта особенность развивать такіе большіе зародыши получила названіе живородности, или вивипарій. Она очень характерна для мангровыхъ, обитающихъ въ полосѣ прилива и отлива. И не трудно понять, почему эти растенія выработали такую оригинальную особенность. Если бы сѣмена ихъ попадали въ илъ, то тамъ они бы задыхались, не имѣя достаточнаго количества воздуха, и гнили бы, не прорастая. Взрослый же заро-

дышъ, отрываясь отъ плода и имѣя особенно тяжелый нижній конецъ, вертикально падаетъ и вонзается въ полужидкій илъ, гдѣ уже безпрепятственно развивается дальше. И всегда вокругъ стараго дерева ризофоры можно видѣть цѣлое семейство молодыхъ ризофоръ разной степени развитія и разнаго возраста. Эти ризофоры идутъ далеко въ море всюду, гдѣ только море достаточно мелко. Между ними волны наносятъ песокъ, накопляется илъ, морское дно повышается и появляются другія растенія, скрывающія почву своими корнями и отвоевывающія у моря часть его поверхности. Вмѣстѣ съ ризофорами живетъ другое растеніе, плоды и зародыши котораго очень похожи на зародыши ризофоры. Церіопсъ (Ceriops) нерѣдко примѣшивается къ сообществу ризофоръ, отличаясь своими гранистыми, сильно утолщающимися книзу зародышами. Нѣсколько отступя отъ пояса ризофоръ или на одномъ уровнѣ съ ними стоятъ раскидистыя деревья авиценніи и соннераціи (Avicennia, Sonneratia). Ихъ корневая система обнаруживаетъ удивительныя особенности, одни изъ характернѣйшихъ приспособленій къ жизни въ плотномъ, бѣдномъ воздухомъ илѣ. На огромныя пространства тянутся параллельно поверхности илистаго дна длиннѣйшіе корни этихъ деревьевъ, а съ ихъ верхней стороны отходятъ боковые корни, которые, вмѣсто того, чтобы расти внизъ, какъ это свойственно корнямъ, поднимаются кверху и возвышаются надъ иломъ въ видѣ цѣлаго лѣса, какъ молодая спаржа, которая весной вырастаетъ изъ парника. Эти торчащіе вверхъ корни играютъ особую роль вентиляціонныхъ трубъ. Ихъ ткань очень рыхла, снабжена большимъ количествомъ воздухоносныхъ полостей, которыя находятся въ сообщеніи съ дыхательными полостями длинныхъ корней, снабжая ихъ воздухомъ въ достаточномъ количествѣ.

Благодаря этому приспособленію, вышеупомянутыя растенія роскошно развиваются среди такихъ условій, которыя уничтожаютъ всякую возможность жизни и развитія растеній вслѣдствіе недостатка воздуха. Бругіера (Brughiera) рѣшаетъ эту важную задачу подобнымъ же образомъ, но на иной нѣсколько ладъ: ея корни не даютъ спаржевидныхъ отростковъ, но мѣстами изгибаются колѣнообразно, и такія колѣна служатъ дыхательнымъ аппаратомъ, возвышаясь надъ поверхностью почвы.

Небольшой кустарникъ эгицерасъ (Aegiceras) пріютился между мангровыми деревьями. Его зародыши имѣютъ оригинальную согнутую форму наподобіе козьяго рога. Люмницера (Lumnizera), небольшое деревцо съ ярко-красными цвѣтками, выбираетъ болѣе сухія мѣста и охотно поселяется на песчаныхъ холмикахъ, нѣсколько отступая отъ низкаго берега моря, съ другими мангровыми.

Среди животныхъ подобныхъ мангровыхъ зарослей наибольшее вниманіе привлекаетъ маленькая рыбка періофтальмусъ (Periophtalmus). Она обладаетъ замѣчательной особенностью оставаться довольно долгое время внѣ воды, а устройство ея плавниковъ позволяетъ работать ими, какъ органами лазанія, и рыбка взбирается по корнямъ мангровыхъ деревьевъ, представляя для наблюдателя въ высшей степени оригинальное зрѣлище: рыба, сидящая на вѣткѣ. Несмотря однако на то, что періофтальмусъ часто покидаетъ воду, поймать его представляетъ очень большія затрудненія. При малѣйшей опасности онъ стремительно кидается въ лужицы, которыя всегда остаются между корнями мангровыхъ, зарывается въ илъ или песокъ и прячется такъ ловко, что я и мой товарищъ употребили не мало времени, прежде чѣмъ намъ удалось поймать пару экземпляровъ.

Такова растительность около Доббо, если выйти изъ него и, пройдя по бугисскому кварталу, мимо больницы и верфей Баадилла, минуя европейское, японское и бугисское кладбища, выйти на берегъ моря около устья рѣки. Если же направиться въ другую сторону, то приходится итти нѣкоторое время по рощицѣ изъ кокосовыхъ пальмъ, этого характернѣйшаго дерева всѣхъ океаническихъ острововъ тропическаго пояса. Родина кокосовой пальмы вполнѣ точно неизвѣстна. Предполагаютъ, что она была на берегахъ Мексиканскаго залива, но уже издревле кокосовая пальма разселена по всѣмъ островамъ, что крайне интересно, такъ какъ спеціальныя изслѣдованія показали, что кокосовый орѣхъ не прорастаетъ, если его продержать даже короткое время въ соленой водѣ. Приходится оставить мнѣніе о распространеніи сѣмянъ кокосовой пальмы морскими теченіями и нужно искать причинъ распространенія въ тѣхъ сношеніяхъ между людьми, которые и занесли это драгоцѣнное дерево на далекій востокъ съ мѣста его родины. Кокосовая пальма въ этихъ мѣстахъ разводится ради ея плодовъ. Зрѣлые орѣхи очищаютъ отъ одѣвающей ихъ волокнистой оболочки, разбиваютъ плотное ядро и раскалываютъ на куски запасный бѣлокъ орѣха, сушатъ его и пускаютъ въ продажу подъ названіемъ копра. Изъ копра выжимаютъ масло, а жмыхи идутъ на кормъ скота. Разъ устроенная плантація кокосовыхъ пальмъ предоставляется сама себѣ, и нерѣдко можно встрѣтить маленькіе необитаемые острова, засаженные кокосовыми рощами, куда время отъ времени пріѣзжаютъ ихъ владѣльцы за сборомъ урожая.

Проходя по кокосовой рощѣ мимо хижинъ и лодокъ бугисовъ и макассарцевъ, невольно останавливаешься передъ цѣлой пирамидой винныхъ бутылокъ, которая сложена подъ тѣнью пальмъ. Эти бутылки скупаютъ пріѣзжіе бутонцы и увозятъ къ себѣ на родину,

гдѣ они наполняютъ ихъ кайяпутовымъ масломъ, добываемымъ въ большомъ количествѣ на островѣ Бутонѣ.

Когда голландская администрація твердой ногой ступила на почву Аруанскаго архипелага, то первой ея заботой была защита довѣрчивыхъ туземцевъ отъ эксплоатаціи ихъ со стороны торговцевъ—китайцевъ и бугисовъ—и главнымъ образомъ борьба съ пьянствомъ. Былъ изданъ строгій законъ, карающій громаднымъ штрафомъ и немедленнымъ выселеніемъ съ острововъ лицъ, продающихъ туземцамъ опіумъ и водку. Торговля водкой, т.-е. аракомъ, исчезла съ Аруанскаго архипелага, такъ какъ подобные законы неумолимы, и потребность въ алкоголѣ стала удовлетворяться виноградным виномъ, которое однако стоитъ значительно дороже, чѣмъ аракъ, содержитъ меньше спирта и дѣйствуетъ гораздо слабѣе его. Все же это полумѣры. Голландцамъ слѣдовало бы совершенно прекратить торговлю спиртными напитками среди туземцевъ, не защищенныхъ еще Кораномъ отъ опасностей, соединенныхъ съ алкоголизмомъ. Количество пустыхъ бутылокъ указывало, что виноградного вина на островахъ Ару выпивается не мало.

Тутъ же подъ пальмами замѣтилъ я много пѣтуховъ, привязанныхъ за ноги къ длиннымъ палкамъ. Я думалъ сначала, что здѣсь еще происходитъ пѣтушиный бой, запрещенный въ Нидерландской Индіи; но оказалось, задача пѣтуха совершенно иная. По понятіямъ бугисовъ, много злыхъ духовъ нападаетъ на морѣ на человѣка, осмѣливающагося въ лодкахъ уѣзжать далеко отъ своего родного острова. Духи эти однако мѣстные, и ихъ власть не распространяется на сушу; пѣтухъ, сопровождающій лодку и кричащій свое кукареку, обманываетъ духовъ, которые думаютъ, что крикъ пѣтуха раздается откуда-нибудь съ суши, и не трогаютъ лодки, гдѣ кричитъ пѣтухъ.

Пройдя наконецъ кокосовую рощицу, мы вышли на открытый песчаный берегъ, гдѣ море образовывало большой, но неглубоко вдающійся въ сушу заливъ. Берегъ заросъ особымъ растеніемъ, чрезвычайно характернымъ для песчаныхъ отмелей тропическихъ странъ. По песку берега тянулись длинныя плети съ раздвоенными наподобіе козьяго копыта листьями, принадлежащія одному вьюнковому растенію, Ipomaea pes caprae, а дальше шла заросль, состоящая изъ низкихъ саговыхъ пальмъ и ряда другихъ растеній. Скоро наше вниманіе было привлечено необычайными, дивной красоты бабочками — знаменитыми Ornithoptera aroana или Ornithoptera poseidon, область распространенія которыхъ ограничивается Аруанскимъ архипелагомъ. Самецъ и самка этой удивительной бабочки рѣзко отличаются другъ отъ друга. Самецъ меньшей вели-

чины, размахъ его крыльевъ равенъ 15 или болѣе сантиметрамъ. Его переднія крылья цвѣта чернаго бархата съ бархатной зеленой каймой; его заднія крылья ярко-зеленыя съ черными жилками и пятнышками, тонкимъ чернымъ бордюромъ и густой щеткой бурыхъ волосковъ. Ярко-желтое брюшко, какъ отлитое изъ золота, блеститъ между темными бархатными тонами его крыльевъ. Самка гораздо больше; размахъ ея крыльевъ равенъ 20 сантим., но окраска ея несравненно скромнѣе—однотонные коричневые цвѣта съ бѣлыми пятнышками. Удивительное впечатлѣніе производятъ эти насѣкомыя, когда они или высоко кружатся въ воздухѣ, поднимаясь надъ вершинами деревьевъ и опускаясь въ чащу лѣса, или же перелетаютъ морскіе проливы съ одного острова на другой. Наше представленіе никакъ не можетъ свыкнуться съ бабочкой такой величины и кажется, что летитъ птичка, а не насѣкомое. Уоллесъ, первый изъ культурныхъ европейцевъ ступившій на нетронутую почву Ару, восторженными словами описываетъ свои наблюденія надъ этимъ насѣкомымъ, и его радости не было границъ, когда онъ поймалъ перваго ихъ представителя. «Въ Доббо былъ по крайней мѣрѣ одинъ довольный человѣкъ,—пишетъ Уоллесъ,—и этотъ человѣкъ былъ я...» Всякій натуралистъ вполнѣ раздѣлитъ его восхищеніе,—такъ прекрасны эти бабочки. Налюбовавшись ими, мы пошли далѣе по берегу и скоро достигли маленькой деревушки бугисовъ, всего изъ трехъ-четырехъ жалкихъ избушекъ. Здѣсь жили рыбаки, и вокругъ ихъ жилищъ были разставлены разнообразныя сѣти и снасти рыбной ловли. Еще немного дальше, и передъ нами заброшенное китайское кладбище со своими оригинальными могилами, занимающими полукругъ или родъ подковы, амфитеатромъ спускающееся по склону небольшого холмика. Пройдя его, мы почти сразу попали въ лѣсъ, покрывающій весь центръ острова Ваммара. Одна большая дорога шла черезъ весь островъ къ маяку, построенному года за два передъ этимъ, куда мы часто ходили собирать водоросли и глядѣть въ открытое море, поджидая прихода парохода изъ Австраліи, который долженъ былъ увезти насъ на Яву. Эта дорога шла по лѣсу, почва котораго, низкая и болотистая, была покрыта разнообразнѣйшими растеніями, образовавшими мѣстами густыя заросли. Большое поле оби—Calocasia, одного изъ аройдныхъ растеній, было разбито у начала лѣса, а затѣмъ лѣсъ уже шелъ безъ перерыва до самаго маяка. Многочисленные цикасы росли по опушкамъ лѣса, и ихъ плодущіе листья были покрыты крупными сѣменопочками, достигавшими величины хорошей сливы. Ихъ корявые стволы увѣнчивались кроной прекрасныхъ перистыхъ листьевъ. Эти великолѣпныя голосѣменныя принадлежали къ виду Cycas cir-

cinalis, распространенному по берегамъ острововъ восточной части архипелага.

Изъ другихъ растеній особенно интересными были многочисленные мирмекодіи и гиднофитумы, странные, мало похожіе на другія растенія организмы. Они росли на стволахъ и вѣтвяхъ деревьевъ и представляли собой небольшіе клубни, величиной отъ орѣха до небольшой дыни. Тѣло мирмекодіи было все усажено шипами, у гиднофитума кожица оставалась гладкой. Недлинныя вѣточки, покрытыя листьями, отходили отъ этихъ клубней. Стоило только дотронуться до такого клубня и взять его въ руки, какъ изъ него высыпались миріады мельчайшихъ желтыхъ муравьевъ, которые нестерпимо кусали, облѣпляя руки взявшаго мирмекодію. Каждое изъ этихъ растеній представляло собой муравьиное гнѣздо. Муравьи живутъ внутри клубня, и если его вскрыть, то можно видѣть цѣлые лабиринты ходовъ, которые во всѣ стороны пронизываютъ этотъ клубень. Благодаря тому, что муравьи постоянно живутъ въ этихъ растеніяхъ, было высказано предположеніе, что жизнь этого растенія тѣсно связана съ муравьями, его населяющими, и что это растеніе нужно отнести къ такъ называемымъ мирмекофильнымъ растеніямъ; однако точныя изслѣдованія показали, что муравьи здѣсь случайные гости, они селятся здѣсь, какъ всюду, гдѣ только находятъ для себя мѣсто; тѣ же полости, которыя пронизываютъ клубень мирмекодіи, служатъ для нея какъ вентиляція для обмѣна съ наружнымъ воздухомъ.

Но не растенія привлекаютъ все вниманіе натуралиста, когда онъ пересѣкаетъ лѣса Ваммара. Его поражаетъ разнообразіе животнаго міра, его яркій, рѣзко выраженный характеръ. Великолѣпныя орнитоптеры то и дѣло мелькаютъ въ воздухѣ, къ нимъ присоединяются огромныя бѣлыя гестіи, сверкающія Papilio Ulysses, какія-то неизвѣстныя пестрыя бабочки. Необычайное количество муравьевъ разныхъ видовъ попадается на каждомъ шагу, но всѣ они, кажется, обладаютъ однимъ общимъ признакомъ—крѣпчайшими челюстями, и ихъ укусы очень болѣзненны. Мимо насъ промелькнулъ большой варранъ,—крупная ящерица, быстро скрывшаяся въ чащѣ лѣса. Въ воздухѣ же стоялъ немолчный крикъ отъ множества птицъ, число которыхъ было особенно велико у берега моря. Какой рѣзкій контрастъ представляли эти лѣса съ темными, молчаливыми яванскими лѣсами въ Tjibodas, гдѣ изрѣдка какая-то птичка насвистывала свою оригинальную мелодію, да дикія куры оживляли своимъ присутствіемъ паркъ около лабораторіи. Здѣсь все жило, все кричало. Раздавались пронзительные крики какаду, этихъ прелестныхъ птицъ, которыми мы любуемся въ звѣринцахъ или въ комнатахъ. Пестрые

попугаи, ярко окрашенные лори перелетали съ дерева на дерево, оглашая воздухъ своими криками. Басомъ ворковали многочисленные плодоядные голуби карпофаги, изрѣдка пролетали какія-то большія птицы, похожія на крупную курицу, быть можетъ, мегаподіи (джангули). Ботаникъ забывалъ о своей спеціальности; онъ превращался въ зоолога, бѣгалъ за бабочками, собиралъ въ свои пробирки муравьевъ, но, какъ мирный и безоружный человѣкъ, онъ не причинялъ зла птицамъ и только любовался ими на свободѣ.

Большая дорога выводитъ къ морю, гдѣ на довольно высокомъ мысу построенъ маякъ. Его сторожъ, симпатичный старый малаецъ, очень привѣтливо говорилъ свое «tabe toean» и съ видомъ сочувствія докладывалъ, что «kapal deri Australia belon datang», т.-е. корабль изъ Австраліи еще не пришелъ, когда мы, тщетно ожидая въ теченіе недѣли прихода парохода, ежедневно ходили къ маяку глядѣть на открытое море. Берегъ моря около маяка скалистъ; постоянный прибой волнъ выбилъ и выточилъ въ твердомъ грунтѣ рядъ ямокъ и выбоинъ, но твердость породы настолько велика, что волны не сгладили, не округлили угловъ этихъ выдающихся гребней, которые, какъ зубцы щетки, торчали и рѣзали ноги въ то время, какъ мы собирали водоросли, живущія на этомъ твердомъ каменистомъ днѣ, или подбирали матеріалъ, выброшенный моремъ съ большихъ глубинъ. Меня удивляло однако то обстоятельство, что Давыдовъ и Уоллесъ указываютъ на присутствіе здѣсь древовидныхъ папоротниковъ, составляющихъ рѣзкую, по ихъ мнѣнію, характерную особенность острова Ваммара и окрестностей Доббо. Но тщетно я и мои товарищи по путешествію искали въ лѣсахъ Ваммара, а затѣмъ и другихъ острововъ Ару, древовидныхъ папоротниковъ. Мнѣ не удалось встрѣтить ни одного экземпляра этихъ крайне интересныхъ растеній, очень распространенныхъ въ лѣсахъ горной Явы.

Недолго продолжалось наше первое пребываніе въ Доббо. Уже на третій день утромъ мы должны были отправиться въ путь вмѣстѣ съ контролеромъ. Въ ожиданіи этой поѣздки мы приготовились къ продолжительному плаванію, такъ какъ въ нашу задачу входила главнымъ образомъ работа на востокѣ Аруанскаго архипелага, гдѣ мы намѣревались пробыть довольно долго.

Услужливый и любезный Баадилла предоставилъ въ наше распоряженіе одну изъ своихъ парусныхъ лодокъ—prau,—на которой обыкновенно развозили провіантъ для ловцовъ жемчуга. Эта небольшая лодка «Magie» имѣла двѣ мачты, посрединѣ ея былъ сдѣланъ родъ ящика—каюта, въ которой можно было укрыться во время непогоды самому и спасти свои вещи и коллекціи. На одномъ изъ бортовъ находился очагъ, гдѣ можно было варить и жарить пищу,

а передняя часть судна была занята трюмомъ, въ которомъ сохранялся запасъ прѣсной воды въ большихъ брезентовыхъ мѣшкахъ и бочкѣ и было небольшое помѣщеніе для экипажа. «Marie» была привязана на буксиръ къ яхтѣ контролера, на ея палубу были поставлены наши походныя кровати, въ каюту отнесены чемоданы, микроскопъ, разные инструменты, запасъ консервовъ, связка банановъ и дьеруковъ, крупныхъ зеленыхъ апельсиновъ,—словомъ, все, что было нужно для нашего путешествія. 1-го мая 1909 года мы снялись съ якоря и, находясь на бортѣ «Амбоины», направили свой путь прямо на югъ, къ селенію Мейкоору, или Майкоору, находящемуся на островѣ того же имени.

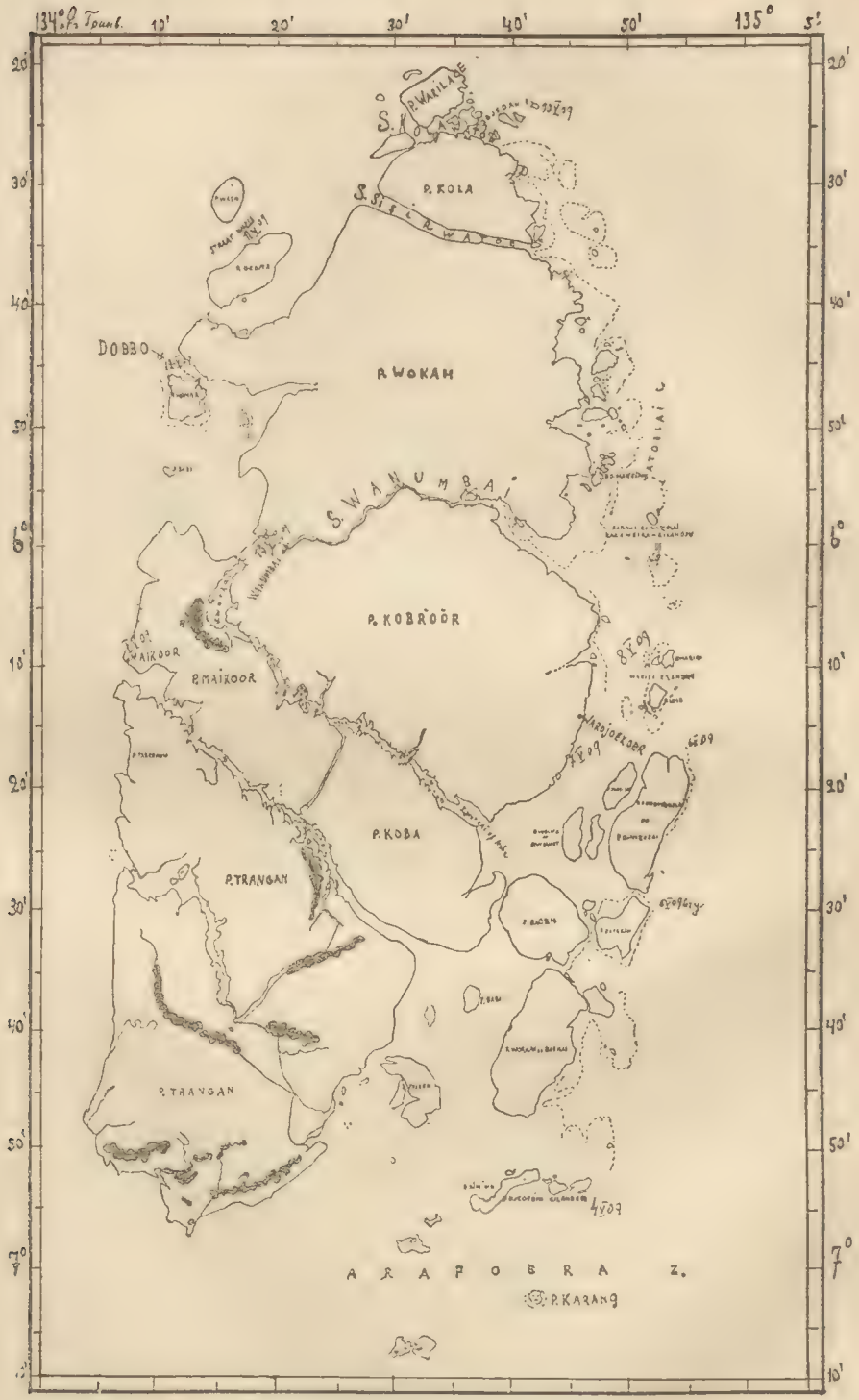
Въ книгѣ Уоллеса «Малайскій архипелагъ» есть карта Ару, но она далеко не точна. На большихъ стѣнныхъ картахъ Малайскаго архипелага, висѣвшихъ на стѣнѣ лабораторіи въ Бейтензоргѣ, Аруанскіе острова изображены въ относительно крупномъ масштабѣ. Однако и эта карта даетъ лишь общую конфигурацію Ару, не выясняя частностей строенія. Благодаря особенной любезности завѣдующаго топографическимъ отдѣломъ штаба войскъ, я получилъ еще не выпущенную въ продажу карту Аруанскаго архипелага, а въ Макассарѣ пріобрѣлъ нѣсколько морскихъ картъ, прекрасно передающихъ всѣ подробности того огромнаго скопленія острововъ, которое образуетъ Аруанскій архипелагъ. Здѣсь воспроизведена одна изъ этихъ картъ, и я постараюсь дать географическій очеркъ этого далекаго уголка земли.

Глава X.

Острова Аруанскаго архипелага.

Аруанскій архипелагъ лежитъ между 5 и 7° ю. широты и около 130° в. долготы. Онъ простирается съ сѣвера на югъ, какъ сообщаетъ Давыдовъ, верстъ на 150, а съ запада на востокъ не болѣе какъ на 60 верстъ. Пять большихъ острововъ занимаютъ срединную часть архипелага. Они составляютъ въ понятіи туземцевъ, на что первый обратилъ вниманіе Уоллесъ, одно цѣлое, одинъ материкъ и носятъ названіе «Tanah besaar», большой земли; мелкіе островки, лежащіе на востокѣ Tanah besaar, получили общее названіе «Blakang Tanah», спина земли, т.-е. задняя половина ихъ земли, хотя тамъ почти каждый островъ носитъ свое названіе; мелкіе островки, лежащіе къ западу отъ Tanah besaar, общаго имени не носятъ и каждый зовется по-своему.

На сѣверѣ Tanah besaar лежитъ небольшой островъ Kola, который отдѣляется отъ сосѣдняго съ нимъ огромнаго Вокама довольно



Карта Аруанскаго архипелага.

широкимъ проливомъ, носящимъ названіе Sungit Sisirwatoe, т.-е. рѣки Сисирвату. Вокамъ отдѣляется отъ лежащаго отъ него къ югу большого острова Коброора узкимъ извитымъ проливомъ-рѣкой (Sungit Wanoembai); на юго-западѣ отъ Коброора лежатъ два острова, самостоятельность которыхъ опредѣлена лишь въ послѣднее время; сѣверо-западный изъ нихъ — Мейкооръ, юго-восточный — Коба; между ними и Коброоромъ проходитъ довольно широкій проливъ, покрытый многими островками Воркай (Sungit Workai); наконецъ, юго-западную часть всей Tanah besaar образуетъ большой островъ Trangan, быть можетъ, раздѣляющійся, въ свою очередь, на два самостоятельныхъ острова, если только обратить вниманіе на глубокій и узкій заливъ, который врѣзывается въ островъ Trangan. Большинство этихъ острововъ представляютъ слегка холмистую мѣстность, покрытую дѣвственными лѣсами, и только на островѣ Трангань существуютъ болѣе замѣтныя возвышенности, тянущіяся вдоль южнаго берега этого острова и проходящія посединѣ, а также въ сѣверо-восточномъ направленіи. Впрочемъ, необходимо оговориться, что подробная гипсометрическая и орографическая карта еще не составлена для Аруанскихъ острововъ, и на помѣщенной картѣ не обозначены даже рѣки, протекающія по главнымъ островамъ. Рѣки существуютъ, но онѣ незначительной длины и текутъ только въ дождливое время года, въ сухое же почти совершенно пересыхаютъ, и на островахъ начинается настоящій водяной голодъ, заставляющій туземцевъ даже покидать свои жилища и держаться около немногихъ остающихся источниковъ.

Кромѣ главныхъ острововъ, входящихъ въ составъ Tanah besaar, рядъ другихъ островковъ образуетъ Аруанскій архипелагъ. На западѣ отъ Вокама, отдѣлясь отъ него узкимъ проливомъ, лежитъ островъ Ваммаръ со столицей Ару—Доббо; къ сѣверу отъ него два острова Уджиръ и Вазиръ являются сѣверо-западными форпостами Аруанскихъ острововъ. Къ югу отъ Ваммара расположенъ только маленькій островокъ Pulu babi, Кабаній или Свиной островъ, да группа крошечныхъ островковъ тѣснится около самыхъ береговъ Вокама. Дальше къ югу нѣтъ сколько-нибудь значительныхъ островковъ, и западные берега Трангана отличаются своей малой изрѣзанностью и своими прямыми профилями. На самомъ сѣверѣ, выше Pulu Kola, лежитъ крупный островъ Варилау, окаймленный нѣсколькими маленькими островками съ сѣверо- и юго-запада. Море, омывающее Аруанскій архипелагъ съ запада, очень глубоко; мели расположены только у самыхъ острововъ, а дальше идутъ глубины въ тысячи метровъ.

Совершенно иную картину представляетъ собой восточная половина Ару — знаменитая Blakang Tanah, главное мѣсто ловли жем-

чужницъ, трепанговъ-голотурій, составляющихъ любимое лакомство китайцевъ, и саланганьихъ гнѣздъ, изъ которыхъ приготовляется супъ, высоко цѣнимый китайскими гастрономами.

При бѣгломъ взглядѣ на карту видно, что вся восточная половина Ару какъ бы опушена безчисленнымъ множествомъ островковъ и группъ островковъ. Одни изъ нихъ довольно велики, другіе же очень мелки, зато и тѣ и другіе опоясываются кругомъ на очень большое разстояніе огромными мелями, крайне затрудняющими судоходство на сколько-нибудь значительныхъ судахъ. Глубина моря между Blakang Tanah и Новой Гвинеей нигдѣ не достигаетъ ста метровъ, около же самыхъ острововъ трудно найти мѣсто глубже 10—15 метровъ и несравненно чаще встрѣчаются еще меньшія глубины.

На самомъ югѣ Аруанскаго архипелага расположены лишь отмели и песчаныя банки, но къ юго-востоку, среди водъ такъ называемаго Альфурскаго моря, южнѣе другихъ лежитъ низкій островъ Эну; къ сѣверу отъ него идетъ одинокій островъ Pulu Karang, Коралловый островъ, сѣвернѣе котораго лежитъ группа Djoedin, или, какъ ихъ иначе называютъ, Pulu Klapa, т.-е. Кокосовые острова; за ними идетъ въ томъ же сѣверномъ направленіи рядъ сравнительно крупныхъ острововъ: Воркай, Бараканъ, Пенамбулай, Лееръ, граничащій съ маленькимъ архипелагомъ Марири, расположеннымъ противъ большого Коброора. Противъ юго-восточной части Вокама расположилась живописная группа островковъ Каравейра, за которой идетъ цѣпь острововъ Ватулай, и около сѣверо-восточнаго края Кола находится группа Дьеданъ, мѣсто стоянки флота Баадилла.

Такова общая карта Аруанскаго архипелага.

На всемъ его протяженіи живетъ большое количество разнообразныхъ вѣтвей папуасской расы, отличающихся другъ отъ друга какъ по типу, такъ и по религіи и образу жизни. Съ нѣкоторыми изъ этихъ племенъ мнѣ пришлось познакомиться лично, о другихъ я узналъ по разсказамъ контролера и другихъ хорошо знающихъ мѣстность людей.

Къ сѣверу отъ острова Ваммара, на западной части Вокама, около мѣстечка Самангъ, на островахъ Уджиръ, Вазиръ и Кола распространена магометанская религія. Въ Самангѣ живетъ одинъ изъ культурнѣйшихъ аруанцевъ—Латетеинъ, который во время посѣщенія Ару Давыдовымъ носилъ скромный титулъ орангъ-кайи, т.-е. старшаго человѣка, теперь же возведенъ въ титулъ раджи, чѣмъ гордится не онъ одинъ, а цѣлое племя аруанцевъ. Подъ вліяніемъ этого умнаго и сравнительно культурнаго человѣка близкія ему племена приняли исламъ и пріобщились къ культурѣ. Близость къ Доббо,

стоянка во время юго-восточнаго муссона флота Целебесской компаніи между Уджиромъ и Самангомъ вносятъ много культурныхъ элементовъ въ жизнь уджирцевъ и самангцевъ, приводя ихъ къ общему уровню бугисцевъ или другихъ темнокожихъ полукультурныхъ племенъ.

На западномъ берегу Мейкоора и особенно на Транганѣ довольно значительно распространено христіанство, конечно только по имени; наконецъ, вся остальная часть аруанцевъ—еще язычники, хотя въ глуши, въ самомъ сердцѣ Блакангъ Таны, встрѣтилъ я учителя-христіанина, обучающаго дѣтей язычниковъ читать и писать по библіи и ожидающаго пріѣзда миссіонера, чтобы окрестить маленькихъ черныхъ грѣшниковъ.

Благосостояніе и занятія жителей Ару далеко не одинаковы. Западная половина, живущая на берегу глубокаго моря, не имѣющая средствъ къ организаціи рыболовства или морскихъ промысловъ въ широкихъ размѣрахъ, не умѣющая правильно обрабатывать землю, живетъ плохо и представляетъ жалкіе, заморенные типы, что особенно проявляется на женщинахъ, пугливыхъ, полудикихъ существахъ, больше похожихъ на своихъ отдаленныхъ прародителей, чѣмъ на современнаго человѣка. Наоборотъ, жители Blakang Tanah, имѣющіе прекрасный заработокъ на ловляхъ жемчужницъ, трепанговъ и другихъ даровъ моря, представляютъ собой прекрасные образцы красивой папуасской расы, а ихъ женщины не уступаютъ ни своимъ видомъ, ни своимъ прекраснымъ сложеніемъ другимъ наиболѣе развитымъ темнокожимъ племенамъ.

Аруанскій архипелагъ въ административномъ отношеніи подчиняется контролеру, который въ своемъ лицѣ совмѣщаетъ и законодательную и исполнительную власть, опираясь на отрядъ солдатъ-малайцевъ, которыми командуетъ ражій голландскій унтеръ-офицеръ, видомъ напоминающій бурскаго генерала.

Китайцы и бугисы управляются своими выборными—капитаномъ бугисовъ и китайцевъ, а туземцы Ару имѣютъ въ своей средѣ двухъ раджей, нѣсколькихъ пати и рядъ орангъ-кайя и орангъ-туа, т.-е. разнообразныхъ старостъ, и тому подобный служилый элементъ, хорошо знакомый съ мѣстными обычаями и мѣстнымъ населеніемъ. Государственнымъ языкомъ считается малайскій языкъ —по крайней мѣрѣ я слышалъ разговоръ контролера съ туземцами на этомъ языкѣ, и не знаю, владѣетъ ли онъ различными нарѣчіями аруанскаго языка, число которыхъ довольно велико.

Теперь перейду къ описанію нашего путешествія, пользуясь своимъ дневникомъ, который я велъ аккуратно каждый день, отмѣчая какъ событія дня, такъ и научную добычу.

Мы вышли изъ Доббо и пошли, какъ я уже указывалъ, прямо къ югу, направляясь къ западному берегу Мейкоора, гдѣ расположено селеніе, носящее то же имя. У контролера были какія-то недоразумѣнія съ туземцами. Они были обложены небольшимъ налогомъ, но уклонялись отъ его уплаты и скрывались отъ контролера. Ихъ орангъ-кайи и даже самъ пати показывали, что большая часть мужчинъ находится въ отсутствіи, и задачей контролера было заставить ихъ вернуться и внести ему налогъ, при чемъ онъ не хотѣлъ пускать въ ходъ никакихъ строгихъ мѣръ, а желалъ выяснить все дипломатическимъ путемъ. Часа черезъ три пути «Амбоина», имѣя на буксирѣ нашу прау «Marie», повернула и стала подходить къ берегу Мейкоора, но, значительно не дойдя до селенія, бросила якорь вслѣдствіе большихъ мелей у берега.

Отъ селенія отдѣлилась точка, которая росла все больше и, приближаясь къ намъ, оказалась лодкой, наполненной гребцами и публикой. Протяжный звонъ гонга, сухой звукъ барабана и довольно монотонное пѣніе раздавались изъ лодки. Гребцы-аруанцы всегда гребутъ подъ музыку и пѣніе. На лодкѣ навстрѣчу начальству выѣхалъ самъ пати Мейкоора, человѣкъ съ изрытымъ оспой лицомъ, одѣтый въ обыкновенный европейскій тропическій костюмъ, съ интеллигентнымъ лицомъ, напоминающимъ скорѣе южнаго еврея, чѣмъ аруанца. Зато гребцы и музыканты были настоящіе аруанцы; ихъ костюмъ состоялъ изъ небольшого пояса и этимъ ограничивался, зато руки были украшены браслетами, сдѣланными изъ искусно подобранныхъ бисеринокъ; въ ушахъ были продѣты серьги, при чемъ одна серьга была привѣшена къ мочкѣ уха, а двѣ другія—къ верхней половинѣ ушной раковины. Прическа однихъ была довольно замысловата, и пушистые волосы были закинуты назадъ, связаны въ пучокъ и проткнуты деревянной стрѣлой, другіе же коротко стригли свои волосы. Мы вошли въ лодку, завылъ гонгъ и барабанъ, запѣли пѣвцы, и лодка пошла по берегу къ селенію Мейкооръ. Несмотря на то, что лодка является безусловно необходимой для аруанца, она была построена не особенно складно и сильно текла. Два или три человѣка все время отливали изъ нея воду, пользуясь вмѣсто ковшей большими раковинами. Минутъ черезъ 20 мы достигли берега и вышли около Мейкоора.

Селеніе Мейкооръ живописно раскинулось среди пальмъ и другихъ деревьевъ по берегу моря; мѣстами изгороди защищаютъ возделанные участки земли, занятые подъ огороды, гдѣ посаженъ сахарный тростникъ, любимое лакомство островитянъ, Calocasia и Caladium—оби и клади—корнеплоды, очень распространенные на всѣхъ восточныхъ островахъ. Мейкооръ населенъ аруанцами-христіанами.

Тамъ есть церковь—родъ сарая съ лавками и окнами безъ стеколъ; при церкви живетъ мѣстный проповѣдникъ-малаецъ изъ Амбона; подлѣ церкви—школа, гдѣ маленькіе аруанцы учатся малайскому языку и усваиваютъ начатки знанія. Дома въ Мейкоорѣ носятъ смѣшанный характеръ туземнаго вліянія и болѣе требовательнаго вкуса цивилизованныхъ людей. Эти дома сравнительно велики и построены на высокихъ сваяхъ. Подъ каждой крышей изъ листьевъ саговой пальмы устроена только одна комната, вдоль стѣны которой идутъ нары, служащія собственно помѣщеніями для нѣсколькихъ семей, населяющихъ этотъ общественный домъ. Жить такимъ обществомъ составляетъ характерную черту аруанцевъ; еще Уоллесъ описываетъ свое жилище въ Ванумбаѣ, на островѣ Коброорѣ, въ которомъ, кромѣ него и его служителей, обитало большое количество народа. Въ обстановкѣ дома было довольно много изящнаго, и мое вниманіе привлекли большія цыновки, необыкновенно искусно сплетенныя изъ волоконъ пандануссовъ, лицевая сторона которыхъ представляла собой очень сложный узоръ, составленный изъ тонкихъ волоконъ, окрашенныхъ въ черный, красный и синій цвѣта, а изнанка была сдѣлана изъ болѣе грубыхъ полосокъ. Просвѣщенные аруанцы уже понимали цѣну своей работѣ и запросили съ меня что-то около 25 гульденовъ за такую цыновку. Не безъ труда удалось мнѣ достать въ Мейкоорѣ два большихъ лука и нѣсколько пучковъ стрѣлъ. Кажется, что и эта принадлежность аруанцевъ скоро сохранится только въ этнографическихъ собраніяхъ Европы. Голландское управленіе уничтожило войны и рѣшеніе дѣлъ силой оружія; появился спросъ на мирный трудъ со стороны пришедшихъ европейцевъ, а ружья постепенно вытѣсняютъ старые луки, хотя администрація зорко слѣдитъ за недопущеніемъ ввоза огнестрѣльнаго оружія въ предѣлы Нидерландской Индіи. Туземцы были по большей части одѣты въ широкія шаровары пестраго цвѣта, какія голландцы носятъ по утрамъ или въ качествѣ спальнаго костюма, и обычныя бѣлыя куртки, и только наши гребцы сохраняли видъ своихъ предковъ.

Пробывъ около часу въ селеніи, мы снова сѣли на «Амбоину», взявъ съ собой двухъ заложниковъ, которые должны были побудить остальныхъ исчезнувшихъ появиться и внести тотъ оброкъ, который съ нихъ требовался.

Позавтракавъ на «Амбоинѣ», мы пересѣли на нашу лодку «Marie» и начали самостоятельное оригинальное путешествіе, давшее такъ много своеобразныхъ впечатлѣній. Пока «Амбоина» вела насъ на буксирѣ, но завтра, послѣ осмотра жемчужной ловли Celebes Company, мы должны были быть предоставлены нашимъ силамъ и одни отправиться въ плаваніе вокругъ Аруанскихъ острововъ.

Позвольте, читатель, познакомить васъ съ экипажемъ прау «Marie». Кромѣ насъ двухъ, меня и моего товарища и сотрудника, на бортѣ «Marie» находились капитанъ Мойтина и пять темнокожихъ. Капитанъ былъ родомъ съ острова Серама, магометанинъ. Еще его отецъ былъ почти совсѣмъ дикарь, а ближайшіе родичи съ честью поддерживали древній обычай срѣзыванія головъ, самъ же Мойтина былъ очень любезнымъ человѣкомъ, хорошо понимающимъ свое дѣло, умѣвшимъ вліять на своихъ матросовъ. Среди послѣднихъ было два амбонца-христіанина—Абрамъ и Іереміасъ, изъ которыхъ Абрамъ представлялъ собой очень интересный типъ юноши не безъ дарованій, рѣшительнаго, способнаго къ энергичной работѣ. Его больше другихъ отличалъ капитанъ Мойтина въ трудныя минуты: во время бури и грозы чаще всего раздавался голосъ Мойтины, призывавшій Абрама для какого-нибудь труднаго дѣла. Его братъ, красавецъ Іереміасъ, былъ большой балагуръ, очень любилъ пѣсни, постоянно смотрѣлся въ зеркало, но работникъ былъ неважный, и я однажды пережилъ нѣсколько сильныхъ ощущеній, имѣя на веслахъ этого амбонца. Здоровый и мускулистый бутонецъ Ласани принадлежалъ къ числу людей, менѣе тронутыхъ цивилизаціей, чѣмъ изящный Іереміасъ, но какъ работникъ былъ незамѣнимъ; съ нимъ я особенно любилъ ѣздить на лодкѣ, такъ какъ онъ гребъ ровно и умѣло, несмотря ни на какую волну. Кромѣ этой команды, съ нами былъ поваръ, имени котораго я не узналъ. Его всѣ называли «кокки» и очевидно подсмѣивались надъ нимъ. Это былъ какой-то неуклюжій парень, придурковатый на видъ. Весьма вѣроятно, что кулинарная должность, соединенная съ обязанностью мыть и чистить посуду, досталась ему въ виду его неспособности къ другимъ занятіямъ. Наконецъ, послѣднимъ темнокожимъ на «Marie» былъ нашъ служитель Месакъ, амбонецъ родомъ, хитрый и лѣнивый, настоящій типъ лакея. Въ общемъ вся компанія производила самое лучшее впечатлѣніе. Кто же были эти люди? Какъ видите, выходцы изъ разныхъ мѣстъ архипелага; пираты и мошенники, какъ ихъ аттестовалъ очевидецъ Давыдовъ; но въ теченіе трехнедѣльнаго плаванія въ ихъ обществѣ мы всегда видѣли передъ собой любезныхъ, благовоспитанныхъ людей. Ни разу не было между ними ни ссоры, ни ругательствъ. Всегда веселые, довольные, они въ свободное время постоянно находили матеріалъ для бесѣды, и часто намъ приходилось слышать ихъ задушевный и искренній смѣхъ. Они охотно пѣли, но, къ сожалѣнію, вмѣсто своихъ родныхъ пѣсенъ или мелодій приходилось слышать пошлый мотивъ матчиша, усвоенный ими съ граммофона. До сихъ поръ еще у меня звенитъ въ ушахъ «тарарабумбія» сомалійцевъ и жителей Цейлона и несносный матчишъ, которымъ начинался и оканчивался

нашъ день. Лишь изрѣдка болѣе серьезный Абрамъ пѣлъ какія-то, не лишенныя гармоніи и мелодіи, пѣсни, но лощеный Месакъ и красавецъ Іереміасъ часто прерывали его, напѣвая свой неизмѣнный матчишъ, слова же къ нему импровизировались самими пѣвцами.

Было довольно большое волненіе, когда мы пересѣли на «Marie». Утлое суденышко, вполнѣ годное для озера, сильно прыгало на волнахъ, и намъ ничего не оставалось, какъ раскинуть наши кровати и лечь спать. Ночь была облачная, и мы не могли видѣть береговъ Транцана, мимо которыхъ шла «Амбоина», увлекавшая съ собой нашу прау.

На слѣдующее утро мы были уже далеко въ морѣ, вблизи Pulu Enoe, гдѣ происходила ловля жемчужницъ флотомъ Целебесской компаніи. Уже издали были видны многочисленныя мачты судовъ съ водолазами, а посрединѣ ихъ стоялъ на якорѣ большой парусный корабль, гдѣ помѣщался главный складъ собраннаго матеріала и находился главный распорядитель-англичанинъ изъ Австраліи.

«Амбоина» бросила якорь. Быстро подбѣжала къ ней моторная лодка съ двумя англичанами, любезно привѣтствовавшими насъ. Усадивши насъ въ свою лодку, они направились къ одному изъ небольшихъ судовъ, которое доставало жемчужницы. Взобравшись на это судно, мы могли присутствовать при ловлѣ жемчужницъ. Былъ однако сильный вѣтеръ; уже начинался юго-восточный муссонъ, лодку качало, волны покрывали ее солеными брызгами, но работа шла своимъ чередомъ, не обращая вниманія на непогоду.

Посрединѣ судна помѣщался нагнетающій воздухъ насосъ, при которомъ безсмѣнно дежурили два человѣка. Водолазъ-японецъ, одѣтый въ полный водолазный костюмъ, въ сапогахъ съ тяжелѣйшими свинцовыми подошвами, ждалъ насъ, чтобы спуститься. На его голову надѣли тяжелый шлемъ, передняя часть котораго была замѣнена толстымъ стекломъ, а отъ макушки шла трубка къ нагнетательному насосу; къ спинѣ водолаза была прикрѣплена крѣпкая веревка, по которой вытаскивали его изъ воды; веревка вмѣстѣ съ тѣмъ служила въ качествѣ сигнала. Еле-еле передвигаясь по палубѣ въ своемъ странномъ костюмѣ, водолазъ при помощи подручныхъ, также японцевъ, добрался до веревочной лѣстницы, опущенной въ воду, и сталъ медленно по ней опускаться; попавъ въ воду, онъ сталъ двигаться гораздо свободнѣе и скоро скрылся въ морской глубинѣ. Подъ водой онъ пробылъ довольно долго — минутъ 10, намъ же казалось, что онъ оставался тамъ гораздо больше. Когда его тѣло показалось въ водѣ и онъ былъ поднятъ на палубу, моментально помощники сняли съ него шлемъ и вытерли полотенцемъ его вспотѣвшее лицо. Оно выражало полное утомленіе, и почти

безъ силъ водолазъ опустился на канаты, сложенные на палубѣ. Лишь мало-по-малу онъ сталъ приходить въ чувство, но все же, пока мы оставались на кораблѣ, видъ водолаза былъ крайне измученный. Намъ сказали, что эта работа считается еще очень легкой: водолазъ спускался на какихъ-нибудь 20—30 метровъ, гдѣ давленіе воды не сильно.

Въ этихъ мѣстахъ водолазъ работаетъ почти цѣлый день, отдыхая только между отдѣльными ловами. Другое дѣло, когда ловъ происходитъ въ Торресовомъ проливѣ около острововъ Thursday, гдѣ водолазу приходится спускаться на 150 или болѣе метровъ; тамъ водолазъ спускается только одинъ или два раза въ день и остается въ водѣ не болѣе 5 минутъ! — Добыча нашего ловца состояла изъ нѣсколькихъ жемчужницъ, поверхность которыхъ была густо покрыта разными мшанками, горгоніями и другими животными, но водорослей уже не было на этой глубинѣ. Получивъ въ подарокъ нѣсколько живыхъ раковинъ, называемыхъ по-малайски «siput», мы возвратились на «Амбоину», откуда перешли на «Marie», поблагодаривъ контролера за его любезное гостепріимство. «Амбоина» развела пары, «Marie» подняла паруса, и мы разстались другъ съ другомъ. «Амбоина» ушла въ Доббо, посѣтивъ на пути южную часть острова Трангана, а мы пошли прямо на сѣверъ.

Въ первый разъ въ жизни приходилось намъ находиться въ подобной обстановкѣ. Мы были одни среди незнакомыхъ темнокожихъ людей, на дальнемъ морѣ, имѣя въ качествѣ оружія лишь перочинные ножи да яванскій голокъ, которымъ мы пользовались для ботаническихъ цѣлей. Несмотря на нѣкоторую практику, малайскій языкъ все-таки представлялъ для насъ большое затрудненіе, тѣмъ болѣе, что пришлось имѣть дѣло съ новыми терминами, касающимися мореплаванія. Но все сложилось какъ нельзя болѣе благополучно. Наша команда не обнаруживала никакихъ свирѣпыхъ наклонностей. При помощи карты мы съ капитаномъ Мойтиной быстро разобрались въ нашемъ положеніи, а предметные уроки малайскаго языка и необходимость выражать свои желанія дѣлали свое дѣло, и вскорѣ мы чувствовали себя какъ дома, совершенно сжившись съ этой новой для насъ обстановкой.

Вѣтеръ надувалъ паруса «Marie»; она шла хорошимъ ходомъ, направляясь къ сѣверо-востоку, къ острову Karang. Команда не теряла времени даромъ; Мойтина очистилъ листья съ толстаго пня одного изъ однодольныхъ растеній—Crinum, надѣлъ кусокъ листа въ видѣ приманки на крючокъ и забросилъ его далеко за корму нашей прау. Свободный конецъ онъ прикрѣпилъ къ рею, а недалеко отъ него сдѣлалъ петлю, которая должна была развязаться,

если кто-нибудь сильно дернетъ веревку. Закинувъ такую удочку, Мойтина взялся за руль, зорко слѣдя за петлей; вдругъ веревка натянулась какъ струна, петля моментально развязалась, и въ то же мгновеніе матросы ухватили бечеву и стали осторожно подтаскивать ее къ лодкѣ. Скоро около лодки вода закипѣла, и на бортъ «Marie» была выброшена большая рыба съ острой мордой, которая отчаянно билась о палубу. Матросы кинулись къ ней и стали бить ее палками по головѣ, послѣ чего несчастный иканъ прекратилъ свои прыжки. Скоро онъ былъ разрубленъ на части; одни куски были сварены въ котлѣ, другіе повѣшены на мачту и сохли подъ лучами тропическаго солнца. Рыба оказалась необычайно вкусной. Ея розовое сочное мясо походило вкусомъ на лососину и очень скрасило нашъ обѣдъ, состоявшій изъ печенаго картофеля, консервовъ и компота; охотно мы ѣли только картофель и компотъ, консервы же скоро такъ надоѣли, что мы еле могли притрогиваться къ нимъ.

Мы быстро подходили къ Коралловому острову, Pulu Karang, и скоро бросили якорь недалеко отъ берега. Спустивъ лодку, мы направились на островъ, который такъ ослѣпительно сверкалъ своимъ коралловымъ пескомъ, что издали казалось, будто онъ былъ покрытъ снѣгомъ. Песчаныя отмели Pulu Karang были покрыты растительностью изъ Ipomea pes caprae, за которой дальше отъ моря росъ оригинальный злакъ — Spinifex, соцвѣтія котораго образовывали крупныя головки, величиной съ апельсинъ, отрывающіяся цѣликомъ и являющіяся «перекати-полемъ» тропиковъ. Высокія казуарины росли по берегу, а среди нихъ пандануса, кринумы, раскидистые Hibiscus образовывали сплошную зеленую стѣну, скрывавшую внутреннюю часть острова.

Мы сѣли на берегу на стволѣ какого-то дерева, лежавшаго на пескѣ, и съ аппетитомъ пообѣдали на твердой почвѣ, такъ какъ сильная качка мѣшала намъ заняться этимъ дѣломъ на лодкѣ. Коралловый песокъ былъ покрытъ раковинами, въ безчисленномъ количествѣ разбросанными по берегу. Присматриваясь къ нимъ, мы стали замѣчать, что раковины не лежатъ спокойно, что онѣ шевелятся, передвигаются какими-то странными движеніями по косому направленію. Весь песокъ оживалъ постепенно и приходилъ въ движеніе. Но дѣло объяснялось просто: пустыя скорлупки этихъ раковинъ были заняты мелкими раками-отшельниками, которые и понесли на себѣ свою хижинку. Это зрѣлище, имѣющее такое простое объясненіе, было однако чрезвычайно оригинально.

Мы не долго оставались праздными зрителями и, подкрѣпившись, вошли въ воду, распорядившись, чтобы одинъ изъ матросовъ

слѣдовалъ за нами въ маленькой лодкѣ, помѣщавшейся на бортѣ «Marie».

Морское дно падало отлого, и недалеко отъ берега кипѣли и шумѣли буруны; морскія волны набѣгали на отмели, нагоняя одна другую, и съ ревомъ обрушивались на песчаное, а дальше каменистое дно. Шумъ волнъ, точно ревъ бури, раздавался непрерывно, и бѣлая пѣна буруновъ ослѣпительно сверкала на солнцѣ.

Было время прилива, вода стояла высоко, и наша экскурсія могла ограничиться только ближайшей прибрежной полосой. Уже заканчивался тропическій день; мы поспѣшили на нашу прау, гдѣ и провели ночь.

Въ Альфурскомъ и другихъ моряхъ, омывающихъ острова Малайскаго архипелага, одинъ разъ въ сутки чередуется отливъ съ приливомъ—полсутокъ вода уходитъ отъ земли, другую половину она набѣгаетъ на землю, и мы ждали отлива, чтобы получить возможность проникнуть какъ можно дальше по морскому дну. Рано утромъ, еще не было 6-ти часовъ, мы встали, напились чаю и направились къ берегамъ Коралловаго острова. Отливъ былъ грандіозный, море ушло далеко, обнаживъ часть морского дна или покрывая его неглубокой водой, бродя въ которой по поясъ или по колѣни, мы могли собирать водоросли и животныхъ. Тамъ, гдѣ пѣнились буруны, оказались два этажа большого барьернаго рифа, дно мѣстами было каменистое, покрытое коралловыми камнями, мѣстами песчаное, но неглубоко подъ пескомъ находился твердый коралловый остовъ. Прекрасныя водоросли саргасумы и ихъ родичи турбинаріи росли на камняхъ; новая перистая каулерпа, двѣ валоніи, цѣлый ворохъ Halimeda, какіе-то неизвѣстные сифонники, похожіе на Codium, составляли нашу добычу. Нагруженные ею, мы вернулись на «Marie» и, поднявъ паруса, двинулись къ лежащему вблизи Pulu Klapa, Кокосовому острову, называемому также Djeodin. Вѣтеръ упалъ; мы съ большимъ трудомъ подвигались впередъ и только къ вечеру бросили якорь недалеко отъ острова.

Кокосовый островъ, Pulu Klapa, обитаемъ. Тамъ построена хижина Celebes Company и живетъ старый малаецъ. На островѣ есть источникъ прѣсной воды; намъ необходимо было возобновить запасъ ея, и капитанъ отправилъ за водой лодку съ брезентовыми мѣшками; мы же, ознакомившись съ флорой острова, собирали, какъ и всюду, водоросли. Но добыча на этотъ разъ была не велика. Pulu Klapa окруженъ на большое пространство чистыми песчаными отмелями, а тамъ, гдѣ нѣтъ камней, водоросли не могутъ селиться въ изобиліи. Гораздо интереснѣе оказалась сухопутная флора. Знакомыя уже по Ваммару мангровыя образовывали хо-

рошія заросли по берегамъ острова; крупныя казуарины росли по другой сторонѣ, съ ихъ характерными спутниками пандапусами, къ которымъ присоединились великолѣпные саговники, при чемъ удалось видѣть не только женскія, но и мужскія деревья и добыть великолѣпную шишку при помощи Месака, взлѣзшаго, какъ обезьяна, на стройный и довольно высокій стволъ саговника. Это растеніе принадлежало къ виду Cycas circinalis, которая вмѣстѣ съ другими видами такъ характерна для острововъ востока Малайскаго архипелага. Огромные кринумы поднимали свои широкіе листья въ видѣ проросшихъ лилій, а въ воздухѣ кричали на всѣ голоса различныя птицы, среди которыхъ рѣзко выдѣлялся крикъ бѣлаго какаду. Однако природа показывала здѣсь и свои темныя стороны. Въ воздухѣ носилось множество комаровъ, пребольно жалившихъ наши руки и лица. Они заставили насъ покинуть берегъ и искать убѣжища на морѣ, на лодкѣ. Рано утромъ мы снялись съ якоря, но на этотъ разъ природа была къ намъ немилостива. Вѣтра почти совершенно не было, паруса висѣли какъ тряпки, солнце невыносимо пекло, и мы не имѣли возможности спрятаться въ тѣнь, такъ какъ паруса уже не защищали насъ отъ вертикальныхъ лучей солнца. Въ каютѣ было нестерпимо душно, и мы изображали индѣекъ, которыя въ палящій іюльскій день ходятъ съ открытыми ртами, нигдѣ не находя себѣ убѣжища. Долго ползла лодка, ловя рѣдкіе порывы вѣтра; наконецъ, уже во второй половинѣ дня онъ задулъ сильнѣе, и «Marie», высоко поднявъ паруса, быстро разсѣкала волны Альфурскаго моря, проходя мимо большихъ острововъ Баркая и Баракана. Мои мореходцы не хотѣли называть ихъ собственными именами, а говорили просто, что это Tanah besaar, очевидно соединяя ихъ въ своемъ представленіи въ одно цѣлое съ близлежащимъ Коба и Коброоромъ. Мойтина, воспользовавшись быстрымъ бѣгомъ лодки, снова кинулъ свою удочку и опять вытащилъ большого икана, такого же, какъ и въ прошлый разъ, котораго они называли ikan tangiri. Этотъ тангири былъ нами съѣденъ въ вареномъ видѣ и отчасти высушенъ.

Къ ночи вѣтеръ утихъ, и мы тихо шли мимо большого острова Баркая. Море успокоилось, взошла полная луна, и наступила дивная, непередаваемая словами тропическая ночь. Лишь высокій художникъ слова или лучше музыкантъ могъ бы передать тѣ чудныя картины природы, которыя явились передъ нами въ совершенно иномъ освѣщеніи подъ мягкимъ луннымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Всѣ очертанія ближайшихъ острововъ сливались въ неясные таинственные контуры, лунный свѣтъ дрожалъ и отражался въ водѣ длинной серебряной полосой, мелкихъ звѣздъ не было видно, и на

небѣ сіяли лишь наиболѣе яркія свѣтила. Высоко раскинулъ свои руки Оріонъ, но онъ скоро скрылся за горизонтомъ; его спутникъ, Большой Песъ, со своимъ Сиріусомъ еще долго сверкалъ на небѣ, медленно подвигаясь къ западу, а въ центрѣ ярко блисталъ Юпитеръ, котораго не могли затмить даже лучи луны. Легкимъ силуэтомъ свѣтилъ Южный Крестъ, а подъ нимъ медленно выползали на небѣ α и β корабля Арго.

Подъ вліяніемъ этой чудной картины никто не спалъ; но на кораблѣ было тихо; мы лежали на своихъ креслахъ, устремивъ свой взоръ на небо; нашъ экипажъ въ непринужденныхъ позахъ разсѣлся по разнымъ угламъ палубы, люди мало говорили другъ съ другомъ, тихо напѣвая или насвистывая свои родныя пѣсни, забывъ на этотъ разъ пошлые звуки матчиша. «Marie» неслышно скользила, гонимая едва замѣтнымъ дуновеніемъ вѣтра, по гладкой поверхности моря, и мимо насъ, какъ волшебныя декораціи, медленно проходили темные силуэты лѣсистаго острова Баркая, скалистаго Баракана. Усыпленные этой чарующей музыкой природы, мы заснули, а когда утромъ проснулись, то передъ нами лежалъ уже островъ Пенамбулай, или Дьямбулай, одинъ изъ самыхъ крупныхъ острововъ Блакангъ Таны.

Я велѣлъ бросить якорь и спустить маленькую лодку, на которой вмѣстѣ съ Абрамомъ и другимъ матросомъ поѣхалъ на берегъ. До берега было далеко,—осторожный Мойтина останавливался всегда на такомъ разстояніи, чтобы успѣть сняться съ якоря и уйти отъ опасныхъ рифовъ, если внезапно набѣжитъ шквалъ. Около 40 минутъ ѣхали мы до берега, гдѣ ревѣли буруны и волны, прыгая на скалистые утесы, разсыпались по нимъ, отбѣгали обратно, обнажая часть дна, и опять бросались съ новой силой на берегъ. Мои матросы выскочили изъ лодки, ухватились руками за ея бортъ и вмѣстѣ съ волной вынесли ее на берегъ, гдѣ я выпрыгнулъ на твердое скалистое дно.

Оригинальную картину представляли берега Пенамбулая. Сложенные изъ твердѣйшихъ породъ, они были совершенно изгрызены волнами моря, но жесткость горной породы не давала возможности сгладить тѣ шрамы, которые оставались отъ упорной работы волнъ; берегъ весь представлялъ собой рядъ гребней или гвоздей, вбитыхъ въ доску и торчащихъ своими остріями вверхъ. Было больно ходить по этимъ острымъ ребрамъ въ башмакахъ на кожаной подошвѣ, мои же босоногіе туземцы передвигались съ особой осторожностью. На такой твердой почвѣ не росли водоросли, лишь сине-зеленыя дробянки ютились на сѣрыхъ орошаемыхъ моремъ утесахъ, да морскіе слизни изъ рода хитонъ крѣпко-

накрѣпко прилипли къ скаламъ въ выбоинахъ между гребнями. Пришлось пустить въ ходъ уключину отъ лодки, чтобы отбить животное отъ берега, — такъ крѣпко присасывается оно своей ногой. Пройдя нѣсколько шаговъ по скалистому берегу, мы вышли на песчаную отмель съ плотно убитымъ волнами пескомъ; тамъ были ясно замѣтны слѣды какихъ-то крупныхъ четвероногихъ изъ породы свиней, и Абрамъ, показывая на нихъ, сказалъ мнѣ: «Liat, toean, babi besaar»—посмотри, господинъ, большая свинья.

Съ дерева на дерево перелетали попугаи, одни ярко-красные, другіе ярко-зеленые. Абрамъ назвалъ ихъ cacatua, пояснивъ тутъ же, что cacatua бываютъ и бѣлыми. Слово cacatua употребляется малайцами для понятія попугай, наше же «какаду» подразумѣваетъ только опредѣленную породу этихъ попугаевъ. Слово cacatua значитъ клещи или щипцы,—вѣрное обозначеніе для птицъ съ такимъ мощнымъ клювомъ.

Твердѣйшія породы, изъ которыхъ сложена эта часть острова Пенамбулай, отсутствіе въ нихъ ясныхъ ископаемыхъ коралловъ, какъ это, напримѣръ, хорошо видно на западной сторонѣ острова около мѣстечка Ванумбай, гдѣ известняки берега цѣликомъ сложены изъ остатковъ коралловъ,—все это зародило во мнѣ мысль о томъ, что не вся масса Аруанскаго архипелага сложена изъ коралловаго известняка и коралловаго происхожденія. Эти наблюденія были подкрѣплены другими на островкахъ Марири и Леерѣ; о нихъ я скажу ниже.

Между Бараканомъ и Пенамбулаемъ въ проливѣ виднѣлись оригинальные острова. Несомнѣнно, что Бараканъ и Пенамбулай составляли одно цѣлое, но море разрушило соединяющую ихъ сушу, и маленькіе островки, имѣющіе форму стоговъ сѣна, съ совершенно отвѣсными стѣнами, увѣнчанные зеленымъ покровомъ изъ лѣса и кустарника, служатъ остатками этого соединенія, указывая и на силу волнъ, разрушающихъ такія твердыя горныя породы, и на прежнюю связь между двумя сосѣдними островами.

Сѣсть въ лодку было нелегкой задачей, но ловкіе матросы снова стали по обѣимъ сторонамъ лодки и вмѣстѣ съ волной вынесли ее на берегъ. Я вскочилъ туда, и волна отбросила меня въ море, а матросы оттащили ее на болѣе глубокое мѣсто, гдѣ уже сами влѣзли въ нее. Когда мы шли къ нашей «Marie», виднѣвшейся въ видѣ небольшой точки на горизонтѣ, мы увидѣли, какъ изъ моря высунулась круглая голова, потомъ показалась спина, но животное, увидавъ нашу лодку, быстро юркнуло въ воду. Оно выплыло черезъ нѣсколько времени снова, и я могъ опредѣлить его какъ дюгоня—тюленеобразное животное, обитающее въ моряхъ далекаго востока.

Мы благополучно добрались до «Marie», подняли якорь и поплыли дальше, но наше движеніе впередъ не отличалось быстротой. Утромъ бывалъ еще вѣтеръ, но къ 11 часамъ онъ прекращался, тогда солнце нестерпимо пекло наши головы и спины, и намъ оставалось только одно: устроить себѣ изъ парусовъ, накидокъ какую-нибудь защиту и лежать подъ ея прикрытіемъ, спасаясь отъ солнечныхъ лучей. Между двумя и тремя часами начинался легкій вѣтерокъ, паруса слегка надувались, прау медленно передвигалась впередъ, но вѣтеръ усиливался, и мы шли хорошимъ ходомъ впередъ; однако за цѣлый день прошли только одинъ Пенамбулай и утромъ очутились около его сѣверной стороны.

Эта ночь надолго останется памятной намъ. Днемъ былъ очень слабый вѣтеръ, который, какъ я сказалъ, лишь къ вечеру усилился. Мы стояли на якорѣ и мирно спали. На небѣ было очень облачно; луна хотя и взошла и стояла высоко, но ея свѣтъ слабо проникалъ сквозь темную завѣсу тучъ, и только гдѣ-то далеко свѣтилось и искрилось море подъ лучомъ луны, прорвавшимся изъ-за темныхъ тучъ.

Около полуночи я проснулся отъ сильнаго вѣтра. Море было очень неспокойно, изрѣдка блистали молніи, вѣтеръ свистѣлъ вокругъ прау, и вся окрестность приняла зловѣщій оттѣнокъ. Я разбудилъ Мойтину и указалъ ему на волнующееся море; но капитанъ сказалъ мнѣ, что это anguin barat, западный вѣтеръ, что пока еще не страшно, и снова улегся спать. Я не могъ уснуть, такъ какъ вѣтеръ крѣпчалъ съ минуты на минуту и волны подкидывали и раскачивали наше утлое суденышко. Мойтина проснулся, разбудилъ команду и велѣлъ поднимать якорь. Онъ сѣлъ около руля вмѣстѣ съ Абрамомъ и возлѣ себя поставилъ коробку съ компасомъ, сохранявшимся въ нашей каютѣ и до тѣхъ поръ еще ни разу не употреблявшимся въ дѣло. Былъ поднятъ кливеръ и средній парусъ, а большой задній парусъ оставался крѣпко привязаннымъ къ реямъ. Освобожденная отъ якоря прау какъ птица понеслась по волнамъ. Мнѣ казалось, что положеніе становится серьезнымъ. Надъ нами висѣла тяжелая свинцовая туча, почти не пропускавшая блѣднаго и невѣрнаго свѣта луны, темное море волновалось, вѣтеръ свистѣлъ, было холодно, термометръ упалъ до 15° R., вмѣсто обычныхъ 20°—22°.

Какъ изваянія сидѣли наши матросы, скорчившись и закрывшись своими саронгами. Никто не говорилъ ни слова, только въ полумракѣ блестѣли огоньки ихъ папиросъ. Изрѣдка раздавалась команда капитана; тогда оживали неподвижныя фигуры, въ одно мгновеніе кидались къ парусамъ, исполняя команду, и снова садились на свои

мѣста, укрываясь отъ непривычнаго холода. «Marie» кидало какъ мячикъ по волнамъ; мачты скрипѣли, и паруса надувались такъ, что того и гляди могли разорваться, и я ужъ вспомнилъ старую морскую поговорку: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ горя не видалъ. Но буря продолжалась не долго. Къ разсвѣту вѣтеръ началъ стихать, и волны хотя и вздымались еще высоко, но ярость ихъ постепенно прекратилась.

Мы бросили якорь у сѣверной оконечности Пенамбулая, въ виду далекаго Коброора на западѣ и острововъ Лола и Лееръ на сѣверѣ.

Наступало рабочее время — отливъ. Нужно было ѣхать къ берегу, но поѣздка эта доставляла мало удовольствія, такъ какъ волны были еще слишкомъ сильны для маленькой лодочки, и «Marie» не могла подойти близко къ берегу. Я взялъ Ласани и Іереміаса, и пока гребъ сильный бутонецъ, лодка исправно рѣзала волны, и хотя ее кидало изъ стороны въ сторону, все же она двигалась впередъ вполнѣ благополучно. Но Ласани скоро утомился, и на весла пересѣлъ слабый Іереміасъ; у него не хватало ни силъ, ни умѣнія бороться съ волнами, лодка переворачивалась бортомъ къ волнамъ, онѣ захлестывали ее, и, наполовину наполненная водой, она едва могла бороться съ сердитымъ моремъ. Снова сѣлъ на весла бутонецъ, а мы въ двѣ раковины стали отливать воду изъ лодки и съ большимъ трудомъ, но все же благополучно добрались до берега Пенамбулая. Характеръ этой сѣверной части острова мало отличался отъ ея южной части: такая же безнадежно твердая горная порода безъ водорослей, тѣ же песчаныя отмели, а флора острова носила характеръ близкій къ другимъ островамъ, и великолѣпные цикасы росли въ большомъ изобиліи среди казуаринъ, панданусовъ и толстыхъ кринумовъ. Съ такими же затрудненіями доѣхали мы до «Marie», гдѣ послѣ короткаго отдыха и закуски нельзя было оставаться продолжительное время. Необходимо было спѣшить, пока еще не кончился отливъ, къ островку Лола, крайне интересному уже потому, что тамъ были видны хижины аруанской деревни, дикой, мало подверженной вліянію европейской цивилизаціи.

Островокъ Лола состоитъ изъ такихъ же твердыхъ горныхъ породъ, что и Пенамбулай, и въ его отвѣсныхъ стѣнахъ море выбило глубокія пещеры. Эти пещеры или заливаются водой, или брызги ея постоянно орошаютъ каменные своды, и на нихъ я нашелъ большое количество своеобразной растительности, цѣлую формацію водоросли Dictyota, Valonia, изящныя Anadyomene и другія водоросли, обладающія способностью половину дня оставаться внѣ воды, довольствуясь лишь ея брызгами.

Оставивъ лодку около берега, я вмѣстѣ съ однимъ изъ матросовъ поднялся на высокій скалистый островъ, гдѣ хижины туземцевъ стояли среди кокосовыхъ пальмъ. Эта деревушка состояла изъ ряда хижинъ, построенныхъ на высокихъ сваяхъ; стѣны же ихъ были сдѣланы изъ цыновокъ, сплетенныхъ изъ листьевъ саговой пальмы. Увидавъ такое рѣдкое зрѣлище, какъ прибытіе бѣлаго человѣка, аруанцы вышли изъ своихъ хижинъ, появился заспанный съ лѣнивой походкой орангъ-кайя и пришли улыбающіеся и вѣжливые китайцы. Они немедленно вступили со мной въ бесѣду и взяли на себя посредничество между мною и аруанцами. Я хотѣлъ достать различныхъ вещей домашняго обихода аруанцевъ, а также луковъ и стрѣлъ, но лишь съ трудомъ я получилъ за горсть табака и нѣсколько кусковъ гамбира небольшой лукъ и пучокъ стрѣлъ, сдѣланныхъ изъ листьевъ саговой пальмы. Большого лука и стрѣлъ я такъ и не добился, хотя предлагалъ за него и табакъ и деньги. Обращался я къ нимъ также съ просьбой понырять и достать мнѣ растенія со дна моря, но опять-таки безъ результата. Женщины сначала отъ меня прятались, но черезъ нѣсколько минутъ обошлись и стали боязливо выходить и останавливаться около своихъ жилищъ. Я бы назвалъ ихъ скорѣе малайками,—одѣты онѣ были такъ же, какъ малайки, въ саронги и длинныя кофты; мужчины же были хорошаго папуасскаго типа съ роскошной шевелюрой, зачесанной назадъ и скрѣпленной кольцомъ; на ихъ рукахъ были надѣты браслеты, а вокругъ бедеръ обычный аруанскій поясъ изъ грязной красной тряпки. Мужчины были высоки ростомъ и хорошо сложены, женщины также не отличались безобразіемъ, и вообще вся деревня производила впечатлѣніе извѣстнаго благосостоянія и сытости: не даромъ же тамъ жили китайцы,—значитъ, было что покупать и кому продавать.

Уже темнѣло, когда я вернулся на «Magie», гдѣ, поужинавъ, мы отдыхали; но ночь снова была грозной—начинался дождь, который загонялъ насъ въ ящикъ-каюту, но и туда проникали потоки воды, не давая намъ покоя почти всю ночь.

На слѣдующее утро мы рѣшили сдѣлать экскурсію на берега Коброора, приблизительно въ тѣ мѣста, гдѣ работалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Давыдовъ. Его описаніе богатства морской фауны побуждало меня ближе ознакомиться съ прибрежными водами. Виднѣвшіяся вдали кокосовыя пальмы указывали на присутствіе кампонга, и я съ однимъ изъ матросовъ, Іереміасомъ, направился къ нему. Немного не доѣзжая берега, я встрѣтилъ лодку, въ которой стоялъ человѣкъ малайскаго типа, одѣтый въ куртку и брюки, а гребцами у него было нѣсколько почти совсѣмъ голыхъ мальчиковъ. Человѣкъ оклик-

нулъ насъ, и скоро между нами завязался оживленный разговоръ. Онъ отрекомендовался школьнымъ учителемъ, при чемъ я не могъ не выразить своего удивленія. Какъ! въ этой глуши, среди дикарей на Blakang Tanah, уже есть учителя и школа!.. Учитель пригласилъ меня къ себѣ въ деревушку, называемую Вардьюкуръ (Wardjoekoer), и скоро мы пристали къ скалистому берегу Коброора. Поднявшись по высѣченнымъ въ скалѣ ступенямъ, мы очутились въ деревушкѣ, въ которой большинство домовъ на высокихъ сваяхъ походило скорѣе на скворечники, чѣмъ на дома. Тамъ жили аруанцы, а впереди всѣхъ стоялъ низкій домъ безъ свай, гдѣ помѣщалась школа и жилъ самъ учитель—goeroe djamaat P. Metekohij, какъ онъ самъ расписался въ моей книжкѣ, т.-е. учитель-христіанинъ П. Метекохій. Онъ былъ не одинъ, вмѣстѣ съ нимъ жила и его жена, очень миловидное, еще совсѣмъ молодое существо, Nona Elisabeth Metekohij.

Оба они были родомъ съ острова Сапаруа, ближайшаго сосѣда Амбона, гдѣ устроена учительская семинарія, выпускающая учителей, разносящихъ цивилизацію по всѣмъ отдаленнымъ уголкамъ Малайскаго архипелага. Бѣдный гуру получалъ всего 12 гульденовъ въ мѣсяцъ за свою работу и мечталъ, какъ о большомъ удовольствіи, совершить поѣздку въ Доббо. Хозяйка приготовила чай и, какъ знакъ особаго вниманія, подала консервированное молоко, привезенное изъ Швейцаріи. Я подробно разспрашивалъ гуру о его ученикахъ и ученицахъ, и онъ съ большой похвалой отозвался о нихъ, о ихъ любви къ занятіямъ, способностяхъ и прилежаніи. Маленькіе дикари уже читали и писали по-малайски, умѣли немного считать и, оставаясь язычниками, въ качествѣ книги для чтенія пользовались Библіей. Дѣти не высказывали ни малѣйшей робости и довѣрчиво тѣснились около гуру и его жены, исполняя различныя маленькія порученія. Я захотѣлъ сфотографировать ихъ; моментально вся дѣтвора исчезла и скоро вернулась, одѣтая въ малайскіе костюмы—бѣлую куртку и штаны; снявъ ихъ въ такомъ парадѣ, я попросилъ ихъ предстать въ обычномъ видѣ, и ребятишки опять изъ культурныхъ мальчиковъ превратились въ полудикихъ островитянъ. Взрослые не хотѣли сниматься: они говорили, что должны умереть, если ихъ снимутъ; но очевидно страхъ смерти былъ неособенно великъ, такъ какъ за пригоршню табака и гамбира они охотно позировали, и я снялъ съ нихъ три снимка. Вардьюкурцы произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе своей внѣшностью: какъ мужчины, такъ и женщины имѣли темно-шоколадный цвѣтъ кожи; великолѣпные пушистые волосы были тщательно убраны и причесаны; въ нихъ были воткнуты гребни; руки и ноги, осо-

бенно у женщинъ, были украшены браслетами, сдѣланными очень искусно изъ разныхъ бисеринокъ; въ ушахъ продѣты серебряныя серьги, при чемъ у одного мальчика я насчиталъ до девяти серегъ въ каждомъ ухѣ, отчего его ушная раковина почти пригибалась къ щекѣ. Костюмы были очень примитивны — красный набедренный поясъ и больше ничего, а у женщинъ вмѣсто пояса цѣлая система цѣпочекъ, поддерживающихъ небольшой кусокъ матеріи.

Молодыя дѣвушки и женщины носили на груди ожерелья, сдѣланныя изъ такихъ же бисеринокъ, какъ и браслеты, а также изъ мелкихъ раковинъ; эти ожерелья перекрещиваются на груди и переходятъ на спину. Женская половина поселенія отличалась большой граціей и была весьма недурна собой, рѣзко отличаясь отъ тѣхъ жалкихъ полуобезьяньихъ существъ, которыхъ я послѣ видѣлъ въ Ванумбаѣ. Въ сопровожденіи почтеннаго гуру я могъ посмотрѣть домъ, который стоялъ на высокихъ сваяхъ; въ стѣнахъ изъ пальмовыхъ листьевъ и въ крутой крышѣ были прорѣзаны окошки; крутая лѣстница безъ перилъ вела въ домъ, а сверху съ крыши спускался ротангъ, за который нужно было держаться, чтобы входить по лѣстницѣ. Этотъ домъ принадлежалъ тремъ семьямъ. Полъ для всѣхъ былъ общій, а по тремъ стѣнамъ шли загородки—родъ закромовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой очагъ и принадлежалъ одной семьѣ. Полъ изъ пальмовыхъ черешковъ скрипѣлъ и гнулся подъ моими обутыми ногами, и хижина имѣла видъ лишь временнаго убѣжища ночью и во время непогоды, такъ какъ вся жизнь проходила внѣ ея.

Я пригласилъ гуру и его жену на лодку пообѣдать. Они охотно согласились, и пока нона Елизавета пошла переодѣться, я съ гуру ходилъ по берегу собирать водоросли и гулялъ по кампонгу.

Нѣмецкій зоологъ Рихардъ Земонъ, посѣтившій въ девяностыхъ годахъ южный берегъ Новой Гвинеи, нашелъ тамъ туземцевъ очень красивыми, а дѣтей онъ даже называетъ папуасскими ангельчиками, ожидающими своего Рафаэля, чтобы изобразить ихъ за ихъ красоту. Онъ также указываетъ на сравнительно свѣтлый цвѣтъ кожи и волосъ, которые никакъ нельзя назвать черными. Очевидно, что масса различныхъ расъ обитаетъ на папуасскихъ островахъ. Типы Уджира, Ванумбая, Мейкоора, Вардьюкура, Лола носятъ много своеобразнаго и имѣютъ рядъ рѣзкихъ отличій между собой.

Въ сопровожденіи тѣхъ же мальчиковъ, которыхъ звали Malai, Alakwai, Magar и Lazaran (послѣднее имя не есть ли христіанскій Лазарь), мы доплыли до «Marie», гдѣ нашимъ гостямъ былъ предложенъ весь запасъ нашихъ консервовъ и послѣдніе остатки вина. Ребятишки очень смирно вели себя и были крайне довольны, по-

Аруанскіе старшины—орангъ-кайя и орангъ-туа—и др. туземцы.

Семья аруанцевъ на охотѣ на островѣ Транганѣ.

Лодка аруанцевъ въ открытомъ морѣ.

Аруанцы съ Блаканъ-Таны.

лучивъ отъ насъ по сухарю. Къ сожалѣнію, разговору мѣшало наше недостаточное знакомство съ малайской рѣчью; слова обихода уже вполнѣ были усвоены нами, и я могъ отдавать приказанія на сушѣ и на морѣ, но вести длинныя повѣствованія еще не хватало знаній.

Посѣщеніе Вардьюкура было для меня крайне интересно. Я встрѣтился съ полудикими туземцами и съ начатками ихъ цивилизаціи. Первымъ піонеромъ ея былъ учитель, близкій имъ по крови человѣкъ, къ которому они чувствовали довѣріе. Этотъ учитель не былъ ни администраторомъ, ни завоевателемъ, онъ былъ только другомъ населенія, оказывавшимъ ему помощь. Конечно, подобный путь насажденія культуры заслуживаетъ полнаго вниманія, обнаруживая высокій колонизаторскій талантъ голландскаго правительства.

Къ большому сожалѣнію мой сборъ растеній и животныхъ былъ очень незначителенъ. Я совершенно не могъ видѣть тѣхъ обнаженій рифовъ, той массы раковинъ, о которой писалъ Давыдовъ, и думаю, что это несогласіе въ нашихъ наблюденіяхъ можно объяснить временемъ года: я былъ уже во время юго-восточнаго муссона, когда волны моря устремляются на восточный берегъ, заливая его на большое пространство, онъ же посѣтилъ въ октябрѣ Blakang Tanah, когда дуетъ сѣверо-западный муссонъ, сгоняющій воды съ восточнаго берега и обнажающій дно на большое пространство.

Слѣдующій день мы вертѣлись въ заколдованномъ кругу—между островами Леeръ, Лола, Коброоръ и Миминъ (см. карту), такъ какъ вѣтеръ то надувалъ наши паруса, то снова падалъ и мы оставались почти на одномъ мѣстѣ; но наконецъ доползли въ буквальномъ смыслѣ этого слова до архипелага Mariri, гдѣ удалось сдѣлать довольно много интересныхъ наблюденій надъ разрушающей силой воды.

Архипелагъ Mariri состоитъ изъ одного большого острова и цѣлаго ряда мелкихъ, расположенныхъ по круговой линіи, напоминая собою кратеръ огромнаго вулкана; лучше сохранился его внѣшній край, въ составъ котораго входятъ о-ва Леeръ, Мариpи и маленькіе островки; хуже развитой и менѣе полной является его западная половина, отъ которой сохранились нерѣдко крохотные островки въ видѣ стоговъ сѣна.

Большіе острова Mariri и Leer оканчиваются мысами, сильно вдающимися въ море. Эти мысы разбиты продольными коридорами или узкими и высокими ущельями, тянущимися параллельными другъ другу рядами съ востока на западъ. Стѣны этихъ коридоровъ сложены изъ яснаго коралловаго известняка, который показываетъ обломки кораллovъ, сцементированныхъ известью и такъ же хорошо отличимыхъ, какъ и современные живые кораллы; строеніе же основныхъ частей острововъ Лола, Леeръ, Пенамбулай совершенно иное.

Порода, ихъ образующая, рѣзко отличается отъ коралловаго известняка. Къ сожалѣнію, невѣроятная твердость породы лишила меня возможности взять съ собой матеріалъ для изслѣдованія, а самъ я, какъ не геологъ, не могу опредѣлить природу этой породы. Поэтому я очень осторожно, но позволю себѣ выразить предположеніе, что не весь Аруанскій архипелагъ коралловаго происхожденія. Несомнѣнно, что нѣкоторыя части, мною замѣченныя, острововъ Пенамбулая, Лола, Марири иного—быть можетъ, вулканическаго—происхожденія или, быть можетъ, такія же породы слагаютъ и западные берега Новой Гвинеи, которая, согласно взгляду Уоллеса, была когда-то соединена съ Аруанскимъ архипелагомъ; это соединеніе было сравнительно недавно, быть можетъ, на памяти первобытнаго человѣка,—не даромъ же аруанцы зовутъ морскіе проливы, отдѣляющіе острова Tanah besaar, за рѣки, упорно называя ихъ словомъ «sungei» или «sungit» и не признавая свою Tanah besaar за острова, а разсматривая ее какъ одинъ материкъ. Уоллесъ предполагаетъ, что эти рѣки—Ванумбай и Воркай, по его обозначенію—являются лишь продолженіемъ новогвинейскихъ рѣкъ Утанамы и Вамукъ, хотя карта въ книгѣ Уоллеса «Малайскій архипелагъ» не вполнѣ точна; направленіе рѣкъ и ихъ обозначеніе нѣсколько иное въ дѣйствительности, какъ это видно при сравненіи приложенной карты съ картой Уоллеса. Во всякомъ случаѣ мнѣніе объ исключительно коралловомъ происхожденіи Аруанскаго архипелага мнѣ кажется не вполнѣ обоснованнымъ.

Но вернемся къ тѣмъ удивительнымъ траншеямъ, которыя мы видѣли на островѣ Mariri. Наблюденія надъ работой моря развертываютъ передъ нами одну изъ наиболѣе великолѣпныхъ картинъ природы, когда она одной рукой разрушаетъ мощные острова, превращая ихъ въ мелкія песчаныя отмели, другой рукой создаетъ новые острова, вносящіе новую жизнь, новое разнообразіе въ общій ландшафтъ мѣстности. Морскія теченія и волны, гонимыя силой муссоновъ, непрестанно бьютъ въ твердые известковые утесы, растворяютъ и разбиваютъ цементъ извести, соединяющій коралловый остовъ острова, разбиваютъ и этотъ остовъ и измельчаютъ его въ бѣлоснѣжный песокъ, отлагающійся возлѣ утесовъ, понижая глубину моря; наиболѣе твердыя части породъ держатся дольше подъ напоромъ волнъ, мягкія уступаютъ раньше; неравномѣрное разрушеніе берега образуетъ систему коридоровъ и траншей, а если эта работа моря продолжается долгое время, то среди моря остаются тѣ стогоподобные острова, которые я впервые видѣлъ между Баркаемъ и Пенамбулаемъ. Такова разрушающая сила моря; если волны и теченія сильны, то онѣ продолжаютъ свою работу дальше, и на мѣстѣ прежнихъ острововъ распространяются песчаныя отмели или

Морская карта Блакангъ Таны около острововъ Марири.

песчаныя банки. Но если море не слишкомъ свирѣпо продолжаетъ свою разрушительную работу, на развалинахъ старой жизни возникаетъ новая. Подъ водой начинается работа коралловыхъ полиповъ, строящихъ свои оригинальные лѣса и образующихъ огромные рифы; морскія теченія приносятъ съ собой всегда много живого матеріала, готоваго пустить корни, если только ему удается ощутить подъ собой какую-нибудь почву. Проростки мангровыхъ, зерна цикасовъ, оригинальные плоды-поплавки баррингтоній, легкіе шары, одѣтые волокнистой оболочкой, карапны, сѣмена пальмы Nipa, плоды пандануовъ и цѣлый рядъ другихъ сѣмянъ разносятся экваторіальными теченіями и прибиваются въ разнообразнѣйшія мѣста, гдѣ только они могутъ оставаться въ тихой заводи. Піонеры прибрежной растительности мангровыя деревья, раньше описанныя ризофоры, бругіеры и другія — первыя получаютъ возможность прорасти и своими корнями скрѣпить дно моря; между ними появляются другія растенія, а растенія привлекаютъ съ собой животный міръ, и снова образуется островъ, возникаетъ новая жизнь.

И никогда этотъ процессъ разрушенія и созиданія не бросался мнѣ такъ въ глаза, какъ на Малайскомъ архипелагѣ Mariri, восточномъ форпостѣ Аруанскаго архипелага.

Острова Mariri обитаемы; мы видѣли далекій кампонгъ, но не располагали временемъ добраться до него. Мимо насъ прошла нагруженная китайская прау, направлявшаяся въ свой объѣздъ къ дикарямъ Новой Гвинеи. Часть острововъ Mariri покрыта кокосовыми насажденіями, принадлежащими богатому китайцу—капитану китайцевъ въ Доббо, другая же часть—еще первобытный лѣсъ, чрезвычайно богатый цикасами; здѣсь мнѣ пришлось видѣть наиболѣе развитые и высокіе экземпляры этого интереснѣйшаго дерева. Наши матросы сдѣлали вновь запасъ воды, но вода была крайне подозрительнаго свойства. Даже кипяченая въ чаю она давала настолько непріятный вкусъ, что было невозможно пить сладкій чай, и пришлось сократить питье этого лучшаго изъ всѣхъ напитковъ до возможнаго минимума.

Добыча водорослей была не особенно обильна,—слишкомъ много песка и мало камней. Вѣтеръ сталъ благопріятенъ намъ, и мы пошли къ сѣверу, направляясь отъ острововъ Mariri прямо къ архипелагу Jedan, или Djedan, мѣсту стоянки флота Баадилла, гдѣ, по словамъ Мойтины, было много коралловъ, т.-е. наиболѣе благопріятныя условія для сбора водорослей. Вдали виднѣлись зеленые острова Каравейра, которые однако наши моряки упорно называли Карайрай и не хотѣли признавать за ними офиціальнаго названія голландской морской карты.

Погода устанавливалась; днемъ между 11 и 3 мы изнывали отъ жары, почти не двигаясь съ мѣста, а утромъ и послѣ трехъ часовъ шли среднимъ ходомъ, оставляя позади себя островки за островками. Однообразіе путешествія было нарушено сильнымъ шумомъ въ морѣ, и мы увидѣли огромную морскую черепаху—катеругу, какъ ее назвали малайцы,—которая, какъ подводная лодка, плыла почти у самой поверхности воды, иногда поднимая свою голову и обнажая темно-желтую покрытую пятнами и полосами спину. Намъ впослѣдствіи неоднократно приходилось встрѣчаться съ такими катеругами и всякій разъ онѣ вносили много оживленія своими сильными и шумливыми движеніями. Катеруга сильно преслѣдуется охотниками въ водахъ Аруанскаго моря, хотя не она, а другой видъ черепахи болѣе темнаго цвѣта доставляетъ драгоцѣнныя пластинки, идущія на черепаховыя издѣлія.

Дюгонь снова выплылъ гдѣ-то недалеко отъ нашей лодки и быстро нырнулъ, увидавъ такого непріятнаго сосѣда. Наступила ночь. Небо покрылось облаками, вѣтеръ крѣпчалъ, и мы шли хорошимъ ходомъ, повинуясь указаніямъ компаса, на который внимательно смотрѣлъ Мойтина и смѣнявшій его Абрамъ. На небѣ было темно; ни звѣздъ, ни луны, поздно всходившей въ то время, не было видно, зато море горѣло и свѣтилось милліонами огней: то микроскопическія существа—ноктилюки, перидинеи и другіе обитатели моря—зажгли свои фосфорическіе фонарики. Планктонная сѣтка, закинутая въ море, быстро набрала цѣлую массу свѣтящихся организмовъ, которые продолжали издавать свѣтъ и въ пробиркѣ съ водой, пока не были убиты спиртомъ.

Поверхность моря то погасала и оставалась совершенно темной, то вдругъ загоралась или отдѣльными звѣздочками, или цѣлыми сплошными полосами.

Незамѣтно добрались мы до Djedan'a, и когда разсвѣло, мы увидѣли цѣлый лѣсъ мачтъ, колыхавшихся около одного небольшого островка. Здѣсь мы сдѣлали остановку; я съ однимъ изъ матросовъ направился въ море искать водорослей, а другіе матросы поѣхали къ кораблямъ Баадилла, соскучившись очевидно долгимъ путешествіемъ и отсутствіемъ новостей.

Дѣйствительно морское дно возлѣ Djedan'a было полно коралловъ; среди нихъ мнѣ пришлось собрать много водорослей, но гораздо интереснѣе былъ животный міръ. Огромнѣйшія голотуріи, чуть ли не въ аршинъ величиной, коралловаго цвѣта, сѣрыя съ красными кольцами, копошились на пескѣ между кораллами; синія морскія звѣзды обыкновенной шестилучевой формы во множествѣ встрѣчались среди коралловаго лѣса; кромѣ нихъ, попадались еще другія звѣзды въ видѣ кубышки съ пятью короткими руками, толстыя и

массивныя, какъ какіе-нибудь пироги; морскіе ежи разнообразнѣйшей формы, среди которыхъ черный ежъ діадема съ длиннѣйшими иглами, уколы которыхъ причиняютъ очень болѣзненное ощущеніе, шевелилъ своимъ страшнымъ оружіемъ, сидя гдѣ-нибудь среди вѣтокъ коралловъ; масса раковинъ выглядывала изъ песка, среди которыхъ знакомыя по Яванскому морю тридакны выдѣлялись своей величиной, а молотки маллеусы—оригинальной формой. Съ большой животной добычей вернулся я на лодку, и мы скоро подняли паруса, направляясь къ самому сѣверу архипелага и огибая его конечный островъ Варилау.

Эту часть пути пришлось сдѣлать ночью при сильномъ вѣтрѣ, почти бурѣ, и темномъ, мрачномъ небѣ; на разсвѣтѣ подходили мы уже къ острову Уджиръ, или Удьиръ, одному изъ наиболѣе крупныхъ острововъ западной части Аруанскаго архипелага.

Днемъ наканунѣ, когда еще мы шли къ группѣ острововъ Djdan'a, на востокѣ были ясно видны очертанія высокаго берега Новой Гвинеи. Наши матросы говорили, что это Papua, земля Буру-Буру, гдѣ живутъ злые, нехорошіе люди, гдѣ «orang makan orang», человѣкъ ѣстъ человѣка, т.-е. живутъ людоѣды. Они говорили, что туда всего одинъ день пути, и мы могли бы пристать къ этимъ таинственнымъ берегамъ. Въ сильный бинокль ясно были видны очертанія берега и какой-то высокій горный хребетъ, терявшійся въ туманной дали. Трудно передать то волненіе, которое охватило насъ при видѣ этой далекой земли, гдѣ, говорятъ, есть горы высотой до 5 верстъ или болѣе, покрытыя вѣчными снѣгами,—той земли, которая не видала ни одного европейца внутри своихъ глухихъ лѣсовъ. Но мы боялись опоздать къ пароходу и не могли даже подъѣхать ближе къ этимъ заманчивымъ берегамъ. Я думаю, что слова матросовъ относились къ жителямъ глухихъ дебрей Новой Гвинеи. Береговая линія ея уже хорошо обслѣдована; на крайнемъ западѣ голландская колонія Факъ-Факъ пользуется хорошей репутаціей въ климатическомъ отношеніи и быстро растетъ и заселяется; на юго-западѣ Мерауке является центромъ голландскаго вліянія, и въ настоящее время совершенно невозможны такіе трагическіе случаи, которые имѣли мѣсто въ 1900 году, когда два офицера и нѣсколько матросовъ съ парохода «General Pel», высадившіеся на берегу приблизительно около Мерауке, были убиты и съѣдены туземцами. Въ Мерауке даже имѣетъ быть открыто, если не открыто теперь, отдѣленіе Ботаническаго сада Бейтензорга, но голландцамъ приходится бороться съ однимъ страшнымъ врагомъ — убійственнымъ климатомъ и свирѣпыми лихорадками, поражающими непривычныхъ европейцевъ на этомъ низменномъ болотистомъ берегу.

Очень большихъ усилій стоило намъ воздержаться отъ поѣздки къ берегамъ Новой Гвинеи, и мы прошли дальше, унося въ своей памяти тѣ очертанія горъ, которыя такъ привлекали насъ къ себѣ.

Возвращаюсь къ острову Уджиръ. На Уджирѣ есть большое селеніе, гдѣ живутъ аруанцы-магометане. Лѣсъ кокосовыхъ пальмъ растетъ на берегу острова. Я съѣхалъ туда на лодкѣ, чтобы ознакомиться съ природой этого острова и половить водорослей среди коралловыхъ садовъ, просвѣчивающихъ сквозь прозрачную, чистую воду.

На берегу я встрѣтилъ оживленіе. Нѣсколько человѣкъ возились съ саговой пальмой, составляющей главную пищу аруанцевъ. Они срубили стволъ и выскребли изъ него сердцевину, которую завертывали въ пальмовые листья, отправляя въ деревню, гдѣ эта сырая сердцевина должна была подвергнуться дальнѣйшей очисткѣ. Масса бабочекъ летала кругомъ. Къ знакомымъ уже съ Ваммара формамъ прибавилось много новыхъ. На деревьяхъ сидѣли красные и зеленые попугаи, и красавцы бѣлые какаду поодиночкѣ и небольшими стайками перелетали съ поляны на поляну. На берегу какіе-то типы тащили большую черепаху—катеругу, которую я пріобрѣлъ за гульденъ; ее удалось счастливо довезти живой до Бейтензорга. На морѣ было также большое изобиліе водорослей. Мойтина, поѣхавшій со мной въ лодкѣ, оказался великолѣпнымъ ныряльщикомъ. Безъ устали кидался онъ въ море и съ большой глубины доставалъ мнѣ коралловые камни, живо интересуясь моими сборами. Я досталъ тамъ не мало интереснаго матеріала, среди котораго попалась оригинальная каулерпа въ видѣ длинной нити—очевидно, одна изъ простѣйшихъ формъ этого рода; не мало было найдено изящной известковой Neomeris, Bornetella на молодыхъ стадіяхъ развитія и рядъ другихъ водорослей, составившихъ предметъ моего научнаго изслѣдованія. Какъ и въ прежніе раза, коралловые камни и вѣтви коралловъ были полны животныхъ, среди которыхъ блистали своими необыкновенно яркими красками морскіе черви—гефиреи и были добыты морскія лиліи—оригинальныя иглокожія, вымирающая группа, предки которыхъ массами встрѣчались въ прежнихъ геологическихъ отложеніяхъ земли.

Къ нашей лодкѣ подъѣхало нѣсколько мѣстныхъ жителей, типъ которыхъ рѣзко отличался отъ блакангтанцевъ и носилъ нѣсколько малайскія черты, что объясняется легко тѣмъ, что острова Уджиръ и Ваммаръ служили первымъ пунктомъ остановки бугисовъ, макассарцевъ и другихъ западныхъ малайцевъ, съ незапамятныхъ временъ посѣщавшихъ эти острова. Пріѣхалъ старый неопрятный человѣкъ, малаецъ или арабъ, который называлъ себя учителемъ-

мусульманиномъ—имамомъ. Онъ промѣнялъ намъ черепашьи яйца и прелестныя раковины одного изъ видовъ Cypraea на чай, табакъ и сахаръ, а у аруанцевъ былъ пріобрѣтенъ небольшой лукъ и стрѣлы за тѣ же товары.

Удыръ былъ послѣдней нашей остановкой передъ Доббо. Нужно было спѣшить туда, такъ какъ, согласно официальному расписанію, пароходъ изъ Австраліи долженъ былъ притти въ Доббо на слѣдующій день, и намъ приходилось очень торопиться, чтобы уложиться и устроить всѣ свои дѣла.

Поздно вечеромъ прибыли мы въ Доббо и остались ночевать на нашей «Marie», бросивъ якорь на доббоанскомъ рейдѣ. Первое, что бросилось намъ въ глаза, были флаги и фонарики, украшавшіе мачты судовъ. Нидерландцы дождались наконецъ рожденія наслѣдницы престола и радовались счастливому событію даже въ этомъ отдаленнѣйшемъ отъ метрополіи уголкѣ.

На берегу насъ утѣшили извѣстіемъ, что наши опасенія относительно отхода парохода напрасны. Если пароходъ опаздываетъ прибытіемъ на недѣлю, то это считается нормальнымъ и всѣ говорятъ, что онъ пришелъ во́-время, а опозданіе считается уже спустя недѣльный срокъ сравнительно съ расписаніемъ.

Эту недѣлю мы рѣшили использовать на дальнѣйшее ознакомленіе съ островами, на поѣздку въ деревню Ванумбай, гдѣ 50 лѣтъ тому назадъ жилъ знаменитый Уоллесъ, гдѣ производилъ свои изслѣдованія и Давыдовъ.

Глава XI.

Ванумбай, снова Доббо.

Ванумбай лежитъ на островѣ Коброорѣ, недалеко отъ устья рѣки Ванумбая. Впрочемъ, трудно сказать, гдѣ собственно находится этотъ Ванумбай, такъ какъ Ванумбаемъ называется цѣлый рядъ поселеній на коброорскомъ берегу рѣки Ванумбая. Уоллесъ на своей картѣ изображаетъ рѣку Вателай, отдѣляющую Воканъ (Вокамъ) отъ Мейкоора. Въ сунгитъ Вателай впадаетъ какая-то рѣчка, въ верховьяхъ которой расположено селеніе Ванумбай. Однако современная карта этой мѣстности даетъ иное взаимное расположеніе острововъ архипелага. То, что Уоллесъ называлъ Мейкооромъ, на самомъ дѣлѣ есть Коброоръ, проливъ Вателай есть проливъ Ванумбай, а уоллесовскій Коброоръ состоитъ изъ Мейкоора, Кобы и Трангана. Ванумбай Уоллеса, согласно его описанію, находился на разстояніи двухъ часовъ ходьбы отъ берега; Ванумбай на картѣ лежитъ на самомъ бе-

регу пролива. Такъ же описываетъ его положеніе Давыдовъ, опредѣленно говоря, что деревушка Ванумбай—то самое селеніе, въ которомъ жилъ Уоллесъ во время путешествія по Аруанскимъ островамъ.

На слѣдующій же день, не выгружая нашихъ вещей съ «Marie», мы пустились снова въ плаваніе по той же дорогѣ, по которой проходили эту часть моря на яхтѣ контролера. На этотъ разъ плаваніе было не особенно удачно—дулъ противный вѣтеръ и намъ приходилось долго плавать взадъ и впередъ, чтобы боковымъ противнымъ вѣтромъ подвигаться къ цѣли нашего путешествія.

Прошло уже много часовъ послѣ нашего выѣзда въ Доббо, а все мы никакъ не могли пересѣчь линію острова Pulu Babi и добраться до Ванумбайскаго пролива.

Наконецъ вѣтеръ слегка перемѣнился, и мы пошли на юго-востокъ, гдѣ виднѣлся низкій зеленый берегъ, поросшій лѣсомъ.

Большая черепаха проплыла около самой лодки, а недалеко отъ берега выскочило изъ моря чудовище—огромный скатъ, котораго называютъ то морскимъ чортомъ, то морскимъ ангеломъ за его широкіе крыловидные поплавки. Скатъ былъ очень большой величины, какихъ мнѣ не приходилось видѣть въ зоологическихъ музеяхъ различныхъ городовъ Европейской Россіи. Его широкое тѣло оканчивалось длиннѣйшимъ тонкимъ хвостомъ, который такъ странно было видѣть у этой широкой рыбы. Съ большимъ шумомъ шлепнулось чудовище въ море и исчезло изъ глазъ.

Было почти совсѣмъ темно, когда мы вошли въ проливъ Ванумбай, минуя нѣсколько крошечныхъ островковъ, расположенныхъ въ устьѣ пролива. Пройдя нѣкоторое время дальше, мы спустили паруса и бросили якорь въ виду деревушки, расположенной на берегу пролива въ неглубокой бухтѣ. На наши крики скоро услышали мы отвѣтъ, и къ «Marie» подошла лодка орангъ-кайи Ванумбая, пріѣхавшаго къ намъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ туземцевъ. Мнѣ было крайне интересно собрать свѣдѣнія относительно европейскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ раньше Ванумбай, но самъ орангъ-кайя не могъ разсказать о нихъ подробно. Онъ сообщилъ, что недавно на весь Ванумбай напала страшная болѣзнь, по всѣмъ описаніямъ оспа, отъ которой вымерло почти все населеніе Ванумбая. Изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ осталось въ живыхъ только 15—20 семей, которыя перенесли свои хижины на другое мѣсто. Во время этой болѣзни умерли и два старика-kapala (головы, старшины), Камисъ и Мелоко, которые хорошо помнили бѣлаго человѣка, давнымъ-давно бывшаго въ Ванумбаѣ.

Память объ Уоллесѣ до сихъ поръ еще свѣжа у ванумбайцевъ, и всѣ послѣдующія посѣщенія европейцевъ не изгладили того впе-

чатлѣнія, которое произвелъ на нихъ этотъ первый бѣлый гость, котораго они считали скорѣе за божество, чѣмъ за обыкновеннаго человѣка. Орангъ-кайя сказалъ намъ, что недалеко отъ ихъ селенія живетъ бѣлый человѣкъ, который покупаетъ у нихъ всякихъ птицъ и животныхъ и держитъ ихъ въ клѣткахъ. Мнѣ матросы объяснили, что этотъ орангъ изъ Англіи, а послѣ я узналъ, что въ Ванумбаѣ живетъ коллекторъ Британскаго музея, съ которымъ я и познакомился на другой день. Мы наградили какъ могли—табакомъ, гамбиромъ и другими предметами—нашего гостя и просили его завтра утромъ снова посѣтить насъ, чтобы итти въ глубь острова осмотрѣть гнѣзда дьянгуля—птицы, строящей огромныя земляныя пирамиды, куда откладываютъ яйца цѣлыя поколѣнія этихъ птицъ.

Было совершенно темно, когда орангъ-кайя уѣхалъ въ деревню, и мы легли спать, приготовляясь къ завтрашнему дню. Но заснуть было невозможно: надъ нами раскинулось шатромъ звѣздное небо, усѣянное миріадами звѣздъ, которыя искрились и сверкали среди темнаго, почти чернаго небеснаго свода. Никогда, кажется, я не видѣлъ большаго блеска звѣздъ, никогда нельзя было разобрать большихъ подробностей на небесномъ сводѣ, чѣмъ въ эту темную тропическую ночь. Всѣ огни кругомъ были погашены. Вблизи не было никакого поселенія, огни котораго бросали бы свое зарево на небесный сводъ, понижая яркость его звѣздъ.

Ярко свѣтились перлы небеснаго свода—Сиріусъ, звѣзды Центавра горѣли, и переливался нѣжнымъ блескомъ Южный Крестъ; Млечный путь, какъ свѣтлая рѣка, растекался по небу; Большая Медвѣдица опрокинулась и показывала на далекій сѣверъ; загадочныя Магеллановы облака представляли мало знакомую интересную картину, а надъ самой головой ярче всѣхъ блисталъ Юпитеръ. Елеле колыхалась наша прау отъ слабаго вѣтерка, и весь звѣздный сводъ отражался въ водѣ то въ видѣ свѣтлыхъ точекъ, то въ видѣ дрожащихъ линій.

Очарованный всей этой неизъяснимо-прекрасной картиной, я заснулъ, но часто просыпался ночью, чтобы прослѣдить измѣненія въ положеніи свѣтилъ и еще разъ полюбоваться красотой звѣздъ.

Настало утро, и около «Marie» уже очутился орангъ-кайя. Мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ на берегъ и вышли около деревни Ванумбай. Эта деревня представляла собой кучу жалкихъ хижинъ, какихъ-то черныхъ и особенно грязныхъ, значительно меньшихъ и болѣе низкихъ, чѣмъ хижины въ Вардьюкурѣ или на Лола. Ихъ обитатели, альфуры, почти совершенно черные, невысокаго роста, съ великолѣпной шевелюрой, боязливо озирались на пришедшихъ; жен-

щины прятались по угламъ хижины, и тѣ, которыхъ мы видѣли, походили больше на обезьянъ, чѣмъ на прекрасную половину человѣческаго рода. Маленькія, тощія, лишенныя женственной прелести и граціи, онѣ чрезвычайно сильно отличались отъ стройныхъ красавицъ Вардьюкура прежде всего цвѣтомъ своей кожи, несравненно болѣе темнымъ, чѣмъ у блакангтанцевъ.

Жители Ванумбая, Блакангъ Таны, Удьира—все это несомнѣнно особыя племена, происхожденіе которыхъ остается далеко не яснымъ, но отличія между ними слишкомъ велики и врядъ ли могутъ объясняться географическими условіями. Скорѣе примѣсь другой крови должна была играть тутъ главную роль.

Собравъ около себя порядочную толпу народа, мы двинулись сначала вдоль берега пролива, а потомъ пошли вверхъ по теченію рѣки, порожистой и мелкой, которая текла по каменистому дну и въ берегахъ изъ коралловаго известняка. Растительность по берегу этой рѣки была не особенно мощно развита. Масса высокихъ травянистыхъ растеній—эллетарій, тапейнохиллусовъ и другихъ имбирныхъ—образовывала цѣлыя заросли; большое количество эпифитныхъ папоротниковъ изъ рода Platycerium свѣшивалось съ деревьевъ. Мы шли то по болотистому берегу рѣки, то по каменистому ложу ея около часа, наконецъ свернули въ сторону и стали пробираться по чащѣ среди деревьевъ и зарослей травъ. Наконецъ дошли до какого-то порядочнаго холма, уже полузаросшаго лѣсомъ, въ родѣ тѣхъ кургановъ, которые находятся въ степи и лѣсахъ. Этотъ курганъ и былъ гнѣздо камура, той птицы, о которой я выше говорилъ. Камуръ (Talegallus)—довольно большая птица чернаго цвѣта съ желтыми ногами. Ея гнѣзда являются соціальными сооруженіями, куда откладываютъ свои яйца много поколѣній этихъ птицъ. Положивъ ихъ туда и засыпавъ землей, камуръ не заботится о своемъ потомствѣ, предоставляя лучамъ солнца согрѣвать ихъ и вылуплять птенцовъ, которые, лишь только выйдутъ на свѣтъ Божій изъ своей земной колыбели, должны сами заботиться о себѣ и добывать себѣ пропитаніе. Туземцы очень любятъ лакомиться яйцами камуровъ и родственныхъ имъ дьянгулей и нещадно истребляютъ этихъ птицъ, постройки которыхъ переживутъ несомнѣнно ихъ строителей. Ознакомившись съ этими удивительными птичьими сооруженіями, мы пошли другой дорогой, мимо какихъ-то отдѣльныхъ хижинъ и садовъ, или лучше огородовъ, туземцевъ. Эти сады—кебооны—обнесены заборами и въ нихъ культивируется сахарный тростникъ, доставляющій любимое лакомство туземцамъ, и корнеплоды, уже извѣстныя намъ оби и клади (Calocasia и Caladium). Плодовыхъ деревьевъ я не видалъ въ культурѣ у аруанцевъ; ихъ пищу составляетъ по преиму-

ществу саго, къ которому присоединяется все то, что найдетъ аруанецъ въ лѣсу, на берегу моря и въ самомъ морѣ.

Не имѣя такого заработка, какъ жители Блакангъ Таны, ванумбайцы часто голодаютъ и вообще влачатъ болѣе жалкій и примитивный образъ жизни, чѣмъ ихъ восточные родичи.

Вернувшись съ экскурсіи, мы взошли на прау и пошли по проливу, чтобы ознакомиться съ нимъ ближе. Дѣйствительно, проливъ настолько похожъ на рѣку, что совершенно забываешь и соленость его воды и его открытое сообщеніе съ моремъ. Высокіе берега острововъ Вокама и Коброора покрыты густыми лѣсами; на низкихъ отмеляхъ растутъ обильныя заросли мангровыхъ деревьевъ, придавая очень живописный характеръ берегамъ пролива. Мы бросили якорь, пройдя около часу вверхъ по проливу около высокаго крутого берега, гдѣ виднѣлось нѣсколько домиковъ аруанцевъ. Тамъ и пріѣзжій англичанинъ выстроилъ свою хижину—рума—и разбилъ около нея палатку.

Взобравшись по крутому берегу наверхъ, мы пошли къ англичанину, у котораго могли познакомиться чуть ли не со всей фауной птицъ и млекопитающихъ Ару.

Среди его собраній особеннаго вниманія заслуживали райскія птицы. Ихъ было нѣсколько видовъ; но въ то время самцы не носили брачнаго оперенія и всѣ птицы были еще молодыми, поэтому не поражали роскошью своего наряда.

Зато чрезвычайно интересенъ былъ черный какаду, Microglossum atterrimum,—*алькай*, какъ его зовутъ туземцы. Это довольно большая птица чернаго цвѣта съ непропорціонально развитой головой, ярко-красными щеками и мощнымъ, загнутымъ крючкомъ клювомъ. Уоллесъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ этотъ алькай питается орѣхами канаріеваго дерева, которые настолько тверды, что могутъ быть разбиты только ударами молотка. Алькай своимъ клювомъ разрѣзываетъ скорлупу орѣха, обламываетъ ее кусокъ за кускомъ и согнутымъ отрѣзкомъ клюва добываетъ вкусное ядрышко.

Разнообразнѣйшіе попугаи, голуби, сороки, мелкія птички сидѣли въ клѣткахъ у англичанина, задачу котораго составляло пріучать ихъ къ неволѣ и къ питанію той пищей, которую можно достать въ Европѣ. Особенно много затрудненій было съ райскими птицами, отказывавшимися получать иную пищу, кромѣ личинокъ насѣкомыхъ.

Тутъ же были и молодые казуары, древесные кенгуру и кускусы. Налюбовавшись всѣми этими животными, мы пошли дальше въ лѣсъ и скоро пришли къ небольшому ручью, каскадами спадавшему сверху. Матросы начали купаться, мы же увлеклись охотой за бабочками, летавшими въ большомъ изобиліи между деревьями.

На обратномъ пути къ лодкѣ я пріобрѣлъ за гульденъ двухъ кускусовъ, оригинальныхъ сумчатыхъ животныхъ, характерныхъ для Молукскихъ острововъ и папуасской области. Одинъ, котораго матросы звали cuscus tua, т.-е. старый кускусъ, былъ величиной съ большую кошку. Это былъ сердитый, нелюдимый звѣрь; онъ все время сидѣлъ, прижавшись въ уголъ своей клѣтки, и выражалъ крайнее раздраженіе, когда я къ нему приближался. Онъ очень охотно ѣлъ рисъ и плоды, но живымъ ни его, ни другой экземпляръ, cuscus muda, молодого кускуса, мнѣ не удалось довезти до Бейтензорга. Маленькій кускусъ былъ въ противоположность большому очень кроткимъ и ласковымъ звѣркомъ: онъ безпрестанно лѣзъ на руки, стараясь залѣзть въ рукавъ, ѣлъ изъ рукъ, ласкался и обнаруживалъ всѣ задатки будущаго ручного животнаго; но и онъ погибъ около Сурабайи, должно быть, отъ недосмотра служителя, ухаживающаго за нимъ.

Въ Ванумбаѣ мнѣ удалось достать лукъ и стрѣлы. Лукъ былъ средней величины, ему соотвѣтствовали и стрѣлы, но какъ и на Blakang Tanah, такъ и здѣсь получить это оружіе стоило большихъ хлопотъ, и я, если не ошибаюсь, заплатилъ за него больше гульдена.

Возвращеніе въ Доббо произошло безъ особыхъ затрудненій, хотя вѣтеръ не хотѣлъ баловать насъ и на небольшой переходъ ушелъ почти весь день.

Наша экскурсія была окончена и оставалось только дождаться парохода изъ Австраліи, чтобы вернуться съ нимъ домой, т.-е. въ Бейтензоргъ.

Сравнивая свои впечатлѣнія, полученныя изъ этой поѣздки, съ воспоминаніями другихъ путешественниковъ—Уоллеса и Давыдова, приходится признать, что за послѣднія шесть лѣтъ въ жизни архипелага произошли несравненно болѣе значительныя измѣненія, чѣмъ за то пятидесятилѣтіе, которое отдѣляло поѣздки Уоллеса и Давыдова.

Мы ничего не слыхали о морскихъ разбойникахъ; населеніе кампонговъ съ трудомъ могло продать луки и стрѣлы, которыхъ Давыдовъ привезъ съ собой цѣлые вороха; въ самыхъ глухихъ дебряхъ Блакангъ Таны вмѣсто дикой междоусобной войны, которую засталъ Давыдовъ, мы встрѣтили мирную проповѣдь учителя; торговля опіумомъ и спиртомъ, губившая населеніе, стала достояніемъ исторіи, и мошенники и пираты Доббо превратились въ мирныхъ гражданъ, вѣжливо стоявшихъ у дверей открытой комнаты, не рѣшаясь войти туда безъ приглашенія хозяевъ.

Успѣхи цивилизаціи конечно проявили себя и съ другой стороны. Райскія птицы и казуары Ару, его лучшее украшеніе, стали истребляться въ большомъ количествѣ. Въ Доббо появились не только,

какъ раньше, китайскіе, но и европейскіе скупщики, платящіе очень большую сумму—25 гульденовъ—за экземпляръ.

Такъ же дѣятельно истребляются черепахи, а жемчужницы вылавливаются съ такой поразительной энергіей, что лѣтъ черезъ десять богатѣйшія ловли Блакангъ Таны перестанутъ окупать расходы по содержанію флотовъ и водолазовъ. Тогда закончится цвѣтущій періодъ аруанской исторіи, флоты уйдутъ, а вмѣстѣ съ ними уйдетъ и пришлый элементъ, создающій новую жизнь на островахъ; останутся лишь одни туземцы и ихъ постоянные спутники — китайцы и бугисы. Но отношенія между ними будутъ иныя, и аруанцы, достигнувъ сами извѣстной высоты развитія, быть можетъ, превратятся въ такой же культурный народъ, какъ и ихъ западные сосѣди — малайскія племена.

Въ настоящее время Доббо растетъ не по днямъ, а по часамъ; уже негдѣ строить новыя хижины, такъ какъ Доббо подходитъ къ болоту, дѣлающему его климатъ не вполнѣ здоровымъ. Контролеръ дю-Клу очень озабоченъ судьбой Доббо. Онъ представилъ высшей администраціи проектъ о перенесеніи столицы Ару съ острова Ваммара на Мейкооръ, недалеко отъ берега Ванумбая, гдѣ твердый грунтъ позволяетъ поселенію разрастаться дальше въ глубь, сколько будетъ нужно. Кажется, проектъ контролера встрѣтилъ одобреніе у амбонскаго резидента, и, быть можетъ, Доббо на Ваммарѣ доживаетъ свои послѣдніе дни и останется попрежнему бугисско-китайской деревушкой, а на Мейкоорѣ вырастетъ большой новый центръ Аруанскаго архипелага.

По возвращеніи въ Доббо мы разобрали и привели въ порядокъ наши коллекціи и были готовы каждую минуту покинуть столицу Папуасіи, но судьба надъ нами смѣялась. Kapal Australia, которымъ мы бредили наяву, все не приходилъ и не приходилъ. Наше положеніе было очень непріятно. Пароходъ могъ притти каждый часъ, поэтому мы не могли никуда отлучиться въ дальнюю экскурсію, оставаться же дома было невыносимо скучно — нашъ сосѣдъ бильліардъ не давалъ покоя съ вечера, а японско-китайское населеніе Доббо не было настолько разнообразно, чтобы давать пищу для продолжительныхъ наблюденій. Контролеръ уѣхалъ, но мы не остались безъ знакомыхъ: господинъ Шмидтъ изъ Макассара и его компаніонъ молодой французъ, англичане Celebes Company, наконецъ молодой Баадилла навѣщали насъ, а у Шмидта имѣлась даже небольшая библіотека французскихъ и нѣмецкихъ романовъ, чтеніемъ которыхъ мы сокращали вечерніе часы. Отъ англичанина я получилъ въ подарокъ великолѣпную коллекцію горгоній, близкихъ къ коралламъ полиповъ, собранную на большой глубинѣ 200—300 мет-

ровъ. Эта прекрасная коллекція украшаетъ зоологическій музей Харьковскаго университета.

Въ Доббо царило оживленіе—постоянно приходили суда съ Блакангъ Таны, нагруженныя жемчужными раковинами; заходили и аруанцы на своихъ прау, и какъ-то странно бывало видѣть этихъ почти совсѣмъ раздѣтыхъ людей, боязливой походкой гуськомъ переходящихъ изъ лавки въ лавку. Разъ я видѣлъ, какъ аруанцы грузили на свою прау самыя большія драгоцѣнности — огромные мѣдные гонги и пожелтѣвшіе отъ времени слоновые клыки. Какъ странно, что именно слоновая кость служитъ мѣриломъ благосостоянія аруанцевъ.

Они привезли съ собой большое количество трепанговъ, которые затѣмъ были выставлены въ теченіе нѣсколькихъ дней на улицѣ, гдѣ сушились подъ лучами солнца.

Ловкіе китайцы крѣпко держали аруанцевъ въ своихъ рукахъ. Они давали довѣрчивымъ дикарямъ товаръ въ кредитъ, записывали, сколько катти *) жемчужницъ долженъ былъ доставить аруанецъ за взятую красную матерію, бездѣлушки и главнымъ образомъ за опіумъ и водку. И конечно, аруанецъ всегда оставался въ долгу у китайца до самой смерти своей. Долгъ отца переходилъ на сына и внука, и когда контролеръ дю-Клу взялъ въ свои руки управленіе островами Ару, онъ засталъ почти все населеніе сплошь закабаленнымъ китайцами на много лѣтъ безъ надежды когда-либо выплатить свой долгъ. Энергичный администраторъ сталъ на сторону дикихъ и наивныхъ аруанцевъ и провелъ два постановленія, въ корень измѣнившія отношенія между китайцами и аруанцами: были уничтожены обязательства уплаты долговъ за родителей и запрещена подъ угрозой непомѣрнаго штрафа торговля опіумомъ и водкой. Аруанцы получили въ свое пользованіе море до глубины 7 морскихъ футовъ, т.-е. почти 13 метровъ, глубже чего врядъ ли они могли нырять безъ особыхъ водолазныхъ приспособленій. Школы стали проникать во всѣ уголки Аруанскаго архипелага; междоусобныя войны были прекращены, и всякія попытки пиратства были уничтожены присутствіемъ паровой яхты, на бортѣ которой находилось всегда нѣсколько человѣкъ вооруженной команды. Теперь для аруанцевъ открыто поле постепеннаго развитія, и надо полагать, что папуасская раса, создавшая смѣлыхъ мореходовъ и кораблестроителей, какими славится островъ Кей, имѣвшая свою первобытную культуру, сказавшуюся въ приготовленіи оружія, украшеній и т. п., не остановится на точкѣ замерзанія, не вымретъ отъ сопри-

*) Катти—мѣра вѣса, около 2 ф.

косновенія съ высшей культурой, а пойдетъ по пути прогресса подъ управленіемъ гуманной и дальновидной политики голландцевъ.

Глава XII.

Возвращеніе домой. Отъ Доббо до Нагасаки.

На девятый день нашего сидѣнія въ Доббо, рано утромъ, еще до разсвѣта, мой товарищъ вошелъ въ нашу комнату съ радостнымъ возгласомъ: «корабль изъ Австраліи!» Я моментально вскочилъ съ своего кресла и побѣжалъ на песчаную отмель. Дѣйствительно, изъза мыса съ маякомъ выходилъ мощный контуръ парохода, сіяющій огнями. Скоро онъ уже стоялъ на якорѣ около Доббо, и мы грузили на него свои вещи. Пароходъ былъ переполненъ пассажирами и багажомъ, и намъ съ билетами перваго класса пришлось помѣститься на палубѣ и спать на тѣхъ же креслахъ, которыя служили намъ во время аруанскаго путешествія. Пароходъ везъ на Яву продукты Австраліи: консервы, плоды—груши, яблоки, виноградъ, массу прекраснѣйшихъ молочныхъ коровъ, лѣсъ и другіе матеріалы.

На бортѣ этого парохода, который носилъ имя «Le Maire», мы встрѣтили нашего третьяго товарища, уѣхавшаго отъ насъ въ Австралію еще изъ Бейтензорга.

Правильные рейсы между Австраліей и Явой начались всего съ января 1909 года и сразу сопровождались такимъ успѣхомъ, что администрація Paketvaart'a заказала четыре новыхъ большихъ парохода въ придачу къ двумъ курсирующимъ между Батавіей и Мельбурномъ.

«Le Maire» простоялъ въ Доббо недолго. Погрузивъ безчисленное количество ящиковъ съ перламутромъ, онъ поднялъ якорь, и мы простились съ Доббо и Аруанскими островами, унося неизгладимое впечатлѣніе о полномъ своеобразной прелести путешествіи на маленькой прау «Marie», въ обществѣ простыхъ темнокожихъ людей. Казалось, если бы была возможность, никогда бы не окончили мы этого путешествія, стремясь все дальше, въ новыя страны, почерпая въ общеніи съ природой силу и высшее наслажденіе, которое только можетъ ощущать разумное существо.

Пароходы австралійской линіи не останавливаются нигдѣ, кромѣ Макассара, на всемъ пути между Доббо и Сурабайей. Морское путешествіе продолжалось безъ особыхъ приключеній. Капитанъ, еще молодой человѣкъ, очень любезно встрѣтилъ насъ и разрѣшилъ держать нашъ звѣринецъ—двухъ кускусовъ и катеругу—на палубѣ. Онъ подарилъ мнѣ палицу съ береговъ Новой Гвинеи, отъ племени кая-

кая. Эта палица состояла изъ деревяннаго древка, сдѣланнаго изъ какого-то твердѣйшаго дерева, на которое насаженъ правильно обточенный камень. На окружности камня сдѣланы были зубцы, выкрашенные поперемѣнно въ бѣлый и красный цвѣтъ. Ударъ этимъ оружіемъ долженъ быть ужасенъ по своей силѣ, и конечно голова противника должна была разлетѣться вдребезги, если бы ударъ былъ направленъ сильной рукой.

Черезъ нѣсколько дней пути мы пришли въ Макассаръ, гдѣ провели дня полтора, стараясь пополнить по возможности наше знакомство съ этимъ интереснымъ островомъ.

Оставался послѣдній переходъ Макассаръ—Сурабайя, и мы—на Явѣ, которую уже привыкли считать за родную страну. Переходъ сошелъ благополучно, если не считать небольшого огорченія, которое причинили мнѣ мои звѣрки. «Toean, cuscus toea mati», сказалъ мнѣ однажды служитель, которому былъ порученъ уходъ за животными, а черезъ день я услышалъ: «Toean, cuscus ketjil mati», т.-е. господинъ, кускусъ старый умеръ, кускусъ маленькій умеръ. Бѣдные звѣрки не доѣхали до Бейтензорга и были выброшены въ море. Нашъ пароходъ однако не пошелъ на Сурабайю, а долженъ былъ пройти сначала дальше на югъ, въ мѣстечко Пасуруанъ, лежащее на южномъ берегу Мадурскаго пролива. Рейдъ Пасуруана очень мелокъ, поэтому пароходъ останавливается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Съ парохода была спущена моторная лодка, куда сѣли пассажиры; около нея, какъ галки около хищной птицы, кружились легкія лодки съ большими парусами мѣстныхъ жителей, малайцевъ: очевидно, они были увѣрены, что безъ ихъ участія дѣло не обойдется. Сначала моторная лодка, гордо отказавшись отъ ихъ услугъ, быстро пошла къ берегу, но вдругъ ея бѣгъ остановился на всемъ ходу—испортилась машина. Моментально насъ окружили парусники, предлагая пассажирамъ довезти ихъ до берега; многіе нетерпѣливые англичане дѣйствительно пересѣли на лодки и въ одно мгновеніе умчались къ берегу, другіе же стали ждать починки катера. Простоявъ нѣкоторое время, мы кое-какъ исправили машину и двинулись впередъ. Наступало время отлива, загруженная лодка не могла итти по мелкому морю и скоро сѣла на мель. Потребовалась вторичная помощь лодочниковъ, снявшихъ большую часть багажа и почти всѣхъ остальныхъ пассажировъ, и только тогда шлюпка дошла до пристани.

Пасуруанъ—обычный маленькій городокъ Явы, отчасти напоминающій небольшіе уѣздные городки средней Россіи, съ торговыми рядами около вокзала и обычными туземными кварталами, еле видными среди густой зелени деревьевъ, и грязными зловонными ки-

тайскими улицами, лишенными какой-либо растительности. Намъ не пришлось долго оставаться въ Пасуруанѣ,—скоро пришелъ поѣздъ съ востока Явы, и мы заняли мѣста, направляясь въ Сурабайю, откуда уже должны были пересѣчь вторично Яву, на этотъ разъ съ востока на западъ, чтобы возвратиться въ Бейтензоргъ. Усталые отъ далекаго путешествія, мы нигдѣ между Сурабайей и Бейтензоргомъ не останавливались и послѣ двухдневнаго пути были наконецъ дома, въ отелѣ «Belle-Vue».

Намъ оставалось немного времени пробыть въ Бейтензоргѣ, такъ какъ пароходъ «Rumphius» отходилъ черезъ нѣсколько дней въ Сингапуръ, гдѣ мы должны были сѣсть на пароходъ Сѣверо-Германскаго Ллойда, чтобы добраться до Японіи. Изъ моихъ сборовъ я отдалъ живую черепаху въ зоологическій музей Бейтензорга, а хранитель музея, любезный майоръ Овенъ, далъ мнѣ взамѣнъ большую коллекцію пресмыкающихся Явы, которую я передалъ харьковскому зоологическому музею. Въ Бейтензоргѣ я узналъ грустную новость: директоръ сада, проф. Трейбъ, сказалъ мнѣ, что онъ долженъ оставить свое мѣсто изъ-за принципіальныхъ разногласій съ генералъ-губернаторомъ. Его отставка уже принята и 1-го октября онъ покинетъ Яву, гдѣ прожилъ около 30 лѣтъ. Бейтензоргъ и его научныя учрежденія лишаются своей души. Найдется ли другой человѣкъ, который бы могъ вложить въ дѣло столько энергіи и таланта, какъ этотъ выдающійся ученый и администраторъ. Не долго прожилъ Трейбъ безъ любимаго дѣла и въ половинѣ октября прошлаго года скоропостижно скончался въ своей виллѣ на югѣ Франціи.

Закончивъ всѣ дѣла въ Бейтензоргѣ, мы направились въ Батавію, чтобы сѣсть на пароходъ «Rumphius». Этотъ пароходъ изготовленъ спеціально для перевозки туристовъ изъ Батавіи въ Сингапуръ и обратно и отдѣланъ съ поразительнымъ вкусомъ и изяществомъ. На стѣнахъ его столовой изображены картины изъ сочиненія знаменитаго изслѣдователя Малайскаго архипелага XVII вѣка Румфіуса. Быстроходный «Rumphius» пробѣгаетъ все разстояніе отъ Батавіи до Сингапура всего въ 42 часа. Онъ вышелъ изъ Тандіонгъ-Пріока уже далеко послѣ двѣнадцати часовъ дня. Быстро разсѣкалъ пароходъ зеленыя волны Яванскаго моря, берега Явы удалялись отъ насъ все больше и больше; выросли во всей красѣ мощные контуры Салака и Геде, уже не какъ таинственные незнакомцы, а какъ дорогіе друзья, съ которыми такъ трудно было разстаться. Вотъ «Тысяча острововъ», гдѣ море впервые разсказало намъ о своей жизни, показало, что скрываетъ оно въ своихъ коралловыхъ лѣсахъ и на бѣломъ коралловомъ пескѣ. Все дальше уходилъ «Rumphius»,—вулканы и другія горы Явы стали покрываться дымкой,

контуры ихъ все болѣе сливались съ небомъ и нависшими облаками, и скоро изумрудный островъ Ява исчезъ изъ нашихъ глазъ.

Врядъ ли когда-либо придется еще разъ увидѣть эти мѣста и снова пережить тѣ ощущенія, которыя навѣваетъ эта чарующая и вмѣстѣ съ тѣмъ мощная тропическая природа. Неизгладимое впечатлѣніе отъ нея останется, конечно, на всю жизнь, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній.

Пароходъ шелъ вблизи Суматры, останавливался онъ только на короткое время около небольшой группы острововъ Банка, лежащихъ у восточнаго берега Суматры. Острова отдѣляются отъ Суматры узкимъ проливомъ, а противъ селенія Мутока на Банка впадаетъ въ проливъ рѣка Музи, служащая однимъ изъ важныхъ путей внутрь Суматры къ городу Палембангу и дальше въ западную часть острова къ городу Бенкулену. Низкій берегъ Суматры, покрытый мангровыми зарослями и непроходимыми джунглями, останется изъ-за своего вреднаго климата еще долгое время незаселеннымъ и избѣжитъ культурнаго вліянія.

Миновавъ острова, пароходъ скоро достигаетъ архипелага Лингга, находящагося на самомъ экваторѣ, и идетъ все время между цѣлой массой островковъ Ріоу. Такими шхерами доходимъ мы до Сингапура, этого ключа къ восточнымъ морямъ. Велика была проницательность англійскаго губернатора Стамфорда Ральфса, купившаго островъ у дикаго султана Джохора за небольшую единовременную сумму денегъ и пожизненную пенсію. Трудно представить себѣ лучшее географическое положеніе, чѣмъ то, которое занимаетъ Сингапуръ, мимо котораго лежитъ путь съ запада на дальній востокъ. Онъ является истиннымъ ключомъ дальняго востока, и ростъ его вполнѣ соотвѣтствуетъ его значенію. Вскорѣ послѣ присоединенія острова къ англійскимъ владѣніямъ число его жителей было уже 13 тысячъ, въ шестидесятыхъ годахъ уже около 90 тыс., а теперь значительно болѣе 200 тыс. Рядъ лѣсистыхъ островковъ лежитъ передъ Сингапуромъ, и на одномъ изъ нихъ пріютилась малайская деревенька, построенная на сваяхъ, населенная рыбаками. Эта деревенька говоритъ о прошломъ Сингапура, настоящее же его мало гармонируетъ съ окружающей обстановкой.

Сингапуръ населенъ, главнымъ образомъ, китайцами; въ 1900 г. изъ 200 тысячъ всего населенія на долю китайцевъ приходилось около 160 тыс., 40 тыс. было малайцевъ, тамиловъ и др. восточныхъ племенъ, а 3 тысячи составляли европейцы. Китайцы въ Сингапурѣ— все; въ ихъ рукахъ торговля, промыслы, ремесла; они служатъ въ гостиницахъ, они же въ качествѣ рикшей развозятъ по улицамъ города пассажировъ. Роль малайцевъ, какъ всюду въ городахъ, ограничивается

несеніемъ обязанностей чернорабочихъ и прислуги, европейцы же являются господами положенія, занимая высшія должности въ разнообразнѣйшихъ конторахъ, банкахъ, управленіяхъ и т. п. Въ центрѣ Сингапура—площадь, куда сходятся трамваи и гдѣ сосредоточены важнѣйшія конторы и банки города; отсюда идетъ широкая улица, на которой помѣщается почта, прекрасное двухъэтажное зданіе. Улица оканчивается мостомъ черезъ рѣку Сингапуръ, которая сплошь покрыта разнообразными лодками малайцевъ и джонками китайцевъ; за мостомъ начинается лучшая часть города, гдѣ помѣщаются великолѣпные отели, большая зеленая лужайка, гдѣ собираются любители игры въ футъ-болъ, соборъ въ готическомъ стилѣ и цѣлый рядъ другихъ великолѣпныхъ построекъ. Послѣ одноэтажныхъ домовъ-виллъ Батавіи Сингапуръ въ центрѣ производитъ впечатлѣніе большого европейскаго города. Въ этой части города находится и одна изъ главныхъ достопримѣчательностей его—музей Ральфса, гдѣ собраны великолѣпные экземпляры мѣстной фауны, также и этнографическія собранія. Огромные экземпляры орангъ-утановъ и нѣсколько видовъ гиббоновъ и другія обезьяны даютъ понятіе объ обезьяньемъ населеніи индійской области. Кошки представлены также подробно. Чучела тигровъ, леопардовъ, пантеръ, цибетовыхъ кошекъ, мастерски сдѣланныя, глядятъ своими стеклянными глазами на осматривающую публику какъ живыя. Прекрасно представлены толстокожія животныя — много носороговъ, слоновъ, тапировъ. Колоссальные крокодилы, какъ огромныя бревна, лежатъ посрединѣ комнаты. Здѣсь есть великолѣпныя собранія птицъ, насѣкомыхъ, а также большая коллекція рыбъ, среди которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ огромные акулы и скаты,—словомъ сказать, этотъ музей даетъ очень много для знакомства съ мѣстной фауной. Его обширные прохладные залы все время наполнены народомъ, среди котораго шоколадные малайцы и черные тамилы составляютъ преобладающій элементъ.

На берегу моря, неподалеку отъ собора, находится рынокъ, другой такой же расположенъ недалеко отъ центральной площади. Посѣщеніе этихъ рынковъ крайне поучительно, такъ какъ туда доставляются разнообразные дары моря, и, не говоря уже о рыбныхъ богатствахъ, на мраморныхъ полкахъ лавокъ лежатъ цѣлыми грудами каракатицы, другіе головоногіе моллюски, цѣлый рядъ раковинъ и большіе запасы трепанговъ—любимаго кушанья китайцевъ.

Какъ было уже упомянуто, китайцы преобладаютъ въ Сингапурѣ, и на улицахъ китайскихъ кварталовъ происходитъ та же жизнь, что и въ Батавіи и Бейтензоргѣ. Грязь и вонь стоитъ одна и та же, съ тою только разницей, что въ Сингапурѣ китайскій элементъ вы-

раженъ еще болѣе сильно, чѣмъ въ другихъ городахъ изъ раньше мною видѣнныхъ. По улицамъ Сингапура можно найти различные храмы тѣхъ національностей, которыя тамъ обитаютъ, но въ ихъ архитектурѣ нѣтъ ничего выдающагося, такъ какъ они не имѣютъ за собой продолжительной исторической давности, являясь вполнѣ современными зданіями. Еще очень недавно Сингапуръ былъ покрытъ чудными густыми лѣсами, и туристы, которые желали проникнуть къ сѣверному его берегу, чтобы, перебравшись черезъ Джохорскій проливъ, стать на азіатскомъ берегу, рисковали встрѣтиться съ хозяиномъ этихъ лѣсовъ—королевскимъ тигромъ.

Въ настоящее время отъ Сингапура до пролива проведена желѣзная дорога, и переѣздъ черезъ островъ совершается въ какихъ-нибудь 40 минутъ въ комфортабельномъ, хорошо вентилируемомъ вагонѣ. Вмѣсто дѣвственныхъ лѣсовъ по обѣ стороны полотна—веселыя станціонныя зданія и нескончаемыя плантаціи ананасовъ. Сингапуръ является однимъ изъ главныхъ мѣстъ культуры этихъ сочныхъ плодовъ, откуда въ видѣ консервовъ они развозятся по всему свѣту. На сингапурскомъ низкомъ берегу, заросшемъ мангровыми, устроена станція желѣзной дороги и пароходная пристань, другая такая же видна на противоположномъ джохорскомъ берегу. Переѣздъ черезъ узкій проливъ совершается на пароходѣ, и черезъ нѣсколько минутъ ѣзды вы попадаете въ столицу султанства Джохоръ, могущественнаго, независимаго государства. Къ сожалѣнію, его владыка султанъ болѣе занятъ прогулками на автомобилѣ, и изъ газетъ мы узнали, что его величество обладаетъ нѣсколькими первоклассными машинами, на которыхъ онъ недавно совершалъ прогулки по своимъ владѣніямъ. Все правленіе находится въ рукахъ англичанъ, платящихъ ежегодно султану не малую субсидію за право кататься на автомобилѣ и не безпокоить себя государственными дѣлами. Два дворца и прекрасная мечеть стоятъ на берегу моря; одинъ изъ дворцовъ, старый, доступенъ для осмотра публики, въ другомъ, новомъ, живетъ самъ султанъ и онъ недоступенъ. Когда мы хотѣли пройти къ новому дворцу, какой-то воинъ закричалъ на насъ и преградилъ намъ путь. Въ старомъ дворцѣ есть интересные залы, гдѣ происходили засѣданія совѣта султана; отдѣльныя комнаты отдѣланы съ большимъ вкусомъ. Мечеть же полна изящества и гармоніи какъ снаружи, такъ и внутри. Большое центральное зданіе по четыремъ угламъ украшено башенками съ полукруглыми куполами индійскаго типа. Особенно красива эта мечеть издали, когда она возвышается среди зеленаго ковра деревьевъ, растущихъ по склону высокаго берега, на возвышенной части котораго она расположена.

Самое поселеніе Джохоръ — обычный туземный городъ, въ которомъ только нѣтъ европейскаго квартала, а соединены туземный и китайскій со своими специфическими признаками. Но наибольшаго вниманія со стороны ботаника заслуживаетъ въ Сингапурѣ Ботаническій садъ. Обыкновенно европейцы попадаютъ сюда на пути съ родины, прежде чѣмъ они успѣютъ познакомиться съ Бейтензоргскимъ садомъ, и Сингапурскій садъ необычайно привлекаетъ ихъ интересъ и чаруетъ разнообразіемъ своихъ собраній. Но мы увидѣли этотъ садъ уже послѣ того, какъ близко познакомились съ Бейтензоргскимъ садомъ, который далеко превосходитъ по богатству своихъ коллекцій всѣ тропическіе сады, которые только существуютъ. Несмотря на это, садъ въ Сингапурѣ производитъ очень большое впечатлѣніе. Онъ расположенъ на склонахъ холма и въ его планировкѣ сказался природный вкусъ англичанъ, ихъ любовь къ большимъ зеленымъ лужайкамъ и изящнымъ группамъ деревьевъ, придающимъ паркамъ видъ натуральнаго лѣса. Въ этомъ саду собраны интересные представители хвойныхъ, пальмъ, а въ центрѣ его находится участокъ лѣса, сохраненный въ неприкосновенности и показывающій массу интересныхъ дикихъ растеній, эпифитовъ, орхидей и другихъ, которыя прежде были широко распространены по острову. Четыре дня жили мы въ Сингапурѣ, ожидая прихода парохода изъ Коломбо. Много пришлось намъ походить и поѣздить, пользуясь услугами двуногихъ центавровъ-рикшей, знакомясь съ жизнью этого крупнаго центра Востока.

На четвертый день въ Сингапурскій портъ пришелъ пароходъ Сѣверо-Германскаго Ллойда «Іоркъ», на которомъ намъ предстояло совершить большой переходъ по Китайскому морю до береговъ Японіи. «Іоркъ»—родной братъ «Лютцова». Все отличіе между ними заключается въ расположеніи столовъ и столовой да въ нѣсколько упрощенномъ убранствѣ гостиной комнаты. Пассажировъ было немного, и мы втроемъ получили двѣ каюты съ отдѣльнымъ ходомъ, помѣщавшіяся на такъ называемомъ верхнемъ декѣ. Къ сожалѣнію, эти каюты выходили на юго-востокъ, и солнце до такой степени накаляло эту сторону, что первыя двѣ-три ночи мы должны были проводить на палубѣ. Среди пассажировъ особое вниманіе капитана и другихъ путешественниковъ обращалъ на себя китайскій мандаринъ синяго шарика, генералъ-губернаторъ Манчжуріи, ѣхавшій до Шанхая. Очень образованный, говорившій прекрасно по-англійски, китаецъ былъ столь же любезнымъ, какъ и щедрымъ господиномъ. Онъ кидалъ деньги, не считая ихъ, направо и налѣво, зато прислуга парохода неслась къ нему изо всѣхъ угловъ, лишь только Excellenz выражалъ какое-нибудь желаніе. Онъ былъ большимъ поклонникомъ

прекраснаго пола, и когда на нашъ пароходъ сѣла въ Гонконгѣ дѣйствительно очень интересная особа, жена одного изъ видныхъ нѣмецкихъ дѣятелей въ Китаѣ, манчжурскій губернаторъ ни на минуту не оставлялъ эту даму одну, лишь только она появлялась изъ своей каюты. Среди остальныхъ пассажировъ можно отмѣтить двухъ нѣмецкихъ докторовъ и одну англійскую леди, большую любительницу путешествій, объѣхавшую всю Яву и направлявшуюся теперь въ Японію. Снова потекла та же самая жизнь, какую мы вели три недѣли на борту «Лютцова». Пожалуй, кухня на «Іоркѣ» была еще лучше, чѣмъ на «Лютцовѣ». Четыре дня шелъ нашъ пароходъ отъ Сингапура до Гонконга, поднимаясь на сѣверо-востокъ.

Гонконгъ лежитъ почти подъ самымъ тропикомъ Рака, и этотъ путь почти отъ экватора къ тропику былъ однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ вслѣдствіе сильной жары, мучившей насъ днемъ и ночью.

«Іоркъ» подошелъ къ Гонконгу поздно вечеромъ, когда окрестности совершенно тонули въ окружающей темнотѣ и только безчисленные огни показывали близость большого города. Прошла душная томительная ночь, въ теченіе которой безъ остановки стучали лебедки паровыхъ крановъ, разгружавшихъ пароходъ, шумѣлъ уголь, падающій въ угольныя камеры, и угольная пыль проникала во всѣ углы парохода, несмотря на занавѣсы изъ парусины. Лишь утромъ мы получили возможность ознакомиться съ Гонконгомъ. Островъ Гонконгъ, находящійся во владѣніи англичанъ съ 1842 г., расположенъ при устьѣ Сикіанга, или Жемчужной рѣки, главной водной артеріи южнаго Китая. Неподалеку отъ ея устья расположенъ одинъ изъ важнѣйшихъ китайскихъ городовъ — Кантонъ, столица южнаго Китая, провинціи Квантунгъ. Невдалекѣ отъ Гонконга пріютилась маленькая португальская колонія Макао,—одинъ изъ послѣднихъ остатковъ когда-то обширныхъ колоніальныхъ земель этого смѣлаго и предпріимчиваго народа, положившаго начало европейской колонизаціи на Востокѣ еще на зарѣ новой исторіи. Скалистый островъ Гонконгъ окруженъ цѣлымъ рядомъ другихъ острововъ, и между ними и материкомъ Азіи открывается великолѣпная бухта, всегда оживленная массой пароходовъ, парусныхъ судовъ и безчисленнымъ количествомъ характерныхъ китайскихъ джонокъ съ большими парусами изъ цыновокъ, на которыхъ начертаны какіе-то китайскіе знаки — быть можетъ, имя судна. По количеству прибывающихъ и отходящихъ судовъ портъ Гонконга занимаетъ первое мѣсто на земномъ шарѣ, превосходя въ этомъ отношеніи даже столицу торговли всего міра — Лондонъ. У берега моря и далѣе въ гору раскинулся англійскій городъ Гонконга—Викторія, многочисленныя великолѣпныя зданія котораго, общественный садъ, электри-

ческіе трамваи, канатная дорога на вершину горы (такъ наз. peak-tramway),—все это говоритъ за европейскій характеръ этого города. Рядомъ съ англійской частью лежитъ китайскій кварталъ; однако и его постройки такъ же многоэтажны и тѣсны, какъ и европейскія, хотя китайцы, конечно, не замедлили превратить свою часть въ грязную клоаку и уничтожить всѣ признаки растительности.

Если подняться по peak-tramway на вершину острова, оттуда открывается чудный видъ на окружающіе островъ море, многочисленные острова и островки, на городъ, живописно раскинувшійся по склону горы, и на безчисленныя суда, разбросанныя по рейду. Наверху уже не жарко: постоянный вѣтеръ парализуетъ дѣйствіе горячихъ лучей солнца, а чистый морской воздухъ оживляетъ и возбуждаетъ. Къ сожалѣнію, вершина горы острова лишена древесной растительности, и только въ садахъ англійскихъ виллъ, расположенныхъ здѣсь на высотѣ и по склонамъ, растутъ небольшіе кустарники, среди которыхъ особенно бросаются въ глаза великолѣпныя гортензіи со своими голубыми букетами цвѣтовъ. Около сутокъ простоялъ «Іоркъ» въ Гонконгѣ и продолжалъ свой путь далѣе. Теперь окончилось продолжительное путешествіе по открытому морю: отъ Гонконга до конечнаго пункта нашего путешествія—Іокогамы—уже не будетъ морскихъ переходовъ больше двухъ дней, и большую часть этого пути пароходъ идетъ въ виду берега.

Между Гонконгомъ и Шанхаемъ, первой остановкой послѣ Гонконга, пароходъ шелъ вдоль восточнаго берега Китая, между нимъ и японской Формозой. Высокій берегъ Небесной Имперіи очень живописенъ; онъ обрывается крутыми склонами къ морю, а по берегу расположенъ цѣлый рядъ городовъ и мѣстечекъ, изъ которыхъ наиболѣе важными являются Амой и Фугу, или Фуонтау. Къ концу вторыхъ сутокъ пароходъ пришелъ въ Шанхай, но не вошелъ въ устье великой рѣки Янтсе-Кіанга, а бросилъ якорь близъ берега у самаго устья, гдѣ голубыя волны моря уже смѣшивались съ сѣрыми, богатыми иломъ и органическими остатками волнами Янтсе. Къ «Іорку» подошла цѣлая флотилія разнообразныхъ судовъ, среди которыхъ выдѣлялся одинъ катеръ съ огромнымъ желтымъ шелковымъ флагомъ, на которомъ былъ изображенъ черный драконъ, пытающійся проглотить солнце. Это былъ правительственный катеръ, который былъ высланъ за манчжурскимъ губернаторомъ, покидавшимъ нашъ пароходъ. Услужливое общество Ллойда уже заранѣе готовилось къ этому печальному событію. Наканунѣ былъ устроенъ грандіозный обѣдъ, во время котораго мороженое подавалось въ полутемной столовой, освѣщенной двумя маленькими маяками, а процессія стюартовъ, разносившая мороженое, выступала подъ звуки особеннаго марша и несла

китайскіе фонарики. Вся команда парохода, съ капитаномъ во главѣ, вышла на палубу проводить знатнаго пассажира. Когда подъѣхалъ катеръ съ китайцами, они взошли на палубу парохода, начались безконечныя привѣтствія, присѣданія и т. п. китайскія церемоніи. Всѣ пріѣхавшіе мандарины были одѣты въ какіе-то балахоны изъ разнаго шелка, поверхъ которыхъ были надѣты широкія черныя кофты. Небольшія шапочки съ шариками разныхъ цвѣтовъ украшали ихъ головы, а изъ-подъ шапокъ спускались длинныя косы, въ которыхъ вплетены красныя или другого цвѣта шелковинки. На носу почти у всѣхъ были большія круглыя очки. Не знаю, дѣйствительно ли всѣ китайцы страдаютъ глазами или же очки имѣютъ какое-либо символическое значеніе, только я не видалъ, кажется, ни одного почтеннаго китайца, носъ котораго не былъ бы украшенъ очками. Наша музыка выстроилась на борту. Раздались оглушительные звуки марша, сочиненнаго какимъ-нибудь услужливымъ нѣмецкимъ капельмейстеромъ по аналогичному поводу, и подъ звуки тарелокъ, литавровъ, толстаго барабана и неистово ревущихъ мѣдныхъ трубъ катеръ съ губернаторомъ отчалилъ отъ «Іорка», послѣ чего остальная публика сѣла на другой катеръ и направилась въ устье Янтсе къ Шанхаю. Представляло большой интересъ ознакомиться съ этимъ городомъ, первымъ портомъ Китая, столицей провинціи Каятсу. Шанхай расположенъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ впаденія Янтсе въ океанъ. Колоссальная рѣка доступна для океанскихъ пароходовъ на цѣлыхъ 2000 километровъ, и обыкновенно пароходы идутъ до города Ханькоу, центра чайныхъ плантацій Средняго Китая. Широкая рѣка течетъ въ низкихъ берегахъ. Она вся покрыта безчисленными судами всѣхъ націй и среди нихъ выдѣляются желтые флаги съ драконами, поднятые на новыхъ судахъ зарождающагося китайскаго военнаго флота. Огромныя зданія верфей, мастерскихъ вытянулись вдоль берега; оттуда раздается несносный гулъ, и клубы дыма и пара выходятъ изъ высокихъ трубъ. Шанхай—крупный промышленный городъ. Общія условія современной техники наложили на него интернаціональный отпечатокъ, закрывая его характерныя національныя черты.

Пробираясь въ узкомъ коридорѣ изъ судовъ, катеръ подошелъ къ пристани, и мы очутились на улицахъ Шанхая. По внѣшнему виду этихъ улицъ никто не призналъ бы Шанхай за китайскій городъ. Огромные многоэтажные дома, трамваи, бульвары, электрическое освѣщеніе, магазины съ вывѣсками на англійскомъ языкѣ,—все говорило о Европѣ. Лишь характерные джинрикши, замѣняющіе извозчиковъ, указывающіе на азіатскій способъ передвиженія, да масса китайцевъ кладутъ свой отпечатокъ на жизнь улицы.

Шанхай состоитъ изъ трехъ частей. Одна часть—обще-европейская, гдѣ имѣютъ свои дома, магазины и конторы всѣ европейскія націи, кромѣ французовъ. Эта часть наилучше обставлена и, какъ я уже указалъ, производитъ впечатлѣніе новаго западно-европейскаго города. Рядомъ съ этой обще-европейской частью находится французскій кварталъ, самое старое европейское поселеніе въ Шанхаѣ. Здѣсь улицы носятъ французскія имена, на вагонахъ трамвая французскія надписи, и самый кварталъ имѣетъ видъ опрятнаго французскаго городка. Іезуиты давно уже осѣли на китайской землѣ въ Шанхаѣ. Около него они содержатъ знаменитую на всемъ востокѣ метеорологическую обсерваторію, изучающую измѣненія погоды и строго слѣдящую за движеніемъ грозныхъ тайфуновъ, предупреждая суда о грозящей опасности. Но стоитъ только пройти нѣсколько шаговъ изъ французскаго квартала, какъ сразу исчезаетъ все впечатлѣніе европеизма. Путешественникъ попадаетъ въ настоящій китайскій городъ. Безконечные улички и переулочки тянутся, то прямо, то прихотливо извиваясь, на огромныя пространства. Они застроены небольшими деревянными домами, въ одинъ-два этажа, съ деревянными крытыми тротуарами. Узкая улица, по которой едва-едва можетъ проѣхать телѣга, становится еще уже отъ безчисленныхъ китайскихъ вывѣсокъ, спускающихся съ высокихъ палокъ въ видѣ флаговъ.

По этимъ улицамъ, выходящимъ на неправильной формы площади, заставленныя столиками торгующихъ, дешевыми ресторанчиками медленно течетъ масса человѣческихъ существъ,—толпа, столь отличная отъ европейской. Вотъ идетъ, ковыляя на своихъ ногахъ, изуродованныхъ ужаснымъ обычаемъ шнуровки ногъ, старая китаянка, одѣтая въ шаровары и родъ русской рубахи, подпоясанная узкимъ краснымъ поясомъ. Рядомъ съ ней высокіе мужчины въ балахонахъ въ видѣ юбокъ и женскихъ кофтахъ спѣшатъ куда-то; бѣгутъ полуодѣтые кули, обнаженные бюсты которыхъ какъ бы изваяны изъ бронзы; важно шествуютъ почтенные китайцы подъ большими зонтиками, одѣтые въ характерныя безрукавки, съ большими круглыми очками на носу. Изрѣдка проходятъ модернизированные китайцы съ остриженными головами, одѣтые въ европейское платье, съ круглыми шляпами на головѣ. Огромная масса народа движется какъ у насъ во время крестнаго хода, и, видя этотъ китайскій городъ съ его своеобразной жизнью, съ его громаднымъ народонаселеніемъ, зная китайскую умѣренность, безконечное трудолюбіе, презрѣніе къ смерти, невольно задумываешься о судьбѣ этого грандіознаго государства. Что будетъ, когда оно, какъ Японія, сохранивъ весь свой

укладъ жизни, пріобщится къ европейской техникѣ и культурѣ? Эти мысли занимали наши головы особенно тогда, когда мы посѣтили германскую оккупаціонную область Кіао-Чау.

Въ Шанхаѣ съ нами случился курьезъ. Долго бѣгали мы по улицамъ этого города въ поискахъ... чая и не могли ничего найти. Оказалось, что существуетъ особый чайный кварталъ, гдѣ сосредоточена чайная торговля, но мы не добрались до него, а купили въ одной лавкѣ, предназначенной, очевидно, для иностранцевъ, гдѣ намъ продали чай, обманувъ насъ при этомъ въ должной мѣрѣ. Къ сожалѣнію, пароходъ стоялъ въ Шанхаѣ мало, и мы должны были спѣшить туда, чтобы итти въ Кіао-Чау, въ городъ Дзинтау, оплотъ германскаго владычества. Черезъ полтора дня пути мы входили въ бухту Кіао-Чау, гдѣ выросъ въ короткое время нѣмецкій чистенькій городокъ. У пристани стояли нѣмецкія военныя суда, красовался огромный докъ; мастерскія, желѣзная дорога,—все указывало на полную жизнь пустой и еще недавно незаселенной бухты. Отъ пристани идетъ прекрасное шоссе въ городъ; тамъ уже распланированы улицы, часть ихъ застроена домами, другая хотя и не застроена, но уже имѣетъ прекрасныя мостовыя, газовое освѣщеніе, — однимъ словомъ, переносишься въ уголокъ Германіи; Дзинтау поддерживаетъ добрую нѣмецкую славу даже лучшимъ пивнымъ заводомъ въ Китаѣ. Отъ Дзинтау строится желѣзная дорога въ Тянцзинъ, которая, когда она будетъ готова, соединится съ сибирскимъ путемъ и откроетъ этотъ портъ для выхода товаровъ изъ Манчжуріи. Нѣмцы очень высоко оцѣниваютъ значеніе Дзинтау, и на пароходѣ раздавалось много высокихъ словъ и восклицаній относительно будущности этого мѣстечка. Недалеко отъ Дзинтау есть другой оплотъ—Вей-хай-вей, на который англичане также возлагаютъ большія надежды. Былъ еще одинъ оплотъ, на который возлагали надежды и русскіе — Портъ-Артуръ, теперь японская крѣпость, называемая Люшунъ. Но всякому, кто только могъ видѣть Китай лицомъ къ лицу, кто ознакомился съ необычайными дарованіями этой расы, тотъ хорошо пойметъ, что всѣ эти оплоты лишь очень кратковременны, что они являются постояннымъ напоминаніемъ китайскому народу о томъ, что Carthago delenda est—Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ, какъ говорилъ римскій патріотъ Катонъ. И китайскій народъ пробуждается, его развитіе идетъ впередъ большими шагами. Манчжурія и Заамурская территорія, еще недавно находившіяся всецѣло въ рукахъ русскихъ, теперь заселены китайцами, уже полки китайской арміи вооружены по-европейски, на морѣ появляется военный флотъ, и мнѣ думается, что эти иностранные оплоты будутъ тѣми пунктами,

куда будутъ направлены первые удары разгнѣваннаго долгимъ гнетомъ иноземцевъ народа *).

Одно изъ большихъ золъ китайскихъ городовъ — это массовое обращеніе фальшивой монеты. Въ Дзинтау мы зашли въ одинъ магазинъ, гдѣ было необходимо купить платье и разныя вещи. Давъ для размѣна англійскую золотую монету въ 1 фунтъ стерлинговъ, мы получили сдачи рядъ мексиканскихъ серебряныхъ долларовъ, которые очень распространены въ Китаѣ, какъ монетная единица. Оказалось однако, что изъ 10 или 11 долларовъ только одинъ былъ настоящій, и нѣмецкій коммерсантъ всучилъ проѣзжимъ людямъ 9 или 10 фальшивыхъ. Когда мы вернулись къ нему и выразили свое неудовольствіе по этому поводу, онъ безропотно обмѣнялъ доллары на другіе и, какъ оказалось потомъ, все же спустилъ намъ двѣ-три фальшивыхъ монеты. Курьезно видѣть, какъ китайцы получаютъ деньги: они кидаютъ монеты на мостовую, поднимаютъ на пальцы и долго слушаютъ ихъ звонъ, прежде чѣмъ рѣшиться взять ихъ отъ покупателя.

Изъ Дзинтау небольшой переходъ въ 36 часовъ—и мы уже доходимъ до Нагасаки, перваго японскаго порта. Японія—послѣдняя изъ иноземныхъ странъ, которую намъ пришлось увидѣть. Возвращеніе на родину было уже близко.

Глава XIII.

Недѣля въ Японіи.

Нагасаки, Кобе, Кіото, Токіо, Цуруга.

Рано утромъ пароходъ пришелъ въ живописную нагасакскую бухту. Окруженная со всѣхъ сторонъ скалистыми островками, покрытыми зеленымъ хвойнымъ лѣсомъ, бухта Нагасаки производитъ чарующее впечатлѣніе. Не доходя до города, пароходъ бросилъ якорь, такъ какъ комиссія японскихъ врачей, боясь занесенія заразы, должна была осмотрѣть пассажировъ. На пароходъ явились одѣтые въ форму врачи, которые довольно поверхностно осмотрѣли пароходную прислугу и пассажировъ III класса и скользнули глазами по класснымъ пассажирамъ, собравшимся въ обѣденномъ залѣ. Этимъ закончился осмотръ. Пароходъ прошелъ немного дальше

*) Эти строки, писанныя тотчасъ по пріѣздѣ въ 1909 г., вполнѣ подтверждаются современными событіями на Дальнемъ Востокѣ. Китай не пробуждается, онъ уже пробудился.

и бросилъ якорь противъ раскинувшагося на склонѣ горы города. Въ одинъ моментъ онъ былъ окруженъ разными судами. Подошли тяжелыя баржи съ углемъ, приплыли легкія лодочки торговцевъ всевозможными предметами, особенно черепаховыми издѣліями, отличающимися изяществомъ выдѣлки и сравнительно недорогой цѣной; тутъ же продавали открытки съ видами Японіи, вещи, сдѣланныя изъ какого-то сплава, и многое другое. Но интереснѣе всего было наблюдать за нагрузкой угля. Между угольными люками парохода и баржами съ углемъ была установлена наскоро придѣланная лѣстница, на которой размѣстилась цѣлая цѣпь мужчинъ и женщинъ, передававшихъ въ маленькихъ соломенныхъ корзинкахъ уголь съ баржи. Эта передача, выбрасыванье угля въ пароходные люки, киданіе пустыхъ корзинъ обратно и снова передача ихъ,—все это производилось съ изумительной быстротой, и въ теченіе короткаго пребыванія въ Нагасаки нашъ пароходъ поглотилъ огромныя массы топлива.

Небольшой катеръ доставляетъ пассажировъ съ парохода въ Нагасаки. Первое, что бросается въ городѣ, это—обиліе русскихъ вывѣсокъ магазиновъ. Часто рядомъ съ русской вывѣской помѣщается и англійская, но обыкновенно рядомъ съ японской имѣется только русская надпись. Рикши, обступившіе насъ и услышавшіе русскій говоръ, немедленно затараторили по-русски; во всѣхъ магазинахъ, куда только мы ни заходили, мы слышали довольно правильную русскую рѣчь. Точно мы попали въ русскую колонію на Дальнемъ Востокѣ. Такое массовое знаніе русскаго языка нельзя объяснить вліяніемъ недавней войны; его причины лежатъ глубже. Съ того самаго момента, когда портъ Нагасаки былъ открытъ для иностранныхъ судовъ, какъ военныхъ, такъ и торговыхъ, русскіе матросы живали въ Нагасаки подолгу, для нихъ и ихъ увеселенія былъ отведенъ даже цѣлый участокъ въ городѣ, гдѣ всѣ трактиры, чайныя и иныя заведенія были предназначены для русскихъ. Такимъ образомъ знакомство русскихъ и японцевъ уже очень давнее, и, дѣйствительно, нигдѣ въ другомъ городѣ русскій языкъ не имѣетъ такого распространенія, какъ въ Нагасаки. Въ Кіото, Токіо по-русски совершенно не понимали. Нагасаки — одинъ изъ городовъ, который уже давно входилъ въ сношенія съ иноземцами. Здѣсь начинали свою дѣятельность португальскіе и испанскіе миссіонеры, а по изгнаніи ихъ въ началѣ XVII вѣка единственные изъ всѣхъ европейцевъ голландцы получили право жительства на маленькомъ островкѣ Дешима противъ Нагасаки, гдѣ они одни и поддерживали торговлю съ Японіей до тѣхъ поръ, пока подъ давленіемъ пушекъ соединенныхъ европейскихъ и американскихъ эскадръ гавань На-

гасаки и нѣкоторыя другія были открыты для всемірной торговли. Въ настоящее время значеніе Нагасаки, какъ порта, сильно упало, его торговлю поглотили Кобе, Іокогама и другія гавани. Онъ имѣетъ теперь значеніе одного изъ крупнѣйшихъ рыбныхъ рынковъ. Въ Нагасаки есть, кромѣ того, верфи для постройки морскихъ судовъ.

Изъ Нагасаки пароходъ идетъ къ сѣверу по Корейскому проливу, мимо знаменитаго острова Цусимы, около котораго разыгрался послѣдній актъ трагедіи русско-японской войны. Насколько тяжелы для насъ воспоминанія о Цусимѣ и о злоключеніяхъ нашего флота, настолько Японія до сихъ поръ живетъ гордыми воспоминаніями о своихъ побѣдахъ. Одна изъ наиболѣе обширныхъ компаній, пароходы которой поддерживаютъ сношенія между Японіей и другими странами, во время войны предоставила свои суда въ распоряженіе флота въ качествѣ транспортовъ и вспомогательныхъ судовъ. Изданный въ текущемъ году путеводитель этого общества наполненъ описаніемъ историческихъ заслугъ, оказанныхъ родинѣ флотомъ общества. Масса мелкихъ острововъ, покрывающихъ проливъ Крузенштерна, облегчали дѣйствія японскаго флота, который легко скрывался въ знакомыхъ ему углахъ и затруднялъ движеніе русскихъ судовъ, находившихся въ мало знакомомъ и враждебномъ морѣ.

Дойдя до узкаго пролива, отдѣляющаго два города—Симоносеки, лежащаго на Ниппонѣ, и Моджи, находящагося на Кіу-Сіу, пароходъ беретъ восточный курсъ и входитъ во «Внутреннее море». Проливъ, ведущій въ него, очень узокъ, всего въ одну морскую милю (1,8 килом.) шириной, и сильно укрѣпленъ, защищая входъ во Внутреннее море. Въ Симоносеки, какъ извѣстно, былъ заключенъ миръ между Китаемъ и Японіей послѣ войны 1894 года. Внутреннее море, берега котораго составляютъ съ сѣвера и востока о-въ Ниппонъ, съ юго-запада и юга о-ва Кіу-Сіу и Сикоку, замкнутое со всѣхъ сторонъ, усѣянное, кромѣ того, маленькими островками, производитъ впечатлѣніе огромнаго озера чудной красоты. Гористые берега острововъ покрыты темнымъ хвойнымъ лѣсомъ; долины ихъ и пологіе склоны ярко зеленѣютъ отъ рисовыхъ полей, террасами расположенныхъ одно надъ другимъ. Чистенькія деревеньки, небольшіе города покрываютъ берега моря, а по берегу Ниппона вьется желѣзная дорога, непрерывной лентой тянущаяся отъ сѣверной оконечности о-ва, отъ пролива Цугару до Симоносеки, самаго юго-западнаго его пункта. Въ восточномъ углу Внутренняго моря лежатъ два большихъ города Японіи—Кобе и Осака.

Кобе—новый городъ, основанный лишь въ 1868 г.; въ настоящее время онъ является одной изъ главнѣйшихъ гаваней Японіи,

оспаривающей первенство у Іокогамы.—Мы оставили пароходъ въ Кобе послѣ такого же врачебнаго осмотра, какъ въ Нагасаки; насъ пугали строгостями таможеннаго осмотра; и дѣйствительно, японскій чиновникъ уже открылъ сборникъ тарифовъ, чтобы обложить пошлиной мою коллекцію коралловъ, пріобрѣтенную въ Сингапурѣ, но выданное мнѣ удостовѣреніе нашей Академіи Наукъ на англійскомъ языкѣ произвело магическое дѣйствіе: суровое, офиціальное лицо японца изобразило улыбку, онъ сейчасъ же поставилъ мѣломъ бѣлый крестъ не только на кораллахъ, но не захотѣлъ смотрѣть ни одной моей вещи, ни чемодановъ моихъ товарищей.—Въ Кобе пришлось пробыть недолгое время, только до поѣзда, который долженъ былъ отвезти насъ въ древнюю столицу Японіи—Кіото. Какъ и всѣ приморскіе и торговые города, Кобе состоитъ изъ двухъ неодинаковыхъ частей — европейскаго дѣлового квартала, гдѣ въ большихъ европейскихъ домахъ помѣщаются банки, конторы, консульства и другія учрежденія, отели и пр., и большого японскаго города, состоящаго изъ маленькихъ одно- и двухъэтажныхъ деревянныхъ домиковъ. Нѣсколько дней спустя мнѣ пришлось быть въ качествѣ гостя въ одномъ частномъ домѣ въ Токіо, гдѣ я познакомился съ характеромъ японскихъ построекъ.

Дорога отъ Кобе до Кіото идетъ мимо большого промышленнаго стараго города Осака, извѣстнаго уже въ XV вѣкѣ и насчитывающаго чуть ли не милліонъ жителей. Осака лежитъ на низменномъ болотистомъ берегу моря, куда впадаетъ нѣсколько рѣкъ; его окружаютъ рисовыя поля, а высокія трубы фабрикъ свидѣтельствуютъ о его значеніи какъ центра хлопчато-бумажной промышленности.

Отъ Осака поѣздъ идетъ до Кіото по плодородной великолѣпно разработанной мѣстности, гдѣ между рисовыми полями, среди рощъ изъ криптомерій и другихъ хвойныхъ расположены японскія деревушки, имѣющія аккуратный и чистый видъ. На поляхъ вдоль линіи желѣзной дороги стоятъ огромныя фигуры страшнаго вида—рекламы различныхъ фирмъ.

Желѣзныя дороги въ Японіи оборудованы хорошо. Цѣны на билеты дешевы: за большое разстояніе отъ Кобе до Токіо въ 377¼ миль, т.-е. около 690 километровъ, во второмъ классѣ я заплатилъ около 6 іенъ, или 6 руб. на наши деньги, при чемъ билетъ давалъ право прерывать путешествіе въ любомъ мѣстѣ и былъ годенъ въ теченіе 5 дней. Вагоны скораго поѣзда имѣютъ проходъ посрединѣ и скамейки, идущія вдоль стѣнъ вагона; когда мало народа, то каждый пассажиръ получаетъ удобное мѣсто для лежанія; когда много, приходится сидѣть и часто не на что облокотиться. Въ вагонѣ чисто,—вамъ немедленно подаютъ соломенныя туфли, унося обувь, и служи-

Храмы въ Кіото.

Японскіе типы.

Владивостокъ—бухта Золотой Рогъ.

тель постоянно выметаетъ соръ; прекрасно горитъ электрическое освѣщеніе. Въ поѣздѣ имѣется спальный вагонъ I класса и вагонъ-ресторанъ, гдѣ за недорогую цѣну можно получить европейскій столъ. На станціяхъ продаются бенто — коробки съ рисомъ и приправами, состоящими изъ рыбокъ, грибовъ, морскихъ водорослей и разныхъ овощей, а также чайники съ чаемъ. Все очень чисто и дешево. Скорость поѣзда около 50 или 60 километровъ въ часъ.

Кіото, старинный японскій городъ, наша Москва, является наиболѣе интереснымъ для путешественника: тамъ сохранилось много храмовъ и дворцовъ, тамъ лучше всего наблюдать старую японскую жизнь и обычаи; тамъ—главный центръ японской ручной промышленности, тѣхъ предметовъ, въ изготовленіи которыхъ Японія не знаетъ себѣ соперниковъ даже среди наиболѣе культурныхъ странъ Западной Европы.

Кіото—древняя столица микадо, гдѣ они жили въ своемъ дворцѣ или храмахъ, устраненные отъ управленія дѣлами, которыя рѣшалъ истинный повелитель Японіи—шогунъ.

Только съ конца 60-хъ годовъ, когда, по уничтоженіи шогуната, нынѣшній императоръ взялъ въ свои руки власть, Кіото былъ оставленъ микадо, перенесшимъ свою резиденцію въ Токіо. Въ Кіото же доживаетъ свой вѣкъ послѣдній изъ шогуновъ — князь Токугава, одна изъ популярнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ личностей въ Японіи.

Кіото расположенъ у подножія холмовъ, покрытыхъ лѣсами и парками; его узкія улицы—чисто японскаго типа, онѣ застроены небольшими домиками въ одинъ, $1^1/_2$—2 этажа, передъ которыми висятъ бумажные фонари съ японскими знаками. Лошадей почти не видно въ Кіото. На нѣсколькихъ наиболѣе широкихъ улицахъ проходитъ электрическій трамвай, но движеніе поддерживается главнымъ образомъ посредствомъ рикшей, симпатичныхъ и крѣпкихъ «центавровъ», везущихъ необыкновенно бодро свои маленькія колясочки съ пассажирами. На крутыхъ подъемахъ, особенно около гостиницы, гдѣ мы остановились (отель Міако, могу смѣло рекомендовать его всякому, кто пріѣдетъ въ Кіото), на подмогу рикшамъ прибѣгаютъ другіе, поджидающіе на перекресткѣ пассажира.

Кіото—старая столица и вмѣстѣ съ тѣмъ священный городъ японцевъ. Около 1000 буддійскихъ и шинтоискихъ храмовъ разбросаны по его улицамъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ огромныхъ размѣровъ и очень почтенной древности, другіе отличаются богатствомъ своей отдѣлки. Небольшое количество времени, которымъ я располагалъ, дало мнѣ возможность ознакомиться съ однимъ шинтоискимъ храмомъ и нѣсколькими наиболѣе извѣстными буддійскими,

но одной изъ главныхъ достопримѣчательностей Кіото—стараго дворца микадо—я не могъ осмотрѣть, такъ какъ для этого нужна рекомендація изъ посольства, а я ѣхалъ отъ Кобе, а не изъ Токіо, гдѣ живетъ русскій посолъ.

Однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ буддійскихъ храмовъ Кіото является храмъ San-ju-san-gen-do, гдѣ находится 33.333 изображенія Кваннонъ, одиннадцатиликой и тысячерукой богини милосердія. Огромное зданіе, имѣющее видъ громаднаго сарая въ центрѣ, содержитъ колоссальное изображеніе богини Кваннонъ, а по обѣ стороны въ одиннадцать рядовъ расположены безчисленныя позолоченныя ея статуи, число которыхъ достигаетъ тысячи; несмотря на общее сходство этихъ статуй, какъ изображающихъ одну и ту же богиню, онѣ отличаются другъ отъ друга различными частностями строенія. Ихъ руки держатъ небольшія изображенія той же богини.

Подобныя же изображенія находятся на разныхъ частяхъ статуй—на ихъ одеждѣ, вѣнчикахъ вокругъ головъ,—все это вмѣстѣ и дало основаніе опредѣлить число изображеній, какъ 33.333. Храмъ Сан-юсан-ген-до принадлежитъ къ очень древнимъ храмамъ Кіото; основанный въ началѣ XII вѣка, онъ нѣсколько разъ подвергался реставраціи и въ современномъ видѣ сохраняется со второй половины XIII вѣка. Другой храмъ, Higashi-Hongwanji, основанный въ XVII в., реставрированъ въ послѣднее время и настоящее зданіе закончено въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка. Этотъ огромнѣйшій храмъ во всей Японіи состоитъ изъ двухъ зданій, соединенныхъ между собой закрытымъ коридоромъ. Внутри храмъ поражаетъ своими размѣрами, его потолокъ поддерживается массой колоннъ, составленныхъ изъ цѣлыхъ стволовъ деревьевъ. Японія—страна дерева; лишь современныя постройки возводятся изъ камня; всюду, гдѣ только возможно, употребляется дерево; старинныя зданія и всѣ храмы—все это деревянное, что сообщаетъ имъ оригинальный видъ какъ снаружи, такъ и внутри.

Я не стану описывать другихъ храмовъ и остановлюсь ниже на описаніи шинтоискаго храма въ Токіо, одного изъ наиболѣе извѣстныхъ храмовъ Японіи. Въ Кіото можно познакомиться съ различными японскими произведеніями—фарфоромъ, шелковыми вышитыми матеріями, вышивками, лаковыми издѣліями, такъ наз. cloisonné и другими характерными японскими художественными работами. Остановлюсь на двухъ наиболѣе характерныхъ для японской художественной промышленности предметахъ.

Всякаго, кто видѣлъ японскія картины, вышитыя шелкомъ, невольно поражаетъ то мастерство, съ которымъ исполнены эти произведенія. Любимымъ сюжетомъ является левъ—или одинъ или со львицей.

Ихъ фигуры, вышитыя различными шелками, идеально передаютъ мощную фигуру и горделивое выраженіе царя звѣрей, не говоря о безукоризненно подобранныхъ тонахъ и краскахъ. Стоимость такого льва колеблется между 60 и 300 іенъ (рублей), смотря по величинѣ фигуры и совершенству изображенія. Другая картина, которая поразила меня, представляла бушующее море, голубое небо и орла, сидящаго на скалѣ, съ распростертыми крыльями. Подборъ тоновъ, свѣтовые эффекты этой картины дѣлаютъ ее совершенно неотличимой отъ картины, писанной масляными красками, сообщая ей вмѣстѣ съ тѣмъ особый мягкій блескъ, свойственный шелку. Кромѣ этихъ вышитыхъ картинъ, прекрасныхъ по исполненію, но и не дешевыхъ, мое вниманіе привлекли картины изъ такъ называемаго стриженаго бархата. Бархатъ выстригается особенными ножницами на разную глубину, такимъ образомъ получается рельефный рисунокъ, который передаетъ перспективу и самые разнообразные свѣтовые эффекты.

Картины, сдѣланныя такимъ образомъ, могутъ служить украшеніемъ любой комнаты,—настолько онѣ художественны, цѣна же ихъ сравнительно дешева: въ лучшемъ магазинѣ Кіото можно пріобрѣсти такую картину за 4—6 іенъ. Въ этомъ случаѣ промышленность стала на ту ступень развитія, къ которой она стремится въ Западной Европѣ. Мюнхенскія Kunstgewerbeschulen стремятся внести художественный вкусъ въ предметы обихода, чего уже давно достигли наши дальневосточные сосѣди, у которыхъ различныя вещи домашняго обихода отличаются художественнымъ вкусомъ и изяществомъ.

Необходимо остановиться на издѣліяхъ такъ называемыхъ cloisonné. Это поистинѣ восточная работа! Различные предметы изготовляются изъ какого-то металла, по большей части изъ мѣди, которая серебрится или золотится изнутри.

Снаружи вещи покрываются слоемъ какого-то лака, по которому тонкимъ пинцетомъ размѣщаются крошечныя проволочныя колечки, изображающія различныя фигуры. Это требуетъ большого вниманія и можетъ быть приравнено къ бисернымъ работамъ, процвѣтавшимъ когда-то въ средѣ крѣпостной прислуги и въ подобной же крѣпостной жизни женскихъ монастырей. Затѣмъ пустоты этихъ колечекъ заполняются особымъ эмалевымъ составомъ и сверху наводятся лакомъ. Получается чрезвычайно нѣжный и тонкій узоръ, сдѣланный отъ руки. Трудно превзойти эти вещи по красотѣ и тонкости рисунка, но цѣна имъ довольно высока: небольшія вещи стоятъ десятки, а крупныя сотни іенъ; но для тѣхъ, кто видѣлъ производство этихъ вещей, цѣна эта не покажется чрезмѣрной. Говоря о японскихъ оригинальныхъ производствахъ, необходимо упо-

мянуть о лаковыхъ издѣліяхъ, добавивъ, что большая часть посуды въ домахъ сдѣлана изъ дерева, покрытаго японскимъ лакомъ, не боящимся ни горячей, ни холодной воды. Это лаковое производство, перенесенное въ Японію изъ Китая, доведено въ Японіи до высшей степени совершенства. Шелковыя и фарфоровыя издѣлія также изумляютъ своимъ изяществомъ. Всѣ эти произведенія имѣютъ свою историческую основу и лишь какъ историческое достояніе высококультурнаго народа они могли стать на столь высокую ступень развитія. Современная техника внесла значительное усовершенствованіе, удешевила производство, но не отняла у него его національныхъ особенностей, которыя сообщаютъ ему особую привлекательность и интересъ.

Токіо. Дорога отъ Кіото до современной столицы Японіи, Токіо, идетъ по плодороднѣйшей мѣстности, покрытой рисовыми полями, чайными плантаціями, лѣсами по вершинамъ горъ и холмовъ. Всюду виднѣются чистыя деревеньки и города. Поѣздъ огибаетъ Фузи-яму, наивысшую гору Японіи, вулканъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, и идетъ мимо Іокогамы, вдоль Токійскаго залива. Токіо раскинулся на громадное протяженіе, напоминая по площади Москву или даже превосходя ее своими размѣрами. Общій типъ японскихъ городовъ, состоящихъ изъ низенькихъ деревянныхъ домиковъ, перемѣшивается въ Токіо съ европейскими постройками и различными проявленіями европейской культуры. Узкія улицы, предназначенныя лишь для пѣшеходовъ или маленькихъ колясочекъ рикшей, сплошь ломаются и расширяются и по нимъ уже пробѣгаютъ электрическіе трамваи, постепенно завоевывающіе этотъ огромный городъ. Всюду видны лѣса, окружающіе новыя каменныя грандіозныя постройки музеевъ, парламента и другихъ общественныхъ зданій.

Когда откроется объявленная въ 1917 году всемірная выставка въ Токіо, старый Токіо останется только по окраинамъ, и трудно будетъ узнать старый городъ среди новыхъ каменныхъ многоэтажныхъ домовъ. Центръ Токіо занятъ императорскимъ дворцомъ, окруженнымъ широкимъ наполненнымъ водою рвомъ и толстыми стѣнами. Вокругъ него разбиты прекрасныя широкія улицы, обсаженныя деревьями, расположены парки и лучшія зданія въ городѣ—посольства, банки и т. д. Отъ этой центральной части во всѣ стороны раскинулся Токіо, и надъ городомъ возвышаются, доминируя надъ всѣми зданіями, красивыя очертанія русскаго собора. Ближе къ вокзалу и морю протянулась длиннѣйшая улица Ginza, главная торговая артерія японской столицы.

Эта улица носитъ на себѣ всѣ слѣды перестройки, она почти вся состоитъ изъ каменныхъ домовъ, среди которыхъ сохранились

лишь единичные домики стараго Токіо; центральная часть улицы, гдѣ идетъ трамвай, хорошо утрамбована, а края еще не замощены, такъ какъ недавно на мѣстѣ улицы стояли дома, отодвинутые теперь назадъ. Нѣсколько прекрасныхъ парковъ составляютъ украшеніе Токіо: одинъ—Ишба, съ многочисленными шинтоискими храмами, другой—Уено, съ музеями и картинной галлереей. Вблизи парка Уено расположены университетъ, ботаническій садъ, клиники и другія университетскія учрежденія.

Въ Японіи существуетъ религіозная свобода, однако большинство народа исповѣдуетъ религіозныя ученія Востока—шинтоизмъ и буддизмъ. Религія шинто болѣе древняго происхожденія; она является исконной религіей японцевъ, въ то время какъ буддизмъ введенъ изъ Кореи лишь во второй половинѣ VI вѣка нашей эры. Религія шинто очень проста въ своихъ основаніяхъ: она состоитъ въ обоготвореніи силъ природы и культа предковъ. Вѣтеръ, океанъ, огонь, горы рѣки,—все имѣетъ своихъ боговъ, число которыхъ простирается до 800 миріадъ. Главными изъ нихъ являются: богиня солнца Ата-Терасу, рожденная изъ лѣваго глаза Изанаги, который создалъ Японію; изъ его праваго глаза возникъ богъ мѣсяца. Богиня солнца была также родоначальницей современнаго дома микадо, который управляетъ Японіей съ самаго ея сотворенія, и микадо по самому своему происхожденію являются богами.

Таковы основы религіи; ея догмы не пытаются проникнуть въ нравственныя основы человѣческой природы, и ея культъ отличается простотой, а священнослужители внѣ исполненія своихъ обязанностей не отличаются ничѣмъ, даже одеждой, отъ мірянъ. Богослуженіе состоитъ изъ жертвоприношенія риса, рыбы, плодовъ, овощей и изъ молитвъ, частью восхваленій божествъ, частью же моленій, обращенныхъ къ нимъ. Молитвы читаются на древне-японскомъ языкѣ и потому непонятны для народа. Вся мораль религіи заключается въ одной короткой формулѣ: слѣдуйте природнымъ наклонностямъ и повинуйтесь повелѣніямъ микадо.

Вполнѣ естественно, что столь простая религія не могла удовлетворять духовно одаренный японскій народъ, который встрѣтилъ поэтому сочувственно введенный изъ Кореи и Китая буддизмъ и въ большинствѣ обратился къ этой религіи. Тѣмъ не менѣе старая религія шинто не была оставлена и буддистами, и въ жизни современнаго японца обѣ религіи тѣсно сплетаются вмѣстѣ. Каждый японецъ съ момента своего рожденія отдается родителями подъ покровительство какого-нибудь шинтоискаго божества; наоборотъ, къ мѣсту вѣчнаго покоя японцы отходятъ по буддійскому обряду. Введенный въ концѣ VI вѣка буддизмъ широко распространился

въ Японіи, распавшись на массу сектъ и подсектъ, считающихся десятками; и эти секты, какъ большинство сектъ другихъ религіозныхъ ученій, забыли идеальную основу первоученія и превратились въ узкія, полныя суевѣрій догмы, ставящія обрядовую сторону выше основныхъ догмъ религіи.

Въ Токіо, въ паркѣ Ишба, находятся храмы, гдѣ погребены шогуны изъ династіи Токугава, правившіе Японіей въ началѣ XVII вѣка до 1868 года, когда былъ низложенъ послѣдній изъ шогуновъ Кейки. Въ настоящее время лишь незначительная часть этихъ храмовъ уцѣлѣла отъ пожара; но и оставшіеся интересны по богатству украшеній, позолоты, по старинной стѣнной живописи, изображающей львовъ.

Я отправился прежде всего въ ботаническій садъ, лежащій въ часѣ ѣзды на рикшѣ отъ моей гостиницы. Въ Ботаническомъ институтѣ меня встрѣтилъ профессоръ Міоши, извѣстный японскій ботаникъ, труды котораго въ области явленій раздражимости у растеній создали ему большое имя среди спеціалистовъ. Проф. Міоши показалъ мнѣ Ботаническій институтъ,—довольно помѣстительное зданіе, просто, но раціонально устроенное, съ хорошей библіотекой и всѣми необходимыми учебными пособіями. Въ Ботаническомъ институтѣ Токіо я видѣлъ интересный инструментъ для рѣзанья камня—мягкая алюминіевая пластинка приводится въ быстрое вращательное движеніе и рѣжетъ какъ хлѣбъ твердую горную породу, съ заключенными въ ней частями растеній, на ровныя пластинки, которыя затѣмъ шлифуются и становятся доступными для изученія при помощи микроскопа.

Начались уже каникулы, и тихая каникулярная жизнь смѣнила обычное оживленіе въ институтѣ. Вечеромъ проф. Міоши пришелъ ко мнѣ и повелъ меня и моихъ товарищей ужинать въ японскій ресторанъ, одинъ изъ наиболѣе стильныхъ ресторановъ, съ чисто японской обстановкой. Мы пришли къ небольшому двухъэтажному деревянному домику и въ узкихъ сѣняхъ сняли свою обувь, оставшись въ однихъ чулкахъ. Поднявшись по крутой деревянной лѣстницѣ, мы прошли узкимъ коридорчикомъ и попали въ небольшую комнату, полъ которой былъ накрытъ чистыми цыновками, а вмѣсто мебели лежали подушки да стоялъ низкій черный деревянный лакированный столикъ. Всѣ стѣны были покрыты изображеніями бамбука, и, какъ сказалъ мнѣ мой ученый чичероне, эта комната носитъ названіе «бамбуковой». Особое вниманіе обращала на себя картина, изображавшая бамбукъ, нарисованный на большомъ кускѣ шелка черными матовыми тонами.

Эта картина, такъ называемое какемоно, принадлежитъ кисти

извѣстнаго художника и стоила большихъ денегъ. Дѣйствительно, рисунокъ сдѣланъ необыкновенно изящно и близко къ природѣ. Электрическій фонарь, повѣшенный подъ потолкомъ, освѣщалъ пріятнымъ свѣтомъ эту оригинальную комнату. Мы—всѣхъ было четверо—удобно расположились на подушкахъ, и скоро прислужница внесла по чашкѣ чая, за которымъ послѣдовала вкуснѣйшая уха, поданная въ деревянныхъ лакированныхъ черныхъ чашкахъ, которую приходилось пить, какъ чай изъ блюдца, черезъ край. За ухой были принесены черные закрытые лакированные ящики, въ которыхъ помѣщались куски жареной на вертелѣ рыбы, а изъ круглой лакированной коробки былъ извлеченъ рисъ. Мы вооружились палочками, перемѣшали рисъ съ рыбой и отдали должную честь этому вкусному японскому ужину, запивая его «саке», хорошимъ крѣпкимъ рисовымъ пивомъ, и превосходнымъ чаемъ. Спустившись внизъ, мы снова завладѣли нашими башмаками. На слѣдующее утро меня навѣстилъ другой японскій профессоръ, Фуджи, и мы направились на берегъ моря, чтобы осмотрѣть школу рыболовства.

Встрѣченные завѣдующимъ, докторомъ Окамура, мы могли подробно осмотрѣть эту школу. Образованіе въ Японіи проходитъ четыре ступени—низшую, среднюю, высшую и спеціальную, куда относятся университеты и другія высшія въ нашемъ смыслѣ учебныя заведенія. Средняя школа соотвѣтствуетъ приблизительно нашимъ VI классамъ гимназіи, а высшая школа, двухлѣтняя, представляетъ переходъ отъ средней школы къ университету, соотвѣтствуя лицеямъ. Въ школу рыболовства вступаютъ ученики изъ среднихъ школъ. Они тамъ обучаются не только основамъ зоологіи, ботаники и другихъ естественныхъ наукъ, но и практически изучаютъ всѣ отрасли рыболовства. Такъ, напримѣръ, тамъ имѣется лабораторія для добыванія рыбьяго жира и его очистки, лабораторія для приготовленія рыбьяго клея, для добыванія іода изъ морскихъ водорослей, мастерскія для изготовленія сѣтей, верфь для постройки небольшихъ судовъ, фабрика консервовъ, музей научной и прикладной ихтіологіи, библіотека и пр. Принимая во вниманіе, что рыба является однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ продуктовъ Японіи, нечего удивляться такой прекрасной постановкѣ дѣла обученія рыболовству. И невольно спрашиваешь себя: что сдѣлано у насъ для раціональной постановки рыбныхъ промысловъ, которыми живетъ нашъ сѣверъ? есть ли у насъ подобныя школы? охраняются ли у насъ законами и фактически промыслы и жизнь рыбы? обучается ли населеніе обращенію съ дарами природы, гдѣ человѣкъ не сѣетъ, а только собираетъ въ житницы? Громадная Сибирь даетъ ясный отвѣтъ на поставленные вопросы.

Рыбное богатство Сибири, еще недавно бывшее неисчислимымъ, таетъ съ каждымъ годомъ; наступаетъ уже оскудѣніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось быть на русскомъ сѣверѣ, на Мурманѣ, и убѣдиться, что и тамъ, несмотря на близкое сосѣдство культурнѣйшаго норвежскаго народа, наше рыболовство ведется такъ, какъ вели его отцы, дѣды и болѣе отдаленные предки современныхъ русскихъ рыболововъ. Рыба кормитъ 50-тимилліонное населеніе Японіи, она могла бы оказывать существенную услугу и русскому народу, если бы у насъ не боялись распространять знанія, основу всякаго благополучія.

Слѣдующій день въ Токіо я провелъ въ кругу ботаниковъ, профессоровъ и доцентовъ Токійскаго университета, собравшихся на квартирѣ проф. Фуджи, чтобы посмотрѣть на русскаго собрата. Этотъ визитъ далъ мнѣ возможность видѣть домашнюю обстановку японскаго интеллигентнаго человѣка, пользующагося почетнымъ именемъ среди сотоварищей по спеціальности, и провести нѣсколько часовъ среди японскихъ коллегъ. Да, дѣйствительно, японцы взяли отъ Европы все, что имъ нужно для культуры и прогресса, и сохранили свои самобытныя черты характера, свою исторически сложившуюся обстановку. Я подъѣхалъ на рикшѣ къ маленькому домику профессора. Войдя въ миніатюрную переднюю, я долженъ былъ снять обувь и въ сюртукѣ, перчаткахъ (такъ какъ японцы любятъ этикетъ), но въ однихъ чулкахъ вошелъ въ пустую комнату, устланную цыновками. Въ слѣдующей комнатѣ я уже засталъ большое общество ботаниковъ: извѣстнаго своимъ открытіемъ оплодотворенія у цикасовыхъ профессора Икено, работы котораго взволновали въ 1894 г. весь ботаническій міръ, проф. Мійаке, д-ра Тахара и нѣсколькихъ другихъ. Одни изъ гостей были одѣты по-европейски, но тоже безъ обуви, другіе оставались въ національныхъ японскихъ костюмахъ. Все общество усѣлось на полу, подложивъ подъ себя тонкія бамбуковыя подушки. Подали чай, затѣмъ рядъ закусокъ—нашихъ бутербродовъ, но съѣдобное лежало не на хлѣбѣ, а на комкахъ риса, особеннымъ образомъ приготовленнаго. Происходилъ живой разговоръ, такъ какъ у насъ, кромѣ общей спеціальности — ботаники, была общая дѣятельность — работа въ университетѣ. И въ этомъ отношеніи наши восточные сосѣди ушли далеко впередъ, и въ жизнь университетовъ Японіи не вносятся соображенія посторонняго характера, она идетъ лишь въ сферѣ чисто научныхъ интересовъ. Изъ разговоровъ за чашкой чая выяснилось, какой тяжелый путь прошла японская молодежь, учебные годы которой совпали съ ломкой японской жизни на европейскій ладъ. «Мы начали свое воспитаніе,—говорили мои собесѣдники,—еще по старому японскому по-

рядку; уже въ средней школѣ намъ пришлось обучаться и наукамъ и западно-европейскимъ языкамъ и перенимать новую культуру. Въ университетѣ насъ встрѣтили иноземные профессора, читавшіе намъ науки на разныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ намъ сколько-нибудь хорошо знакомъ. Учебники всѣ были на мало понятныхъ иностранныхъ языкахъ, и намъ приходилось одновременно учиться и наукамъ и языкамъ. Мы не помнимъ того времени, когда бы мы отдыхали... Теперь же все поставлено значительно лучше. Профессора почти всѣ японцы, преподаваніе идетъ на родномъ языкѣ, учебники напечатаны по-японски; для нашихъ учениковъ настали болѣе благопріятныя времена». Радушный хозяинъ пожелалъ снять съ насъ фотографію. Въ одну минуту были раздвинуты стѣны дома, сидящіе получили равномѣрное освѣщеніе, и снимки удались хорошо. Я удивлялся и простотѣ конструкціи японскаго дома, и выносливости его обитателей, остающихся безъ печей иногда при небольшомъ морозѣ, и умѣренности японской жизни, дающей возможность малыми средствами удовлетворять всѣ главныя потребности.

Въ тотъ же день вечеромъ приходилось уѣзжать изъ Токіо въ Цуругу, гавань на востокѣ Ниппона, откуда поддерживается правильное сообщеніе съ Владивостокомъ пароходами Добровольнаго флота и одной японской компаніи. Лишь семь дней пробылъ я въ Японіи, получивъ возможность взглянуть, какъ говорится, только однимъ глазомъ на эту интересную страну; большая ея часть осталась мнѣ совершенно неизвѣстной, но и то, что пришлось видѣть и узнать, даетъ нѣкоторое представленіе о нашихъ дальневосточныхъ сосѣдяхъ. Нечего и говорить, что Японія является вполнѣ культурной страной, умѣющей использовать свои природныя богатства настолько, насколько позволяютъ современныя условія, но вполнѣ очевидно и то, что Японія является бѣдной страной, которая лишь съ трудомъ можетъ прокормить свое все возрастающее народонаселеніе. Японіи безусловно необходимо расширять свою территорію и пріобрѣтать рынки для сбыта своихъ фабрикатовъ. Лишь $^1/_5$—$^1/_6$ всей площади Японіи является годной для культуры, все остальное—горы, гдѣ можетъ расти только лѣсъ. Земля, годная для обработки, воздѣлана до высокой степени совершенства; урожаи риса, чая и другихъ сельскохозяйственныхъ растеній врядъ ли могутъ быть подняты; рыболовство и рыбоводство также даютъ большое подспорье для пропитанія народа, но все же ближайшее будущее ставитъ передъ японцами рядъ насущныхъ вопросовъ. Продолжительныя бесѣды съ проф. сельскохозяйственной экономики Токійскаго университета, бывшимъ моимъ спутникомъ отъ Цуруги до Тулы, дали мнѣ возможность узнать, какъ смотрятъ японцы на эти вопросы.

Согласно мнѣнію моего спутника, Японія и ея владѣнія—Формоза и Корея—способны удовлетворить приросту населенія по крайней мѣрѣ въ теченіе 25 лѣтъ или даже болѣе, принимая во вниманіе улучшеніе способовъ культуры и развитіе промышленности, которая должна привлечь къ себѣ многія силы; но и теперь не мѣшаетъ уже подумать о будущихъ мѣстахъ, годныхъ для заселенія. Австралія, Сѣв. Америка не принимаютъ переселенцевъ желтой расы; остаются необозримыя равнины Ю. Америки, главнымъ образомъ Аргентины, которая гостепріимно открываетъ свои двери для всѣхъ пришельцевъ. Болѣе 100 милліоновъ акровъ прекрасной земли остаются въ Аргентинѣ еще незаселенными, и туда направляютъ свои взоры японцы. Дѣлаются уже первыя попытки японской колонизаціи Аргентины и устанавливается правильное сообщеніе между Японіей и Ю. Америкой. И близкая къ японцамъ Сибирь кажется имъ, навѣрное, лакомымъ кускомъ, тѣмъ болѣе что они по недавнему опыту знаютъ, что Сибирь сама по себѣ врядъ ли можетъ оказать имъ какое-либо энергичное сопротивленіе. Такимъ образомъ завоевательныя наклонности Японіи не лежатъ въ какомъ-то рыцарскомъ духѣ ея населенія, а диктуются роковой необходимостью, вопросами, связанными съ возможностью существованія все увеличивающагося населенія. Это требованіе голода способно уничтожить всѣ препятствія и будетъ неуклонно управлять всей политикой націи до тѣхъ поръ, пока не будетъ утоленъ земельный голодъ страны. И намъ, ближайшимъ сосѣдямъ Японіи, остается противопоставить ея стремленіямъ не только силу штыковъ, но прежде всего силу культуры, знанія, развитія.

Увы! Сибирь и вся тактика нашего управленія показываютъ, что скорѣе насъ можно завоевать, чѣмъ мы сдѣлаемся культурной страной.

Глава XIV.

Возвращеніе домой. Цуруга—Харьковъ.

Въ Цуругѣ насъ ожидалъ «великолѣпный быстроходный», какъ его аттестовали рекламы въ путеводителяхъ, пароходъ Добровольнаго флота.

Къ большому нашему изумленію мы увидѣли маленькій грязный и старый пароходъ «Gouverneur Jeschke», на которомъ, кромѣ одного представителя Добровольнаго флота, всѣ остальные люди, начиная съ капитана и кончая боцманомъ, говорили по-русски только «ничего», «карошо», да и то потому, что князь Бисмаркъ въ бытность

свою посланникомъ въ Петербургѣ вывезъ изъ Россіи слово «ничего», которымъ онъ охарактеризовалъ всю русскую жизнь. Пароходъ оказался нѣмецкимъ Hamburg—Amerika-Linie, арендованнымъ Добровольнымъ флотомъ, чтобы не лишиться субсидіи, такъ какъ Добровольный флотъ долженъ поддерживать правильные рейсы между Владивостокомъ и Японіей. Говорятъ, что собственные пароходы флота еще строятся. Самъ по себѣ пароходъ былъ малъ, грязенъ, его кухня была только посредственной, и вышеприведенные эпитеты могли быть отнесены къ какому угодно другому пароходу, но во всякомъ случаѣ не къ этому. Выйдя изъ Цуругской бухты, пароходъ идетъ нѣкоторое время вдоль берега Ниппона, а затѣмъ беретъ курсъ на сѣверо-западъ и выходитъ въ открытое море. Японское море волновалось, утлая посудина прыгала на волнахъ, и въ первый разъ во время восьмидесятидневнаго плаванія, которое мнѣ пришлось перенести, я почувствовалъ приступы морской болѣзни. Раннимъ утромъ на второй день послѣ выхода изъ Цуруги показались очертанія о-ва Аскольда, и вскорѣ пароходъ вошелъ въ живописную бухту Владивостока. День былъ ясный, и высоты, окружающія Владивостокъ, были видны очень хорошо. По склону гористаго берега расположенъ Владивостокъ, производящій съ моря впечатлѣніе большого города.

Многочисленныя суда стояли на рейдѣ, въ числѣ ихъ пятитрубный «Аскольдъ» выдѣлялся своимъ массивнымъ темнымъ тѣломъ. «Аскольдъ»—единственное изъ большихъ судовъ, уцѣлѣвшее отъ недавняго разгрома, но и онъ, какъ говорили моряки, ѣхавшіе со мной въ поѣздѣ, сейчасъ не многаго стоитъ: онъ устарѣлъ, а его вооруженіе совершенно недостаточно. Владивостокъ производитъ впечатлѣніе новаго города, недавно призваннаго къ жизни. Есть прекрасные дома, цѣлыя недурно обставленныя улицы, какъ, напримѣръ, главная улица Свѣтланская и Алеутская, но главный оригинальный признакъ русскаго города—отвратительныя мостовыя—свойственъ и Владивостоку. Тучи пыли, поднимающіяся съ грязныхъ, мало подметаемыхъ и поливаемыхъ улицъ, впервые встрѣтили насъ здѣсь послѣ восьмимѣсячнаго отсутствія изъ предѣловъ Россійскаго государства. Въ гостиницѣ мы, по русскому обычаю, были ободраны, какъ липки. Несмотря на дешевую сравнительно жизнь въ городѣ и невысокую цѣну пищевыхъ продуктовъ, болѣе низкую, чѣмъ въ средней Россіи, съ насъ взяли за маленькую комнату съ тремя постелями 7 р. 50 коп. за одну ночь; за суточный пансіонъ самаго средняго качества, безъ вина, намъ втроемъ пришлось заплатить 23 рубля! Первый признакъ некультурности города и страны,—такихъ цѣнъ не было въ самыхъ лучшихъ отеляхъ Явы, Сингапура,

Японіи! Побродивъ вечеръ и утро по Владивостоку, мы сѣли въ вагонъ скораго поѣзда Китайско-Восточной дороги, который долженъ былъ довезти насъ до Иркутска. Нужно отдать справедливость чистотѣ и удобству этого поѣзда, гдѣ чувствуешь себя, какъ дома, и легко переносишь долгое путешествіе по Манчжуріи и Сибири; но и тутъ встрѣтилось одно обстоятельство, заставившее меня выразить недоумѣніе: въ поѣздѣ ѣдетъ особый начальникъ поѣзда, занимающій цѣлое отдѣленіе, т.-е. не меньше двухъ мѣстъ. Если принять во вниманіе, что цѣна билета II класса отъ Владивостока до Москвы равна 210 р., то уже своимъ присутствіемъ въ два конца начальникъ поѣзда приноситъ болѣе 400 р. убытку. Для чего уже онъ находится въ поѣздѣ, осталось для насъ невыясненнымъ. Обыкновенно билеты на скоромъ поѣздѣ разбираются за нѣсколько дней до отхода его, и по самой постановкѣ дѣла присутствіе «зайцевъ» въ этихъ нумерованныхъ вагонахъ невозможно. Я думалъ, что начальникъ поѣзда существуетъ для того, чтобы оказывать услуги иностранцамъ, проѣзжающимъ черезъ Сибирь и составляющимъ въ періодъ лѣтняго движенія болѣе $^3/_4$ всѣхъ пассажировъ. Но оказалось, что начальникъ поѣзда, который сопровождалъ поѣздъ до Москвы, не изъяснялся ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ русскаго, прибѣгая къ помощи пассажировъ въ случаѣ необходимости объясниться съ иностранцами. Прислуга въ вагонѣ-ресторанѣ, которая также понимала только по-русски, пользовалась безпомощнымъ положеніемъ иностранцевъ, приписывала лишнія деньги къ счетамъ (чему я самъ былъ свидѣтелемъ). Казалось бы, задача начальника поѣзда, разъ хотятъ Сибирской дорогѣ придать значеніе мірового транспортнаго пути, и должна заключаться въ оказываніи услугъ иностранцамъ, но очевидно она понимается иначе. Чтобы покончить съ поѣздомъ, остается сказать еще одно слово. Насколько хорошъ, чистъ и удобенъ поѣздъ Китайско-Восточной дороги, настолько поражаетъ своей грязью и потертостью Сибирскій поѣздъ, идущій отъ Иркутска до Москвы. Онъ былъ очевидно когда-то очень хорошъ, но сейчасъ въ него противно входить изъ элегантнаго поѣзда Китайской дороги. Лучше всѣхъ работаетъ поѣздъ международнаго общества, гдѣ иностранцы пользуются услугами говорящихъ на французскомъ языкѣ проводниковъ и лакеевъ. И этотъ поѣздъ, хотя онъ и дороже рублей на восемнадцать, бываетъ, какъ говорятъ, переполненъ.

Изъ Владивостока поѣздъ идетъ долгое время берегомъ моря, среди лѣса, по прекрасной, но почти необитаемой странѣ. Только и видишь солдатъ, которые охраняютъ линію и размѣщены въ разныхъ ея мѣстахъ. За станціей Пограничной поѣздъ входитъ въ предѣлы Китайской имперіи, въ Манчжурію, и идетъ сначала лѣсистой

и холмистой мѣстностью, а затѣмъ долгое время—степью. И здѣсь также поражаетъ пустынность мѣстъ, изрѣзанныхъ полотномъ жел. дороги. Цѣлыми часами не видно поселеній, и роскошная, покрытая цвѣтами степь не оживлена даже стадами скота.

Манчжурская степь необыкновенно красива. Безчисленное количество розовыхъ и красныхъ лилій, синіе ирисы, оранжево-желтыя купальницы, лютики и масса другихъ яркихъ цвѣтовъ покрываютъ ее и напоминаютъ своимъ видомъ альпійскій лугъ.

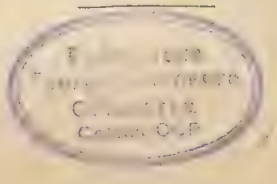
Около Харбина мѣстность нѣсколько населеннѣе, а самъ Харбинъ представляетъ собой уже большой городъ, лежащій на многоводной Сунгари, покрытой пароходами. Отъ Харбина идетъ дорога къ югу до Портъ-Артура и Дальняго, Инкоу, Тянцзина и Пекина, но въ нашихъ рукахъ находится только небольшой ея участокъ до Куаньченцзы, остальная часть отошла къ японцамъ и находится въ рукахъ китайцевъ. Невольно начинаешь разспрашивать у мѣстныхъ жителей-офицеровъ, ѣхавшихъ съ нами въ поѣздѣ, и другихъ лицъ о настоящемъ положеніи этого края, покупаешь мѣстныя карты — и въ результатѣ всего этого получается тяжелое, неизгладимое впечатлѣніе. Дорога, на которую были затрачены многіе милліоны народныхъ денегъ, работаетъ съ большимъ убыткомъ; не говоря о слабомъ пассажирскомъ движеніи, которое лишь изрѣдка даетъ прибыль, товарное движеніе почти отсутствуетъ на ней и въ день проходитъ всего лишь по два товарныхъ поѣзда. Но и этого мало. Китай проснулся, со всѣхъ сторонъ приходится слышать о пробужденіи китайскаго народа. Въ китайской мѣстности видишь хорошо одѣтыхъ, сильныхъ и крѣпкихъ китайскихъ солдатъ, китайцы ввели всюду таможни и сколько могутъ стѣсняютъ ими русскую торговлю и русскій ввозъ; правый берегъ Амура заселяется китайскими семьями съ лихорадочной поспѣшностью, китайцы все болѣе и болѣе сжимаютъ русскую дорогу, идущую по ихъ землѣ, и близко время, когда въ силу обстоятельствъ придется отдать ее китайцамъ, борьба съ которыми съ каждымъ годомъ становится все труднѣе и труднѣе. Неудержимая волна пробудившейся массы этого въ высокой степени трудолюбиваго и одареннаго народа смоетъ всѣ посторонніе наносы, и нужно только опасаться, чтобы этотъ разливъ не зашелъ слишкомъ далеко и не перешелъ бы границы чужой земли. Послѣ продолжительнаго наблюденія надъ китайцами на Явѣ и другихъ островахъ Малайскаго архипелага, послѣ знакомства съ ними въ Китаѣ я вынесъ мнѣніе, что скоро Китай станетъ на тотъ путь, на которомъ Японія такъ блестяще сдѣлала свою международную карьеру, и плохо будетъ тѣмъ, кто урывалъ клочки отъ Китая, когда онъ еще не могъ защитить себя. Мнѣ думается, что судьба нѣмец-

кихъ, англійскихъ и другихъ иноземныхъ колоній на китайской территоріи уже предрѣшена, предрѣшена и судьба Манчжуріи, которая скоро превратится въ цвѣтущую и заселенную китайскую провинцію.

Послѣ станціи Манчжурія, гдѣ проѣзжающихъ путешественниковъ нестерпимо мучаетъ русская таможня, въ то время какъ караваны товаровъ проходятъ, минуя таможни, начинается Забайкалье, открываются чудные виды, тянущіеся до самаго «моря»—Байкала. Поѣздъ приходитъ туда ночью, становится холодно, несмотря на ясный и жаркій день, который былъ передъ этимъ.

Въ Танхоѣ—снова таможня; снова заставляютъ ѣдущихъ развязывать свои чемоданы,—это приходится путникамъ продѣлать въ четвертый разъ на пути изъ Цуруги: во Владивостокѣ, на ст. Пограничной, въ Манчжуріи и Танхоѣ. Вскорѣ послѣ Танхоя, обходя Байкалъ съ юга, поѣздъ подходитъ къ Иркутску, гдѣ стоитъ довольно долго и происходитъ пересадка. Къ сожалѣнію, не было времени ознакомиться съ этимъ главнымъ центромъ Восточной Сибири. Отъ Иркутска дорога идетъ по тайгѣ и по границѣ таежной области.

Дорога очень живописна, мѣстность заселена значительно гуще, чѣмъ Забайкалье. У станціи Черемхово находятся каменноугольныя копи, лежащія около самаго полотна жел. дор. Паровозы запасаются здѣсь углемъ (около 700 пуд.), который нагружаютъ при помощи остроумныхъ приспособленій въ теченіе 5—8 минутъ. Между Иркутскомъ и Челябинскомъ всюду идутъ работы по прокладкѣ второго пути, и дорога производитъ впечатлѣніе порядка. Очень красива мѣстность подъ Красноярскомъ, гдѣ поѣздъ идетъ по высокому мосту черезъ могучій Енисей, текущій въ высокихъ гористыхъ берегахъ, заросшихъ мрачной тайгой. Сибирская дорога сильно измѣнила жизнь территоріи, по которой она проходитъ: прежніе цвѣтущіе центры, обойденные дорогой, постепенно падаютъ; наоборотъ, разрастаются другіе новые города, лежащіе близъ линіи. Омскъ, бывшій лишь административнымъ центромъ, является въ настоящее время однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Сибири; на Оби выросъ Ново-Николаевскъ, насчитывающій теперь около 50 тысячъ жителей, изъ небольшого поселка, бывшаго на его мѣстѣ до проведенія дороги. Еще не доѣзжая до Омска поѣздъ переходитъ въ степную область и идетъ по Барабинской степи. Въ Челябинскѣ, куда приходитъ поѣздъ поздно вечеромъ, кончается Великій Сибирскій путь. Вскорѣ послѣ него поѣздъ подымается на Уральскій хребетъ и спускается по живописнымъ склонамъ Урала въ степи восточной Россіи. Начинаются знакомыя, уже видѣнныя въ прежніе годы мѣста, родныя картины. Путешествіе оканчивается. Послѣ восьмимѣсячнаго отсутствія снова находишься въ центрѣ русской жизни.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 1
Глава I. Отъ Харькова до Бейтензорга 5
„ II. Бейтензоргъ 27
Ботаническій садъ 38
Жизнь въ Бейтензоргѣ 54
„ IV. Окрестности Бейтензорга, горный садъ и лѣсъ въ Tjibodas . . 67
„ V. Тысяча острововъ 92
„ VI. Черезъ Яву съ запада на востокъ 96
„ VII. Физико-географическій очеркъ Малайскаго архипелага 114
„ VIII. По островамъ архипелага отъ Явы до Ару 120
„ IX. На Аруанскомъ архипелагѣ 141
„ X. Острова Аруанскаго архипелага 156
„ XI. Ванумбай, снова Доббо 181
„ XII. Возвращеніе домой. Отъ Доббо до Нагасаки 189
„ XIII. Недѣля въ Японіи. (Нагасаки, Кобе, Кіото, Токіо, Цуруга.) . . 201
„ XIV. Возвращеніе домой. Цуруга—Харьковъ 214

Изданія „НАУЧНАГО СЛОВА“.

„Памяти Дарвина“. Сборникъ статей профессоровъ: Умова, Тимирязева, Мечникова, Ковалевскаго, Мензбира и Павлова. Съ фототип. портретами и рисунками. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 75 к.

И. И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. 3-ье дополненное изд. съ портр. автора, рисунками и предислов. **проф. Н. А. Умова.** Цѣна 2 р.

И. И. Мечниковъ. Этюды оптимизма. Съ 27 рисунками и предисловіемъ къ русскому изданію. Изд. 2-ое. Цѣна 2 руб.

Н. В. Сперанскій. Вѣдьмы и вѣдовство. Цѣна 1 руб. 40 коп.

М. М. Покровскій. Очеркъ по сравнительной исторіи литературы (романъ Дидоны и Энея и его римскіе подражатели). Цѣна 60 коп.

Г. К. Рахмановъ. Основы метеорологіи. Съ рисунк. и климатолог. картами. Краткій курсъ для студ. Изд. 2-ое. Цѣна 1 руб.

Д. М. Петрушевскій. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Изд. 2-ое. Цѣна 1 руб. 70 коп.

Ю. И. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Съ фототип. портретами писателей. Выпускъ I. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 20 к. Вып. II. Цѣна 1 руб. 25 коп. Вып. III (послѣдній). Ц. 1 р. 10.

Ю. И. Айхенвальдъ. Пушкинъ (извлеч. изъ 2-го изд. I вып. „Силуэтовъ“). Цѣна 80 коп.

Ю. И. Айхенвальдъ. Этюды о западныхъ писателяхъ. Съ 7-ью фототип. портретами писателей (больш. формата). Цѣна 1 р. 80 коп.

И. М. Сѣченовъ. Автобіографическія записки. Съ предисловіемъ **проф. Н. А. Умова** и портр. авт. Цѣна 1 руб. 30 коп.

П. П. Муратовъ. Образы Италіи. Съ 15 иллюстраціями. Цѣна 2 р. 25 к. Готовится къ печати часть II.

„Освобожденіе крестьянъ—дѣятели реформы“. Въ сборникѣ участвуютъ профес. и преподав. Московскаго университета. Къ характеристикамъ дѣятелей приложены портреты (фототип. воспроизведенія гравюръ, заимствованныхъ изъ коллекц. Румянцевскаго музея). Цѣна 3 р., въ переплетѣ 3 р. 20 к.

Всѣ книги высылаются наложеннымъ платежомъ; пересылка за счетъ издательства.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при покупкѣ у издателя пользуются скидкой 20%; при коллективной выпискѣ имѣютъ ту же скидку, при чемъ стоимость пересылки начисляется. Книгопродавцы могутъ получать съ издательской скидкой также у слѣдующихъ московскихъ фирмъ: Карбасниковъ, Башмаковы, Вольфъ, Суворинъ и „Образованіе“.

Комплектъ журнала „Научное Слово“ сохранился только за 1905 г. Цѣна 4 р. 50 к. Отдѣльные №№ за другіе годы изданія продаются по 35 коп. каждый (безъ пересылки).

Складъ всѣхъ книгъ и нумеровъ журнала у издателя: Москва, Нѣмецкая улица, соб. домъ, Георгій Карповичъ Рахмановъ. Телеф. 1—97.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Москва.
1911.

Д 21 3/87